

М. Н. Филатов
А. И. Рябов

**ФАШИЗМ
80-Х**

М. Н. Филатов
А. И. Рябов

ФАШИЗМ 80·Х

(Политический анализ
современного ультраправого,
крайне реакционного движения
в странах Западной Европы)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент —

Е. Д. Модржинская, доктор философских наук (Москва)

Филатов М. Н., Рябов А. И.

Ф 30 Фашизм 80х.—Алма-Ата: Қазақстан, 1983.—352 с.

1945 год подвел историческую черту под зловещими планами фашизма поработить планету, перекрасить карту мира в коричневые тона антикоммунизма, антидемократизма и расизма. Однако корни фашизма не были окончательно уничтожены. Ныне фашистские и фашистского типа партии и группировки существуют почти в 60 странах капиталистического мира, выступая в авангарде крайней империалистической реакции. Авторы разоблачают классовую сущность фашизма 80-х гг., раскрывают социально-психологический инструментарий, пути и методы внедрения его пропаганды в массовое сознание, показывают обреченность идеологии фашизма.

Рассчитана на преподавателей общественных наук, пропагандистов и лекторов, а также на читателей, интересующихся данной проблемой.

Ф $\frac{0302030900-146}{401(05)-83}$ 79—83

66.68

© Издательство «Қазақстан», 1983 г.

История развития марксизма-ленинизма характеризуется непрерывной бескомпромиссной борьбой против различных форм буржуазной идеологии. И эта борьба, несмотря на изменение средств и методов, все более обостряется. Силы реакции в противоборстве двух социальных систем представлены множеством политических партий, групп и группировок. Одни из них имеют историю, измеряемую десятилетиями, другие недолговечны. Но какую бы теорию, доктрину они ни проповедовали, при всем различном оформлении их объединяет общая идеологическая основа — антикоммунизм.

В теории и практике антикоммунизма фашизму отведено особое место, определяемое его активной ролью в политической реакции, характерной, по словам В. И. Ленина, для империализма в целом¹. Фашизм — это выражение острого социального и политического кризиса капитализма. Эта форма используется тогда, когда традиционная для капиталистических стран система власти по тем или иным причинам оказывается несостоятельной. Фашизм — это попытка правящего класса дать в условиях кризиса буржуазной системы социальный и политический ответ на потребности развития производительных сил, представляющий собой альтернативу социализму, или, говоря иначе, превентивная контрреволюция, маскируемая под революцию.

Выйдя на политическую арену, фашизм стремится выявить подспудно действующие и смутно осознаваемые массами потребности в материальном благополучии, обеспеченности работой и т. д., чтобы направить их в антикоммунистическое, антидемократическое и шовинис-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 164.

тическое русло и использовать в своих интересах. В условиях нацистской Германии и фашистской Италии фашисты практически первыми среди буржуазных партий применили в широких масштабах методы манипулирования массами, ставшие неотъемлемым инструментом идеологического обалванивания широких слоев населения.

Как известно, идеология может стать системой ценностной ориентации масс при условии удовлетворения двум основным требованиям: быть тесно связанной с повседневной практической деятельностью воплощающих ее институтов и давать реально осязаемые результаты. Чем эффективнее эти результаты, тем надежнее и прочнее влияние идеологии на сознание масс. К. Маркс и Ф. Энгельс определили идеологию как совокупность взглядов, основанных на общих мировоззренческих предпосылках и систематизированных в видах идеологии (политические взгляды, право, мораль, философия и т. п.), отражающих объективные материальные отношения с позиций интересов определенных классов. Это отражение может быть правильным, научным или превратным, извращенным².

Идеология фашизма, как об этом свидетельствует история, искаженно отражает социальные процессы. Это, однако, не означает, что она была только чудовищным заблуждением, под власть которого попали миллионы людей. Идеология фашизма постоянно мифологизировала злободневно-реальные проблемы масс в соответствии со своей целевой установкой. «Особенность фашизма, в частности, состоит в том,— отмечает советский историк А. А. Галкин,— что в отличие от многих других буржуазных политических течений он придавал и придает огромное значение идеологическим вопросам, считая идеологию важнейшим условием успешной массовой пропаганды»³. Анализ политической идеологии фашизма показывает, что она с самого начала не отвечала ни одному из критериев, определяющих идеологию научную. Для нее характерны априорность посылок, несовместимость отдельных ее частей, беспринципная смена лозунгов. Однако эти особенности, облегчавшие критику политической идеологии фашизма, не только не ослабляли ее

---

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 370, 294, 419—420.

³ Галкин А. А. Социология неофашизма. М., 1971, с. 25.

воздействие, но, напротив, в ряде случаев обуславливали ее эффективность⁴.

В 1946 г. все прогрессивное человечество восприняло как акт справедливого возмездия известие об осуждении в Нюрнберге главных фашистских преступников. Один из них, нацист Альфред Розенберг, незадолго до приведения в исполнение смертного приговора заявил: «Через 15 лет о нас заговорят вновь, а через 20 лет фашизм снова станет силой»⁵. Что это — пророчество или предсмертный бред фанатика-убийцы? Можно ли говорить о реальности фашистской угрозы в Европе сегодня, спустя более тридцати лет после капитуляции «третьего рейха» и смерти Гитлера и Муссолини?

Оказывается, можно.

В наши дни партии и группы фашистского толка существуют почти в 60 капиталистических странах⁶. Более того, усиливающийся кризис капиталистической системы, обострение внутренних социальных конфликтов не только способствуют деятельности реакционных, крайне правых антикоммунистических политических организаций, но и порождают их. В условиях переживаемого всей капиталистической системой кризиса современный фашизм — неофашизм все чаще заявляет о себе не только в Европе, но и на других континентах. Вместе с тем изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма, политика мира, проводимая СССР и странами социалистического содружества, активная борьба рабочего класса капиталистических стран за демократию и прогресс, рост демократического движения на нашей планете в целом заставили современный фашизм модифицироваться. Он поставлен перед необходимостью искать и выработать новые формы и методы деятельности.

Обычно понятием «неофашизм» определяют многообразные и зачастую внешне мало похожие друг на друга праворадикалистские движения. Различия между ними проявляются во многом: и в трактовке исторических событий, и в оценке конкретных задач, и в программных лозунгах, и в провозглашаемых целях. Однако при всем этом многообразии в праворадикалистском лагере к на-

⁴ См.: там же, с. 54.

⁵ Seton-Watson Ch. Fascism in Contemporary Europe.— European Fascism. London, 1968, p. 337.

⁶ См.: Sowjetunion heute. Wien, 1981, Nr. 9, S. 8.

стоящему времени более или менее четко обозначились два основных направления. *Первое* представляет собой лишь слегка трансформированный «канонический» фашизм, на позициях которого в Западной Европе остались небольшие группы участников фашистских движений 30—40-х гг.— так называемое «фашистское твердое ядро». Уцелев после разгрома фашизма, они стремятся сохранить все, что только возможно из идеологического и политического арсенала германского национал-социализма и итальянского фашизма. Это те, кого Морис Бардеш, западноевропейский неофашистский идеолог, охарактеризовал как «потерянных солдат, которые узнают друг друга во мраке несправедливости и ненависти, возвращают себя на скопированных пропагандистских газетенках и распевают военные песни гитлеровских времен»⁷. Представители «фашистского твердого ядра», целиком отвергая Европу послевоенных лет, пытаются навязать общественному мнению мысль о необходимости реабилитации поверженных фашистских режимов, их лидеров и солдат, всех «жертв нюрнбергской несправедливости». Однако их политическая значимость невелика. Слишком очевидная связь с бесславным прошлым мешает им вербовать сторонников, а догматизм не позволяет приспособиться к изменившимся условиям современного мира.

В обстановке обострения внутренних противоречий капитализма в серьезную и реальную угрозу миру и социальному прогрессу могут превратиться возникшие после второй мировой войны во многих капиталистических странах крайне правые течения, которые стоят в оппозиции даже к самым консервативным правительствам, функционирующим в рамках буржуазно-парламентской системы. Примечательно, что эти течения, образующие *второе* направление современного правого радикализма, всячески стараются скрыть свою истинную сущность. Их названия редко напоминают партии и организации времен Гитлера и Муссолини, они отвергают — если не полностью, то частично — практику «канонического» фашизма, многие из них отрицают преемственную связь с ним и всеми способами стараются избавиться от скомпрометировавших себя теоретических догм и политических лозунгов. От групп «фашистского твердого яд-

---

⁷ European Fascism, p. 338.

ра» они отличаются стремлением приспособиться к реальной политической ситуации и использовать в своих интересах те или иные кризисные явления капиталистической действительности.

Но какими бы политическими лозунгами ни прикрывались современные фашисты, узнать их можно без труда. Это те, кто призывает к установлению в европейских странах тоталитарных режимов, кто пытается толкнуть буржуазные правительства к проведению политики с «позиций силы». Это оголтелые антикоммунисты, выступающие в авангарде реакционных сил, противников международной разрядки. Отмеченные характеристики дают «все основания применять в отношении праворадикальных движений термин «неофашизм», постоянно имея в виду специфику явления»⁸.

Несмотря на стремление монополистического капитала любыми путями задержать необратимый процесс распада старого строя, середина 70-х гг. была ознаменована позитивными сдвигами на международной арене. Потерпели поражение фашистские режимы в Греции, Португалии и Испании. Успех проводимой Советским Союзом и другими странами социалистического содружества политики мира, разрядки международной напряженности выбивает почву из-под ног реакционных сил, сужает возможности их маневров, ограничивает попытки установления в отдельных странах диктаторских режимов, подавляющих свободу и демократию. И тем не менее опасность прихода к власти реакции отнюдь не устранена.

Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, произошло «дальнейшее обострение общего кризиса капитализма... Заметно обострились социальные противоречия... активизировались противники разрядки, ограничения вооружений, улучшения отношений с Советским Союзом и другими странами социализма»⁹. В политической жизни капиталистических стран, в том числе в Западной Европе, наметился угрожающий сдвиг вправо. Проявляется этот сдвиг в укреплении правых фракций в буржуазных партиях, в перемещении ряда таких партий с правоцентристских на крайне правые позиции. Не в последнюю очередь он выражается в активизации правожестремист-

---

⁸ Галкин А. А. Социология неофашизма, с. 134.

⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20.

ских группировок, подпольных террористических неофашистских организаций. Взрывы бомб, произведенные террористическими группами в ряде западноевропейских городов в 1980 г. (Болонья, 2 августа — 84 убитых, 260 раненых; Мюнхен, 26 сентября — 13 убитых, 213 раненых; Париж, 3 октября — 4 убитых, 12 тяжелораненых), попытка государственного переворота правой военщины в феврале и неофашистского мятежа в июне 1981 г. в Испании показали, что неофашисты готовы пойти на любые действия, пытаясь вновь утвердить себя в качестве весомой политической силы. Эти акции неофашистов — трагическое свидетельство несостоятельности тезиса о том, что фашизм — «преодоленное прошлое»¹⁰.

Исследуя неофашистскую идеологию как систему ценностной ориентации, можно обнаружить, что она и в наши дни дает возможность неофашистским теоретикам свободно манипулировать социально-психологическими требованиями тех категорий населения, которые поддерживают неофашизм и отдают ему свои голоса. Но эта идеология также является мировоззрением определенных кругов правящего класса, стремящихся использовать реакцию и, прежде всего, неофашистское движение в качестве альтернативы объективному процессу замены капиталистического общественного строя социалистическим. Пытаясь воспрепятствовать этому исторически закономерному процессу, империализм прибегает к экономическому, политическому, военному и идеологическому оружию, подходя не слишком щепетильно к отбору средств идеологической обработки трудящихся. Именно в этой области важную роль и выполняют фашизм и неофашизм.

Наметившееся в конце 70-х гг. широкое идеологическое наступление правых непосредственно направлено на обработку сознания масс в соответствии с новой ситуацией, сложившейся в странах Запада, и изменившейся глобальной стратегией империализма, в рамках которой ведется подготовка к замене реально существующей формы политического господства и предпринимаются попытки через широкое использование репрессивных методов теснее приблизить парламентско-демократическое государство к образцам авторитарного. Причины активизации неофашистов в конце 70-х — начале 80-х гг. следу-

---

¹⁰ Новое время, 1980, № 48, с. 22—23; Правда, 1982, 22 февраля.

ет рассматривать, как уже отмечалось, в прямой связи с углублением общего кризиса капитализма, с обострением международной обстановки, спровоцированным агрессивными действиями империализма.

На пражском совещании (январь 1983 г.) Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора подчеркивалось, что именно по вине реакционных империалистических кругов «в последнее время... развязана широкая кампания против социалистических стран, национально-освободительного и других прогрессивных движений, цель которой — оправдать политику конфронтации и гонки вооружений, попрания независимости различных государств, вмешательства в их внутренние дела... Эта политика идет вразрез с законными, общепризнанными правами всех людей и народов, и прежде всего — их правом на жизнь»¹¹.

Такая политика, естественно, создает благоприятную почву для деятельности праворадикалистских, и в том числе неофашистских, сил, которые всегда паразитировали на страхе, недоверии, вражде между народами. На руку неофашизму также и кризис политических институтов буржуазного общества, его традиционной системы власти, изменение социальной структуры, вызванное разорением мелкой буржуазии, средних слоев, хроническая массовая безработица, крах идеи «модернизированного» капитализма, способного, по мнению буржуазных идеологов, создать общество «всеобщего благоденствия». Возрастание праворадикалистской угрозы, с одной стороны, — показатель слабости капитализма. Но, с другой, оно — «свидетельство недостаточного использования революционным рабочим движением возможностей, порождаемых этой слабостью, раздробленности сил, противостоящих напору справа»¹².

Учитывая исторический опыт прошлого, коммунистические партии, все демократические силы активно выступают против правой опасности. Важное значение имеет и идейно-теоретическая борьба с фашизмом за овладение сознанием широких народных масс. В этой борьбе коммунисты используют широкий арсенал средств: политическую мобилизацию масс, антифашистские забастовки и

---

¹¹ Политическая декларация государств — участников Варшавского Договора. — Правда, 1983, 6 января.

¹² Г а л к и н А. А. Социология неофашизма, с. 165.

манифестации, разоблачение происков крайне правых в рамках буржуазно-демократических институтов. Развитие революционного движения в послевоенный период показывает, что коммунисты готовы сотрудничать со всеми, кто может и должен внести свой вклад в действенный отпор проискам международной реакции. В частности, этот призыв был адресован с трибуны XXVI съезда КПСС к обладающей значительным политическим весом современной социал-демократии, которая «могла бы больше делать для защиты жизненных интересов народов и прежде всего для укрепления мира, оздоровления международной обстановки, для отпора фашизму и расизму, наступлению реакции на политические права трудящихся»¹³.

Международное коммунистическое движение со времени возникновения фашизма решительно разоблачает его классовую сущность, псевдонаучный, антинародный характер фашистской идеологии, основу которой составляют антикоммунизм, национализм, расизм, милитаризм и антидемократизм, формирующие идеологический фундамент современного неофашизма. Изучение идеологии и практики последнего, выявление реальных возможностей его угрозы — актуальная задача коммунистических и рабочих партий, всех демократических сил и сегодня.

Важный вклад в решение этой задачи внесла международная дискуссия на тему «Современный фашизм и реальность его угрозы», проведенная по инициативе коммунистических партий ряда стран (Эссен, 1973 г.). В ходе дискуссии была выработана общая основа анализа современного фашизма, подтверждена его характеристика как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁴ и сформулировано определение неофашизма как фашизма, приспособляющегося к условиям современного этапа общего кризиса капитализма, к новой расстановке сил внутри капиталистического мира и на международной арене. Участники дискуссии подчеркнули настоятельную необходимость разоблачения корней неофашизма, критики его идеологии.

---

¹³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 18—19.

¹⁴ См.: Империализм 70-х годов: углубление общего кризиса. Прага, 1974, с. 190, 192.

На актуальность решительного противодействия идеологии и политической практике современного фашизма вновь указал международный семинар по проблемам борьбы с фашистской угрозой (Франкфурт-на-Майне, октябрь 1980 г.), созванный по инициативе Международной федерации борцов Сопротивления западногерманского Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме. В дискуссиях, развернувшихся на семинаре, участвовали представители 18 стран и 10 международных организаций¹⁵. Выступавшие высказали мнение, что настоящая опасность со стороны правых радикалов различного типа, в том числе и открытых неофашистов, заключается в том, что они сумели проложить путь в различные социальные слои современного капиталистического общества; впервые за послевоенные десятилетия крайне правые движения стали притягательными для определенных групп молодежи. Современное капиталистическое общество не обеспечивает молодежь работой и лишает надежды на социальное самоутверждение. Это порождает ее бунтарские настроения. Поэтому не исключены новые вспышки насилия, призванные продемонстрировать молодежи и другим слоям населения, разделяющим идеологию неофашизма, способность правых экстремистов к «активному действию».

В то же время нарастание неосознанного, стихийного протеста против господствующей системы среди других массовых социальных категорий буржуазного общества, сорванных с места научно-технической революцией и выбитых из привычной жизненной колеи сравнительно быстрыми темпами промышленного развития, в частности непосредственно влияющего на процесс дифференциации в сельскохозяйственном производстве, на его монополизацию, может выражаться по-разному, в том числе и в усилении праворадикалистских настроений. Какие формы принимают эти попытки и насколько они реализуемы, всегда зависело и зависит от конкретных условий в каждой отдельной стране, особенно от численности демократических сил и разработанной ими стратегии действий. Причем опасность неофашистов выражается не только в экстремистских акциях, против которых можно ввести в действие полицию. Значительно большей опасностью «является их стремление к манипулированию со-

---

¹⁵ Новое время, 1980, № 48, с. 22—23.

знанием масс с тем, чтобы реабилитировать фашизм и создать для него «алиби» в головах людей»¹⁶.

Современные крайне правые движения, действуя в интересах определенной части господствующего класса, апеллируют к среднему обывателю города и деревни, к отсталым, преимущественно мелкобуржуазным слоям населения, которые традиционно формируют потенциальную социальную базу фашизма. Однако функциональная направленность идеологии правых радикалов не только привносит в эту «массу» политические идеалы своих работодателей, но и в той или иной степени сама неофашистская идеология ассимилирует ее взгляды и мировоззренческое восприятие окружающего, в котором господствуют комплекс страха за шаткость своего относительного благополучия и дух недовольства неизбежными пороками системы капитализма. При всей демагогии крайне правым неофашистским политическим течениям свойствен глубокий социально-политический консерватизм, принимающий различные формы. В одних случаях — чистого «охранительства» отживших порядков, моральных принципов при категорическом отрицании каких бы то ни было реформ и новшеств. В других, он выражается в программах «коренной» ломки и трансформации социальной и политической структуры. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все проявления консерватизма неофашистов направлены опять же на спасение старых, привычных устоев.

Современный фашизм отличает довольно гибкая тактика, ориентированная на различные слои населения. Он многолик, методы его деятельности разнообразны. К тому же у него есть объективно, реально существующая социально-экономическая база — мощная поддержка реакционных сил, «по-своему» учитывающих исторический опыт. Философское кредо идеологии современных фашистов характеризуется рядом общих черт, определяющих и буржуазную философию в целом: во-первых, неофашистская теория базируется на идеализме; во-вторых, методом идеологии неофашизма является метафизика и вообще антидиалектика, тесно связанные с эклектикой и софистикой; в-третьих, неофашистским теоретическим конструкциям, несмотря на попытки придать им научный характер, присущ иррационализм, проявляю-

---

¹⁶ Sowjetunion heute, 1981, Nr. 9, S. 12.

щийся в том, что, борясь против материалистической науки об обществе, неофашистские теоретики преднамеренно стремятся опровергнуть науку, по сути не доверяют ей и в конечном счете самому человеческому разуму; в-четвертых, неофашистская идеология проникнута фидеизмом, который особенно открыто проявляется в ее заигрывании с клерикальной философией; в-пятых, идеологию правого радикализма отличает нигилизм, отречение от прогрессивных идей прошлого и возрождение реакционных псевдонаучных воззрений на основе искаженной трактовки истории¹⁷.

Классовая основа неофашизма та же, что и довоенного фашизма. Это — монополистический капитал, империализм, выступающий опорой военно-террористических режимов, насаждаемых извне и выполняющих роль пособников главных империалистических сил. Все это лишний раз говорит о живучести фашизма и реальной потенциальной опасности, которую представляет неофашистское движение.

Советская общественная наука имеет давние традиции критического исследования феномена фашизма и в его современном варианте — неофашизма. В этой связи следует отметить ряд трудов советских ученых, где с классовых партийных позиций даются анализ проблем неофашизма и критика его идеологии, определяются методы и формируются задачи борьбы со всеми проявлениями правого радикализма. Это прежде всего: Галкин А. А. Социология неофашизма. М.: Наука, 1971; Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. М.: Мысль, 1971; Критика идеологии неофашизма. (Под ред. Е. Д. Модржинской). М.: Мысль, 1976; Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения. 1949—1974 гг. М.: Наука, 1976; Веселицкий А. А. Совершенно секретно: заговор против республики. (Итальянский неофашизм). М.: Политиздат, 1976; Филатов Г. С. Демократические силы Италии против неофашизма. М.: Мысль, 1977; главы, посвященные проблеме неофашизма, в коллективной монографии: «История фашизма в Западной Европе». (Отв. ред. Г. С. Филатов). М.: Наука, 1978; Филатов М. Н. Нацистские мифы вчера и сегодня. Алма-Ата: Казахстан, 1979; Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. М.: Наука, 1981; и др. Реаль-

---

¹⁷ См.: Якушевский И. Т. Диалектика и «советология». Л., 1974, с. 28.

ности фашистской угрозы, разоблачению сущности неофашизма посвящен выпущенный международным издательством «Мир и социализм» сборник «Современный фашизм: его обличье и борьба с ним» (Прага, 1975), в который вошли статьи и выступления исследователей-марксистов и руководителей компартий, а также других прогрессивных деятелей ряда стран, опубликованные в середине 70-х гг. на страницах журнала «Проблемы мира и социализма».

Предмет данной монографии — критический анализ идеологии и методов пропаганды современного неофашизма. Он включает, во-первых, выяснение сходства неофашистской идеологии с фашистской и различия между ними, критику основных концепций, а также разоблачение новейших спекуляций неофашизма на проблемах человека и культуры.

Во-вторых, выявление черт, характерных для неофашистского движения в целом. Важное значение приобретает исследование новой идеологической формы, в которой выступает западноевропейский фашизм образца 80-х гг.

В-третьих, разоблачение классово-идеологической сущности неофашизма и его прямой связи с крайней политической реакцией империализма, прислужнической роли послевоенного фашизма в планах международной реакции и, прежде всего, империализма США.

В-четвертых, раскрытие значения единства действий рабочего класса, международного коммунистического движения и демократических сил планеты в борьбе за искоренение условий, потенциально способствующих внедрению идеологии неофашизма в сознании масс. И сегодня актуальны слова Георгия Димитрова, сказанные на VII конгрессе Коминтерна о том, что силу идеологической заразы фашизма мы ни в коем случае не должны недооценивать¹⁸.

Настоящее исследование предполагает обобщение опыта марксистской критики неофашизма: представлений об истории и сущности современной эпохи, трактовок проблемы борьбы за сознание масс, а также антикоммунистических версий о реальной диалектике, научной теории и революционной практике. Как справедливо подчеркивал В. И. Ленин, «нельзя критиковать известно-

¹⁸ Димитров Г. Избр. произв. М., 1957, т. I, с. 618.

го автора, нельзя *ответить* ему. если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи»¹⁹. При изучении проблемы неофашизма, критического анализа его идеологии и методов пропаганды нельзя обойтись без знакомства с печатью самих фашистских организаций, с неофашистскими публикациями, выдержками из выступлений лидеров современного западноевропейского неофашистского движения.

Объективное требование учета реального политического веса и значения любого политического объединения определяет место, отводимое в монографии критическому исследованию в первую очередь итальянского неофашизма, крупнейшего отряда западноевропейского праворадикалистского движения наших дней. Такой подход дает возможность проанализировать и методы борьбы с неофашизмом в условиях развитого капиталистического государства, в парламент которого входят неофашисты. В 1979 г. на досрочных парламентских выборах объединенная партия Итальянское социальное движение — Национальные правые силы (ИСД-НПС) получила 5,3% электората (1 923 132 голоса) при голосовании в палату депутатов и 5,7% — в сенат²⁰. Вместе с тем важно отметить, что Италия — страна с относительно либеральным буржуазно-демократическим строем, и на ее развитие оказывают влияние левые силы во главе с Итальянской коммунистической партией.

В. И. Ленин рассматривал принцип историзма как необходимое условие объективного и всестороннего анализа и исследования любого вопроса общественной науки. «Самое надежное в вопросе общественной науки... — писал В. И. Ленин в работе «О государстве», — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²¹.

Идеология итальянского неофашизма, своими корнями уходящего в фашизм Муссолини, позволяет наиболее точно проследить, каким образом изменения в социально-политической и экономической обстановке послевоенной

---

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 113.

²⁰ Unità, 1979, 12 giugno.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

Италии привели к трансформации фашистской идеологии, отразились в программе неофашистской партии, ее лозунгах, символах и т. п. Такой анализ, в свою очередь, помогает в критическом исследовании форм и методов деятельности других отрядов современного фашизма в Западной Европе: в ФРГ, Англии, Франции, Австрии, Бельгии, Греции, Испании, Португалии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии, а также Турции.

Следовательно, неофашизм — явление не национальное, а интернациональное, как интернациональны порождающие его социально-политические условия и питающие финансовые круги и экономические источники.

Известно, что мир капитализма ныне переживает всеобщий кризис, который продолжает углубляться. «Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах... — подчеркнул в речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. — Резко увеличилась агрессивность ультрареакционных сил во главе с империализмом США. Предпринимаются попытки любой ценой повернуть развитие вспять. Конечно, такая политика не принесет империалистам успеха, но своим авантюризмом она крайне опасна для человечества»²². В условиях, создаваемых подобной политикой, правящие классы капиталистического мира возлагают на фашизм ту функцию, которую не в состоянии выполнить традиционные буржуазные партии, а именно — «приспособить старую систему господства к новой экономической и социальной реальности и тем самым создать альтернативу социализму»²³. С точки зрения исторической перспективы фашистское движение, порожденное капитализмом в эпоху своего загнивания, является обреченным. Но поскольку сегодня капитализм еще прочен и остаются питательные соки фашизма, требуется активная борьба всех прогрессивных сил с этим опасным феноменом. Во главе борьбы всегда стояло и стоит сегодня международное коммунистическое и рабочее движение. Ее все решительнее ведут силы мира, которые более могущественны, чем силы войны,

---

²² Правда, 1983, 16 июня.

²³ Sowjetunion heute, 1981, Nr. 9, S. 10.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИДЕОЛОГИИ КРАЙНЕ ПРАВЫХ

Фашизм возник в Европе как социально-политическое явление, типичное для периода между двумя мировыми войнами. В этом смысле с «каноническим» фашизмом, итальянским и германским, было покончено в 1945 г. Такие утверждения повсеместно можно встретить в историографии фашизма, рассматривающей его вне связи с другими социально-политическими явлениями и движениями. Подобного рода исследования отличает односторонность подхода, ибо необходимо проанализировать и другую сторону проблемы — способность и возможность возрождения фашизма в новых условиях, исторически отличных от межвоенного периода. Известно, что капитализм, взрастивший европейский фашизм сразу после первой мировой войны, сохраняет почву для его существования и в настоящее время. Факты сегодняшнего дня свидетельствуют, что после второй мировой войны не были окончательно уничтожены корни фашизма. В противоречиях капиталистической системы, неизбежно порождающих различного рода фашизоидные модели государственности, тиранические и диктаторские режимы, и следует в первую очередь усматривать истоки современного фашизма — неофашизма.

Исследуя процесс возрождения этого феномена в послевоенный период, видимо, необходимо разграничивать деятельность постфашистских (остатки старого фашизма) и собственно неофашистских групп и организаций. При этом разграничении необходимо иметь в виду, что в ряде стран Латинской Америки, Индии, Японии активизировались всякого рода праворадикалистские экстремистские организации, определяемые буржуазными исследователями «фашистскими», хотя при ближайшем

рассмотрении у них не оказалось теоретической основы, идеологии, политической программы, которые характерны для фашизма как социально-политического движения. Отсюда возникает не менее важная проблема: проведение четкого разграничения между моделями послевоенного европейского неофашизма и течениями фашистского толка, появившимися на других континентах. Это позволит избежать механического уподобления «каноническому» фашизму Муссолини и Гитлера множества лишь внешне имеющих сходство с ним групп и группировок, исповедующих в основном идеологию террора. К тому же нельзя только по лозунгам, подчас заимствованным из прошлого, ставить знак равенства между европейской моделью неофашизма — историческим и логическим преемником фашизма — и течениями и организациями, как правило, идеологически разобщенными, поднимающими на щит какой-то один или несколько лозунгов «канонического» фашизма, прикрывая ими свою террористическую деятельность.

Дифференцированный подход тем более необходим, что в последние десятилетия подлинно неофашистские организации стремятся привлекать в качестве исполнителей своих подрывных и антидемократических акций сторонников и членов разного рода ультралевых группировок. Этим преследуется двоякая цель: во-первых, замести следы преступлений современного фашизма, прикрываясь лозунгами левацких организаций, и, во-вторых, убедить общественность, что отныне не фашизм, а якобы коммунизм исповедует методы насилия, террора, подрыва демократии. Тактика не нова, но в современной политической обстановке она иногда приносит своим авторам желаемые результаты.

Как отмечалось на форуме советских коммунистов в феврале 1981 г., «авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма... Они поистине задались целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»¹.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20—21.

Неофашистские правозэкстремистские силы действуют в настоящее время в большинстве стран Западной Европы. И хотя, безусловно, в каждой стране эти силы имеют свои особенности, всех их объединяют, с одной стороны, преемственность по отношению к фашизму 30—40-х гг. (независимо от того, признают они это открыто или нет) и, с другой,— новые специфические черты. Как пишет П. Ю. Рахшмир, при сопоставлении современного фашизма с «классическими» его образцами «преемственная связь проступает четко и явственно»². Она выражается прежде всего в сочетании «социально-политического консерватизма и реакционности правящего класса с мелкобуржуазными иллюзиями и бунтарством»³.

Конкретный анализ политической идеологии современного фашизма показывает буквальное совпадение ее основных черт с идеологией Гитлера и Муссолини. Такой анализ, в частности, провели в 1981 г. советские ученые (В. Д. Ежов, А. С. Бланк, А. А. Галкин, Эрнст Генри, П. Ю. Рахшмир, М. Н. Филатов) в дискуссии по неофашизму, организованной журналом «Советский Союз сегодня», издающимся в Вене и Кельне⁴. А. А. Галкин в своем выступлении подчеркнул, что для сегодняшних праворадикалистских движений типичны, как, впрочем, и раньше для фашизма: патологический антикоммунизм, принимающий иррациональный характер; глубокий социально-политический консерватизм, иногда открытый, иногда замаскированный лозунгами «обновления»; крайняя враждебность к демократическим институтам; культ вождей; склонность к безграничной социальной демаггии; спекуляция на националистических предрассудках и в соответствии с этим самые оголтелые шовинизм и расизм. Идеологические различия во мнениях, которые наблюдаются среди неофашистов, касаются второстепенных вопросов⁵. Те же взгляды разделяют и другие участники дискуссии, добавляя к этим признакам элитарное мышление в целом, милитаризм, ненависть к иммигрантам, террористические методы действий. Таким образом, антикоммунизм, национализм, антидемократизм, мили-

² Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. М., 1981, с. 169.

³ Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975, с. 12.

⁴ Sowjetunion heute, Wien, 1981, Nr. 9, S. 8—13; Op. cit., Köln, 1981, Nr. 10, S. 26—31.

⁵ Ibidem, S. 10—11.

таризм, расизм, социальная демагогия и террористические методы в различных сочетаниях и пропорциях остаются основными чертами современного неофашизма. Отдельные из них можно наблюдать также и у других современных экстремистских групп, но в своей совокупности они характерны именно для фашизма как прошлого, так и настоящего.

Рассмотрим основные положения каждого из перечисленных компонентов с учетом той роли и места, которые им отводятся в стратегии и тактике послевоенного империализма и его ландскнехта — фашизма.

Будучи ударным идейно-политическим оружием империалистической реакции, антикоммунизм нашего времени представляет собой в глобальном масштабе целую систему политики, мировоззрения, стратегии и тактики современного капитализма в его борьбе против социалистического содружества, против коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений. Современный антикоммунизм выступает в авангарде сил реакции, противостоящих разрядке международной напряженности, разоружению, воле и желанию народов Европы жить в мире и добрососедстве, является верным союзником прежде всего империалистических кругов США и их партнеров по НАТО. Все провокационные вылазки антикоммунистов так или иначе направляются и координируются именно ими. Распространению антикоммунистической идеологии способствует вся система воспитания, обучения и пропаганды капиталистического общества, вырабатывающая и закрепляющая в обыденном сознании привычки, традиции и стереотипы поведения, свойственные буржуазному мышлению. Они-то в значительной мере и влияют на формирование настороженного, а то и просто враждебного отношения определенной части буржуазного общества к революционным, прогрессивным идеям, к действительности в целом.

В наши дни все более очевидным предстает стремление антикоммунизма возродить и укрепить фашизм. В новом варианте повторяется маневр начала 30-х гг., когда профессиональные антикоммунисты повсюду поворачивали в сторону гитлеровских и пронацистских организаций. На этот раз фашистов к тому же подталкивают на путь терроризма, а также сговора с влиятельными военными кругами, замышляющими государствен-

ные перевороты⁶. Идеологи неофашизма в борьбе за привлечение в свои ряды масс идут на обман, ложь, клевету. Они обвиняют коммунистов во всех проявлениях кризиса капитализма, стремятся объяснить «происками мирового коммунизма» все антагонистические противоречия буржуазного общества, пытаются оправдать просчеты и ошибки правящих кругов «подрывной деятельностью коммунистов». К ним и их союзникам современные фашисты относят не только организации пролетариата, но и буржуазных демократов, пацифистов, борцов против расовой дискриминации, всех, кто настроен оппозиционно к империализму. Неофашисты видят угрозу коммунизма в любых позитивных акциях буржуазно-демократических правительств. Постоянно раздуваемые средствами массовой информации антикоммунистические кампании находят определенную поддержку со стороны правящих кругов в большинстве стран Западной Европы. Судебные власти, полиция открыто встают на защиту тех, чьими руками ведется антикоммунистическое, антидемократическое наступление на права и свободы трудящихся.

Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, империализм «пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрушение.

Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвлечь людей от социализма.

События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»⁷.

В последнее время общественности капиталистических стран усиленно навязывают новый антикоммунистический миф, согласно которому альтернатива нашего времени состоит в противопоставлении плюрализма (мировоззрения, по существу уводящего от классовой борьбы в мир индивидуалистических ощущений) тоталитаризму (идеологии, подавляющей индивидуальность человека). Власть капитала маскируют под «плюрализм», а социа-

---

⁶ См.: Генри Э. Профессиональный антикоммунизм. М., 1981, с. 364.

⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 9.

листическое народовластие пытаются ставить на одну доску с фашистским тоталитаризмом — крайней формой капиталистического господства. При этом тщательно скрывается тот факт, что социальные корни обоих течений — плюрализма и тоталитаризма — идентичны и что оба они, прикрываясь различного толка теоретическими измышлениями, на деле служат одному хозяину — империализму. Замысел этого пропагандистского приема ясен — направить общественное мнение против социализма вообще и Советского Союза, в частности.

Антидемократизм — один из основных элементов идеологии неофашизма принимает самые разнообразные формы, из которых наиболее распространенная — стремление к тоталитарному государству, глубокое презрение к парламентской системе. Его наиболее утонченной и привлекательной для фашистов и профашистских группировок разновидностью является корпоративизм*. Корпоративисты из числа сегодняшних фашистов мечтают о некоем «органическом» или «национал-социальном» государстве, в рамках которого капитал и труд, семья, профессиональная и местная общины будут гармонически соединены во имя «высших интересов нации».

Как известно из истории, фашисты кощунственно называли свое мировоззрение «социалистическим». Социализм был для национал-фашистов лишь популярным словом, которым они пытались замаскировать провозглашаемую ими апологию специфической, бюрократической

---

* Корпоративизм — речь идет об идее К-го гос-ва как одной из форм авторитарного режима. Эти идеи были наиболее полно воплощены в жизнь в гос-вах с фашист. режимом для осуществления крайне реакционной диктатуры (напр., фашист. Италия и фашист. Испания). В теоретическом плане идея К-го гос-ва опирается на учение Л. Дюги (1859—1928 гг., франц. юрист) «О солидаризме» («синдикалист.», надклассовое гос-во), в соответствии с которым на смену гос-ву как «публичной власти» придет новое гос-во, представляющее собою «работающую корпорацию», которая якобы будет выражать интересы «всей нации». Дюги заявлял, что создание такого гос-ва направлено на преодоление классовых антагонизмов и ликвидацию классов в капит-ом об-ве. Вместо них сторонники этой теории вводили понятие «корпорации», через которые будто бы осуществится сотрудничество труда и капитала; каждая корпорация выполняет свою социальную функцию, предприниматель корпорации — не эксплуататор, а «лидер индустрии». К-е гос-во — совокупность публичных служб, обеспечивающих интересы всего об-ва (См.: БСЭ, т. 13, с. 206; Советский энциклопед. словарь. М., 1979, с. 424, 641).

формы государственно-монополистических отношений, прикрываясь лозунгами, навеянными рядом конкретных социальных и экономических требований. Пытаясь отождествить корпоративизм с социализмом, французский неофашист Морис Бардеш выдвигает идею «идеального государства», где капитал и труд будут объединены в одно «фашио», и критикует при этом Муссолини, который «умер от цезаризма», отвергнув якобы первоначальный (подлинный) фашистский идеал, то есть «социализм корпоративного типа». «Подлинный корпоративизм станет европейской третьей силой между капитализмом и марксизмом»⁸, — заявляет Бардеш, определяя тем самым конечную цель корпоративного государства современных фашистов. П. Тольятти еще в 1935 г. предостерегал в своих «Лекциях о фашизме», что «корпоративизм повсюду рассматривается как средство преодоления классовый борьбы», поэтому «в известном смысле корпоративизм можно и должно рассматривать как завершение фашизации государственной организации»⁹.

Составной частью идеологии западноевропейских неофашистских организаций и течений является также национализм, проповедующий превосходство великодержавной нации, национальную вражду и натравливание одной нации на другую. Идеология национализма, хотя она выражает непосредственно интересы крупного капитала, т. е., как правило, правых, наиболее реакционных монополистических группировок, одновременно глубоко проникает в сознание прежде всего средних слоев буржуазного общества. Это объясняется рядом причин. Во-первых, идеология империалистической буржуазии с помощью государственного аппарата и по мере развития техники и научных приемов воздействия на массы превращается в господствующую идеологию всего общества. Во-вторых, националистическая идеология полностью отвечает преступным по своим замыслам ностальгическим мечтаниям части средней и мелкой буржуазии о создании, например в Германии, «нового великого рейха». В Италии националистические настроения наиболее откровенно проявляются в призывах последователей Муссолини «возродить нацию», в прославлении ее исклю-

---

⁸ European Fascism, p. 168.

⁹ Togliatti P. Lezioni sul Fascismo. Roma, 1970, pp. 141, 142, 145.

чительности и былого могущества, в культивировании ирредентистских настроений*, которые тесно переплетаются с апологией агрессии, территориальных притязаний, великодержавного шовинизма. В-третьих, призывы занять «надклассовую», «национальную» позицию в современном контексте политической жизни в сознании многих представителей среднего сословия предстают в виде гарантии сохранения собственного социально-политического статуса, все более расшатываемого и ослабляемого процессами, вызываемыми научно-технической революцией и сопутствующими ей.

Расизм в Европе в период между двумя мировыми войнами проявлялся главным образом в форме антисемитизма, отодвигая на второй план антиславянизм и «цветные» разновидности расизма. После 1945 г. откровенный антисемитизм встречается реже. Однако время от времени страны Западной Европы, в особенности районы, заселенные по преимуществу евреями, становятся свидетелями провокационных расистских шествий неонацистов. Западноевропейские неонацисты воспринимают антисемитизм в полном соответствии со старыми теориями национал-социализма, хотя их лидеры заявляют о своей непричастности к разжиганию и провоцированию антисемитских настроений. В то же время главарь шведских неонацистов Уредссон, похваляясь «принципиальностью в расовом вопросе», упрекает единомышленников из других стран за их «разбавленный водой антисемитизм» и требует энергичных мер по «очищению Европы» от евреев, вплоть до их физического уничтожения.

Современный расизм все более приобретает «интернациональный» характер: его скорее можно назвать «антицветным», нежели антисемитским. Лозунг английских неонацистов — «Сохраним Англию белой» — находит национальную интерпретацию во всей Западной Европе. Так, австрийский неонацизм пытается вызвать у людей страх перед миллионными массами «цветных» народов Азии и Африки и побудить правящие круги страны принять необходимые меры для ликвидации или ограничения «опасности», угрожающей белой расе. Анализируя место

---

* Ирредента (от ит. *irredenta* — неосвобожденная (земля)) — националистическое движение среди итальянцев в конце XIX в. и начале XX в., целью которого было присоединение к Италии земель, частично заселенных итальянцами и не вошедших в состав Италии при ее воссоединении.

расистских воззрений в неонацистской идеологии западногерманской Национал-демократической партии, английский историк Сетон Уотсон подчеркивает, что восхищение южноафриканским апартеидом присуще не только «фашистскому твердому ядру», но и послевоенному поколению нацистов¹⁰. Французские неофашисты в своем отношении к рабочим-иммигрантам ничем не отличаются от английских неофашистов и неонацистов ФРГ. Неприкрытая расовая пропаганда, проводимая идеологическим аппаратом «Национального антикоммунистического фронта» Тиксье-Виньякура, одного из лидеров французского неофашизма, выступления по «расовым проблемам» лидера французского и западноевропейского неофашистского движения М. Бардеша встречают поддержку у реакционных кругов Франции.

Крайне правые устраивают провокационные шествия и погромы в местах проживания выходцев из стран, некогда входивших в состав французской колониальной империи. Однако полиция и службы безопасности не торопятся с принятием необходимых в таких случаях мер по пресечению вандализма расистов-экстремистов. Подобное поощрительное отношение со стороны властей развязывает руки реакции: в 1979 г. от бомбы, подложенной неофашистами, погибли два вьетнамца. Через год, в октябре 1980 г., у одной из парижских синагог на улице Коперника антисемитская акция членов правоэкстремистской группы ФНЕ (Националистические европейские ячейки) унесла жизнь 4-х ни в чем неповинных людей и сделала калеками шестнадцать. С 1971 по 1977 г., во Франции были убиты 70 алжирских эмигрантов. Только с июня 1979 г. по сентябрь 1980 г. в стране совершено 159 фашистских расистских покушений и террористических актов, причем все они остались безнаказанными¹¹.

Современные крайне правые пытаются навязать общественному сознанию свои взгляды на «расовую проблему». Расизм для неофашистов — мировоззренческий принцип: и идеология, и политика. Это определенная позиция и в сфере культуры и, в частности, в вопросах творческой деятельности личности. Идеологическая установка неофашистов предельно проста: на волне национализма и расизма попытаться внедрить свою идеологию

---

¹⁰ European Fascism, p. 363.

¹¹ Humanité, 1980, 29 septembre.

в сознание каждого индивида. Решая эту задачу, они изображают внутренние конфликты капиталистического общества как следствие внешних причин (теория агентов), широко используя при этом миф о «народном единстве», о нации, которая, как нечто целое, якобы подвергается угрозе извне. Этот миф обычно подкрепляется всякого рода «национальными» аргументами, иногда даже обоснованиями биологического плана. Оторванные от экономического базиса политические явления трактуются как следствие антропологических, биологических законов, а буржуазное общество с этой точки зрения предстает в виде «здорового», биологически обоснованного единства.

Неофашисты резко противопоставляют свое расистское учение коммунистическому интернационализму, который ведет, по их мнению, к нивелированию и унификации личности, между тем как фашизм, выявляя в человеке нечто особенное, якобы побуждает к творчеству, способствует духовному развитию человека.

Одну из характерных черт идеологии фашизма составляет милитаризм. Цель реакционной политики милитаризма — завоевание чужих земель, захват новых источников сырья, рынков сбыта и приложения капитала, эксплуатация поработенных народов во имя новых прибылей капиталистов. Милитаризму неукоснительно сопутствует обострение всех противоречий капитализма и как выход из этого — дальнейшая гонка вооружений. В концепции современных войн, выдвигаемой и широко пропагандируемой неоконсерваторами и фашистами, войны делятся на «цивилизованные» и «варварские». Национально-освободительные войны объявляются империалистами «варварскими» на том основании, что будто бы они ведутся «не по правилам» (партизанское движение). Агрессивные круги империализма, «демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов... пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма»¹². Тем самым преследуется цель дискредитировать в глазах мировой общественности подлинные цели и задачи современного революционного процесса и в то же время попытаться оправдать преступления империализма, антинародную сущность его политики, идеологии, социальной практики.

---

¹² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20—21.

В рамках этой антидемократической стратегии все более угрожающе звучат голоса поборников новой мировой войны, гонки вооружений, милитаризации, их требования усилить позиции военно-промышленного комплекса. Милитаристский психоз охватил ныне ведущие страны Запада, где ведется глобальное наступление на позиции мира и мирного сосуществования. Целиком смыкаясь с планами крайней империалистической реакции по дестабилизации мирного развития планеты, теоретики неофашизма выдают милитаризм за своеобразную квинтэссенцию фашистской культуры, усматривая в нем романтический культ мужественности, а не какие-то политические реальности. Фашизм — «типично мужское движение», и проникновение в его «глубинную» сущность позволяет понять, заверял О. Штрассер (в прошлом — один из ветеранов германского фашизма), ряд непостижимых явлений. Цель подобных рассуждений предельно проста — оправдать зверства фашизма, списать стремление к экспансии и порабощению других народов и стран за счет «биологических импульсов», вытесняющих в человеке общечеловеческие начала. Подобным образом вопрос о милитаризме рассматривается не только в общественно-политической сфере, но и в области этических категорий.

Психология «ударных отрядов» неофашизма имеет много общего с психологией воинствующего «канонического» фашизма. Ардиты* в Италии, СС в Германии, французские и бельгийские легионеры в Африке исповедовали культ сверхчеловека, героизм смерти, мистицизм жертвы, воспитывая в себе чувство превосходства над остальными людьми. Они намеренно искажали понятия корпоративного духа и боевого товарищества и прививали чувство превосходства над новобранцами и гражданским населением. Современные фашисты часто разделяют эти взгляды. Английский фашист Колин Джордан

---

* Ардиты (от итал. *arditi* — смельчаки) — члены ударных отрядов, особых подразделений итальянской армии, созданных в годы первой мировой войны в значительной степени из числа бывших заключенных и уголовных элементов. В годы фашизма ардиты стали называть специальные фашистские батальоны. Как подчеркивалось в фашистских пропагандистских документах, главная отличительная черта ардита — «агрессивный дух и вкус к опасностям». Личным его оружием были кинжал, граната и карабин.

открыто заявил: «Солдат СС — вот наша модель»¹³. Сегодня в Западной Европе немало тех, кто, вспоминая о сражениях второй мировой войны, участниками которых они были, мечтает о реванше.

Итальянское социальное движение намеренно вызывает к памяти ветеранов разбитых итальянских армий. Активные члены ассоциации французских демобилизованных солдат войны в Индокитае (1946—1954 гг.) занимали ключевые позиции в фашистском мятеже ОАСовцев в Алжире, считая, что Франции необходима власть «сильной руки» и что война должна быть тотальной как на заморских территориях, так и в метрополии. Печатные издания шведской фашистской Северной имперской партии, щедро украшенные свастикой, много места отводят на своих страницах мемуарам бывших нацистских преступников. Там не редкость публикации отрывков из речей Гитлера и его книги «Майн кампф», призывающих к тотальной войне во имя торжества «великогерманского духа».

Взаимосвязь милитаризма и фашизма имеет ныне ряд особенностей, которые определяются характером современной эпохи, обострением всех противоречий буржуазного общества.

Законы капиталистической экономики порождают милитаризм. В результате взаимодействия политической надстройки и экономического базиса буржуазного общества возникает военно-промышленный комплекс — коалиция представителей большого бизнеса, реакционной военщины и неофашистов, объединяющихся на платформе милитаризма для оказания давления на буржуазные правительства, подталкивания их к безрассудной политике войны и гонки вооружений. Неофашистские организации охотно идут на этот союз. Ибо и сегодня те финансовые круги, которые наживаются на военных заказах и имеют самые крупные капиталовложения за границей, являются одновременно и крупнейшими вкладчиками в фашистские фонды. Военно-промышленный комплекс все более превращается в своеобразное государство в государстве, приобретая самодовлеющую силу. Милитаристский характер империализма ведет к объединению в международном масштабе всех сил, которые единственным средством борьбы с «мировым коммунизмом» счи-

---

¹³ European Fascism, p. 346.

тают военную силу. Призывы к развязыванию третьей мировой войны, стратегические планы которой вынашиваются военными кругами НАТО, звучат также со страниц неонацистских периодических изданий, выступают постоянным атрибутом пропагандистских кампаний всех без исключения неонацистских движений. А это свидетельствует о том, что неонацизм становится международным течением. На это указывают даже буржуазные авторы, отмечая, что старые и новые фашистские группировки устанавливают между собой связи, стремясь к «созданию» военизированной «объединенной фашистской Европы»¹⁴.

Все исследователи фашистской доктрины обращают внимание на ее двойственный характер. Так, академический дух логической аргументации, претензии на внутреннюю непротиворечивость, генетическую связь с культурным наследием прошлого характерны для «аристократического» направления неонацизма. Другой своей стороной неонацизм повернут к «толпе», к массам, апеллируя к самым ее низменным инстинктам и эмоциям, подстрекая к насилию, оперируя яркими лозунгами и символами. Однако при внешне различном назначении этих двух «лик» неонацизма они тождественны по сути, так как преследуют общую цель — закрыть доступ революционным теориям в массовое сознание и расчислить реакции путь к власти.

Спекулируя на духовном кризисе капитализма, современный фашизм в еще большей мере, чем старый, представляет себя как новое движение в области культуры, которое якобы способно коренным образом преобразовать капитализм. При этом полностью игнорируются социально-экономические корни и классовое содержание фашизма. Носителем «новой» культуры, ее символом провозглашается вооруженный расист, участник военизированных террористических отрядов, воинствующий антикоммунист. Эстетизируя жестокость, призывая к массовым расправам с коммунистами, неонацистская пропаганда стремится героизировать этот тип как «сильную личность».

Неонацизм отличает двойственное отношение к науке. Как иррационалистическое мировоззрение неонацизм враждебен науке и отвергает ее, но ему приходится счи-

---

¹⁴ Ibidem, p. 170.

таться с особенностями современной эпохи, с объективно возросшей ролью науки в жизни общества, с требованиями научно-технической революции (хотя и являющейся, по мнению идеологов крайне правых, злом для развития индивида), с влиянием науки на развитие и само существование «личности и нации». Именно в идеологии фашизма, открыто выступающей против разума и заменяющей мифом научное знание законов общественного развития, в наиболее концентрированной форме проявляется присущий империализму отказ от объективной истины в общественной науке. А что касается некоторой «новизны» неофашизма — фидеизации теоретических посылок, гибкости методов пропаганды, идеологических форм,— то она определяется исторической практикой фашизма, вынужденного приспособляться к изменившейся обстановке.

Таким образом, в силу своей мимикрии современный неофашизм приобрел ряд новых общих для него особенностей. Их можно систематизировать следующим образом:

та или другая неофашистская партия, коль скоро она выступает открыто, отказывается (особенно в период избирательных кампаний) от большинства скомпрометированных атрибутов прошлого своего движения;

прокламируется повышенный интерес к культуре, идеологии и личности. Идеология фашизма представляется как самостоятельный феномен, который якобы не зависит от своего политического содержания и не был с ним связан. Возникновение фашизма выводится из глубин т. н. метафизического человеческого духа. В этой связи в современной структуре неофашистской идеологии демагогически выдвигаются на передний план проблемы «культуры»;

неофашисты стараются представить себя не как врагов, а как сторонников демократии и конституционного порядка, только «улучшенного»;

значительно реже жонглируют термином «социализм», как это делали нацисты в 20-х — 30-х гг., ибо опасаются притягательной силы реального социализма;

вместо идеи превосходства германской (арийской) расы распространяется идея «атлантического» превосходства и причисления «западного человека» к высшему рангу;

характерное для нацистов прославление агрессии и жестокости «нордического человека» теперь заменяется более «спокойным» (но не менее опасным) рассуждением о вечных основах человеческой природы.

В отличие от фашизма Гитлера и Муссолини, который пытался опереться на крупные партии мелкой буржуазии, современные неофашисты меняют свою стратегию, так как широкие массы пока что почти нигде (за исключением Южной Италии) за ними не идут. Неофашизм преобразует себя в милитаристский фашизм и пытается везде, где это только возможно, добиться установления фашистской диктатуры генералов путем заговоров и путчей. Существенно, что подобные милитаристско-фашистские клики в ряде стран получают сейчас открытую поддержку со стороны международного милитаризма во главе с военно-промышленным комплексом США.

Значительно усилилась тенденция к интеграции неофашистского движения разных стран¹⁵.

Все это говорит о том, что при всей специфике современный неофашизм нельзя рассматривать в отрыве от широкого праворадикалистского лагеря, которому свойственна исключительная пестрота и в особенности с идеологической точки зрения. В этой системе действительность неофашистской доктрины, несмотря на всю ее противоречивость, заключается в том, что она выполняет строго запрограммированную функцию, направленную на удовлетворение своекорыстных интересов определенных, но, безусловно, влиятельных групп современного буржуазного общества.

НЕОФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Анализ условий распространения идеологии неофашизма в обыденном сознании показывает, что подобная идеология порождается определенными объективными и субъективными факторами. К первым следует отнести ломку социально-экономической структуры, вызванную процессом развития государственно-монополистического капитализма и научно-технической революцией; размывание границ между ранее определенными социальными и профессиональными группами, ухудшение условий жизни так называемых средних классов (разорение, сниже-

---

¹⁵ См. подробнее: Sowjetunion heute, Wien, 1981, Nr. 9, S. 10—13.

ние социального статуса); общую обстановку социально-экономического кризиса, дальнейшее обесценивание моральных ценностей буржуазного общества, а также укрепление позиций демократических сил, ложно воспринимаемое средними слоями как угроза своему и без того шаткому положению.

Субъективные социально-психологические факторы, способствующие внедрению в общественное сознание неонацистской идеологии, можно свести к следующему: ощущение разобщенности и одиночества, утрата привычных социальных связей, индивидуалистические устремления, аполитичность, чувства страха, дезориентации, незащитности в обстановке надвигающихся социальных катаклизмов и вместе с тем враждебное отношение промежуточных слоев буржуазного общества к рабочему классу как силе более организованной, преобразующей, прогрессивной. Действие всех этих факторов превращает обыденное сознание в благодатную почву для внедрения неонацистской идеологии, в которой иллюзорно снимаются социальные конфликты и устанавливается классовый мир, восстанавливаются «высоко моральная» жизнь и порядок, возрождается сильное государство, «порядочные» граждане получают возможность «рассчитаться» со своими «врагами» — коммунистами, любым способом отомстить им за переживаемое унижение, одновременно испытывая перед ними страх, так как страх — вообще постоянный модус мелкобуржуазного сознания¹⁶.

Учитывая вышеперечисленные факторы, лидеры неонацизма демагогически представляют свою доктрину как альтернативу и государственно-монополистическому капитализму, и социализму, как некий третий путь построения общества, очищенного от пороков обеих социальных систем. Эта центральная идея, как уже отмечалось, лежит в основе их программы создания такого общества, в котором, мол, исчезает классовая борьба, а так называемое общенародное корпоративное государство, согласно утверждениям теоретиков неонацизма, станет подлинно надклассовым, национальным, а потому справедливым. В современных условиях развития буржуазного общества подобная программа, спекулирующая

---

¹⁶ См.: Современный ангикоммунизм. Политика и идеология. М., 1973, с. 373.

на понятиях нации, справедливости, порядка, может пользоваться определенным успехом.

В настоящее время в зарубежных немарксистских исследованиях по фашизму и неофашизму его идеология представляется как некая рационализация обыденного сознания средних, промежуточных, а в общем мелкобуржуазных слоев общества¹⁷. Однако столь общая и в целом правильная характеристика идеологии неофашизма не может рассматриваться как нечто неизменное, потому что любая социальная конъюнктура в стране является следствием конкретно-исторических условий. И потому обыденное сознание средних слоев так же, как и сознание других слоев общества, постоянно испытывает на себе влияние меняющейся социально-экономической обстановки и порождаемых ею явлений.

К числу таких новых явлений, оказывающих несомненно сильное влияние на мироощущение рядового представителя мелкой и средней буржуазии, относится научно-техническая революция, ускоряющая развитие противоречий современного капитализма. Этим, в частности, определяется специфика системы ценностной ориентации человека интеллектуального труда в современном буржуазном обществе. Она заключается прежде всего в том, что в ней одновременно присутствуют несколько различных компонентов, необходимость удовлетворения которых достаточно остро ощущается личностью. Поэтому основная направленность деятельности различных представителей интеллигенции или одного и того же человека на разных этапах его жизни зависит от того, какая именно из возможных ценностных ориентаций в данный момент становится ведущей, организуя вокруг себя все жизненные интересы личности.

Можно выделить весьма условно — поскольку в сознании личности на каждом отрезке ее бытия они существуют нераздельно, — четыре основные ориентации представителя умственного труда в развитом капиталистическом обществе: 1) достижение жизненного стандарта, удовлетворяющего требованиям его среды; 2) стремление к успешной карьере и высокому общественному престижу; 3) потребность в творческом, интересном труде;

---

¹⁷ Fascism.— International Encyclopedia of Social Sciences. David L. Sills Ed., USA, 1968, vol. 7, p. 334—341.

4) стремление к всестороннему развитию личности. Несмотря на утрату многих былых привилегий, люди интеллектуального труда в меньшей степени, чем другие отряды трудящихся, ощущают на себе давление буржуазного «царства необходимости», ибо значительная часть их жизненной энергии не поглощается борьбой за существование, и они стремятся ее использовать для познания окружающего мира. Однако все чаще активно избирательное отношение к жизни, политике, стремление к эмоционально насыщенным формам отдыха и проч. отодвигаются в разряд утопий. Представители интеллектуального труда, разделяя все тяготы положения выходцев из мелких и средних слоев буржуазии (естественно, речь не идет об элите буржуазного общества), вынуждены материализовать свои устремления или попросту бороться за хлеб насущный, за свое рабочее место, за социальное положение.

Кризис традиционных структур капиталистического общества, возрастающий под влиянием развития системы государственно-монополистического управления и научно-технической революции, привел к появлению массы людей, выбитых из привычной жизненной колеи, потерявших прежний социальный статус. Это — бывшие крестьяне, ремесленники, торговцы, представители мелкого бизнеса, а также интеллектуального труда. Они трудно включаются в современные условия производства и быта, в свое новое бытие либо наемного рабочего, занятого, как правило, в сфере обслуживания, либо мелкого чиновника. И сохраняют долгие годы прежнюю психологию и амбиции. Надвигающиеся экономические потрясения, вероятно, еще более усилят выбросы в эту социальную категорию.

Такое представление о динамике процесса коренных изменений традиционных структур в западном мире подтверждается, в частности, данными, взятыми по Италии за двадцать лет (1951—1971). В целом изменения в социальном составе самодеятельного населения Италии за этот период выразились: в сокращении численности и удельного веса предпринимателей и лиц свободных профессий, абсолютное большинство которых представляло класс буржуазии; в значительном уменьшении слоя работающих на себя и помогающих им членов семьи, представлявших в основном мелкую буржуазию, а также в сокращении их доли в самодеятельном населении; в рез-

ком возрастании численности и удельного веса лиц наемного труда, большая часть которых относится к рабочему классу (кроме небольшого слоя менеджеров и высшей группы служащих)¹⁸. Общие закономерности развития классовой структуры итальянского общества характеризовались прежде всего растущей пролетаризацией населения. Пролетариат и абсолютно и относительно составлял и составляет большинство самодеятельного населения страны.

Следует назвать еще одну важную тенденцию в социальных сдвигах, происшедших в итальянском обществе в послевоенный период: постоянное сокращение численности и удельного веса средних слоев. За 1951—1971 гг. доля этой категории в самодеятельном населении страны упала на 11,8%¹⁹. Большая часть бывших мелких собственников постоянно переходит в рабочий класс и лишь незначительное их число пополняет буржуазию, повышая тем самым свой социальный статус. Пример Италии еще раз подтверждает положение о том, что средние слои не являются устойчивой социальной единицей современного капиталистического общества.

Одновременно развивается процесс перераспределения численности и удельного веса средних слоев между отраслями хозяйства. Если в начале 50-х гг. в сельском хозяйстве сосредоточивалось 62% лиц, принадлежащих к средним слоям, в промышленности — 18,6, в производственных отраслях — 19,4%, то к 70-м гг. положение существенно изменилось. Ведущее место по концентрации этой социальной категории заняла сфера услуг в целом и торговля в особенности²⁰. Характерная для названной категории населения социальная неудовлетворенность с сильным консервативным наслоением в какой-то степени уравнивалась до недавнего времени сравнительным экономическим благополучием, основанным на высокой конъюнктуре. В условиях экономического спада это компенсирующее воздействие стало заменяться декомпенсирующим, активизируя, естественно, первичную неудовлетворенность, создавая социально-психологическую обстановку для воздействия на данную социальную

---

¹⁸ См.: Рабочий класс в социальной структуре индустриально-развитых капиталистических стран. М., 1977, с. 223.

¹⁹ См.: там же.

²⁰ См.: там же, с. 224—225.

группу различных течений правого и правозэкстремистского толка.

Своеобразно поведение рядового представителя средних слоев в поисках самоутверждения: он неустойчив, склонен к фразерству, трусоват и одновременно готов на самые отчаянные поступки. Его индивидуализм граничит с анархизмом, и в насильственных, в том числе и военизированных методах решения проблем как политических, так и экономических он видит свое спасение. Все эти противоречивые проявления мелкобуржуазного сознания объясняются, в первую очередь, неустойчивым, неопределенным положением, на двойственность, амбивалентность которого неоднократно обращали внимание классики марксизма-ленинизма. «Мелкий буржуа,— писал К. Маркс,— составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем»²¹.

С точки зрения внутренней устойчивости, определенности ценностной ориентации мелкий буржуа поставлен в гораздо более трудное положение по сравнению с рабочим. В настоящее время рабочий в капиталистическом мире четко осознает свои цели и задачи, свое место в политической жизни страны, наконец, имеет осмысленную программу действий. Другое дело бывший собственник (крестьянин, торговец) или бывший буржуа, чиновник, представитель свободной профессии («бывший» в смысле обладавший ранее иным, более высоким социальным статусом). Он постоянно находится как бы в конфликте с самим собой. С одной стороны, в своей реальной жизни он уже больше не хозяин и представляет ту часть населения, которая живет наемным трудом и которую принято называть трудящимися. С другой, по своему мировоззрению, своей системе ценностей он продолжает жить, хотя бы иллюзорно, в прошлом, в статусе пусть маленького, но хозяина. Отсюда ностальгия по «старому доброму времени», иррациональная злоба против всего реально существующего.

Внутренний конфликт, потеря прежних ориентиров и кризис системы ценностей усугубляются постоянной ломкой внешних норм поведения — ускорением темпа жизни,

---

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 31.

необходимостью приспособляться к быстро меняющейся среде, нарушением привычного, размеренного уклада жизни, распадом традиционных социальных связей и зависимостей. Отсюда утверждение в обыденном сознании принципов ретроградного консерватизма, тяги к традиционализму с сопутствующим принципом «каждому свое место». В этом процессе и рождается то, что Антонио Грамши, основатель и руководитель ИКП, называл «желаемой» или «произвольной» идеологией, носящей полемический, отрицательный, деструктивный характер и неспособной вызвать какое-либо конструктивное социальное движение в отличие от идеологии органичной, диктуемой потребностями прогрессивного исторического развития социальной структуры²².

Используя современные методы манипуляции общественным сознанием, физического и психологического террора, лидеры неофашизма разрабатывают программу создания массовой опоры из деполитизированных слоев населения. Умело обыгрывая действительно имеющие место массовые явления коррупции, взяточничества, бюрократизма, общий кризис буржуазной парламентской демократии, неофашисты преподносят обывателю идею такого государства, которое якобы может восстановить «справедливость» и «порядок», сможет подняться выше классовых интересов во имя интересов народа, нации, не будучи ни капиталистическим, ни социалистическим, а националистическим. И лозунги и догмы неофашистской идеологии воспринимаются как новые темы, к кому они обращены, именно потому, что меняющиеся условия жизни заставляют людей искать в них программу действий, новую систему ценностей.

О том, кому нужны иллюзии надклассового государства, каковы причины, побуждающие реакционные силы их поддерживать, предельно ясно говорил В. И. Ленин: «...для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о

---

²² Santarelli E. L'ideologia del neofascismo e i nostri compiti.—Unitá, 1972, 4 marzo. При этом необходимо отметить, что А. Грамши как теоретик-марксист был далек от мысли считать идеологии первого типа полностью бесплодными.

защите слабых и бедных против богатых и сильных...»²³ Неофашисты пытаются прельстить обывателя, в массе своей носителя мелкобуржуазного сознания, иллюзиями классового примирения (выходом из «порочного круга классовой борьбы», по выражению национального секретаря Итальянского социального движения Джорджо Альмиранте), идеей корпоративного государства — государства надклассового, всенародного, справедливого защитника всех «обиженных и бедных». Сколько раз подобные иллюзии вводили массы в заблуждение!

Наряду с заметным обострением идеологической борьбы для Западной Европы конца 70-х — начала 80-х гг. характерен радикальный сдвиг в расстановке политических сил, выражающийся прежде всего в укреплении позиций рабочих и демократических партий. В столкновениях рабочего класса и его союзников с противостоящим им лагерем монополистического капитала, в борьбе сил демократии и реакции определяются пути дальнейшего развития стран Европейского континента. В условиях множества нерешенных острых проблем — экономических, социальных, политических и борьбы противостоящих сил современности средние слои населения тоже пытаются найти свое место, стремятся к определенности в новой политической ситуации. Однако свойственный их сознанию аполитицизм побуждает мелких и средних буржуа вновь возвращаться к консервативно-традиционалистским ценностям. Экономический кризис, рост цен, инфляция, частые правительственные кризисы и забастовки, отражающиеся на нормальном течении жизни, рост преступности, взрывы, покушения, поджоги, избиения — все это вызывает неуверенность, пугает, заставляет искать защиты, располагает к различного рода компромиссам, лишь бы любой ценой вернуть спокойствие и порядок.

Для анализа изменений психологии буржуа в условиях обострения политических и экономических кризисов представляется крайне полезным рассмотреть данное К. Марксом описание этой психологии в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (естественно, без проведения каких-либо исторических аналогий). «Представим себе теперь среди этой торговой паники французского буржуа с его помешанным на коммерции мозгом,

---

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 74.

который все время терзают, теребят, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, борьба между парламентом и исполнительной властью; распри фрондирующих друг против друга орлеанистов и легитимистов, коммунистические заговоры в Южной Франции, мнимые жакерии в департаментах Ньевра и Шера, рекламы различных кандидатов в президенты, ширококвотельные лозунги газет, угрозы республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, апостольские послания эмигрировавших героев, *in partibus*, предвещающие светопреставление ко второму воскресенью мая 1852 года — тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неопишущего оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентской республике: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца»²⁴.

Стремление среднего и мелкого буржуа к безопасности и порядку, помимо чисто обывательской тяги к комфорту, скрывает за собой страх перед новыми испытаниями, слепой иррациональный ужас перед грядущими социальными потрясениями, в которых буржуа ничего, кроме гибели, для себя не видит. Поэтому когда на политической арене появляются фашизм и неофашизм — сила, обещающая восстановить справедливость, порядок, обыватель с радостью соглашается платить за это не только деньгами, но и собственным участием в фашистском движении. «Фашизм перехватывает в интересах самых реакционных кругов буржуазии разочарованные, отходящие от старых буржуазных партий массы... И массы мелкой буржуазии, даже часто рабочие, доведенные до отчаяния нуждой, безработицей и необеспеченностью своего существования, становятся жертвой социальной и шовинистической демагогии фашизма»²⁵.

Само участие в фашистском движении недовольных существующим в стране положением представителей мелких и средних слоев буржуазии как в прошлом, так и в настоящем пробуждает их надежды на возвращение утраченного социального статуса, идеализируемого прошлого, порождает чувство собственного достоинства, пи-

---

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 196.

²⁵ Димитров Г. Избр. произв., т. 1, с. 610.

тает иллюзии превращения участников движения в самостоятельную, влиятельную политическую силу, наконец, помогает в единении с себе подобными преодолеть состояние одиночества, разобщенности. Как говорил А. Грамши, «...мелкая буржуазия, которая окончательно потеряла всякую надежду на возвращение себе производственной функции... стремится любым способом сохранить за собой историческую инициативу: обезьянничая с рабочего класса, она выходит на улицу»²⁶. При этом А. Грамши подчеркивал, что мелкая и средняя буржуазия не только в Италии, но и в других странах считает возможным разрешить проблемы страны «с помощью пулеметов и револьверных выстрелов»²⁷. Таким образом, она предстает в качестве не только политического, но и военного резерва неофашизма в борьбе против демократических сил и, в первую очередь, против коммунистов.

Неофашистская пропаганда учитывает, что мелкая буржуазия беззащитна во время социального кризиса. Если рабочие, добившись повышения заработной платы, частично ликвидируют последствия финансово-экономического кризиса, то средние слои в этом плане ограничены в своих возможностях. В подобной ситуации неофашисты пускают в ход тезис о том, что спираль инфляции раскручивают рабочие. Рабочий класс и монополии в обыденном сознании мелкобуржуазного типа предстают как силы, преследующие узко эгоистичные интересы, решающие свои проблемы за счет беднейших и «промежуточных слоев». Не меньшим врагом представляется и правительство, которое не может восстановить справедливость, не в состоянии выполнить свои обещания, правительство бессильное и тоже эгоистичное. И в такой ситуации «...фашизм отдает народ на растерзание наиболее коррумпированным, продажным элементам, но выступает перед ним с требованием «честной и неподкупной власти»²⁸. Нагнетая напряженность, неофашизм сознательно ускоряет процесс поляризации классовой борьбы, вербуя под предлогом наведения порядка в обстановке хаоса необходимую ему социальную массу, тоскующую по «твердой руке» и все более враждебно выступающую

---

²⁶ Gramsci A. Sul Fascismo (a cura di E. Santarelli), Roma, 1973, p. 97.

²⁷ Ibidem, p. 144.

²⁸ Димитров Г. Избр. произв., т. 1, с. 610.

против буржуазно-парламентской системы (осуществляющей власть монополий), воспринимаемую ею первопричиной социальных и политических потрясений.

Не вызывает сомнения факт гипертрофированного влияния, которое оказывает на мелкобуржуазное сознание система ценностей националистического традиционалистского государства, предлагаемого неофашистской доктриной. Она, по существу, оказывается единственно возможным идеологическим скрепом в силу хотя бы того обстоятельства, что за понятиями «мелкая буржуазия», «средние слои» скрывается огромное разнообразие социальных групп и категорий. Но, как писал К. Маркс, не обязательно их образуют только «лавочники или поклонники лавочников». По своему социальному и индивидуальному положению «... они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение»²⁹.

Развиваясь по логике «произвольной» идеологии, основные принципы которой составляют деструкция, негативизм в отношении существующего строя, идеология неофашизма полемически противопоставляет классовым интересам интересы якобы всенародные. Мелкой же буржуазии льстит громкое имя главного хранителя моральных и культурных ценностей нации. Лидеры неофашизма учитывают и это обстоятельство, когда выдвигают лозунг «морального, духовного спасения» страны.

Тяготы социально-экономического кризиса усугубляются кризисом культурным и идеологическим, также влияющим на мелкобуржуазное сознание. Внутренний конфликт принимает форму «восстания» против бездействующих демократических институтов, против утратившей свою ценность официально пропагандируемой культуры, против основных классов общества. В этой обстановке представителям средних слоев импонирует даже тот факт, что конкретная историческая реальность называется неофашистскими идеологами совершенно иными, внеклассовыми терминами. Так, социальный кон-

---

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 148.

фликт преподносится ими как конфликт между «эгоистами и патриотами», «ответственными и безответственными гражданами»; подобным образом противопоставляются понятия «порядок — беспорядок». Однако было бы неверно подходить к такому искажению просто как к результату незнания или ограниченного знания действительности. Скорее всего неофашистская идеология представляет собой рационализацию, зачастую компенсаторного характера, того внутреннего конфликта, который вызывается противоречивым положением «средних» слоев в структуре современного капиталистического общества.

Одним из проверенных приемов идейно-политического воздействия реакции на мелкобуржуазные массы населения является фашистская демагогия, облаченная в форму нацистской мифологии времен «канонического» фашизма. Бессилие перед социальной стихией политически незрелого человека западного общества служит реальной основой, на которой создаются реакционные мифы нашего времени. Парадокс состоит в том, что даже прогресс науки и техники в условиях антагонистического общества способствует возрождению самых примитивных форм сознания. Империализм использует всю совокупность современной системы средств массовой информации для насаждения своих стереотипов мышления и представлений. Таким путем реакция пытается закрепить иллюзии создаваемых ею мифов.

Монополизация производства и стандартизация общественной и личной жизни в условиях империализма ведут к духовной инертности определенной части масс, апатии, притуплению чувства социальной ответственности. Освобождая человека от необходимости думать и вырабатывая стандартные образцы поведения, которым нужно лишь слепо следовать, неофашистские мифы снимают вопрос о личной ответственности. Резко усилившаяся классовая дифференциация в капиталистическом мире способствует росту объективных условий для социалистических революций в странах Запада. В то же время этот процесс сопровождается увеличением числа безработных, что объективно открывает дополнительные возможности для расширения социальной базы фашизма за счет деклассированных элементов. К. Маркс писал в «Капитале»: «...Чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм». К этому слою относятся как

не имеющие работу работоспособные труженики, так и «весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова»³⁰, т. е. бродяги, преступники и прочие опустившиеся люди. А люмпен-пролетариат, как известно, составлял и составляет существенную часть в различных фашистских движениях.

Кризис буржуазной идеологии и морали также используется неонацистской идеологией для актуализации фашистских мифов. Взамен морального разложения капиталистического мира, культа вещиизма, эгоцентризма, эротизма неофашизм прокламирует добропорядочность, прочность семьи, народную общность и расовое единство. В западном мире идет открытая или несколько завуалированная гальванизация идей Гитлера и других нацистских заправил, пропагандируются мифы «сильной личности», «образцового порядка» и т. п.³¹ Центральное место во всей современной неофашистской идеологии занимает «миф врага», идентифицированный с антикоммунизмом и антисоветизмом.

Особенно наглядно активизация нацистской мифологии происходит в Западной Германии. Это определяется рядом причин, влияющих друг на друга и создающих довольно устойчивую социально-психологическую основу для распространения неонацистских мифов.

Во-первых, экспансионистские тенденции прусско-германского империализма с давних пор тесно связаны с идеями национализма, расизма и реваншизма, что позволяет современным реакционным идеологам ФРГ, ссылаясь на предфашистский период, отделять эти «идеи», возведенные в ранг государственной политики в третьем рейхе, от нацизма и тем искусственно создавать им определенную респектабельность. К тому же эти традиции, закрепленные в сознании нескольких поколений бюргеров, стали неотъемлемыми элементами их обыденного сознания.

Во-вторых, реализация некоторых целей фашистской мифологии (например, удовлетворение престижных притязаний на «величие» Германии) закрепила и усилила ее развращающее влияние. Известно, что на территории

---

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 658, 659.

³¹ См.: Федотов А. В., Филатов М. Н. Фашистские мифы и их современные интерпретации.— Социологические исследования, 1979, № 4, с. 190.

ФРГ легально существует и проводит активную деятельность большое число союзов и объединений бывших эсэсовцев, офицеров рейхсвера, переселенцев с чужих территорий. Эти союзы и объединения делают все возможное для распространения своего влияния в стране, для реанимации идиологов времен «похода на Восток», для оправдания «героики» павших в борьбе с «мировым коммунизмом». Отсюда получает свое пропагандистское усиление современная мифологизация войны, которая приобретает видимость реалистической окраски: изображаются ее ужасы, аморальность. В то же время продолжается возвеличивание войны как средства воспитания и формы проявления «мужества», «товарищества», «долга».

Более изощренно проводится ныне и оправдание нацистских преступлений. Сегодня это происходит в двух основных формах: в фальсификации исторических фактов и психологическом уравнивании «палача и жертвы». Это смещение акцентов дает возможность интеграции нацистских мифов с идеологией правых и даже в какой-то степени либерально-буржуазных кругов. Нацистские мифы, модернизированные применительно к новой обстановке, в сочетании с традиционно реакционной буржуазной идеологией образуют важную часть империалистической пропаганды, действующей на современного обывателя. Это явление, свидетельствующее об углублении духовного кризиса империализма, представляет большую опасность, ибо в условиях научно-технического прогресса реакция получает дополнительные возможности для оболванивания человека за счет имеющихся в ее руках средств массовой информации. В этой обстановке необходимость научного анализа социально-психологических спекуляций неонацизма выдвигается в ряд важнейших задач борьбы с фашистской идеологией.

Неофашизм представляет собой яркий образец попыток создать видимость реалистической позиции решения тех или иных вопросов. Если, например, говорить применительно к немецкому варианту неофашизма, то это прежде всего вопрос о «немецкой нации», «настоящем и будущем Германии», «будущем Европы», провозглашение «нового курса» внутренней и внешней политики и т. п. Эклектизм неофашистской идеологии, представляющей собой конгломерат идей и взглядов, подобранных исключительно прагматически, по принципу оптимальной

результативности, наглядно проявляется в механическом сочетании философии психоанализа с идеями «трансформации» и «либерализации», «конвергенции» и «постиндустриального общества», концепции создания «единой Европы» с политическим имажинизмом Р. Берцеля и проч. Эта идеология насквозь насыщена обещаниями и посулами благ различным классам и социальным слоям, но в действительности выражает классовые интересы монополистической буржуазии.

Социальная демагогия неофашизма — это клевета, распространение слухов, фальсификация событий и фактов, это стратегия запугивания, шантажа и угроз. Неофашисты используют простые и конкретные примеры, в значительной мере упрощенные выражения, короткие и бьющие на эффект лозунги, модели и клише. Массам якобы нужны лишь сильные слова, дополненные пафосом и театральной позой. Что же касается сложных задач, то «простые люди» не любят их и не могут их решать. Вот почему неофашистская демагогия перенасыщена примитивными, иногда явно вульгарными, но легко воспринимаемыми тезисами. При этом широко используется старый гитлеровский метод, согласно которому тысячу раз повторенная ложь становится в конце концов приемлемой, привычной, а значит — и правдивой. Ложь должна создать необходимую основу надежды у масс, если только ее использовать с достаточной дерзостью и убедительностью. Неофашисты выдают себя за «единственную национальную силу», «пока — национальную оппозицию»*, которая «последовательно заботится» об интересах всех социальных групп. Критикуя ошибки современных буржуазных правительств, они представляют себя единственно реальной силой, способной решить все затруднения жизни широких слоев населения, дарят обещания направо и налево.

Так, чтобы укрепить подорванную экономическим кризисом самоуверенность мелкой буржуазии ФРГ, неофашистские идеологи НДП называют ее «ядром здорового немецкого народа», «позвоночным хребтом здорового развития нации», «энергией, дарящей силу нации»³². А так

---

* Речь идет о выступлениях нацистов против правительства социал-демократов и свободных демократов. Новые аспекты возникли после прихода к власти ХДС/ХСС вкупе с СвДП.

³² Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Berlin, 1967, Bd. 6, T. 1, S. 549—550.

как, согласно их внутриполитической программе, немецкая нация должна стать настолько сильной, чтобы быть способной выполнить свое назначение «господствовать над миром», то, следовательно, необходимо укрепление позиций мелкой и средней буржуазии — «ядра нации». Свои демагогические выверты неонафашисты используют с учетом специфики различных ее слоев, т. е. дифференцированно.

Мелким и средним производителям они обещают защиту от «произвола концернов», мелким торговцам — оградить от «антисоциальной» конкуренции со стороны крупных магазинов, суперрынков и торговых фирм. Мелким и средним предпринимателям и торговцам неонафашисты обещают снижение налогов и расширение сферы сбыта товаров; лицам свободных профессий — обеспечение соответствующих трудовых возможностей. Представителям мелкой буржуазии в целом — полную свободу предпринимательской деятельности, а тем самым и преодоление социально-имущественной вражды, что так сильно ослабляет нацию. Апеллируя к свободе предпринимательской деятельности, неонафашисты включают в это понятие ликвидацию конкуренции, стабилизацию прибылей, рост жизненного уровня и т. д.

Неонафашистская идеология, адресованная мелкобуржуазному сознанию, учитывает не только ближайшие и насущные интересы его носителя, но и играет, злоупотребляет мелкобуржуазным кодексом добропорядочности. Отвлекая недовольство мелкой буржуазии от политики крупных монополий и военно-промышленных комплексов внутри страны, неонафашисты пытаются направить его против иностранных концернов, обвиняя их во всех трудностях и тяготах, связанных с удорожанием жизни, ростом безработицы, общим ухудшением материального положения широких слоев населения. Тем самым неонафашистская пропаганда оставляет в тени действительного виновника разорения мелкой и средней буржуазии — финансово-промышленный капитал.

Неотъемлемую часть неонафашистской демагогии, адресованной мелкобуржуазному потребителю, составляют рассуждения о роли и значении семьи в обществе, что в условиях социальной неуверенности, характерной для капиталистического мира в целом, приобретает большое значение, воздействуя прежде всего на эмоциональное восприятие обывателем окружающей действительности.

В неофашистской пропаганде семья предстает «жизненной кровью» нации и государства. Мать — это «жизненная субстанция», создающая вместе с отцом типичный семейный порядок. Мать — это спаситель семьи и семейных традиций, но она не служанка. Ее роль — заниматься воспитанием детей, вызывать у них систематическим влиянием религиозное смирение, воспитывать в них чувство национальной гордости и преданности. Воспитывая ребенка, мать укрепляет решающий авторитет отца. Так формулировали, например, французские неофашисты из «Партии новых сил» свои обращения к избирателям во время президентских выборов в июне 1980 г. Они также утверждали, что в социально-политической жизни права женщин и девушек должны быть одинаковыми с правами мужчин, но в то же время это не означает, что общественные функции мужчин и женщин должны приравниваться (?!), так как от природы существует разница между мужчиной и женщиной и ее нельзя искусственным путем ликвидировать³³.

В то же время женщина — прежде всего мать — «источник жизни», и она должна получать выгоды в ряде жизненно важных моментов. Например, неофашисты западногерманской НДП выдвигают даже целую программу таких требований, как введение законов о материнстве; охрана здоровья будущих матерей; охват системой социального обеспечения домохозяйек, которые занимаются воспитанием детей; введение закона, охраняющего женщин и девушек перед иностранцами; принятие решительных мер против разложения немецкой семьи. (Будучи в то время председателем партии, Адольф фон Тадден на съезде НДП в 1978 г. в своем выступлении говорил об идеале немецкой семейной жизни как комбинации пуританства и национализма)³⁴. И эту программу НДП обещает выполнить, как только станет правящей партией. Итак, все в будущем, все при захвате власти, а пока демагогический трюк, который с помощью ловко формулируемых обещаний, соответствующих потребностям и представлениям мелкой буржуазии и других социальных групп, воздействует на умы и души тех, в ком неофашистские идеологи хотят видеть поддержку в политической борьбе.

---

³³ La Minute. Paris, 1980, 17. Mai.

³⁴ Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 3. August, S. 6.

Чтобы усилить свое влияние на мелкую и среднюю буржуазию, неофашисты стараются отвлечь ее внимание от основных проблем современности, взывая к будущему, которое представляется в приукрашенном виде, подобно прошлому времен «третьего рейха», государства «сильной воли». Однако история недвусмысленно свидетельствует: подобного рода идеологическая обработка в духе необходимости «сильной власти» привела в итоге к гитлеровскому фашизму. Приукрашенная древняя история Пруссии, «очеловеченная» героями того времени, порядок, «национальное благо», «спокойная семейная жизнь», большие равные прибыли для всех, экономическая уверенность и выгодные государственные займы под низкие проценты, сильная и могучая родина германцев и т. д., — вот то фальшивое зеркало, в которое неофашисты заставляют смотреть сегодня мелкого буржуа³⁵. Подобные иллюзии и мифы, как справедливо отмечает Б. А. Шабад, импонировали в межвоенные годы реакционному обывателю, бюргеру, также и тем, что вполне освобождали его от ответственности за все, что олицетворяла государственная воля, ее носители и исполнители. Бюргер сразу же после разгрома фашизма занял позицию «маленького человека», подчинившегося воле победителей, их приказам, несмотря на их «варварскую сущность»³⁶.

Итак, мелкая буржуазия может под влиянием надуманных ненаучных, фальшивых демагогических лозунгов, призывов поддерживать неофашизм, видя в нем силу, способную спасти, возвратить утраченное социальное положение, политическую роль в обществе. Но эта «этикетка системы взглядов, — отмечал К. Маркс, — отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца»³⁷.

---

³⁵ См. Deutsche Wochen-Zeitung. 1976, 30. Juni, S. 10;
Ibidem, 1976, 6. August, S. 10;
Ibidem, 1976, 17. Oktober, S. 3;
Ibidem, 1976, 12. November, S. 1;
Ibidem, 1979, 20. April, S. 7;
Ibidem, 1979, 3. August, S. 6.

³⁶ Ш а б а д Б. А. Идеология неофашизма и антикоммунизма в ФРГ. М., 1970, с. 22—23.

³⁷ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 24, с. 405.

...Содержание социальной демагогии неофашистов, адресованной крестьянству, формально выражено в терминологии, которой пользуется неофашистская пропаганда при идеологической обработке крестьянской массы. Сельское хозяйство, поясняют неофашисты, это пищевой базис государства, основа стабильности нации, определяющая жизненный уровень населения; сельскохозяйственные пищевые ресурсы государства — это фундамент его будущего³⁸. Итак, броская фраза, не соответствующая объективным процессам. Разве можно стабильность нации свести к пищевому базису? Или объяснить жизненный уровень населения имеющимися сельскохозяйственными продуктами? И т. д. Неофашисты пытаются привлечь на свою сторону крестьянство, которое они одурачивают направо и налево рассуждениями о ведущей роли сельского хозяйства в экономике страны, обещаниями ликвидировать кризисы и обеспечить высокий жизненный уровень крестьянства как в настоящем, так и в будущем.

Неофашистская трактовка аграрной проблемы и путей ее решения в соответствии с целями правящего класса выполняет известную экономическую, а следовательно, и определяемые ею социальную и политическую роли. Развитое сельское хозяйство, бесспорно, усиливает экономическое могущество государства. Но не крестьянство выступает важнейшей социальной группой или классом. Однако разве научность и объективность важны для успеха политики правящего класса и исполнителей его воли? Главное — это достижение политической цели любыми путями и средствами.

В сложной обстановке, усиленной экономическими затруднениями и пронизанной империалистической мифологией и неофашистской демагогией, крестьянин не знает причин своих бедствий и не видит действительного выхода из создавшегося положения. В. И. Ленин писал: «...Надо прежде всего понять, отчего всякая нужда и нищета происходит и в городе и в деревне»³⁹; «чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству... надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве») и показывающую нам *мелкобуржуазный уклад* крестьянского хозяйст-

---

³⁸ Politik in Unsere Zeit, S. 18.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 145.

ва»⁴⁰. Далее В. И. Ленин отмечает, что, «как и всякие мелкие производители... крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата, который связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полурбочих и полухозяев (эти переходные формы существуют во всех капиталистических странах и во всех отраслях промышленности)»⁴¹.

Это и учитывают неонацисты, стараясь привлечь массу крестьянских предпринимателей и крестьянского пролетариата через переходные формы к выполнению империалистических планов господствующего класса. Однако для крестьян такой путь выхода из-под гнета экономических и социальных трудностей неприемлем. По словам Ленина, «неимущие крестьяне и деревенские рабочие должны соединиться с городскими рабочими»⁴², но при этом надо знать, «какой народ в деревне пойдет за богатых, за собственников, и какой — за рабочих... надо узнать, много ли таких крестьян, которые не хуже помещиков умеют наживать капитал и жить чужим трудом. Если этого досконально не разобрать,— так тогда никакие толки о нищете ни к чему не приведут, и деревенская беднота не будет понимать, кому в деревне надо между собой и с городскими рабочими объединиться и как сделать так, чтобы это был *верный* союз, чтобы крестьянина не надул, кроме помещика, и свой брат — богатый мужик»⁴³. Ленинский подход к решению крестьянского вопроса — классовый подход, который неонацисты отрицают и стараются подменить в своей пропаганде всякого рода «гуманистическими» сентенциями, корпоративистскими идеалами.

Итак, социальная демагогия неонацистов в отношении крестьянства призывает, с одной стороны, создавать развитое сельское хозяйство как важное условие усиления в конечном итоге монополистического капитала. С другой стороны, пропаганда крайних правых решает задачу формирования из крестьянства класса «национально преданного», слепо подчиняющегося интересам моно-

---

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 47.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 145.

⁴³ Там же.

полней, замаскированных лживой фразой об интересах нации. Аграрная программа неофашистов носит ярко антидемократический, антигуманный, типично антикоммунистический характер. Это классический пример антинародной политики монополий, направленной также и против крестьянства.

Рост безработицы, охвативший все страны капиталистического мира, вызывает возрастающую неустойчивость социального положения всех категорий населения и подталкивает их на поиски путей выхода из экономических трудностей. Этим и пытаются воспользоваться неофашисты, определяя направления своей подрывной деятельности в рядах рабочего класса. Желая привлечь рабочих на свою сторону, неофашисты выступают под вывеской рабочих социалистических партий, выдвигают лозунги, которые более всего соответствуют интересам рабочего класса, используют систему дифференцированных обещаний, подобно следующим: обеспечить достаточное количество рабочих мест; гарантировать справедливую оплату труда; защитить от безработицы, особенно престарелых рабочих; отменить налоги на трудовые доходы в случае продолжения работы в пенсионном возрасте ⁴⁴ и т. д.

Для повышения эффективности своей пропаганды они называют рабочих «защитниками ритма» национальной жизни, пропагандируют ведущую роль рабочего класса в строительстве «нового национального государства», стараются возбудить у каждого рабочего чувство «серьезности» и ответственности за будущее нации. Основную ставку неофашисты делают на наименее квалифицированные отряды рабочего класса, пытаясь использовать их политическую близорукость для внедрения в их сознание праворадикалистской идеологии. Довольно часто выдвигается лозунг незаменимой роли рабочих в «новом национальном обществе», для которого якобы будут характерны следующие черты: национальное сотрудничество, бесконфликтное бескризисное развитие, высокий уровень экономики и национальной культуры, рост благосостояния народа ⁴⁵ и т. д. Но все это — демагогия, потому что «рост благосостояния» народа может быть до-

---

⁴⁴ Cohen Ph. Move for International Drive against Fascism.— Morning Star, L., 1981, 11. November.

⁴⁵ Ibidem.

стигнут, по теории неофашистов, лишь при условии, если государство будет основывать свою политику на принципах национализма, расизма и реваншизма. Например, в идеологических документах западногерманских национал-демократов немецкий рабочий противопоставляется рабочим других стран, так как «только немецкому рабочему присущи трудолюбие и ответственность, последовательность, точность и принципиальный подход во всем, систематичность и аккуратность»⁴⁶. Вот почему только немецкие рабочие «предназначены, благодаря этим качествам, управлять другими рабочими и народами»⁴⁷, выступать в мире гарантом покоя и порядка. Обособление немецкого рабочего необходимо неофашистам прежде всего для противопоставления принципу пролетарского интернационализма экспансионистско-националистических планов агрессии, расизма, антикоммунизма, для подмены идеалов равенства, братства, демократии в массовом сознании националистическими стереотипами шовинизма.

Следует отметить, что неофашистская пропаганда широко жонглирует термином «стратегия свободы», который необходим неофашистам для клеветы на социализм и Советский Союз, в частности, для выдвижения в их адрес обвинений в преследовании экспансионистских целей для распространения «национальных привычек русских» на весь мир. Используя антикоммунизм в его однозначно антисоветской форме, неофашисты заявляют, что русские «формируют большую армию», «организуют в разных государствах свою агентуру в виде коммунистических партий»⁴⁸ и т. д. Таким образом политическая функция неофашистской пропаганды заключается в том, чтобы притупить классовые интересы рабочих посредством насаждения националистических идей в рабочем движении, породить ненависть к силам демократии и социализма. Исходя из этих задач, все настойчивее звучат требования покончить с либерально-парламентскими формами правления и установить «новый порядок», контуры которого впервые были определены практикой гитлеровской Германии.

Социальные идеалы, формулируемые неофашистской

---

⁴⁶ Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 23. November, S. 7.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

идеологией, выражены в идеях так называемой социальной гармонии, для достижения которой необходим ряд условий, ставших стратегическими ориентирами социальной политики современного праворадикалистского движения. Важнейшие из них — это соединение профсоюзов с производственными организациями для формирования некоего подобия гитлеровского «рабочего фронта» и создание национального государства, которое отстаивало бы интересы всех слоев населения, невзирая на их классовую принадлежность⁴⁹. Неофашисты демагогически утверждают, будто «социальная гармония» является единственно возможным путем спасения трудящихся во всем мире от «коммунистического коллективистского порабощения, низводящего человека труда до положения безликой производственной единицы, долженствующей неукоснительно подчиняться воле и интересам правящей элиты»⁵⁰.

В своей демагогической социальной обращенности к рабочему классу неофашисты заявляют, что профсоюзы, «соединенные с производственными организациями», будут отвечать основным интересам рабочих (не социально-политическим, а национальным). В то же время профсоюзы, хотя и выступающие совместно с производственными организациями, не должны вмешиваться в экономическую сферу. Как «социальные партнеры», они несут ответственность за судьбы всей нации, но не класса. Это «надпартийные, надклассовые» органы, в задачу которых вменяются лишь глобальные вопросы развития всего «национального общества»⁵¹. Как составная часть производственных организаций, профсоюзы должны полностью отойти от классовых позиций; не выступать в роли носителя идей социально-классовой борьбы; устранять социальные конфликты; следить за обеспечением социального порядка и гармонии, благотворного с точки зрения национальных интересов, развития рабочего класса; гарантировать «благополучие» нации посредством политической нейтрализации пролетариата; стоять на страже гарантии прибылей для производителей⁵².

---

⁴⁹ Dokumente. Bd. 6, T. 1, S. 554.

⁵⁰ Politisches Lexikon der NPD. Hannover (s. a.), Stichwort «Gewerkschaften».

⁵¹ Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 20. April, S. 6.

⁵² Discriminating Thugs.—Morning Star. L., 1981, 22. January.

Выполнение профсоюзами всех этих задач даст возможность, по словам неофашистов, обеспечить всех желающих работой, осуществить широкую программу охраны здоровья рабочих, гарантировать справедливую оплату за труд, поднять уровень квалификации широких категорий трудящихся и благосостояния всего народа. Именно эту миссию неофашисты возлагают на профсоюзы, «освобождая» от нее государство и представляющие неофашизм партии. То есть, на словах — широкий спектр обещаний, а на деле — уход от решения насущных задач рабочего класса.

Учитывая растущий авторитет социализма среди рабочих капиталистических стран, неофашисты заявляют, что обещанное ими общество будет «социалистическим». Как и прежде, социализм в арсенале фашистской и неофашистской идеологии является модной вывеской, ширмой, призванной прикрыть антинародные (внутри страны) и захватнические (внешнеполитические) цели реакционных кругов государственно-монополистического капитализма. Основным стержнем неофашистской трактовки «социализма» остается и в наши дни стейтизм, высшая форма апологетики централизованной власти. Сам социализм неофашисты определяют, следуя Прудону, Шпенглеру, Ницше и другим, как форму общественной организации, при которой диктатуре господствующего класса принадлежат решающие функции во всех сферах общественной жизни. Основной чертой неофашистского «социализма» объявляется военная казарма. Подобное толкование «социализма» заимствовано неофашистами, в частности, из понимания государственной организации общества О. Шпенглером — теоретиком «пруссско-казарменного социализма» 80-х гг. XIX в.⁵³

Но, говоря о «социализме», неофашисты предостерегают от «ошибочного» пути марксистского социализма, который, как они утверждают, «вызывает в мире революции», «беспокойство, кризисы и гражданские войны, разрушает государство, развращает народы», обманывает рабочий класс. В противовес марксистско-ленинской теории социалистической революции они усиленно пропагандируют «бесконфликтное развитие» на основе создания национальной гармонии, исключаяющей классовую борьбу.

---

⁵³ См.: Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Пб., 1922, с. 34.

бу, ратуют за общенародное сотрудничество, ведущее к углублению взаимного доверия между рабочим и промышленником, крестьянином и помещиком, что впоследствии должно стать условием сплочения народа в одно неделимое, сильное национальное целое.

Важное место в социальной демагогии крайне правых по отношению к рабочему классу занимают идеи социального партнерства, участия рабочих в прибылях (но не в управлении экономикой, ибо это, по их мнению, может привести к ее разрушению). «Участие рабочих в прибылях» — это старая идея о социальном равенстве, но в современной интерпретации. Ее основная цель — вызвать раскол в рабочем движении внутри страны, противопоставить национализм в корпоративистской трактовке принципам пролетарского интернационализма в международном рабочем движении. В соответствии с этими установками отношения доверия между рабочими и производителями составляют важнейшее условие преодоления классовой борьбы и осуществления «подлинного народного порядка», который может быть обеспечен на основе «здоровых привычек и эффективного контроля». Но этого, однако, еще недостаточно: совершенно необходима также власть «жесткой руки», то есть нужен новый «фюрер», который только и может быть гарантом развивающихся отношений доверия между рабочими и капиталистами. Как видим, пропагандируется национал-демократическая, авторитарно-патриархальная система производственных отношений, обязывающая рабочего полностью подчиняться воле хозяина и лишаящая его всякой возможности защиты своих прав.

Основными, определяющими принципами антирабочей политики неофашистов выступают требования подчинения интересов нижних слоев общества (т. е. трудящихся) интересам и идеалам «всеобщего процветания», то есть интересам монополий и финансовой олигархии, замораживания заработной платы рабочих и упразднения ограничений на продолжительность рабочего дня, достижения максимальных целей национального производства посредством неограниченной интенсификации рабочего труда⁵⁴. Именно этим объясняется и требование введения всеобщей трудовой повинности для женщин и, соответственно, обязательной воинской службы для мужчин.

---

⁵⁴ Unsere Zeit, 1979, 10. Dezember.

(В прошлом аналогичные требования нашли свое воплощение в практике гитлеровских трудовых лагерей, в тотальном мобилизационном подчинении интересам военно-промышленных кругов практически всего взрослого населения Германии). По сути социальная программа неофашистов направлена на всестороннее упрочение «рафинированных методов» капиталистической эксплуатации рабочего класса, ликвидацию всего завоеванного им за долгие годы классово-борьбы, на защиту интересов крайне реакционных империалистических сил.

Военно-промышленный комплекс, становясь все в большей мере самостоятельной силой, направляет социальную демагогию неофашистов против буржуазной демократии, чем собственно создает угрозу фашизации государственного механизма изнутри. На этой основе расширяются возможности неофашистского проявления власти монополий и таким образом возникает опасность постепенной трансформации буржуазно-демократического строя в фашистский, дающей возможность отбросить остатки парламентаризма и установить диктатуру фашизма. На практике подтверждается ленинское положение о том, что «все богатые люди, все собственники, вся буржуазия будет отстаивать свои богатства всеми силами. На защиту всего *богатого класса* встанут чиновники и войско, потому что самое правительство находится в руках богатого класса. Рабочие должны сомкнуться как один человек для борьбы против всех, кто живет чужим трудом; рабочие должны объединиться сами и объединить всех неимущих в один *рабочий класс*, в один *класс пролетариата*. Борьба будет нелегка для рабочего класса, но эта борьба непременно кончится победой рабочих...»⁵⁵.

В этих ленинских словах отчетливо выражен оптимизм истории. И никакая самая искусная фальсификация реальной действительности не поможет неофашистским демагогам одурманить сознание рабочего класса и увести трудящихся от поисков выхода из кризисного состояния. А подлинный выход из него, как подтверждает опыт стран социалистического содружества, один — реальный социализм.

---

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 144.

Одним из главных объектов идеологической обработки масс современным неонафашизмом является молодежь. При разработке демагогической программы наступления на молодежь и ее активный отряд — студенчество неонафашисты пытаются, с одной стороны, использовать естественное стремление молодых людей к активным действиям, к познанию нового, а с другой, паразитируют на их политической незрелости и характерных психологических свойствах юношеского возраста: повышенной восприимчивости, максимализме, эмоциональности. Молодым, как известно, присущи откровенность и прямолинейность, стремление к идеалу, во имя которого они готовы приносить жертвы. Избыток энергии проявляется в решительных и сильных действиях. Эти качества, а также уже достаточно развитый критицизм способствуют формированию и бунтарских склонностей. Вместе с тем молодые люди способны легко переходить в противоположные состояния: ими нередко овладевают чувства одиночества, тоски и грусти, помогающие становлению своеобразной «философии» юношеского пессимизма.

Кроме биологических и психологических аспектов понятие «молодость» включает в себя и социальный. Общество предлагает своей смене различные образцы поведения, требуя от нее соблюдения правил, регулирующих жизнедеятельность в данном обществе, создавая молодежи условия для приобретения жизненного опыта. Процесс социализации человека начинается с самого раннего возраста, когда ребенок усваивает первые навыки, позволяющие ему жить в окружении людей. Уже в детстве формируется общественное существо, которому на первых порах недостает конкретного социального опыта. На этой основе в период юношества продолжается процесс подготовки к занятию определенного места в обществе. Не подлежит сомнению, что молодежь — это социально-возрастная группа, обладающая свойственными только ей качествами. При этом, конечно, возрастные характеристики не единственные, хотя и играют существенную роль. Положение молодежи предопределяется комплексом общественных условий, которые диктуют ей определенный стиль поведения. И хотя деление общества на классы дифференцирует положение отдельных групп

молодежи, всегда выступают и некие общие черты молодого поколения.

Стремясь навязать юношескому сознанию неофашистскую модель поведения, теоретики крайне правых всячески обыгрывают кризисные явления западного мира, отдельные факты трудностей роста социалистической системы и международного коммунистического движения, противопоставляют «материализму» буржуазно-парламентской системы набор моральных «ценностей», выдержанных в духе «героического романтизма» авантюрных произведений, воспевающих жестокость, насилие, войну как средство самоутверждения личности. Общечеловеческие принципы честности, верности, смелости, которыми должен руководствоваться индивид, преподносятся неофашистской пропагандой как «антиподы расчетливости, пунктуальности, ответственности», якобы свидетельствующие об упадке и вырождении. Изощренная политическая и идеологическая обработка молодого поколения в духе неофашизма приносит свои результаты: только в странах Западной Европы разного рода молодежные фашистские и профашистские организации объединяют более 230 тыс. человек⁵⁶.

Панический страх перед растущим влиянием идей мира и социализма побуждает неофашистов прибегать к таким крайним мерам, как терроризм, убийства прогрессивных политических и общественных деятелей, шантаж и запугивание. Опираясь яркими лозунгами и символами, фашизм подстрекает молодых людей к насилию, пытаясь мобилизовать аполитичные слои населения на защиту и поддержку внутренне чуждого им капиталистического режима. Социальная демагогия и террор — его основное оружие в борьбе за массы, в особенности за молодежь. Эта тактика не нова. Достаточно вспомнить террор штурмовиков в Германии до прихода Гитлера к власти и «восстановление порядка» отрядами СС вплоть до расстрела руководителей штурмовиков, выполнивших свою функцию и якобы скомпрометировавших движение в глазах респектабельной буржуазии.

В настоящее время ту же самую функцию выполняют в Италии многочисленные молодежные правозэкстремист-

---

⁵⁶ См.: Современный антикоммунизм. Политика и идеология. М., 1973, с. 283.

ские организации *. Кроме того, существует большое число военизированных групп, которые создаются местными отделениями ИСД—НПС⁵⁷. Результаты их террористической деятельности хорошо известны. Гораздо менее изучены психология и взгляды их участников, мотивы присоединения к неофашистскому движению, система ценностей; остается невыясненным вопрос, почему определенная часть молодежи готова к восприятию неофашистской политической доктрины, что заставляет ее выступать против демократического движения? При этом речь идет не о молодежи, официально уже принявшей неофашистскую доктрину, и тем более не о молодых партийных функционерах. Гораздо больший интерес представляет психология рядового члена правоэкстремистской организации. Вот типичная история неофашиста, рассказанная им самим.

«В 1949 г. я вернулся с родителями в Италию. Вряд ли можно себе представить более гнетущее чувство бедности и недовольства **. И это Италия?—спрашивал я себя»⁵⁸. Разрушенная в ходе войны экономика, сборища бродяг, лачуги, толпы безработных, атмосфера отчаяния и опустошения—такое печальное наследие оставила Италии 20-летняя тирания фашистского режима. В этой обстановке неофашисты развернули широкую вербовочную работу. В организации ИСД, созданной в районе средоточения иммигрантов, охотно отвечали на вопросы безработных... «Там впервые я услышал про «восемнадцать пунктов Веронского манифеста» и о республике Салó^{***}, которая национализировала фабрики, конфискова-

---

* Наиболее известные из них: «Национальные добровольцы» (1 тыс. человек), составляющие охрану партийных организаций; «Новый порядок» (около 3 тыс. человек)—сторонники расистской доктрины Ю. Эволи; «Национальный авангард» (около 2 тыс. человек)—организация, занимающаяся в основном запугиванием студентов и учащихся; «Боевые отряды Муссолини» (несколько сот человек)—террористы, осуществляющие поджоги, взрывы и т. п.

⁵⁷ См.: *Il veleno fascista*.— *Paragone*, Milano, 1973, N. 391, 26 aprile, p. 30.

** Здесь и далее подчеркнуто нами.— *М. Ф., А. Р.*

⁵⁸ *Fascism Today*. N. Y., 1969, p. 144.

*** В ноябре 1943 г. на съезде «фашистской республиканской партии», созданной Муссолини в т. н. Итальянской социальной республике («Салó»), был принят Веронский манифест (хартия), который итальянцам, в частности, пообещал, что после войны будет создано Учредительное собрание, которое провозгласит всю Италию республикой; будет демократизирована избирательная система, вве-

ла у помещиков землю и назначила заводские комитеты (конечно, никто не сказал мне, что эта революция осталась на бумаге)... Я начал мечтать о совершенном и справедливом мире, который разрушили только кровожадные коммунисты... и был настроен самым решительным образом. Моим лозунгом были слова: «Мы пулеметами пробьем дорогу восемнадцати пунктам Вероны».

Однако механически повторяя так называемые положения Веронского манифеста, ни сам рассказчик, ни его «приятели» не знали точно, что скрывалось за их содержанием. Но, как признается герой исповеди, это было не важно, ибо «...никто меньше нас не думал об идеологии... Все, что нам было надо, это разозлиться...»⁵⁹. И это чувство озлобленности, гнева и ненависти использовали нефашисты, разжигая террор, организуя налеты на помещения Коммунистической партии Италии и других демократических организаций, совершая нападения на антифашистов, прогрессивных деятелей. Антикоммунистические кампании в буржуазной прессе постоянно сопровождались взрывами, поджогами, провокациями, которые осуществлялись руками «неутомимого молодого поколения», одурманенного нефашистской демагогией и поощряемого попустительством властей.

«Чего мы только не делали! — продолжает свою историю участник террористических акций нефашистов. — Громили помещения других партий, разбивали мемориальные доски партизан, оскверняли еврейские кладбища, поджигали помещения профсоюзов, избивали людей, подбрасывали бомбы»⁶⁰. И, видимо, такие настроения не были редкостью в послевоенной Италии.

Обобщая условия, способствующие распространению нефашизма среди молодежи, можно выделить следующие факторы: от бедности, безысходного материального положения, туманного представления о прошлом фашизма, его идеализации как режима, якобы едва не решившего все острые социальные проблемы, до желания вернуть его посредством оружия. Этому желанию соответствует иллюзия борьбы за правое дело.

дено справедливое распределение доходов и даже уничтожен капиталистический строй посредством «социализации» предприятий и т. п. (См.: Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М., 1970, с. 158). Подробнее о республике Салó см. на с. 59.

⁵⁹ Fascism Today, p. 144.

⁶⁰ Ibidem, p. 145.

Характерны и методы неофашистов в работе с молодежью: прославление прошлого, лесть, обман, умышленное замалчивание идеологических постулатов. Никто не интересуется ни мотивами вступления в партию, ни теоретической подготовкой будущих членов ИСД. «Обосновывается» таким образом высказывание Геббельса о том, что «чем больше обо всем знаний, тем... меньше решимости выступить в пользу определенного мировоззрения»⁶¹. Из этого, однако, не следует, что молодой неофашист совершенно лишен всякой идеологии. Он считает справедливыми 18 пунктов «Веронского манифеста» и, ратуя за великую Италию, во всех бедах обвиняет коммунистов. В его сознание внедрены, по крайней мере, два основных компонента официальной неофашистской доктрины: национализм (расизм) и антикоммунизм. «Стоит ли говорить о том, что у нас не было никакой идеологии,— рассказывает один из бывших неофашистов.—...Единственно, что мы усвоили,— это то, что мы «дети солнца»⁶². Когда на занятиях, проводимых «ветеранами» ИСД, заходила речь о том, как вновь захватить власть, то вывод всегда был один: заставить противника первым начать гражданскую войну. «Надо, чтобы коммунисты, хотя бы они этого или нет, вышли на улицы». «Постоянно вызывать недовольство людей». «Если надо, раздражать и возмущать провокациями...»

Приезжая в учебные центры ИСД, лидер этого движения Дж. Альмиранте постоянно говорил о «физическом столкновении» и необходимости «сохранения партии авторитарного типа» (напомним, что это происходило в период, когда Альмиранте возглавлял «жесткое крыло» ИСД, находясь в оппозиции руководству партии). «Фашист без оружия немыслим, фашист, который не одержим страстью к оружию, не существует, насилие надо понимать как разумное средство и очищающий элемент»⁶³,— внушала неофашистская пропаганда молодежи. Организуя провокации, неофашисты стремились представить их таким образом, чтобы у людей не возникло никакого сомнения, что это дело рук коммунистов. Но еще лучше, учили молодых,— это вступить в ряды

---

⁶¹ Adorno T. H. W. The authoritarian personality, N. Y., 1950, p. 732.

⁶² 11 veleno fascista.— Panorama, 1973, N. 391. 26 aprile, p. 34.

⁶³ Ibidem, p. 35.

ИКП и спровоцировать коммунистов на какую-нибудь акцию⁶⁴.

С 70-х гг. ИСД во многом копирует методы обработки молодежи, которые использовал фашизм в первые годы своего существования. Создается сеть нелегальных лагерей, где проходят школу военной и теоретической подготовки все молодые члены партии. Чаще всего в списки рекомендуемой для чтения литературы включаются речи Муссолини, «Люди и развалины» Юлиуса Эволы с предисловием Валерио Боргезе, «История Италии» Джоакино Вольпé, «Марксизм, плутократия, иудаизм» и т. п. Полученные знания отрабатываются на практике. Особенно оживилась идеологическая обработка студенчества. В городских условиях для всех членов неонацистских молодежных организаций (около 20 тыс. человек, по данным 1971 г.) было введено обязательное посещение трехлетних курсов обучения, программа которых говорит сама за себя.

1-й год обучения: 1. Введение в изучение фашистской доктрины. 2. Исторические и политические условия, обеспечившие приход фашизма к власти. 3. Жизнь и индивидуум в концепции фашизма. 4. Идеи государства — идеи Нации. 5. Фашистские концепции морали, религии, политики, истории. 6. Идеализм сегодня.

2-й год: 1. Деятельность внутри студенческого движения и иных групп, а также в школьных коллективах. 2. Методы обострения школьных проблем. 3. Перспективы деятельности: национальная революция — государственный переворот.

3-й год: 1. Национализм, проблемы единой Европы, НАТО. 2. Национальное корпоративное государство. 3. Мы, либерализм и материализм. 4. Мы и демократия. 5. Мы и коммунизм. 6. Наше отношение к прошлому фашизма⁶⁵.

Об идеологической направленности подобной «воспитательной работы» свидетельствует и программный документ неонацистской федерации студентов университетов (FUAN)—«Линия действия»: «Пробил час, когда тот, кто по-настоящему верит, отвернется от бюрократического аппарата, манипуляций избирательных кампа-

---

⁶⁴ 11 veleno fascista.— Panorama, 1973, № 391, 26 aprile, p. 35.

⁶⁵ См.: Dossier sul neofascismo. Pref. di V. Galetti. Roma, 1972, Documento N. 10.

ний..., буржуазной «партийной» лжи и подхватит новый лозунг дня: «Бить всех, кто признает обвиняемую систему... Эскалация должна быть постепенной, но стабильной: бить и исчезать... Мы должны уяснить себе принцип: «У нас нет союзников, мы одиноки...»⁶⁶.

В этой идеологии отчетливо прослеживается логика неофашизма: враги Италии поставили ее на гибельный путь, их поддерживает правительство, а потому оно тоже — враг. Те же черты неофашистского мировоззрения были выявлены в результате опроса среди молодежи, придерживающейся правых взглядов, проведенного миланским еженедельником «Панорама». Типичны высказывания по ключевым проблемам.

«О фашизме. Только Муссолини распределял поровну между всеми: и хорошее и плохое. Муссолини обуздал эгоизм крупных предпринимателей, запретил эксплуатацию пролетариата, особенно на юге страны.

О внутренних проблемах. Надо дать больше прав полиции, заставить действовать армию, чтобы ослабить социальное напряжение. Против профсоюзов надо применять чрезвычайные меры. Это означает — дать людям больше свободы...

О внешних проблемах и отечестве. Отечество — это хорошо вооруженная нация, непобедимая, умножающая военные победы и преуспевающая в торговле. Европейский союз — утопия. Разве можно даже подумать, что итальянцы и англичане могут договориться друг с другом?

Отношение к культуре. Все, что знаю, почерпнул из «Секоло д'Италия» (печатный орган ИСД—НПС.— М. Ф., А. Р.). Предпочитаю ничего не читать, чтобы не дать себя обмануть»⁶⁷.

Выделенная в общественной структуре социальная категория «молодежь» не составляет, конечно, в классовом обществе однородного целого. Однако, несмотря на классовое разделение, молодежь не утрачивает известной самостоятельности. Как уже говорилось, сходство биологических, психических, а также некоторых социальных признаков (имеется в виду главным образом подготовка к самостоятельной жизни в обществе) приводит к тому, что молодое поколение на многие явления реагирует оди-

---

⁶⁶ Dossier sul neofascismo. Documento N. 47.

⁶⁷ Panorama, 1973, N. 391, 26 aprile, p. 42.

наково, проявляя тенденцию к унификации взглядов и способов поведения. И этот фактор активно использует, в частности, неофашистская идеология, конструируя лозунги, призывы, формулируя мировоззренческие стереотипы, специально предназначенные и адресуемые определенным группам людей. Сословное общество с характерными для него труднопреодолимыми границами внутреннего разделения и значительными социальными дистанциями способствовало разобщению молодого поколения. Молодежь жила замкнутой жизнью классовословий, к которым принадлежала, подчиняясь только их законам.

В наше время заметно расширяются внутригенерационные связи молодых, в чем существенную роль сыграла система всеобщего обучения, которая — независимо от все еще сохраняющихся здесь неравенств — в целом способствует сближению различных групп молодого поколения. Вот почему современная молодежь, наследуя классовые позиции своих родителей, вместе с тем отличается значительно большей общностью черт своего поколения, чем это было когда-либо. Сходство восприятия тех или иных социальных явлений в молодежной среде выражается сегодня в значительно большей мере, чем у старшего поколения, хотя это и не исключает серьезных расхождений в мировоззрении. Это особенно наглядно проявляется при исследовании черт поведения, стереотипов сознания, свойственных группам молодежи, находящимся под влиянием праворадикалистской идеологии, снимающей с тех, кто ее разделяет, любые морально-этические запреты и ограничения.

О мировоззрении молодых людей, приобщенных к правоэкстремистскому движению в ФРГ, поведала в ноябре 1979 г. западногерманская газета «Цайт». Помещенная на ее страницах подборка материалов дает определенное представление о том духовном мире, которым и в котором живет молодой человек — участник неонацистского движения, о том морально-этическом продукте, что предлагает ему неонацистская идеология в качестве социального интегратора навязываемых молодежи представлений о жизни. По официальным данным, в ФРГ увеличивается число подростков, вовлеченных в правоэкстремистские группы. Их объединяет «ярко выраженная склонность к применению насилия», рассматриваемого как единственное средство самоутверждения, как

возможность исправления «исторических ошибок», совершенных предшествующими поколениями. Однако само прошлое, сформированное из обрывочных данных истории, представлено в сознании молодого неонациста в довольно расплывчатых идеологических контурах и носит мифический, абстрактный характер.

Показательна в этом плане деятельность молодежной организации «Викинг-югенд». Эта организация, основанная в 1952 г., делится по образцу гитлеровской партии на округа («гау») и насчитывает в своих рядах около тысячи членов. Перед «молодыми викингами» ставится основная тактическая задача — создать обстановку террора, массового психоза, страха. И эта задача реализуется на практике: члены «Викинг-югенд» занимаются скупкой оружия, в их послужном списке нападения на посты бундесвера, ограбления банков и т. д. Руководители организации требуют, чтобы ее члены доказывали свою преданность идеалам фашизма непосредственным участием в подрывных операциях, нацеленных прежде всего на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки. Причем каждое выступление неонацистов-террористов из «Викинг-югенда» проводится под каким-либо провокационным лозунгом, создающим у его участников иллюзию «правомерности» агрессивных акций, их необходимости якобы во имя блага нации, народа. Вот что рассказывает 17-летний участник «Викинг-югенда», который уже 3 года является членом этой организации.

«Я познакомился в профессиональном училище с одним парнем, который состоял в организации. Он как-то взял меня с собой, и мне там понравилось. Понравилось, что мы не такие, как все... Отец говорил, что наши порядки напоминают «гитлер-югенд», а я отвечал «Вот и хорошо, такого нам как раз и не хватало». Германию этот юный неонацист хотел бы видеть, по крайней мере, в границах 1914 г., но «с Австрией и Судетами... Мы должны заполучить прежний рейх, все, что... отняли у нас за две войны... денежные мешки в Англии и Америке, евреи и коммунисты. Ясное дело, добровольно они ничего не отдадут, мы должны заставить их»⁶⁸. Молодой неонацист хочет участвовать в этом деле. В его представлении все выглядит очень просто: «Все, кому дорого дело нации, должны объединиться и выдвинуть свои требования,

---

⁶⁸ Die Zeit, 1979, 14. November.

а если не захотят их выполнить, то надо поставить их к стенке...»⁶⁹. Соответствующую «практику» он уже прошел: был дважды в летних «военно-спортивных» лагерях, распространял листовки, вместе с другими громил в Гамбургском университете информационный стенд Немецкого союза мира...

Другая неонацистская организация «Союз молодежи, верной родине» также продолжает традиции «гитлер-югенда». «Союз» сотрудничает со многими правозащитными объединениями, в том числе в Бельгии, Дании, Англии, Италии и Испании. Идейная программа «Союза» требует безоговорочного «культа фюрера», «сохранения чистоты нации и расы», «расширения жизненного пространства» и провозглашает «германский национализм»⁷⁰. Естественно, что подлинная история национал-социализма и правда о совершенных им преступлениях во время второй мировой войны тщательно скрываются от участников этой организации. «Гитлер не хотел войны,— заявляет 15-летний неонацист, член «Союза».— Вторую мировую войну, как и первую, нам навязали. Что касается евреев, то в газовых камерах не погиб ни один из них. Правда, парочку расстреляли, но из числа тех, кто работал против нас. Газовые камеры построили после войны победители, чтобы очернить нас»⁷¹.

Следуя традициям геббельсовской пропаганды, лидеры и теоретики западногерманского неонацизма ориентируются в своей идеологической работе прежде всего на определенные слои молодежи, которых в течение многих предшествовавших лет подготавливали к восприятию антикоммунистических, реваншистских идей, сознательно пытаясь лишить их, так сказать, «политической памяти». О результатах этой целеустремленной обработки молодых умов можно судить хотя бы по данным, приведенным в книге Д. Боссмана «Что я слышал о Гитлере...» В ней анализируются ответы трех тысяч учащихся в возрасте от 11 до 19 лет из различных западногерманских учебных заведений на вопросы о том, что они знают и что думают о «фюрере». Ответы эти говорят сами за себя. «Гитлер был лидером НАТО», утверждает один из опрошенных. Второй называет его «королем». Третий —

---

⁶⁹ Die Zeit, 1979, 14. November.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

«руководителем немецкой демократии». Некоторые убеждены, что Гитлер «проводил коммунистическую политику, которая соответствует политике ГДР», другие, что он «представлял социалистическую партию»...⁷²

Вывод напрашивается сам собой: усилиями пронацистских «просветителей» память значительной части западногерманской молодежи относительно гитлеровского периода в истории Германии напоминает чистую страницу, на которой можно написать что угодно. И идеологи неонацизма пытаются заполнить ее. Их стараниями сознанию молодежи усиленно навязываются настроения реванша, жестокости и насилия, идеи экспансии и агрессии. Подобного рода пропаганда, фальсифицирующая историю гитлеровской Германии, подлинные причины краха фашизма, находит гипертрофированное выражение прежде всего в мировоззрении молодых последователей и потребителей неонацистской идеологии. Этот тревожный вывод прогрессивных кругов ФРГ имеет реальную основу. Об этом можно судить, в частности, на основании высказываний членов организации «Молодые национал-демократы», существующей с 1967 г. в качестве молодежного филиала неонацистской НДП и объединяющей в своих рядах свыше 3 тыс. членов и сторонников: «Наши отцы повесили нос, но мы, молодые, будем бороться до конца... Мы поднимемся, и тогда весь мир ахнет. Мы покончим с враньем относительно нашей вины за войну и вернем себе наши права... Ждать осталось недолго. Нам не нужно большинство, достаточно лишь немного укрепить наши ряды, а связи, которые нам нужны, у нас уже давно есть»⁷³.

Итак, в психологии молодого западногерманского неонациста наличествует, своеобразно сочетаясь, большинство идеологических установок, питающих сознание итальянского террориста. Но у западногерманских неонацистов более заметны настроения реванша, агрессии и территориальной экспансии, их провокации чаще проходят под лозунгом антисемитизма и расизма, что еще раз свидетельствует о преемственности западногерманским неонацизмом теоретических конструкций фашист-

---

⁷² Неонацизм и неонацизм сегодня.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 5, с. 92—93.

⁷³ Die Zeit, 1979, 14. November.

ской доктрины, «обосновавшей» с псевдонаучных позиций планы развязывания второй мировой войны.

Представляет интерес также психология «молодого поколения» фашистского движения в Португалии, для которого фашизм не столь уж далекое прошлое. В восприятии участника праворадикалистского движения фашизм — это средство самовыражения с помощью силы, оружия, возможность повелевать слабыми, «избранным» над толпой. Современные фашисты одержимы экстремистскими лозунгами, призывами, выходящими даже за теоретические рамки тех концепций государственности, которые им навязывают сторонники свергнутой фашистской диктатуры в Португалии. Именно в психологии молодого неофашиста проглядывает то невежество, на которое уповают и которое взращивают лидеры современного фашизма. В то же время их взгляды показывают скудость идеологической подготовки, узость мироощущения*. Жизненная позиция молодого неофашиста предельно ясна: «Важна только практика... Я хочу, чтобы все левые были истреблены»⁷⁴.

А как планируется привести в действие механизм «черного террора», видно из следующего рассказа неофашиста: «У нас есть списки опасных левых, которым придется туго, если мы победим. Их сгонят в кучу и тогда — хррр. (Междометие он сопровождает жестом удушья). Я бы с удовольствием принял участие в исполнении при-

---

* Например, неофашист-боевик одной из террористических групп «Демократического движения за освобождение Португалии» (ДДОП) следующим образом излагает свое жизненное кредо: «То, что у меня есть автомат, знают многие, и знают, что не для развлечения. И все меня боятся. А я просто защищаю своих покровителей и надеюсь, что придет день и они меня вознаградят. А пока... — он имитирует очередь из автомата. — Например, вчера вечером. За сто метров отсюда живет один коммунист. Он торгует книгами, и на витрине у него вечно всякое левое чтиво... Следы моих пуль видны еще и сейчас. Это уже второе предупреждение. Если на следующей неделе он опять выложит свои книжонки, то настанет и его очередь. Я не боюсь никого. Полиция здесь большей частью на нашей стороне... Нас поддерживают многие промышленники... Они платят, хотя тайно...» (См.: Wallraff G. Portugal-Aufdeckung einer Verschwörung. Wortlaut des Originalberichts mit Tonbandprotokollen und Dokumenten über die Gespräche Günter Wallraffs mit «General Walter» alias Spínola und anderen.— Blätter für deutsche und internationale Politik, 1976, Nr. 4, S. 389).

⁷⁴ Ibidem, S. 397.

говора»⁷⁵. Не менее красноречиво признание молодого офицера парашютистов из «Демократического движения за освобождение Португалии» (ДДОП), которое начиная с 1976 г. стало ведущей подпольной террористической организацией в стране, придя «на смену» неонацистам «Армии освобождения Португалии» (АОП): «По всей Португалии мы насчитываем пятьдесят тысяч активных членов... Мы предпочитаем координированные удары: одновременно в Браге, Повуа, Коимбре, Порту — такое производит на людей мощное впечатление... Час пробил: теперь мы намерены убивать»⁷⁶. Подобная «смелость» высказываний объясняется довольно солидной поддержкой: и практической, и политической. «Сотрудничаем мы главным образом с СДЦ (Социально-демократическим центром.— М.Ф., А.Р.) ежедневно. Я думаю, что за нас все, кто в СДЦ хоть сколько-нибудь задает тон. Только они не всегда могут заявить об этом публично... Без нас СДЦ развалился бы. Для членов ДДОП вообще существует только две партии — СДЦ и НДП» (Народная демократическая партия.— М.Ф., А.Р.)⁷⁷.

Итак, опять чувство приобщенности к «справедливому» делу, побуждаемое покровительством и прямой поддержкой со стороны крайне правых партий, противостоящих демократическим преобразованиям в стране. Альянс террористов и правых кругов — давно испытанный маневр реакции в наступлении на силы прогресса. С этим мы сталкиваемся в любой капиталистической стране, где в результате роста позиций и влияния левых сил, коммунистов намечаются демократические преобразования. Именно тогда, когда рабочий класс встает во главе революционного процесса, возрастает и укрепляется альянс правых сил, и на политической арене появляется фашизм, в котором правящие классы видят насильственное средство противодействия демократии.

«При закладывании бомб я работаю обычно в перчатках. А недавно я перчатки забыл, и как раз в тот день, когда бомба почему-то не взорвалась и на ней остались

---

⁷⁵ Wallraff G. Die Aufdeckung einer Verschwörung und ihre Folgen. Weitere Tonbandprotokolle und Dokumente über Pläne der Rechtskräfte in Portugal und ihre Hintergründe.— Blätter für deutsche und internationale Politik, 1976, Nr. 5, S. 515.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Stern, 1978, 8. April.

мои отпечатки. Пришла полиция и до прибытия следственной комиссии стерла все следы. Так что виновника опять не нашли»⁷⁸. И в этом откровении мы находим прямое указание на преднамеренное сокрытие «блюстителями порядка» преступлений неофашистов, на их участие в планах реакции, преследующих цель создания обстановки страха, запугивания, нарушения политической стабильности, что приоткрыло бы дорогу установлению в стране жесточайшей диктатуры на штыках военных, как это было в Греции.

Таков внутренний мир, таково мировоззрение тех, кто прошел школу неофашистской обработки. Невежество в отношении прошлого, нежелание разобраться в настоящем, патологическая (именно патологическая), иррациональная злоба против смутно различаемых врагов, стремление к какой-то определенности собственного положения и одновременно готовность подчиниться более сильному — таково в общих чертах мировоззрение неофашиста, не лишенное при этом национализма и этноцентризма, расизма, традиционализма и консерватизма. Все эти черты в едином комплексе образуют так называемый синдром авторитарности, особую психологическую структуру личности, предопределяющую ее идеологическую направленность.

Согласно концепции авторитарной личности, разработанной Т. Адорно* с позиций неофрейдизма, индивид становится фашистом, консерватором или либералом в зависимости от стиля воспитания в семье и особенно от отношений с отцом. Если отец авторитарен, властен, не допускает возражений и неповиновения, то ребенок вырастает таким же, стремится, став взрослым, выместить на других подавленные в детстве гнев и возмущение. Не менее пагубно сказывается и отсутствие отца. Будучи лишенным модели поведения, ребенок ищет, кому бы подчиниться, он ищет свое место в иерархии социальных от-

---

⁷⁸ Wallraff G. Die Aufdeckung einer Verschwörung und ihre Folgen...— Blätter für deutsche und internationale Politik, 1976, Nr. 5, S. 516.

* Адорно Теодор (1903—1969)— немецкий философ, социолог (ФРГ). Представитель франкфуртской школы, которая в своей «критической теории общества» пыталась сочетать почерпнутые у К. Маркса элементы критического подхода к буржуазной культуре с идеями гегелевской диалектики и психоанализа З. Фрейда. Оказала влияние на развитие немарксистской социально-философской мысли в США и ФРГ.

ношений. Таким образом, согласно Адорно, человек с момента рождения поставлен в «отчаянное» положение и тем самым представляет собой исходный пункт для манипуляций со стороны обладающих «аргументом подавления» внешних сил. Таков истинный смысл позиции Адорно, пытавшегося оправдать порочность капиталистического общества, подавляющего личность, низводящего ее до положения «управляемой безликой единицы». Позиция Адорно отражает ту социальную ситуацию, которая породила «логику распада». А отсюда следует, что «...отчаяние есть последняя идеология, обусловленная исторически и общественно» ⁷⁹.

Попытки объяснить происхождение характера неофашистского типа концепцией авторитарной личности предпринимают также и итальянские социологи. Отмечая тот факт, что среди неофашистов подавляющее большинство составляют представители мелкой и средней буржуазии, социолог Ди Налло объясняет его следующим образом: «Сегодня в семьях мелкой и средней буржуазии присутствие отца в доме не чувствуется. Дети вырастают с неудовлетворенным чувством повиновения. Но и в среде крупной буржуазии та же ситуация. У рабочих присутствие отца в доме ощущается постоянно. Ритм работы мешает различным отклонениям, приковывает его к дому. Поэтому сыновья рабочих вырастают уравновешенными, они лишены авторитарных наклонностей» ⁸⁰.

С категоричными выводами Ди Налло трудно согласиться, хотя автор и выявляет некоторые тенденции, развивающиеся в современной буржуазной семье и влияющие на психологию молодого человека. Французский психолог Робайе, в частности, считает, что влияние семьи может не только способствовать гармоническому формированию уровня притязаний и уровня ожиданий у молодых людей, но и вызвать их диссоциацию, повышая один и понижая другой. Робайе делает вывод, что уровень ожиданий зависит от веры индивида в свои способности в соответствующей области, а также и от общей веры в себя... Напротив, уровень притязаний, согласно Робайе, относится к той деятельности, в которой индивид чувствует личную заинтересованность. «В ином плане можно сказать, что уровень притязаний относится к идеалу «Я»,

⁷⁹ Adorno Th. W. Negative Dialektik. Frankfurt a. M., 1966, S. 364.

⁸⁰ Panorama, 1973, N. 391, 26 aprile, p. 43.

поскольку он связан с целями, достичь которые стремится индивид, чтобы испытать чувство удовлетворения самим собой»⁸¹.

«Между периодом детства, характеризующимся господством родителей, и миром независимых взрослых людей простирается «ничейная земля», — развивает эту же мысль американский исследователь молодежи А. Холлингшед в книге «Молодежь Эльма». — На этой «ничейной земле» человек формирует собственную индивидуальность и решает задачи, небывало важные для собственного развития... Неясная ситуация с молодежью в нашем обществе создается из-за того, что члены этой возрастной группы утратили свойственные им функции в нашей культуре»⁸². Мнение это ведет, по сути дела, к отрицанию самой возможности интеграции молодежи с современным обществом. Однако не подлежит сомнению, что молодежь действительно становится все более обособленной социологической категорией с собственными проблемами и местом в общественной структуре. Этой самостоятельности сопутствует возрастающая независимость в планировании собственного будущего, выборе образцов поведения, организации своего времени — конечно, в рамках возможностей социального окружения. К этому же ведет и воздействие современных форм организованной социализации.

В условиях классово направленного воздействия образцы, культивируемые средствами массовой информации, усваиваются еще не сформировавшейся личностью легче, чем та обязательная информация, которая исходит от непосредственных воспитателей. Может быть, это происходит как раз потому, что молодому человеку кажется, будто он усваивает их самостоятельно, по своему выбору. Так или иначе, незаметно приспособившись к запросам молодежи, эти образцы становятся важной составной частью ее образа жизни, они формируют совокупность взглядов молодого поколения. Личность еще слаба в этот период, она подвластна любым влияниям. Капиталистическое общество со всеми его «возможностями» и «соблазнами» живет интересами прежде всего извлечения прибыли. В погоне за ней нередко используются и поощряются самые низменные человеческие инстинкты. Средства

⁸¹ Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. V. М., 1975, с. 270.

⁸² Яницкий Я. Тревоги молодежи Запада. М., 1976, с. 35.

массовой информации предлагают обществу картины насилия, жестокости и извращенного секса. Число людей, сколачивающих на этом ремесле состояния, растет: их не волнует, какое они оказывают влияние на моральный облик молодежи. В то же время неуклонно снижается количество запретов и ограничений в этой области.

Все это преследует прежде всего главную цель — оживить капиталистический рынок, увеличить прибыль, но одновременно способствует и формированию обособленного мира молодых. Отборная «молодежная музыка» или «молодежная мода» дают несметные доходы. «Звезда» молодежной эстрады приносит порой больший доход, чем угольная шахта или сталеплавильный завод. Нередко своеобразным институтом воспитания молодых людей становится обособленная группа их родителей, ищущая образцы поведения в собственном мире. Знаменательно, что многие социологи отождествляют начало периода молодости с выходом ребенка из-под господствующего влияния родителей. «С социологической точки зрения, — пишет социолог Ю. Халасиньский, — период созревания начинается с момента, когда родители утрачивают подлинное влияние на ребенка, когда он переходит под влияние группы ровесников, которые самостоятельно, вне семейных сфер и влияния взрослых приспосабливаются к существующим жизненным ситуациям»⁸³. Прежде чем произойдет формирование взрослого, молодой человек создает себе собственный изолированный мир, управляемый своими законами и образующий свою собственную субкультуру. Она различна в разных возрастных и социальных группах, но объединена общими особенностями. Субкультура эта — комплекс признаваемых молодежью норм, ценностей, образцов, убеждений — всего того, что составляет образ жизни данного молодого поколения.

Молодежь, когда-то остававшаяся в тени взрослых, заявляет о себе, утверждая обособленность своей позиции в социальной структуре. Объект воспитательных усилий стал одним из субъектов общественной жизни. Проблемы молодого поколения выдвинулись в разряд важнейших социальных проблем, и прежде всего потому, что наиболее самостоятельная часть молодежи стала доставлять воспитателям все больше тревог, а некоторые

⁸³ Там же, с. 37.

ее группы подняли бунт, отказываясь интегрироваться с обществом. В частности, это явление было вызвано тем, что классовый характер капиталистического общества predetermined и классовость системы воспитания и обучения, что проявилось прежде всего в неравенстве возможностей для получения образования. Происходит это в силу капиталистического принципа сосуществования равенства формальных прав с неравенством фактических возможностей использовать эти права.

Вместе с тем капитализм привел к ослаблению локальных общностей, а также малых общественных групп, которые прежде выполняли в жизни человека универсальные функции, удовлетворяя почти все его потребности. Семейная группа оказывала прежде решающее влияние на поступки тех, кто входил в ее состав. При капитализме локальные и семейные связи стали терять значение, уступая место связям более общим. Человек в индустриальном обществе во все большей мере отождествляет себя с большими общественными группами (нацией, классом), теряя интерес к общности локальной, изменяя свое отношение к семье. Разложение семьи, характерное для буржуазного общества, возможно, и оказывает какое-то стимулирующее влияние на рост потенциально неофашистской массы, но возникает и другой вопрос: в чем причины разложения самой семьи? Развитие промышленности, прогрессирующая урбанизация общества, глубокие изменения в общественных отношениях — все это приводит к интенсивному ослаблению семейных связей, ограничению роли семьи в социализации молодого поколения. Но это и объективные условия, в которые поставлена семья в буржуазном обществе на этапе резкого обострения всех противоречий капитализма.

Однако, отличаясь от субъективного фактора — тотального закрепощения индивида в жесткие рамки соответствия требованиям буржуазной политической идеологии, в том числе неофашистской, западная социология пытается объяснить возникновение настроений протеста, бунта, экстремистских наклонностей в среде молодежи, ограничив область исследований только психологическими факторами. Так, итальянский социолог Джампаоло Кателли, отмечая несомненно существующую связь между чувством фрустрации и авторитарным способом ее снятия, считает, что «неофашисты в наших

средних и больших городах являются продуктом общества, которое в целом снисходительно, но фрустрирует ожидания, которые оно само же порождает. Это вызывает анемию и социальную деградацию. Индивид не может найти свое место в обществе, так возникают чувство недоверия, цинизм, преступные наклонности, типичные для неофашистов»⁸⁴. Но и в данной трактовке причина фрустрации остается неясной.

В марксистских исследованиях механизма фрустрации и его роли в современных буржуазных психологических концепциях насилия прежде всего отмечается, что это понятие включает порождаемое социально-экономическими, политическими, научно-техническими, морально-этическими противоречиями, ограничениями, условиями современного буржуазного общества чувство неудовлетворенности, возмущения и протеста, присущее сегодня большинству людей и особенно молодому поколению на Западе⁸⁵. Действительно, вряд ли можно объяснить формирование неонацистской идеологии, психологизируя только социальную среду. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, социальное происхождение само не определяет направленности сознания, тем более взятое в качестве критерия для определения идеологии представителей различных слоев общества. Как и любое мировоззрение, идеология неонацистского, правэкстремистского типа складывается под воздействием целого комплекса факторов: социальных, психологических, экономических, политических, культурных.

Тем не менее можно выделить одну общую закономерность развития современного капиталистического общества, которая толкает молодых людей на определенный путь поведения. Эта закономерность — разрыв бытия отдельного человека с социально-экономической действительностью. Именно при столкновении традиционных идеалов и новой социальной организации возникает неудовлетворенность существующей организацией общества. А поскольку с развитием капитализма возможности для «независимой», «самостоятельной» деятельности личности сужаются, эти настроения становятся все более явными, формируя ту среду, в которой легко пускают корни идеология и психология антикоммунизма,

---

⁸⁴ Raporama, 1973, N. 391, 26 aprile, p. 36.

⁸⁵ Холличер Б. Человек и агрессия. М., 1975, с. 18.

возникают стремления к политической активности фашистского типа.

И в самом деле, анализ социального состава террористических отрядов неофашизма показывает, что большинство его участников — это молодежь, не нашедшая своего места в жизни, пополнившая ряды так называемых свободных людей. Они свободны от работы как безработные, «свободны» от моральных ценностей буржуазного общества, в том числе имеющих и непреходящую общечеловеческую значимость, «свободны» от конкретных политических привязанностей, ибо официальную идеологию правящих буржуазных партий считают неприемлемой как лицемерную и лживую, а идеологию социализма отрицают как «тоталитарную», угрожающую свободе индивидуальности. Но такие категории «свободных» людей лишены подлинной свободы, определяемой Ф. Энгельсом, «как способность принимать решения со знанием дела»⁸⁶. Они свободны, но бремя их «свободы» оказывается им не по плечу, поскольку человек не может жить в вакууме, а тем более человек становящийся, формирующийся. Преисполненный физической и духовной энергии, стремления утверждать себя как личность, он ищет цель жизни, пути собственного оптимального развития. Именно поэтому молодой человек особенно остро нуждается в руководстве, в идеале, который бы ориентировал его в сложном внешнем мире.

Вместе с тем избыток сил, которые зачастую переоцениваются, и отсутствие у молодежи необходимого жизненного опыта нередко приводят к игнорированию ею социальных закономерностей, к отождествлению желаний и возможностей, к скептицизму, порождая, таким образом, конфликт личности и общества. Но в основе «социальной конфликтности» лежат, конечно, не биологические или психологические факторы, на которые ссылаются буржуазные авторы. Отношения взаимной конкуренции и борьбы, антисоциальные чувства коренятся в господствующих в капиталистическом обществе частнособственнических отношениях, неизбежно их отражают и составляют неотъемлемую часть общей социально-нравственной атмосферы этого общества. Такие условия весьма благоприятны для проявлений расизма, неофашизма, для всех видов насилия и преступности. Полити-

---

⁸⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

чески незрелые, индивидуалистически настроенные молодые люди, воспитанные в антикоммунистическом и антидемократическом духе, свободные от устойчивых социальных связей, легко поддаются влиянию неофашистской идеологии, которую ее апологеты представляют как альтернативу и государственно-монополистическому капитализму, и социализму.

Выдавая себя за «третий вариант жизненной ориентации», неофашисты играют на чувствах молодежи, обещают немедленно удовлетворить ее притязания, а главное, призывают к действию, освобождая от всяких моральных норм и гарантируя безнаказанность. Но, как подчеркивал В. И. Ленин, «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁸⁷.

Важной стратегической задачей неофашистов остается стремление увести молодежь от понимания диалектики развития общества как борьбы классов, внедрить в ее сознание принципы негативизма и аполитизма. В практике современного фашизма общезначимые идеалы превращаются в свою противоположность; величие нации — в национализм и шовинизм, справедливость государства — в произвол фашистского этатизма, порядок — в казарменный строй. И человеку, в особенности представителю молодого поколения, не занимающему прочных классовых позиций, к тому же находящемуся под постоянным воздействием мелкобуржуазных взглядов и стереотипов, нелегко бывает разобраться в демагогических хитросплетениях неофашистской пропаганды, выбрать точный идеологический ориентир.

Нацистская демагогия — опасная духовная отравка для подрастающего поколения, которое легко может оказаться в сетях неофашистских ловцов неустойчивых молодых душ. Эту реальную опасность постоянно разоблачают коммунисты и члены демократических организаций. Именно они раскрывают преступные планы неонацистов, обнажают антинародную сущность их политики и идеологии и мешают им спланировать вокруг себя широкие народные массы.

---

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОФАШИЗМА

ИСТОРИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЗА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ И ЛОЗУНГИ ИТАЛЬЯНСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В Италии, колыбели фашизма, его крушение сопровождалось возникновением массового антифашистского движения Сопrotивления, цели и идеалы которого были закреплены в Конституции 1947 г. Итальянской Республики. Итальянское движение Сопrotивления в борьбе за освобождение страны от фашизма выполнило историческую миссию огромной важности, объединяя в своих рядах представителей самых различных социальных слоев и партий, доказав тем самым возможность единых действий в защиту демократических свобод. В борьбе с фашизмом еще больше окрепла и превратилась в одну из ведущих политических сил Итальянская коммунистическая партия (ИКП), завоевавшая огромный авторитет у масс; значительно расширился фронт левых демократических сил, новое развитие получило профсоюзное движение. Перед страной открывались возможности политического и экономического развития по новому пути, реальным казался поворот в сторону социализма, впервые в истории Италии в правительство вошли коммунисты. Качественно новый смысл Конституции Республики, созданной всем ходом движения Сопrotивления, вытекает именно из этого исторического периода. Итальянская Республика, провозглашенная 2 июня 1946 г., явилась результатом демократического выбора, сделанного большинством народа страны.

Конституция 1947 г., ставя вне закона всякого рода полулегальные или другие организации, руководствующиеся идеями фашизма, была недвусмысленно антифашистской. В основу выработанных Учредительным собранием решений по государственному устройству страны легли принципы труда, мира, демократии, социального равенства. И в этом заслуга демократических сил.

В Италии, как было сказано в ее Основном законе, фашизм не имел больше никаких политических прав и убежища, XII — заключительный — раздел Конституции гласил: «Запрещается реорганизация в любой форме распущенной фашистской партии». Речь шла не о какой-то временной или даже переходной правовой норме: новая конституционная система определила главный смысл происшедших перемен. Исходя из этой и связанных с ней по смыслу других правовых норм, республиканское государство было определено как антифашистская демократия.

С тех пор прошло более 30 лет,

Развитие процесса демократизации в Италии (раздел V Конституции и статья 3 Введения) не могло осуществиться в условиях капиталистического строя. Возможным демократическим преобразованиям буржуазия противопоставила реакционные методы удержания власти. Как и прежде, в авангарде наступления на демократию встал фашизм в его послевоенной модификации. Волна арестов 1947—1948 гг., прокатившаяся по стране, объективно способствовала формированию предпосылок для рождения неофашизма. И он набрал силу.

Современный фашизм в Италии является крупнейшим в Западной Европе организованным формированием. Его политическое кредо открыто излагается в официально издаваемых работах теоретиков неофашизма, в неофашистской прессе, отражено в избирательных лозунгах и листовках. Как уже отмечалось ранее, по итогам досрочных парламентских выборов 1979 г. неофашистская партия Итальянское социальное движение (ИСД) представляет в парламенте Италии 5,3% голосов электората (избирателей)¹. В стране выходит более 50 ежедневных и еженедельных газет и журналов, пропагандирующих идеологию фашизма. Это «легальная» сторона неофашизма, использующего буржуазно-демократические свободы, восстановленные в борьбе с фашизмом.

Одновременно в стране действует около 60 неофашистских террористических организаций, совершивших только в 1979 г. более 3 тыс. террористических актов, включая взрывы бомб и нападения на активистов демократических партий и организаций и другого рода про-

---

¹ Unitá, 1979, 12 giugno.

вокаций². Как «легальный», так и «подпольный» фашизм имеет постоянную финансовую поддержку (о ее источниках речь пойдет ниже). Так, только на парламентские выборы 1972 г. неофашисты затратили 1750 млн. лир — предел расходов, установленный парламентом для проведения партиями своих избирательных кампаний³. Италия 70-х гг. являлась ареной открытых вооруженных провокаций, чинимых фашистскими организациями. Такого еще не было здесь за все послевоенное время. Неофашисты — члены партии ИСД, — следуя линии широкого и разветвленного политико-организационного движения, действуют не только в различных уголках страны, но и в парламенте. «Слабость правительства, — отмечалось на пленуме ЦК ИКП в ноябре 1969 г. в разгар массового выступления трудящихся и студенческой молодежи, — может превратиться в трамплин для кризиса с реакционным исходом»⁴. Этот вывод подтвердился последующим ходом развития внутривнутриполитической обстановки в Италии.

Чем же объяснить такой поворот событий? В чем причины живучести фашизма? Что позволяет ему сохранять свое влияние в определенных социальных слоях? Ответ на эти вопросы мог бы дать всеобъемлющий анализ развития страны после второй мировой войны. Мы остановимся кратко лишь на тех социально-экономических аспектах, которые оказали определяющее влияние на формирование и эволюцию неофашизма в Италии.

Фашизм паразитирует на крайних формах недовольства. Когда массы в условиях обострения кризиса капитализма испытывают экономические трудности, а обыденное сознание оказывается в тупике, не видя перспектив социального развития, именно тогда и появляется фашизм, выступающий и в качестве катализатора кризисных процессов, и в роли «спасителя». В периоды обострения общего кризиса капитализма получают развитие психологическое состояние так называемого массового бессилия, настроения фрустрации, аполитицизма. В такие моменты буржуазия предлагает массовому сознанию, переполненному чувством протеста, идеологию и практику фашизма, как средство, якобы способное разрешить

---

² См.: Unità, 1980, 27 febbraio.

³ Il veleno fascista.— Panorama, 1973, N. 391, 26 aprile, p. 24.

⁴ Unità, 1970, 2 marzo.

обострившиеся проблемы. При этом фашизм внешне выступает с внеклассовых позиций, обрушивая угрозы в адрес левых сил и позволяя себе критиковать капиталистические порядки, которые в действительности и вызвали обострение кризисной ситуации. В самых общих чертах социальную базу неофашизма составляют люди, недовольные своим положением или условиями жизни и не видящие реального выхода из сложившейся ситуации. Живучесть же фашистской идеологии как раз в том и состоит, что ее можно интерпретировать как угодно, а потому и пойти за ней по разным мотивам.

В жизни итальянского общества после второй мировой войны существовал ряд проблем, трудностей, противоречий, которые и обусловили потенциальные условия для возрождения фашизма. «Парадоксальным образом, — пишет Энцо Сантарелли *, — неофашизм смог как-то закрепиться в стране и наладить определенный контакт с «массой», используя именно негативные результаты собственного двадцатилетнего правления: катастрофическое положение Юга, разрушенного фашистской войной; враждебность деклассированных слоев и низших слоев мелкой буржуазии, страдающей от чувства психологической фрустрации, вызванного поражением; психологическое переживание итальянской «нацией» военного поражения, нанесенного капиталистической демократией Запада и страной социализма»⁵.

Экономическое развитие Италии 50-х — начала 60-х гг. вызвало социальные сдвиги, существенно изменив характер и облик итальянского общества. Общая для всех развитых капиталистических стран потребность в государственно-монополистическом регулировании, необходимом для упорядоченного действия капиталистического производственного механизма, в Италии ощущалась особенно остро: наряду с множеством старых нерешенных проблем, в условиях лихорадочного экономического роста и быстрых социальных сдвигов резко обнажились новые неравномерности, трудности, противо-

---

* Энцо Сантарелли — член руководства ИКП, историк, преподаватель новой и новейшей истории в университете г. Урбино, сотрудник «Национального института по истории освободительного движения», автор ряда работ, посвященных исследованию генезиса и истории фашизма Италии.

⁵ Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1971, p. 18.

речия⁶. В стране образовались так называемые маргинальные слои. В основном это — бывшие буржуа, выходцы из деревни. Только за 12 лет (1956—1968) занятое сельскохозяйственное население уменьшилось на 2 млн. человек — с 6,3 до 4,26 млн.⁷ Эту массу недовольных пополняли «белые воротнички» — инженерно-технический, научно-технический и торгово-конторский персонал. По своему материальному положению они сближались с квалифицированными рабочими, переживая утрату былых привилегий, понижение социального статуса и социальную несправедливость. Капитализм как общественная формация постоянно и все интенсивнее воспроизводил прослойку деклассированных и уголовных элементов.

В 60-е гг. все более важную роль в определении политического климата страны начала играть молодежь, что было связано как с повышением ее удельного веса в составе населения страны, так и с объективным ростом ее политической активности. Например, в 1965 г. на долю лиц моложе 30 лет приходилось около 32% активного населения, а в промышленности они составляли примерно 50% занятых⁸. Это поколение уже не помнило Италию довоенную или первых послевоенных лет; оно жило настоящим, а существующие экономические и социальные блага воспринимало как минимум, продолжая поиски в жизни нового и лучшего. Необходимо отметить особое место студенчества в молодежном движении Италии, обусловленное спецификой его положения в социально-политической структуре страны. Архаичность системы образования, перспектива стать «дипломированным безработным», неуверенность в своем будущем порождают у студентов чувство протеста, которое принимает порой причудливые формы, в целом ухудшая и без того напряженную обстановку в стране.

Для молодежи, как и для других категорий населения Италии, занятых активной производственной и социально-политической деятельностью, характерна высокая степень участия в демократических преобразованиях. Важным фактором внутривнутриполитической жизни Италии стал рост влияния в массах Итальянской коммунистиче-

---

⁶ Tamburragno G. *Transformazione della società civile e crisi del stato e dei partiti.* — *Critica sociale*, 1966, N. 6.

⁷ См.: Галкин А. А. *Социология неонацизма*, с. 72.

⁸ Там же, с. 117—118.

ской партии, размах забастовочного движения. В сознании трудящихся все больший отклик находили демократические принципы, идеи социализма. В этом правящие круги видели прямую угрозу своей власти. После банкротства фашистского режима (политического и экономического) объективно страна нуждалась в ином пути развития. Однако монополистические круги Италии закрыли дорогу демократическим формам государственности и решили расширить альянс с клерикализмом в лице партии христианских демократов, не без основания рассматривая такой союз как наименьшее зло. Буржуазия рассчитывала с помощью этой буферной политической силы создать противовес развитию демократических тенденций в стране. Для крупного капитала в этом состояла та необходимая альтернатива, которая позволяла ему подменить требование подлинно демократического пути развития в массовом сознании, отличавшимся низким уровнем политической подготовки, дилеммой: «фашизм потерпел поражение, пусть его место займет религия под демократической вывеской»*. Угрозой потери своего влияния во внутренней и внешней политике страны, успехами ИКП в борьбе за массы озабочена была и церковь.

В обстановке антикоммунизма и оживления клерикальной пропаганды, колебаний правительственной политики между дирижистским государственно-монополистическим курсом и экономическим либерализмом на политической арене Италии вновь появился фашизм. Его вдохновители преследовали две основные цели: задавить демократическое движение внутри страны, поставив у власти правительство «твердой руки», и включить фашизм в состав ударных сил, ведущих борьбу против социалистического содружества, против социализма на международной арене.

Однако лозунг борьбы с коммунизмом, ставший основополагающим в идеологии неофашизма, наряду с пря-

---

* Подобного рода политический прием, к которому прибегала буржуазия в поисках выхода из послевоенного кризиса, мы встречаем не только в Италии, но и в Западной Германии, Австрии (странах, переживших господство «канонического» фашизма), где поворот к клерикально-демократической форме правления стал своего рода компенсаторным препятствием на пути развития коммунистических, социалистических тенденций, роста влияния прогрессивных сил.

мой преемственностью политических установок фашизма 20—40-х гг., имел свою специфику. Антисоциализм как проявление ненависти к главному идейному противнику с самого начала присутствовал и в «каноническом» фашизме, но его острее направлялось против коммунистов внутри страны. После второй мировой войны антисоциализм итальянского неофашизма тесно сомкнулся с антисоветизмом и превратился в деятельную силу общего империалистического «крестового похода» против коммунизма. Отныне неофашистские лозунги приобрели более ярко выраженный международный характер, внешнеполитический акцент, борьба с идеологией коммунизма стала задачей фашистов не только внутри, но и вне Италии как части «свободного мира». В первые годы после разгрома перед уцелевшими сторонниками фашизма в Италии стояли весьма сложные задачи: собрать в какое-то подобие организации остатки разбитой фашистской партии, приспособиться к новой политической обстановке. Фашистские группы начали активизироваться.

Приобретает размах возникшее в это время движение куалункизма. 27 декабря 1944 г. Гульельмо Джаннини, посредственный драматург, основал газету «Uomo Qualeunque»*. Поначалу никто серьезно не воспринял затею Джаннини, но когда через несколько месяцев тираж газеты превысил сотню тысяч экземпляров, многие стали задумываться над причинами ее успеха. 8 августа 1945 г. Джаннини, не сумев уговорить ни одного из известных политических деятелей (Кроче, Нитти, Бономи и др.) стать во главе возникшей таким образом новой партии, возглавил ее сам. Политическая программа новой партии состояла из нескольких демагогических призывов, требовавших ликвидации всех партий, правительства из бизнесменов, абсолютной свободы от «партийного» правления, «защиты налогоплательщика» и т. п.⁹ Главное, что отличало пропагандистское кредо партии Джаннини,— это неприкрытая апология фашизма, суть которой в демагогии куалункистов сводилась к тому, что «простой человек» не должен заниматься политикой, не должен оказывать поддержку политическим партиям.

В конкретной ситуации Италии 1945—1947 гг. нападки на многопартийное правительство означали выступле-

---

* Uomo qualeunque — «простой (рядовой) человек».

⁹ См.: Fascism Today, p. 130.

ние против возрождения демократических традиций. Безнаказанность, с которой действовал Джаннини при поддержке своих многочисленных сторонников, была своего рода сигналом для легального вступления фашистов на арену политической борьбы. 26 декабря 1946 г. в Риме собралась довольно колоритная группа: бывший заместитель секретаря римской организации фашистской партии, бухгалтер по профессии Артуро Микелини; журналист Джорджо Пини; археолог Бьяджо Паче; Пино Ромуальди, выдававший себя за незаконного сына Муссолини; профсоюзный деятель Франческо Галанти и укрывавшийся от правосудия бывший член правительства Республики Салó Джорджо Альмиранте. Они решили учредить «Итальянское социальное движение», положив в его основу политические идеи «революционного» фашизма 1919 г. и восемнадцать пунктов «Веронского манифеста» Республики Салó. Был принят устав партии, статья I которого гласила: «ИСД есть политическая организация, вдохновляющаяся этической концепцией жизни. Ее цель — защита достоинства и интересов итальянского народа, воплощение социального идеала в непрерывном прогрессе истории...»¹⁰. Недостойными быть членами ИСД в статье IV назывались «те, кто проявил серьезную непоследовательность в своих политических идеях, кто предал страну и не выполнил свой долг гражданина и солдата»¹¹.

Таким образом, уже устав ИСД обнаруживает черты традиционной фашистской идеологии: скрываемую за демагогической фразеологией (чего стоит одна «этическая концепция жизни») цель — воплотить социальный идеал (создание корпоративного государства) под предлогом «защиты достоинства и интересов итальянцев» (снова апелляция к нации). Основные задачи новой партии были изложены в «Программном заявлении», состоявшем из 10 пунктов. Формулируя их, основатели движения стремились скрыть его истинные цели и предстать перед итальянцами партией, уважающей законность. Демагогические обращения к национальному чувству итальянцев сопровождалась откровенными призывами к реакционному изменению внешне- и внутриполитического курса страны. Этот документ требовал

---

¹⁰ Fascism Today, p. 132.

¹¹ Ibidem.

сохранения национальной территориальной целостности, включая земли, «потерянные Италией в результате двух мировых войн», и изменения курса внешней политики в сторону создания «европейского союза» против большевизма. В области внутренней политики, наряду с положениями о «правах граждан на труд», «действенном участии трудящихся в управлении предприятиями», «бесплатном образовании», которые встречаются в «Веронском манифесте», «Программное заявление» содержало призывы к защите государством частной собственности, «восстановлению авторитета государства» и к отмене «чрезвычайного законодательства» (имелись в виду «законы о чистке», направленные на удаление из государственного аппарата бывших фашистов)¹².

ИсД преднамеренно возвращалась к памяти Социальной республики (Салó): MSI — сокращенное название Итальянского социального движения созвучно сокращению RSI, принятому для Социальной республики, а название членов партии ИсД «миссини» (missini) представляет сознательную ассоциацию с именем Муссолини. С идеологической точки зрения история республики Салó была тем отправным пунктом для ИсД, демагогически интерпретируя которую оно могло бы уйти от ответственности за «двадцатилетне» эры фашизма. Поэтому неофашизм старался представить Социальную республику в виде независимого исторического явления, характеризующегося свойственной только ему ценностью. Сторонников Социальной республики (Салó), составивших костяк Итальянского социального движения, неофашистская пропаганда называла чуть ли не единственными защитниками родины, «нации», «народа» в годы второй мировой войны. В действительности в ИсД наряду с «републикани» — приверженцами Социальной республики влилось и большое число уцелевших фашистов, зверствовавших во времена кровавого «двадцатилетия». Большая часть «републикани» или по меньшей мере те, кому удалось избежать правосудия и политических чисток, примкнув к ИсД, стали открыто заявлять, что Социальная республика стремилась «спасти родину и защитить Италию от большевизма».

Из неизвестных источников стали поступать «пожертвования», и уже через несколько месяцев ИсД смогло

---

¹² Критика идеологии неофашизма. М., 1976, с. 245.

открыть отделения во многих уголках страны и начать массовую пропаганду своих идей, что тоже стоило средств. В 1946—1950 гг. в стране выходило более 25 неонацистских изданий. В 1951 г. ИСД, укрепившись за счет бывших куалункистов, разочаровавшихся в своем лидере, выступило уже как самостоятельная организованная политическая сила. Открытая клевета и опорочивание движения Сопротивления, призыв «пойти в атаку», обращенный к молодому поколению, обещание оздоровить «зловонную атмосферу Италии» — таковы были основные направления деятельности ИСД в этот период. Открытому выступлению неонацизма способствовали также, с одной стороны, обозначившееся в 1945—1946 гг. отступление демократических сил и последовавший в 1947—1948 гг. распад антинацистского блока. С другой стороны, все более конкретные формы обретал консервативный поворот христианских демократов к проведению так называемой межклассовой политики. В то же время итальянская буржуазия, окрепшая от потрясений войны и восстановившая в основном прежние позиции, заметно ориентировала свою политику на интересы западноевропейских союзников.

Мутная волна антикоммунизма оказалась благоприятной средой для развития неонацизма, который не замедлил приступить к антидемократическим действиям. С самого начала ИСД проводило принцип функционального разделения легальных и нелегальных методов. Антидемократические кампании в прессе постоянно сопровождались взрывами, поджогами, провокациями, которые осуществляло «неутомимое молодое поколение», одурманенное демагогической фразеологией неонацистов и поощряемое попустительством властей. И легальные и нелегальные методы служили одной цели: блокировать демократическое развитие страны. Определенную поддержку ИСД на этом этапе оказали Ватикан и правое крыло Христианско-демократической партии, увидевшие в неонацистах силу, способную сплотить вокруг себя все правые экстремистские группировки. В результате во время парламентских выборов 1948 г. ИСД набрала почти 527 тысяч голосов, получив 6 мест в нижней палате и 1 — в сенате¹³.

---

¹³ Fascism Today, p. 136.

Эта небольшая победа вызвала в руководстве Итальянского социального движения острую внутреннюю борьбу вокруг определения стратегической линии партии. Умеренное крыло ИСД во главе с Микелини, состоявшее из остатков фашистской верхушки, наученное горьким опытом, настаивало на парламентских методах борьбы. Ему противостояли возглавляемые Джорджо Альмиранте сторонники «жесткого курса», «прямых действий», выступавшие за усиление терроризма и активизацию вооруженной борьбы вплоть до открытого контрреволюционного путча. Микелини удалось отстоять свою точку зрения, но экстремистское крыло попыталось компенсировать свое поражение внутри партии «победами» вне ее, то есть новыми провокациями и террористическими актами.

Обстановка в Италии в начале 50-х гг. способствовала укреплению влияния неофашистов. Усиление позиций монополистического капитала и антикоммунистическая политика христианских демократов, обострение «холодной войны» и антисоветизма открывали большие возможности перед силами крайней реакции. К моменту парламентских выборов 1953 г. борьба внутри ИСД особенно обострилась. Основным пунктом разногласий стало отношение ИСД к НАТО и тем самым к внешнеполитическому курсу правительства Де Гаспери, которое неофашисты поддерживали. Если на выборах 1948 г. ИСД выступало с типично националистическим лозунгом: «Есть три решения — Россия, США или ИСД»¹⁴ (естественно, национальные интересы может защитить только... социальное движение), бросало упрек правящим партиям в «предательстве интересов Италии», то к 1953 г. выявилась необходимость изменить этот лозунг. Солидаризируясь с вдохновляемым США движением за создание единой, антикоммунистической военизированной Западной Европы, лидеры ИСД быстро переориентировались, утверждая, что фашисты всегда верили в европейское единство как «оплот западной идеологии против большевизма»¹⁵.

Анализ неофашистской пропаганды в избирательной кампании 1953 г. показывает, что неофашизм возвращается «на круги своя», с которых начинал фашизм в

---

¹⁴ Fascism Today, p. 141.

¹⁵ Ibidem.

1915 г. Вновь объявляется старый испытанный символ — «нация», вокруг которого группируются все остальные ценности. Основным лозунгом становится: «ИСД — единственный надежный защитник нации»¹⁶. Вот как его смысл развивал один из лидеров ИСД Валерио Боргезе: «Для нас существуют лишь две группировки: на одной стороне стоят все без исключения политические партии... на другой — в одиночестве, да иначе и быть не может — ИСД. Существующие ныне партии все выросли из этих Комитетов национального освобождения*, которые единственно что сделали... это примкнули к победителям** и продолжали борьбу против итальянского народа.., они помогали чужеземцам оккупировать нашу землю, они стали орудием уничтожения едва сложившегося национального единства.., создали чудовищную психологию триумфа партии над нацией». Неофашистская пресса пестрела призывами к «народу» перестать «унижаться перед победителями!», играла на националистических чувствах итальянцев, демагогически призывая их взять на себя ответственность за все плохое и хорошее, что было в прошлом страны. Естественно, неофашисты словом не обмолвились о том, почему «чужеземцы» оккупировали Италию, кто привел страну к поражению, кто действительно в течение 20 лет терзал итальянский народ.

Вместе с тем ответственность за социально-экономические трудности и политическую нестабильность страны возлагалась неофашистской пропагандой на тех, кто выдвигал иную, антифашистскую программу устройства послевоенной Италии. «Все эти люди (то есть партии, противостоящие ИСД.— М. Ф., А. Р.) продолжают разделять итальянцев морально и политически, проводя чистки, деля страну на области... Такова основная причина нашей оппозиции и вступления в политическую битву. Вот наш призыв: «Итальянцы, объединимся вокруг знамен Нации и Труда прежде, чем пораженцы окончательно погребут в развалинах единство Отечества»¹⁷.

---

¹⁶ Ibidem.

* Так назывались руководящие органы движения Сопротивления.

** Здесь и далее в цитатах, взятых из прессы ИСД, выделено нами.— М. Ф., А. Р.

¹⁷ *Almirante G. Uniti per dividere.—«11 Secolo d'Italia», 1953, 24 gennaio.*

Символом «внешней опасности», якобы угрожавшей целостности «нации и государства», в кампании 1953 г. неофашисты избрали проблему города Триеста. По мирному договору 1947 г. Триест был разделен на две зоны: зону А, оккупированную войсками англо-американских союзников, и зону В, занятую Югославией. Наконец, в 1954 г. были сформулированы положения мирного договора, касающиеся Триеста. В результате к Италии отошли порт и город Триест, входившие в зону А, а Югославия сохранила за собой зону В и Истрию. Но неофашисты не успокоились. Требуя возвращения зоны В и «итальянизации Триеста», ИСД тем самым превращало триестский вопрос в один из стереотипных программных пунктов своей националистической пропаганды. Экономические трудности порта объявлялись неофашистской пропагандой проблемой «жизненного пространства» города, оставленного без внутренней территории. «Без Триеста и Истрии Италия останется без свободы в Средиземном море, превратится в униженную нацию, которая не будет иметь никакого веса в международной политике», писала еще в 1953 г. неофашистская газета «*Ла Ривольта Идеале*»¹⁸.

В националистической пропаганде неофашистов также широко интерпретировался вопрос о Верхнем (Южном) Тироле. Суть проблемы заключалась в попытках побудить правительство Австрии отдать этот район итальянской области Трентино-Альто-Адидже. Неофашисты обрушивались на «несознательное» немецкое меньшинство, которое отказывалось объединиться с итальянской нацией на «честной основе». Следует отметить, что присоединение Верхнего Тироля к Трентино рассматривалось правящими кругами Италии как некий вопрос престижа. Этому способствовала обстановка, сложившаяся после вступления в силу пограничного соглашения Де Гаспери — Грубера (глава итальянского правительства и министр иностранных дел Австрии, подписавшие этот документ), фактически предоставлявшего широкую возможность для различного толкования его текста, а точнее, для политических спекуляций.

Положение Мирного договора 1947 г. о национальных границах Италии в неофашистской интерпретации можно найти даже в программе ИСД на выборах 1972 г., хотя

---

¹⁸ *La Rivolta Ideale*, 1953, N. 14, p. 17.

изложенные в ней требования отличаются определенной умеренностью и не столь воинственны, как в прошлом. До сих пор идеологи Итальянского социального движения занимаются выработкой альтернативного решения «спорных вопросов»: представители ИСД методично пытаются включить в повестку дня парламента и сената требования о пересмотре границ с соседними государствами. Неофашисты, как в свое время и фашисты, продолжают спекулировать на чувствах патриотизма, на этноцентризме, самолюбии итальянского народа, старательно выставляя себя единственными поборниками интересов «нации», «отечества» и т. п. Постороннему наблюдателю или исследователю приведенные выше цитаты и лозунги могут показаться необоснованными, демагогическими, но у многих итальянцев, воспринимавших эту неофашистскую риторику через призму тридцатилетней массовой националистической пропаганды, она находила определенный отклик.

Парламентские выборы 1953 г. стали поворотным пунктом в эволюции неофашистской идеологии. Формирование ее основных стержневых принципов и ценностей происходило в обстановке настоящего крестового похода против левых сил, во главе которого встала католическая церковь, в условиях фронтального наступления монополий на рабочий класс, развернувшегося в процессе модернизации промышленности. Влияние ИСД на массы стало стабильным. На муниципальных выборах весной 1952 г. неофашисты набрали 1 699 859 голосов, на парламентских (лето 1953 г.) — 1 579 883 (5,9%) голоса, что обеспечило им 29 мест в нижней палате и 9 — в сенате. А когда после 1953 г. демо-христиане потеряли абсолютное большинство в парламенте, Итальянское социальное движение предприняло попытку сформировать «большие национальные правые» силы и включить «умеренный» и «парламентский» неофашизм в сложную игру политического равновесия, проводимую христианскими демократами.

Лидеры ИСД упрекали в то время ХДП в том, что она не в состоянии победить коммунизм. Они заявляли, что «коммунизм — это не проблема, которую можно решить полицейскими мерами. Это проблема социальных реформ, которую ХДП не в состоянии и не хочет решать», ибо давно скомпрометировала себя старыми связями с

коммунистами (?!)¹⁹. Выступая оппозиционно по отношению ко всем организованным политическим движениям, ИСД делало исключение лишь для церкви. «ИСД — католическая партия... В лице ИСД католическая религия найдет своих самых ревностных защитников, потому что католическая религия является частью итальянской традиции, одним из основополагающих принципов итальянской цивилизации», — говорилось в одной из передовых статей неофашистской газеты «Меридиано д'Италия»²⁰. В свою очередь ХДП тоже пыталась создать себе политический резерв, который она могла бы контролировать. Поэтому во время предвыборных кампаний лидеры христианских демократов не гнушались блокироваться с неофашистами и недвусмысленно способствовали разгулу неофашистского террора.

Но начиная с 1956 г. потребность правящих кругов Италии в ИСД как лидере правых сил временно отпала, что объяснялось рядом внешних и внутренних факторов.

Наметились улучшения в международных отношениях. В стране, охваченной экономическим бумом в промышленности, капиталисты были готовы идти на частичные уступки рабочему классу. Политический климат постепенно менялся в направлении левоцентризма, в условиях которого все большее распространение получали реформистские настроения. Приближались парламентские выборы 1958 г. В ходе избирательной кампании неофашистская пропаганда придерживалась старых лозунгов. Главным оставался призыв «Защитим Италию!»; «Италия» (с ее синонимом «нация») по-прежнему была центральным символом. «Все — за Италию, ничего — против Италии», «За Италию против антиитальянцев», «За Италию против ИКП и ХДП», «Нет — подрывной деятельности марксистов» — такими и подобными им лозунгами пестрела неофашистская пресса. Некоторая новизна состояла лишь в еще более яростных нападках на антифашизм. Альмиранте говорил об этом недвусмысленно: «В отношении нации после войны совершенно грандиозное предательство: предано ее единство, ее достоинство, ее безопасность... антифашистская логика роковым образом превратилась в антинациональную ло-

---

¹⁹ Propaganda politica in Italia (1953 e 1958), a cura di P. Facchi. Milano, 1960, p. 184.

²⁰ Ibidem, p. 187.

гику»²¹. Иными словами, антифашизм в пропаганде ИСД отождествлялся с антипатриотизмом.

Но объединяющим моментом для различных течений как внутри ИСД, так и правозэкстремистских группировок Италии по-прежнему оставалась «единая глобальная антикоммунистическая позиция». Антикоммунизм для неофашистов, вообще говоря, служит чем-то вроде критерия для политической ориентации в выборе союзников. Показательно заявление Микелини: «ИСД выступает на выборах против своего врага: коммунизма; против своего противника: демо-христиан; против прочих врагов... социал-демократов, либералов, радикалов и республиканцев»²². Здесь, как видим, градация заложена в определениях: «враг», «противник», «прочие враги», то есть коммунизм рассматривался как постоянный враг и «враг № 1», а ХДП — как тактический, временный политический противник.

В этой же кампании на первый план выдвинулась традиционная для фашизма, но впервые прозвучавшая в пропаганде неофашизма тема «порядка». «Если мы — фашисты, — говорил Ф. Турки, — то в первую очередь потому, что фашизм обеспечивал мир, спокойствие, социальное сотрудничество. Если мы тоскуем по чему-то, так это по режиму, суть которого выражена в лозунге фашизма Муссолини: «Порядок. Власть. Справедливость»²³. ИСД сохранило и другой свой традиционный лозунг: «ИСД — верный и единственный защитник церкви и религии». Отсюда следовал призыв голосовать за ИСД, которое защищает интересы католиков лучше, чем ХДП. Анализируя неофашистскую пропаганду периода 1953—1958 гг., можно сказать, что в развитии своей идеологии лидеры неофашизма не продвинулись дальше повторения старых лозунгов: «Италия», «антикоммунизм», «защита церкви», «трудовое государство», иными словами, старых фашистских призывов.

Выборы 1958 г. знаменовали поражение неофашизма. ИСД набрала 4,8% голосов, то есть на 1% меньше, чем на предыдущих выборах 1953 г. Озабоченное падением авторитета ИСД, ее руководство попыталось вновь открыто использовать свой черносотенный резерв: много-

---

²¹ Propaganda politica in Italia, p. 313.

²² Ibidem, p. 315.

²³ 11 Secolo d'Italia, 1958, 24 maggio.

численные террористические формирования, связи с которыми оно ранее не афишировало. Однако если в 1952 г. Итальянское социальное движение могло без помех проводить свой съезд, то в 1960 г. оно столкнулось с препятствием: неофашисты недооценили силу антифашистского союза. В результате Генуя, город, выбранный ИСД для проведения VI съезда, оказался под угрозой народного восстания. После отмеченных неудач и поражений для Итальянского социального движения наступили тяжелые времена. Правда, на парламентских выборах 1963 г. партии удалось несколько поправить положение — увеличить процент голосов избирателей с 4,8 до 5,1, но к 1968 г. она растеряла это преимущество и набрала 4,5% голосов²⁴.

Чтобы привлечь к себе новые массы, неофашизм прибегнул к давно испытанному приему — разжиганию антисемитизма. В 1961 г. после процесса над Эйхманом и его казни по Италии прокатилась волна еврейских погромов. Искусственность этой кампании была очевидна, если учесть, что в идеологии итальянского фашизма и неофашизма элементы расизма выражены явно слабее, чем в немецком. В ИСД существует отдельная (немногочисленная) группировка во главе с Ю. Эволой, проповедующая идеологию расизма. Ситуация довольно парадоксальная, ибо гитлеровские теоретики причисляли итальянцев к нациям второго сорта. Но Эвола находит выход и объявляет единую спартороманскую расу «проявлением германической расы». В 1963 г. среди участников сессии Экуменического совета, созванного папой Иоанном XXII, неофашисты распространили объемистый труд под названием «Заговор против церкви», отличающийся махровым расизмом и антисемитизмом. Достаточно сказать, что одна из глав книги называлась «Еврейская пятая колонна среди служителей церкви». Однако идея антисемитизма не стала ведущей в идеологии Итальянского социального движения, да и не могла найти широкую поддержку хотя бы по той причине, что в стране количество евреев едва превышало 60 тыс. человек²⁵.

Несмотря на попытки руководства ИСД вдохнуть в движение новую жизнь, налицо были все признаки

²⁴ Rosenbaum P. *Il nuovo fascismo. Da Saló ad Almirante*. Milano, 1975, p. 278.

²⁵ См.: *Fascism Today*, p. 163, 203.

спада. Внутри партии возникали и без конца конфликтовали друг с другом многочисленные группировки и фракции: «корпоративистские», «пронатовские», «антинатовские»; «прозападные», умеренные, экстремистские и т. п., всего более 20. В 1964 г. был сорван вдохновлявшийся правыми заговор армейской разведки (СИФАР) во главе с генералом Де Лоренцо. Рухнула еще одна надежда наследников Муссолини прорваться к власти с помощью военной силы. Два года спустя потерпело сокрушительное поражение на выборах и «движение Паччарди», названное так по имени его основателя бывшего военного министра Р. Паччарди. Главная цель этого движения состояла в том, чтобы воспрепятствовать успехам левых сил на политической арене страны и, опираясь на финансовую помощь крупной буржуазии и поддержку внутренней реакции, бороться за создание в Италии «президентской республики» голлистского типа. Однако отсутствие какой-либо четкой программы, тесная связь с наиболее реакционными силами в Италии (в случае успеха — вероятная перспектива смещения политики в крайне правое направление) отшатнули от «движения Паччарди» даже монополистические круги, вначале оказывавшие ему материальную и моральную поддержку. Не оправдались и надежды неофашистов, усматривавших в «движении Паччарди» союзника в борьбе за власть.

Поэтому главной задачей, которая стояла в то время перед организованным неофашизмом, было сохранение завоеванных позиций. Наиболее дальновидные лидеры неофашизма постепенно убеждались в беспочвенности притязаний ИСД на роль самостоятельной политической силы. Иллюзорной представлялась им отстаиваемая Ф. Турки идея, что более реальной и вероятной для неофашистов будет функция противовеса левым демократическим силам, возглавляемым коммунистами. «Когда мы утверждаем, что хотим влиять на ХДП,— говорил тогда А. Микелини,— мы имеем в виду определенные и четкие цели: «устранить опасность регионализма, сорвать козни коммунистов, способствовать установлению в стране социального и политического мира, который ей может принести лишь государственный строй, основанный на принципах нашего корпоративизма»²⁶.

---

²⁶ См.: Филатов Г. С. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977, с. 95—97.

Существовавшие разногласия между сторонниками «умеренного» курса, возглавляемыми Микелини, с одной стороны, и экстремистским крылом Альмиранте—Раути и так называемой «партией кризиса» или «американской партией», с другой, привели в итоге к созданию широкой сети самостоятельных военизированных групп и отрядов неофашистов, деятельность которых особенно оживилась в 70-е гг., ознаменовав начало «стратегии напряженности». Широкомасштабный террор в целях создания в стране обстановки хаоса и неуверенности вызвал обратную реакцию даже тех, кому неофашизм был обязан своим возрождением. Правые из числа монополистической буржуазии и те, кто поддерживал неофашизм в правительственных кругах, выразили недовольство размахом его подрывной деятельности. Под давлением развернувшейся в стране широкой кампании протеста против бесчинств неофашистов они даже требовали запретить деятельность их организаций. Но все это осталось громкой фразой.

Несмотря на то, что после смерти Микелини (29 июня 1969 г.) к власти в ИСД вновь (через 15 лет!) пришел Альмиранте, ничего фактически не изменилось в Итальянском социальном движении. На IX съезде ИСД, состоявшемся в Риме в 1970 г., хотя и был провозглашен новый курс — переход к новой тактике завоевания массовой поддержки и увеличения численности рядов партии,— элементы стратегии были сформулированы весьма нечетко. С трибуны съезда прозвучали пессимистические прогнозы относительно будущего неофашизма, программное заявление Альмиранте подверглось публичной обструкции. К этому времени итоги более чем двадцатилетней деятельности ИСД оказались малоутешительными как для неофашистов, так и для тех, кто делал на них ставку,— монополистического капитала, финансовых магнатов и реакционеров всех мастей. В результате начавшегося в конце 60-х гг. бурного подъема экономической борьбы трудящихся и неудач правящей коалиции на выборах 1968 г. политика «левоцентризма» потерпела поражение. В свою очередь, это дало толчок другому явлению: активизации студенческого движения, захватившего практически все университеты страны и часть средних учебных заведений. По утверждениям буржуазных экспертов-политологов, Италия того времени находилась «в состоянии замешательства, которое не оставляет осо-

бых оснований для оптимизма... Возможность опасных последствий подобной ситуации совершенно очевидна»²⁷.

В определенной степени подобному развитию внутриполитической обстановки в стране способствовало продолжающееся вплоть до настоящего времени нарушение равновесия политических сил, тех, что формируют правящую коалицию страны, а также все углубляющееся неравенство в социальном положении различных слоев населения. С помощью теории «противоположных экстремизмов» ее вдохновители пытаются решить задачу отвлечения широких масс трудящихся от борьбы с современными формами фашизма, с разгулом «черного» терроризма. Эта теория, став частью так называемой «межклассовой» политики ведущей правительственной силы — ХДП, на протяжении многих лет представляла в заявлениях правящих кругов в виде откровенно антидемократической формулы: «никакого врага справа». Сущность этой формулы определяется логикой поведения центральных органов власти, фактически покровительствующих крайне правым.

В 1964 и 1970 гг. под давлением антифашистского движения полиция и исполнительные власти были вынуждены начать расследование и возбудить судебный процесс против неофашистских главарей. Однако «дело СИФАР» и заговор «черного князя» В. Боргезе они так и не довели до конца. Документы расследований были названы «государственной тайной», что позволило лицам, заинтересованным в провале судебного разбирательства, скрыть истинные причины и имена участников неофашистских заговоров против Республики.

В период с 1952 по 1970 гг. Итальянское социальное движение неоднократно предпринимало попытки реорганизации, не меняя фактически существа своих идеологических установок. С этой точки зрения весьма интересна позиция ИСД как движения, имеющего тактику, теоретические основы которой сродни бесславному прошлому: в ней ясно выражены контуры традиций «канонического» фашизма. На словах уважая Конституцию*, это движение по сути направляет свою деятель-

²⁷ The Financial Times, 1970, 15—16. December.

* 25 марта 1972 г. государственное национальное телевидение транслировало интервью с Дж. Альмиранте. Лидер неофашизма, естественно, воспользовался случаем представить ИСД единственным гарантом подлинной свободы в Италии.

ность против демократии и прогресса, против основ антифашистского союза и традиций движения Сопротивления. На страницах итальянской печати, в том числе и правительственных органов, неоднократно разоблачались десятки неофашистских организаций и их заговорщические планы, но ни в одном случае не был дан критический анализ, оценка их деятельности, противоречащей положениям Конституции и республиканской законности. Подобная ситуация оказалась благоприятной для распространения неофашистской идеологии. Перепуганный обыватель видел в предлагаемых неофашистами «простых, но радикальных мерах» возможность восстановления «порядка».

В заявлениях и опубликованных работах национального секретаря ИСД Дж. Альмиранте отчетливо сочеталась проповедь разрушительного консерватизма и демагогическая «революционность», особенно в вопросах трактовки внутривнутриполитического курса страны и теории и практики «канонического» фашизма. Нелишне отметить, что в своих публичных выступлениях в Риме во время избирательной кампании 1968 г. кандидаты от ИСД попытались завоевать симпатии избирателей ссылками на личные связи с президентом США Ричардом Никсоном и намеками на поддержку курса партии из-за океана. Как показали дальнейшие события, связанные с разоблачением в начале 70—х гг. подрывной деятельности ЦРУ, направленной на поддержку реакционных сил в их борьбе против усиления влияния демократического движения в странах Западной Европы, в том числе и в Италии, это были не пустые слова.

Между фашизмом и его современной моделью — неофашизмом, безусловно, существуют различия, которые в общем плане были определены в документах международного коммунистического и рабочего движения и о которых говорилось в первой главе книги. Здесь же мы остановились лишь на характерных чертах итальянского неофашизма. Одна из них — стремление создать сеть реакционных организаций, сформировать так называемые блоки порядка, которые должны осуществить поворот в механизме управления государством, вытеснив современную структуру политических и профсоюзных организаций. Итальянский неофашизм в настоящее время отличают и другие особенности, а именно:

попытки представить ИСД партией, «уважающей закон и конституцию», овладеть массовым сознанием с помощью конституционных методов, использовать парламент для пропаганды неофашистской идеологии;

перемещение центра неофашистского движения с промышленного Севера на аграрный Юг и, следовательно, апелляция к самым отсталым слоям населения — крестьянству и люмпен-пролетариату, а также к традиционалистскому сознанию крупных латифундистов;

проведение в широких масштабах так называемой стратегии напряженности — для создания в стране обстановки хаоса, беспорядка, страха, которая могла бы вызвать у традиционно консервативной части населения, обычно следующей за буржуазными центристскими и правыми партиями, разочарование в деятельности существующих политических институтов и органов власти и, как следствие, породить у этой социальной категории тягу к «сильной власти», якобы способной при помощи «простых решений» и «энергичных действий» навести порядок в экономике и политике, в социальных отношениях.

Из прошлого фашизма его современный исторический преемник унаследовал элементы национал-социализма, антикоммунизма. Однако следует напомнить, что итальянский «канонический» фашизм, выражая интересы экономически и политически слабой (в международном масштабе) буржуазии, которая пыталась сопротивляться давлению более сильного и агрессивного германского империализма, активизированного гитлеровским национал-социализмом, в действительности был вынужден уступить Германии и политике Берлина уже в период с 1935 по 1939 гг., задолго до поражения во второй мировой войне. Но этот факт неофашисты упорно замалчивают. Лишь изредка пытаются они защитить отдельные тактические моменты программных документов «канонического» фашизма, эпизоды дипломатических схваток между Римом и Берлином, которые в конце концов заканчивались поражением первого. Наглядным примером подобного рода «защиты» служит принятый итальянскими неофашистами в начале 70-х гг. курс на «национал-социалистскую перспективу». Критикуя Муссолини за кошмар «черного» двадцатилетия, современный фашизм в то же время копирует национал-социалистскую модель, считая, в частности, экономическую

политику фашистской Германии идеальным средством противодействия экономическим кризисам, а гитлеровскую НСДАП — образцом для подражания при выработке организационной структуры партии.

Таким образом, неофашистское «мировоззрение» в действительности представляет собой компиляцию отдельных программных положений фашистской идеологии разных периодов. Они же в основном составили основу теоретической платформы неофашизма 60-х — 70-х гг.

1 мая 1972 г. на повестку дня заседания руководства ИСД был вынесен один вопрос — подготовка к предстоящим парламентским выборам. Проект избирательной программы Национальных правых* представил Альмиранте. Этот документ, озаглавленный «Призыв к нации», должен был ответить на вопросы, волновавшие в то время общественное мнение страны. Условно он состоял из трех частей (четкого разделения не было), каждая из которых, выражая поставленные перед партией идеологические задачи, была адресована определенно сформированному сознанию. Сам Альмиранте называл программу «новым этапом» признания неофашистской идеологии «всей нацией», чье сознание было «извращено коммунистической агитацией», и считал необходимым излагать ее содержание с учетом «монархического и светского традиционализма, католического консерватизма, корпоративного развития национальной экономики и позиции Италии по вопросу о создании средиземноморского Общего рынка»²⁸. Программа была адресована, с одной стороны, привилегированным слоям общества с их представлениями о «традиционных ценностях», восходящих к временам Римской империи, а с другой, — обращалась к многоликой массе католического электората, чье сознание представляло собой «идеологически инертный продукт». Заключительной частью документа неофашисты рассчитывали привлечь к Национальным правым тех избирателей, которые разделя-

---

* В феврале 1972 г. Итальянская демократическая партия монархического единства официально влилась в ИСД, и объединенная партия стала называться Итальянское социальное движение — Национальные правые силы (ИСД-НПС). На выборах ИСД-НПС выступает под названием Национальные правые.

²⁸ Rosenbaum P. Il nuovo fascismo. Da Saló ad Almirante. Milano, 1975, p. 143.

ли взгляды как довоенных, так и «сегодняшних теоретиков трудового государства» и выступали за «национальное процветание и величие Италии».

В инструкциях, направленных низовым организациям ИСД, предписывалось проводить предвыборную кампанию дифференцированно и предлагался своеобразный набор «идеологических посылок» для каждой категории избирателей:

— «...— к буржуазному избирателю идти с лозунгом «порядка», отстаивать и защищать порядок, основанный на справедливой иерархии, соблюдении и уважении «прав и долга»;

— рабочим и служащим объяснять сущность и преимущества «корпоративного участия в труде, создания объединенной ассоциации ответственных за производство» как единственной гарантии сохранения и упрочения социального мира;

— у молодежи поддерживать настроения свободного самовыражения»²⁹.

Эта программа, носившая демагогический характер, не имела успеха у избирателей, о чем свидетельствовали многочисленные провалы кандидатов по списку ИСД во время их публичных выступлений. Большинство из них не могло дать вразумительных ответов ни на вопрос о так называемом «средиземноморском порядке», ни о предполагаемых выгодах и целях создания Общего рынка стран южной Европы. В то же время кризис, поразивший все сферы жизни Италии, представители Национальных правых называли «кризисом цивилизации» и толковали его как результат борьбы «противоположных экстремизмов». «Постоянные столкновения на фабриках, в деревнях, учреждениях, в общественном секторе и сфере обслуживания между «владельцами» и «наемными»,— говорили они,— приобрели в настоящее время форму преднамеренной агрессии, нападков на труд и производство и являются... откровенным предательством трудящихся масс профсоюзными бюрократами «левых» партий»³⁰.

Многочисленные проекты создания «альтернативы существующей государственной системе» представлялись итальянскому избирателю смесью путаных фраз и сен-

---

²⁹ Rosenbaum P. Il nuovo fascismo, p. 144.

³⁰ Ibidem, p. 143.

тиментальных призывов. Неофашисты, участвуя в этой предвыборной кампании, традиционно руководствовались не логикой политической борьбы, а играли на чувствах недовольства итальянских избирателей. Но иначе и не могло быть, ибо политические, социальные и морально-этические установки как неофашистских внепарламентских радикальных групп, так и официальной партийной пропаганды ИСД при всей их кажущейся неоднородности по существу идентичны между собой. Они образуют весьма широкий идеологический конгломерат теорий элиты Парето*, синдикализма Сореля**, национализма Коррадини*** и культурного пессимизма Шпенглера****.

Результаты выборов 7 мая 1972 г. хотя и были выше достигнутых неофашистами 4 года назад, оказались для руководства ИСД ниже ожидаемых. В Палате депутатов Национальная правая обеспечила себе 56 мест (8,7% — 2 900 000 голосов), в Сенате — 26 (9,2% — 2 800 000 голосов), что означало в целом реальный прирост в 2,9% и дополнительно 26 мест в высших законодательных органах страны³¹. Но в сравнении с результатами выборов 1953 г., когда коалиция правых — неофашисты и монархисты — получила 12,7% голосов и 69 мест (из 590) в Палате депутатов (ИСД — 5,8%, Итальянская демократическая партия монархического единства — 6,9%), итоги майских выборов явно разочаровали лидеров правых. Итоги эти вновь подтвердили приверженность $\frac{2}{3}$ итальянских избирателей двум ведущим пар-

---

* Парето Вильфредо (1848—1923) — итал. экономист и социолог, выдвинул концепцию смены элит, согласно которой основа общественных процессов — творческая сила и борьба элит за власть. Противник марксизма и революционного движения.

** Сорель Жорж (1847—1922) — франц. философ-эклектик, теоретик анархо-синдикализма. Выступал, в частности, с восхвалением насилия как движущей силы истории. Его реакционные идеи оказали большое влияние на формирование фашизма.

*** Коррадини Энрико (1865—1931) — итал. националист, публицист. В 1910 г. возглавил Итал. партию националистов. После 1-й мировой войны перешел к фашистам.

**** Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ-идеалист, историк. Развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов» (егип., инд., кит., и т. д.), выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл. Теория Ш. проникнута иррационалистическим пафосом судьбы, отрицанием объективной истины, признанием относительности и условности наших знаний.

³¹ Rosenbaum P. Il nuovo fascismo, p. 145.

тиям страны — христианско-демократической и коммунистической.

Поэтому анализ результатов выборов с учетом опыта прошлых общенациональных политических кампаний и реального положения ведущих политических сил Италии обнаружил наметившуюся тенденцию некоторого регресса влияния правых партий в стране. По данным исследований института Каттанео и социологической группы Спреафико-Ля Паломбара и Доган, электорат правых за период с 1946 по 1972 г. сократился на 2% (с 15 до 13). При проведении исследований обе социологические группы (Спреафико-Ля Паломбара и Доган и институт Каттанео) включали в число электората ИСД монархистов и голоса Итальянской либеральной партии (ИЛП), амбивалентность политики которой проявлялась на выборах в выдвижении лозунгов, созвучных положениям программ Национальных правых. Выборы 1972 г. также показали, что ИЛП не набрала 4% голосов, необходимых для получения мест в Палате депутатов и Сенате, а монархическая партия практически сошла со сцены как политическая сила³².

Подведению итогов майских выборов и выработке программы партии на последующий период был посвящен X съезд ИСД—НПС, состоявшийся в январе 1973 г. Он проходил под лозунгом «первой ассамблеи Национальных правых» и определил главную задачу Итальянского социального движения на ближайшую перспективу — стать во главе всех антикоммунистических сил в Италии, преградить путь демократическим силам к управлению страной, создать действенную альтернативу нынешней политической системе, которая «отдает государство во власть партий»³³. Во внешнеполитическом разделе итогового документа X съезда отразились стремления не только итальянского, но и западноевропейских неофашистских движений в целом к интернационализации, то есть к созданию единого неофашистского фронта, способного выступать на политической арене Западной Европы от имени всех национальных организаций неофашизма. На съезде прозвучали также современные геополитические призывы превратить ИСД—НПС в «европейскую, средиземноморскую и евро-

---

³² Rosenbaum P. Il nuovo fascismo, p. 148.

³³ Ibidem.

африканскую партию» на основе идеи интеграции национальных фашистских движений под эгидой итальянской фашистской партии. Эту идею выдвинул еще в 1934 г. Муссолини на заседании так называемых черных сил Европы, проходившем в г. Монтрё (Швейцария). И ныне Альмиранте откровенно заявил, что цели Итальянского социального движения в интеграционном процессе определяются стремлением Национальных правых к «колонизаторской миссии».

Таким образом, новые, казалось бы, теоретические установки итальянских неофашистов — не что иное, как осовремененная интерпретация тоталитаристских и экспансионистских лозунгов времен Муссолини. Не случайно на X съезде ИСД—НПС настойчиво прозвучал призыв «избавиться от комплекса по отношению к прошлому». Наиболее дальновидные деятели Национальной правой не без основания предсказывали наступление в ближайшее время регресса неофашистского движения в Италии, потерю интереса широких масс к идеям и мифам неофашизма, если не будут предприняты экстренные меры по «возрождению» духа фашизма в сознании людей и радикально изменены стиль и методы идеологической работы неофашистской партии среди населения. Однако на съезде так и не был найден рецепт «обновления».

Внимательный анализ причин взлетов и падений итальянского неофашизма показывает, что они вполне закономерны потому, что в процессе ускоренного возрождения фашизма (хотя и скачкообразного) исключительно рельефно и отчетливо выявились многие реакционные его черты, обнажились ранее скрытые связи с глубинными консервативными процессами, и на этом основании раскрылись его специфические функции в конкретной социально-политической ситуации, сложившейся в Италии в 70-е гг.

Иными словами, неофашизм саморазоблачился, раскрыв свою сущность, в первую очередь, как идеология консерватизма.

1969 год вошел в историю Италии как год «жаркой осени», год рабочего и профсоюзного движения, выступлений студенческой молодежи, внушительных побед широких масс трудящихся, требовавших неотложного решения насущных социальных проблем. Обострение противоречий капитализма, нерешительность государственно-бюрократической машины в проведении демократических реформ, с одной стороны, страх правящих классов перед выступлениями трудящихся — с другой, способствовали оживлению реакционных сил. По стране прокатилась волна кровавых преступлений и провокаций, целью которых было создать впечатление, будто Италия — во власти анархии, для пресечения которой и восстановления порядка необходимо сформировать «сильное правительство». Как всегда, в авангарде антидемократического наступления были неофашисты, получившие возможность на деле испытать «стратегию напряженности», то есть план широкомасштабных подрывных операций. При этом подразумевалось или прямое использование армии (армейские подразделения — непосредственные исполнители неофашистских антигосударственных заговоров) или провоцирование в стране военного переворота.

«Бомба — лучший аргумент в споре... Насилие надо понимать как разумное средство и очищающий элемент»³⁴, — подобными призывами напутствовали лидеры ИСД—НПС неофашистов-террористов — исполнителей кровавой «стратегии напряженности». Убийства из-за угла, налеты на помещения демократических организаций, формирование специальных вооруженных банд — все это стало привычной чертой итальянской жизни. «Италия превращается в больного человека Европы» — таково было мнение многих западных политических обозревателей. Однако полицейские власти не переставали твердить о «красной угрозе», закрывая глаза на бесспорные доказательства преступных действий крайне правых. Буржуазная пропаганда со своей стороны пыталась взвалить вину за создавшееся положение на де-

---

³⁴ La strategia della violenza.— Panorama, 1973, N. 387, 26 marzo, p. 27.

мократические организации и движения. В такой обстановке попустительства и прямого подстрекательства неофашисты и другие «ультра» развернули «черный террор».

Несколько примеров.

В один из летних дней 1976 г. в нескончаемом потоке автомашин, замедлявших свой ход у каждого перекрестка Вечного города, двигалась и машина римского следователя Витторио Оккорсио. Внезапно путь автомашине следователя преградил светло-серый «Фиат». Раздалась автоматная очередь. Когда подоспела полиция, Оккорсио был мертв. С именем этого следователя был связан целый ряд судебных процессов над итальянскими неофашистами: в 1973 г. он добился осуждения 42 молодчиков из «Нового порядка», затем привлек к уголовной ответственности еще 119 ее членов, а в 1976 г. намеревался закончить расследование серии преступлений, совершенных группой неофашистов из этой правоэкстремистской организации (по делу проходили почти 100 человек).

16 марта 1978 г. вечерние газеты, радио, телевидение передали тревожное сообщение: утром в Риме похищен известный политический деятель — председатель Национального совета христианско-демократической партии Альдо Моро. Преступление было совершено недалеко от его дома... Две машины, в одной из которых находились А. Моро, шофер и его личный телохранитель, а в другой — трое членов его охраны, оказались заблокированными. По ним был открыт огонь из автоматического оружия. Четверо из пяти сопровождавших были убиты, пятый скончался позднее в больнице. Преступники и похищенный ими политический деятель исчезли...*

В заявлении руководства ИКП, опубликованном на следующий день в газете «Унита», подчеркивалось, что это преступление — составная часть заговора правых, направленного на подрыв демократических завоеваний итальянского народа³⁵.

«Мало кому известно, — писала миланская «Календаро дель Пополо», — что уже многие годы следы итальянского терроризма ведут в ФРГ. Во время расследования «дела Моро» были обнаружены связи убийц из

---

* Тело убитого Альдо Моро было обнаружено в Риме 9 мая.

³⁵ Unitá, 1978, 7 marzo.

«Красных бригад» (левоэкстремистской террористической организации.— М. Ф., А. Р.) с неофашистским «Черным порядком» (террористической группировкой, отколовшейся от неофашистской организации «Новый порядок».— М. Ф., А. Р.), давно поддерживающим тесные связи с БНД — западногерманской разведкой. Существуют доказательства того, что начиная с 1967 г. во многих случаях имело место сотрудничество между разведками НАТО, итальянскими неофашистами и итальянской секретной службой, которая, как известно, замешана во многих акциях правых экстремистов»³⁶. Неофашистам выгодно, что в стране наряду с ультраправыми действуют многочисленные левоэкстремистские группы. Авантюристическая, безответственная тактика «революционного гангстеризма», характеризующая деятельность этих групп,— удобный повод для правительства взять под защиту неофашистов, прикрываясь все той же теорией «двух противоположных экстремизмов». Похищение и убийство Альдо Моро террористами из «Красных бригад» еще больше накалили атмосферу страха и паники в стране.

...2 августа 1980 г. раздался взрыв в здании железнодорожного вокзала города Болоньи, заполненного пассажирами, провожающими. Комбинированная бомба, сработавшая от часового механизма, разрушила левое крыло вокзала, где расположились залы ожидания, ресторан, а также вход в подземный тоннель. Под обломками оказалось много детей, женщин, итальянских и иностранных туристов, направлявшихся на отдых. Общее число убитых превысило 80 человек, около 200 человек получили тяжелые ранения. Преступление совершили неофашисты из возникшей в конце 1977 г. крайне правой террористической организации «Вооруженные революционные ячейки» (НАР). Так неофашисты решили отметить исполнявшуюся 4 августа шестую годовщину другого террористического акта — взрыва пассажирского экспресса «Италикус», ответственность за который взяла на себя группировка «Черный порядок» (многие ее члены перешли затем в НАР). Тогда в результате взрыва погибло 12 человек.

Теория «двух противоположных экстремизмов» дезориентирует общественное мнение, порождая инерцию и

---

³⁶ Calendario del Popolo, 1978, 18 ottobre.

пассивность властей, в том числе и таких государственных институтов, как полиция, суд, армия. Пользуясь безнаказанностью со стороны властей, фашисты в течение долгого времени укрепляли свои организации, добывали деньги, взрывчатку и оружие. Только за первые три года с начала 70-х, согласно официальным данным журнала «Панорама», у неофашистов были реквизированы 2 пушки, 9 минометов, 22 гранатомета, 261 автомат, 1216 автоматических винтовок, 14 344 пистолета и револьвера, 94 784 гранаты, 4 880 646 патронов, 234,5 тонны взрывчатки³⁷. Известно, что взрывчаткой и оружием широко торгуют на базах НАТО, расположенных на территории западноевропейских стран, причем есть виды взрывчатки, которые имеются далеко не у всех НАТОвских армий. Например, бомба, взорванная 12 декабря 1969 г. в Миланском сельскохозяйственном банке (14 убитых и около 100 раненых), была начинена взрывчаткой, которой располагают только американские вооруженные силы.

Стремясь создать в стране обстановку гражданской войны, неофашисты делают ставку на поддержку со стороны фашиствующих элементов в итальянских вооруженных силах. Еще в 1969 г. во время обыска на одной из раскрытых конспиративных квартир полицейские нашли адреса 400 политических деятелей левых партий, подлежащих физическому уничтожению, а также план государственного переворота, перечень казарм и укрепленных пунктов, которые планировалось захватить в первую очередь. Следствие установило, что в итальянских вооруженных силах действует подпольная неофашистская организация «Роза ветров». Непосредственное участие в подготовке путча принимали и другие организации профашистского толка: «Палачи Италии», «Восемнадцатый легион Италии», «Комитет содействия национальному возрождению», «Итальянская исполнительная хунта социального восстания». Члены этих организаций проходили военную подготовку в специальных лагерях, а некоторых отправляли на стажировку в Баварию (ФРГ), на выучку к бывшим эсэсовцам из местного отделения неонацистской организации «Стальной шлем».

---

³⁷ Strage nere e golpe di fantasma.— Panorama, 1974, N. 440, 25 settembre, p. 55.

Государственный переворот намечалось осуществить в 1974 г. Планы заговорщиков были известны зарубежным секретным службам и штаб-квартире НАТО. Их одобрило и Центральное разведывательное управление США. Эксперты ЦРУ рассматривали неонацистских путчистов в качестве противовеса «красной опасности», якобы грозящей Италии³⁸. В середине января заговор был раскрыт, а его организаторы арестованы. В интервью журналу «Панорама» 2 мая 1974 г. Виктор Маркетти, ответственный сотрудник ЦРУ с 1955 по 1969 гг., сделал любопытное признание: «Если случится так, что Италия будет находиться перед необходимостью стать коммунистической, если появится новый Луиджи Лонго, способный теоретически получить 50% голосов избирателей и таким образом сформировать правительство, которое затем захочет совершить социалистический поворот государственной власти в стране... ЦРУ и правительство США... отбросят в сторону все колебания. Более того, если события придут к такому положению вещей, что единственной возможностью помешать коммунистам взять в свои руки контроль над Италией будет поддержка неонацистских сил, то ЦРУ, не колеблясь, прибегнет к помощи неонацистов. Как это случилось в Чили»³⁹.

Двумя годами позже газета «Стампа сера» сообщила, что еще в 1970 г. разведывательное ведомство Соединенных Штатов Америки передало через своего посла в Риме 800 тыс. долларов корпусному генералу Вито Мичели, бывшему в то время главой информационной службы Министерства обороны Италии (СИД), для проведения широкой пропагандистской кампании против демократических сил. Стало также скандально известно, что только во время выборов в июне 1975 г. спецслужбы США израсходовали более 10 млн. долларов на то, чтобы помешать успеху левых сил⁴⁰. Следствие по делу «Розы ветров» предъявило генералу Мичели обвинение в политическом заговоре с целью свержения республиканских институтов государства. Разработанный фашистскими заговорщиками план предусматривал, во-первых, убийство ряда видных государственных, политических и обще-

---

³⁸ Panorama, 1974, N. 419, 27 giugno, p. 66.

³⁹ Ibidem, p. 66—68.

⁴⁰ Stampa sera, 1976, 28 gennaio.

ственных деятелей страны и, во-вторых, отравление радиоактивными веществами водопроводной сети Рима. На квартире одного из арестованных, работавшего в Центре ядерных исследований, полицейские обнаружили электронную аппаратуру для управления на расстоянии взрывными устройствами и бронированный чемодан, приспособленный для транспортировки радиоактивных веществ⁴¹.

По замыслу руководителей заговора, убийство государственных и политических деятелей лишило бы правительство способности контролировать положение в стране, а физическая расправа над лидерами прогрессивных движений вызвала бы выступление левых сил. В чрезвычайной обстановке в связи с угрозой массового отравления армия взялась бы за «наведение порядка». В наиболее важных пунктах страны предполагалось сосредоточить вооруженные отряды фашистов. «Надо ликвидировать в стране парламентскую систему, установить правую диктатуру», — откровенно заявил Альмиранте на митинге в городе Больцано в октябре 1973 г., рекомендуя брать пример с чилийской хунты и призывая к террору против всех левых, особенно против коммунистов.

Как стало известно из сообщений в итальянской печати, неофашисты из числа реакционной военщины отработали модель правого правления страной. Если верить этим сообщениям, для осуществления в Италии государственного переворота, захвата власти и установления военной диктатуры за границей было создано эмигрантское правительство. Пост начальника Генерального штаба в этом «правительстве» поручался подполковнику Сальчоли. В одном из интервью он заявил: «Мы создадим в Италии президентскую республику с правительством, состоящим из технических специалистов. Глава нашего правительства живет сейчас в Италии. В момент непосредственного захвата власти, когда будет введено осадное положение, командовать будут военные... Большинство руководителей НАТО поддерживает нас... Что касается армии, то высшие офицеры целиком на нашей стороне. Мы рассчитываем на подразделения специального назначения: парашютистов, морских пехотинцев, штурмовые отряды, танкистов». И как бы поды-

---

⁴¹ Fabiani R. Ho visto il golpe.— Panorama, 1974, N. 449, 5 dicembre, p. 53—54.

тоживая сказанное, Сальчоли добавил: «Не опасаясь раскрыть свои планы, могу сказать, что мы рассчитываем на 80 тыс. человек. А денежных средств у нас больше, чем у итальянского правительства»⁴².

И сегодня обстановка в стране существенно не изменилась: Италия продолжает оставаться ареной преступных действий неофашистов. Масштабы и активность их подрывной деятельности не убывают. Главная причина этого кроется, видимо, в том, что нынешняя Италия — одно из самых слабых звеньев европейского капитализма со сложным переплетением экономической нестабильности с нестабильностью политической, с чрезвычайным обострением социальных и моральных проблем. В условиях исторически отсталой экономической структуры, усугубляющей классовые антагонизмы, управление страной становится делом более сложным, если цели такого управления сводятся к тому, чтобы взвалить всю тяжесть экономических трудностей на плечи трудящихся. Когда структура и организация государства таковы, что оно оказывается неспособным распутать сложный клубок конфликтов традиционными «парламентскими» методами, крупные итальянские монополии видят выход из сложившегося положения в переходе к политике «с позиции силы», в создании той или иной формы авторитарного режима. Стремясь навязать правящим кругам Италии именно такое решение проблем, они, в частности, используют и неофашистов — как «легальные» их силы в лице, например, ИСД — НПС, так и нелегальные экстремистские группировки. События последних лет убеждают миллионы итальянцев, что провокационные вылазки неофашистов — это не только акты бесчеловечности и насилия, цель которых — нагнетание атмосферы нервозности и страха, но и прямое подстрекательство к установлению в стране жесточайшей диктатуры.

Для понимания механизма воздействия идеологии неофашизма на массовое сознание гораздо важнее провести анализ факторов, влияющих на развитие самой идеологии неофашизма, чем останавливаться на длинном списке преступлений неофашистов.

В отличие от научной сущности идеологии марксизма, активно воздействующей на развитие общества, неофашистская идеология по своей сути реакционна, рег-

---

⁴² Литературная газета, 1974, 28 августа.

рессивна, является эклектическим сочетанием ложных идеологических стереотипов массового сознания, распространенных политических иллюзий, религиозных предрассудков и всякого иного рода буржуазных ценностных ориентаций. При этом нельзя не отметить ряд положений, которые остаются практически неизменными в идеологическом арсенале неофашистов, перешли к ним по наследству от «канонического» фашизма, лишь приобретая современную окраску. Что же это за постоянные величины? Прежде всего — антикоммунизм, затем — национализм, антидемократизм, консерватизм и «проповедь порядка» (фашистский этатизм). На различных этапах исторического развития эти компоненты политической идеологии неофашизма имеют разный удельный вес в зависимости от конкретной ситуации, но присутствуют неизменно. Это обстоятельство не всегда учитывают немарксистские критики неофашизма, которых сбивает с толку крайний эклектизм его политических программ.

Итак, один из основных факторов, формирующих идеологию неофашизма, составляет наследие «канонического» фашизма. Второй фактор — данная социально-историческая ситуация, в которой неофашизм выполняет свою задачу в борьбе с другими политическими партиями. Третий — расстановка сил внутри неофашистской партии. И, наконец, последний по счету, но не по значению, фактор — это фактическая зависимость неофашизма от крупной буржуазии, которая рассматривает его как орудие подавления массового демократического движения. Эта зависимость стала особенно заметной с момента осуществления неофашистами «стратегии напряженности» — военно-террористического противодействия борьбе трудящихся за демократию и прогресс. Она выражается в фактическом поощрении действий неофашистов и закулисом финансировании их военизированных террористических группировок («неосквадризма»).

Следует подчеркнуть, что при анализе неофашизма и его идеологии исследователю необходимо постоянно держать в поле зрения деятельность тех партий и группировок, которые обычно объединяются общим названием «крайне правые». Под ними, как правило, подразумеваются правые радикалы — «легальные» неофашисты (то есть партии и группировки, пытающиеся использовать рамки законности) и экстремистские груп-

пировки, действующие в основном подпольно. Важно также отметить, что различия между этими направлениями нечетки. Праворадикальные течения легко сливаются с неофашистскими, а последние по своей сути сориентированы на установление террористических диктатур. Об этом свидетельствуют недавнее прошлое Греции, пережившей диктатуру «черных полковников», и заговорщическая деятельность итальянских неофашистов. Однако последние имеют черты, анализ которых позволяет глубже изучить сущность этого феномена, его специфику. Понять особенности неофашизма позволяют в значительной мере каналы его финансирования.

Итальянский исследователь праворадикалистского движения Д. Барбьери рассматривает пять категорий сил, субсидирующих преступную деятельность неофашизма:

«— те, кто финансировал заговор Валерио Боргезе;
— те, кто субсидирует выступления «молчаливого большинства» в кризисные для государственно-политической системы моменты;

— те, чья финансовая помощь постоянно поступает на счета партии ИСД и неофашистского профсоюза ЧИЗНАЛ (Конфедерация итальянских национальных профсоюзов трудящихся);

— те, кто готов предложить (и предлагает) деньги всем, в том числе и неофашистам, во имя ретроградного, консервативно-традиционалистского противодействия любому улучшению политического климата в стране в сторону демократии;

— и, наконец, это каналы международного финансирования (зарубежные секретные службы капиталистических стран)»⁴³.

Такая классификация подтвердилась на практике. В 1969 г., то есть в момент начала «стратегии напряженности», финансирование ИСД в основном велось третьей и четвертой категориями. Следует заметить, что ни ИСД, ни ЧИЗНАЛ с момента их образования не испытывали недостатка в средствах. Как показал на одном из судебных процессов, возбужденных против неофашистской партии, бывший бухгалтер ИСД Франческо Де Вити, только на областных выборах 1971 г. через его руки прошли дополнительно 700 млн. лир, предназначавшихся

⁴³ Barbieri D. Agenda nera. Trent'anni di neofascismo in Italia. Roma, 1976, p. 130—131.

на ведение избирательной кампании. Официальный бюджет ИСД — НПС (то есть опубликованный в прессе) составлял 5,5 млрд. лир⁴⁴.

Согласно распространенному мнению, экономический фундамент Итальянского социального движения держится на поступлениях от членов ЧИЗНАЛ, мелких и средних предпринимателей, средней руки финансистов. Эту точку зрения особенно отстаивают сами неофашисты, сиюсь доказывать поддержку их движения в массах. На самом же деле данная форма денежных поступлений чаще всего служит надежным прикрытием истинных источников финансирования ИСД. Один из них — крупные промышленники. Но крупный промышленник, даже если он убежденный фашист, в редких случаях дает деньги только партии Итальянское социальное движение. Он больше заинтересован в распределении ассигнований всем консервативным силам, чтобы в случае необходимости расширить возможности политического маневра. При этом действует он очень осмотрительно. Если же, несмотря на все предосторожности и ухищрения, на уровне судебного разбирательства всплывают факты совместной ответственности финансовых магнатов и неофашистов за противозаконные действия, то в силу вступает «фронт солидарности», который использует все средства, от легальных — парламентских, до подпольных — террористических, лишь бы уничтожить улики и свидетелей. Подобный случай произошел, например, в 60-е гг. с известными «черными фондами» Монтэдисон. Около 60 млрд. лир были тайно распределены среди руководящих лиц и групп центристских партий и правых с целью воспрепятствовать намечавшемуся повороту влево, в сторону демократизации политической жизни страны. Большая часть этих ассигнований, как отмечал журнал «Эспрессо» 10 марта 1974 г., поступила в кассы ИСД.

Однако решающую роль, безусловно, играют более значительные источники финансирования неофашистского движения. Это — монополистические круги Италии, на которые, в свою очередь, оказывают давление иностранный капитал, и прежде других США. Именно это давление и страх перед возрастающей ролью и популярностью в массах прогрессивных сил побуждают крупную итальян-

---

⁴⁴ Come facevano prima a far quadrare i conti?—Tempo, 1975, N. 7, p. 29.

янскую буржуазию постоянно иметь в своем политическом резерве реакционные силы и их авангард — неофашистов, чтобы в периоды обострения социальных и экономических противоречий в стране использовать их в своих интересах. Начиная с 1966—1967 гг. (а по некоторым данным, уже с конца 50-х гг.) «элита» итальянского крупного капитала, такие его представители, как Агнелли и Пирелли, постоянно противодействуют любой правительственной альтернативе с участием левых партий. И каждый раз, когда обстановка диктовала необходимость «спасительных» мер для выхода из социально-политического кризиса, сильные мира сего останавливали свой выбор на правых террористических группировках, автоматически зачисляя тем самым левое политическое движение в разряд врагов, противников буржуазного парламентаризма.

В экономической системе капиталистических государств часто практикуется хождение чековых книжек, выписанных на фиктивные имена, неконтролируемое движение «свободных капиталов», поступающих к адресатам от неизвестных источников, финансирование газет, спортивных обществ, различных ассоциаций дружбы и т. п. без указания имени субсидирующего лица. В Италии реально существуют отмеченные условия, позволяющие крупным капиталовладельцам прибегать к различного рода обходным маневрам, противоречащим нормам итальянского конституционализма, в целях субсидирования неофашистской партии.

Прочная поддержка ИСД его покровителями способствует широкой сфере приложения денежных поступлений в неофашистское движение в целом. Об этом свидетельствует участие представителей Итальянского социального движения в деятельности таких террористических организаций, как «Национальный фронт», «Черный порядок», «Роза ветров». Крупные суммы «пожертвований» и «взносов» идут в то же время и к тем, кто не имеет членского билета ИСД, но выступает среди организаторов кровавых преступлений и провокаций, направленных на подрыв и низвержение конституционного строя в Италии. В этом отношении показателен судебный процесс над одним из самых богатых людей Италии — Пьяджо и его окружением. Понадобились пять долгих лет кровопролитий, десятки жертв, серия политических скандалов, спровоцированных крайне правыми, прежде

чем он предстал перед судом в 1974 г. в роли обвиняемого по делу неофашистской организации. По-видимому, в руки правосудия попали уж слишком неопровержимые доказательства, которые просто невозможно было скрыть. Впрочем, арест Пьяджо и его помощников не приостановил поступления субсидий для итальянского неофашизма.

Кто же своим финансовым могуществом влияет на расстановку политических сил в Италии? Кто в действительности руководит ИСД и направляет его энергию в нужное хозяевам русло? По данным судебных разбирательств, наибольшие суммы неофашисты получили от трех колоссов: ЭНИ, Монтэдисон и ФИАТ. В период «стратегии напряженности» в эту группу входил также итало-американский финансист Микеле Синдона, чье имя как своего рода добытчика международных финансовых субсидий несколько раз упоминалось на процессах по делам неофашистских преступлений. В конце 1974 г. М. Синдона был назван в числе тех, кто финансировал антиправительственный заговор неофашистской военной организации «Роза ветров».

15 марта 1971 г. в «Бюллетене демократической контринформации» появилась возвращавшая к событиям 1969 г. статья «О деньгах ИСД», в которой рассказывалось о встрече известного деятеля неофашистской партии Дж. Пизано с Дж. Альмиранте, возглавлявшим тогда парламентскую фракцию ИСД. В то время руководство Итальянского социального движения волновал вопрос о преемнике тяжело больного национального секретаря Микелини. На вопрос Пизано, кто может «наследовать этот пост», Альмиранте ответил, что прогнозы осложняются финансовыми трудностями партии. И далее пояснил: «Буквально несколько дней назад ИСД рассчитывало на получение двух постоянных субсидий, из которых одна — от Ассоломбарда—Монтэдисон и вторая от ЭНИ»⁴⁵. Как видим, связи здесь давние и установившиеся.

Неофашистский резерв является для монополий своего рода товаром, и потому цены на его услуги подчиняются законам рынка и устанавливаются в зависимости от спроса и предложения. Важно еще раз подчеркнуть, что хозяева используют неофашистов как постоянный

---

⁴⁵ Barbieri D. Agenda nera, p. 139—140.

элемент давления на трудящихся, особенно в периоды обострения экономических противоречий и усиления политической активности масс. Конечно, в новых условиях, характеризующихся упрочением позиций организованного рабочего движения, и ФИАТ и Монтэдисом вынуждены вести диалог с профсоюзами, идти на некоторые уступки при выработке коллективных трудовых договоров. Но непременным участником этого диалога выступает армия штрейкбрехеров, сформированная из членов партии ИСД и неофашистского профсоюза ЧИЗНАЛ.

В октябре 1974 г. журнал «Панорама» опубликовал свидетельские показания, подтвержденные документально, о связях «нефтяного короля» Аттилио Монти с руководителем неофашистской организации «Новый порядок» Пино Раути. В частности, за два месяца до кровавых событий в г. Брешиа* директор агентства «Монтечиторио» Ландо Дель Амико перевел со счетов Монти 18,5 млн. лир на имя Раути. Руководитель «Нового порядка» уведомлялся об очередном ассигновании, произведенном по договоренности с А. Монти, письмом (экспертиза установила, что документ подлинный и подлинный исключен)⁴⁶. Имя Монти вошло в материалы судебного дела.

Кто он, Аттилио Монти?

Как писал французский политический обозреватель Ж. Нобекур, «...Монти обладает амбицией, идущей значительно дальше, чем только защита его самых дорогих интересов. Его политические связи не распространяются на одну партию или на одного человека. Любимцы сменяются в зависимости от сезона, однако не выходя за рамки правоцентристов, но не левых»⁴⁷. Во время проведенного в 1974 г. расследования деятельности политических партий, финансируемых нефтепромышленниками, Монти, защищаясь, заявил, что финансировал все (!) партии, и деньги направлялись им для гарантии «демократического» развития страны и «левоцентризма». Разоблачая лживость этих оправданий, левая печать писала в то время, что демократические рамки не защищаются коррупцией партий, а попытка Монти

---

* Взрыв бомбы 27 мая 1974 г., от которого погибло 7 человек.

⁴⁶ Barbieri D. Agenda nera, p. 142.

⁴⁷ Nobecourt J. l'Italie au vif. Paris, 1970, p. 304.

выдать себя в качестве защитника «левоцентризма» — не что иное, как подлая провокация. Политическое кредо А. Монти определяется прежде всего его симпатиями к неофашистам, на что, в частности, они сами указывают. Так, неофашист Гуидо Джаннеттини, осведомитель итальянской контрразведки, писал в одном из доносов, озаглавленном «Итальянские правые в современной конъюнктуре», что Монти является одним из финансистов «стратегии напряженности» и субсидирует провокационные террористические акции правых групп.

Однако пополнение касс ИСД идет не только за счет внутренних источников. До последних событий в странах Южной Европы в постоянном контакте с Итальянским социальным движением и его внепарламентскими группами находились, по меньшей мере, четыре иностранные разведывательные организации: греческая секретная служба КИП, португальское государственное управление безопасности, испанская разведка и американское Центральное разведывательное управление, агенты которого, считая итальянских социальных правых единственной партией, способной воспрепятствовать «примирению» католиков с марксистами, особенно укрепили связи с ИСД в конце 1966 — начале 1967 г. Иностранные разведывательные службы обмениваются с неофашистами информацией, изучают и организуют их провокационные акции, выдают им солидные денежные субсидии. ЦРУ, например, финансирует итальянских неофашистов по трем официальным каналам. Это: чикагский «Континентл иллинойс банк», действующий в Италии при посредстве миланского «Частного финансового банка», «Мерилл Линч Пирс Феннер энд Смит» — известное американское агентство биржевых консультаций, а также американское учреждение «Фид грейс каунсим» — официально занимающееся сельскохозяйственными проблемами и имеющее представительство в Риме.

И не случайно Альмиранте попытался заручиться поддержкой за океаном, когда изоляция неофашистской партии в стране заметно усилилась. В 1976 г. он совершил поездку в США, чтобы обсудить перспективы ИСД в условиях роста влияния левых сил в Италии, а заодно просить материальной поддержки. На встречах с некоторыми американскими сенаторами и членами палаты представителей, а также во время беседы в Белом доме со специальным советником по европейским делам ли-

дер итальянских неофашистов говорил об ИСД—НПС как о партии «истинно демократической», как о последнем оплоте борьбы против «коммунистической угрозы в Италии». Подчеркивая антикоммунистический характер Итальянского социального движения, Альмиранте как бы утверждал его в качестве антикоммунистического резерва Центрального разведывательного управления США на Апеннинском полуострове. В начале 1976 г. в печати западноевропейских стран были опубликованы сведения, разоблачавшие подрывную деятельность ЦРУ, грубое вмешательство Белого дома во внутренние дела европейских партнеров США по НАТО. В очередной раз подтвердился вывод коммунистов о том, что современный фашизм находится на услужении империализма США. Когда «в некоторых странах Западной Европы обрисовалась перспектива участия коммунистов в правительстве,— отмечал Л. И. Брежнев,— реакционные круги, особенно в лагере НАТО, развернули кампанию открытого нажима, вмешательства во внутренние дела таких стран»⁴⁸. И одна из них — Италия.

Краткий анализ финансового базиса Итальянского социального движения свидетельствует, прежде всего, о крупных поступлениях на его счета и вместе с тем вскрывает тенденциозность политических ставок и условий, определяющих отношения «финансистов и покровителей» с неофашистами. Главное и неперемное требование «кредитования» неофашистского движения — проведение широкомасштабного наступления на демократию, на организованное рабочее движение и его авангард — коммунистическую партию. Этим целям служил фашизм, решение этих же задач крупный финансовый капитал и международная реакция связывают и с неофашизмом — крайне правым звеном буржуазно-демократического парламентаризма современной Италии.

Таким образом, и фашизму и неофашизму в механизме буржуазного государства отводится определенная, строго фиксированная роль платной агентуры крайней реакции для воплощения в жизнь ее планов тотального противодействия силам демократии и прогресса.

---

⁴⁸ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1976, с. 18.

Неофашизм в своей основе опирается, как уже не раз отмечалось выше, на теоретические постулаты «канонического» фашизма, с крайне правых позиций формулируя идеи антикоммунизма, национализма, антидемократизма и фашистского этатизма. Они — своего рода идейные основы неофашизма, его теоретический базис. Однако рядовые члены и сочувствующие ИСД крайне редко получают возможность ознакомиться с «принципами» идеологической аргументации неофашистов. Идеологи современного фашизма всячески пытаются воздействовать на трудящиеся массы с тем, чтобы не дать им возможности анализа и сравнений. Поэтому определить ценностные ориентации неофашистской идеологии не просто. Постоянное стремление уйти от реальной оценки социальной действительности, извратить в выгодном ей духе любые прогрессивные изменения не может дать неофашизму какой-то логичной и цельной системы ценностных ориентаций. Следовательно, в нем легко прослеживаются часто не стыкующиеся между собой политические направления. Например, неофашисты Италии называют свою модель «антизападной», мотивируя такое различие тем, что Запад не ведет, по их мнению, активной борьбы с коммунизмом.

Важное место в идеологическом арсенале современных неофашистов занимает прокламирование так называемой правой культуры. Речь идет о культурологическом течении, основные направления которого были разработаны в 60—70-х гг. такими теоретиками ультраправых, как А. Плебе, Ю. Эвола, М. Тедески. Они пытаются, хотя и безуспешно, определить функции неофашистской культуры как средства формирования рационально постижимого мировоззрения индивида, призванного создать «новое» фашистское государство. Главные элементы «новой правой культуры» — ненависть к коммунизму, социализму, демократии, провозглашение принципа «вечного неравенства» (членов общества), апология насилия. Движение за создание такой культуры должно, по мнению неофашистов, выразиться в «бунте против культурной и политической технократии» современного общества, направленном на разрешение проблем, стоящих перед индивидом в этом регрессирующем обществе.

В данном случае модернизация «канонического» фашизма проводится в неофашистской идеологии путем соединения представлений культурно-антропологического и экзистенциалистского толка с традиционной для фашизма абсолютизацией принципа государственности и нации.

При этом неофашистские теоретики еще и заигрывают с наукой. «Правая» вчера — понятие нравственное, — пишет один из апологетов «новой правой культуры» Джузеппе Преццолини, — в настоящее же время это больше научное понятие... Когда я утверждаю, что «правая культура» сегодня более научна, то я хочу сказать этим, что она видит в науке не противника, а союзника, который подтверждает ее принципы открытиями и экспериментами»⁴⁹. Но, естественно, неофашисты считают своим союзником не материализм, открывший естественно-исторические законы познания действительности, а идеализм, в рамки которого вполне вписывается неофашистская идеология с ее мифотворчеством, пытающаяся оторвать и увести своих приверженцев от реальной жизни. После поражения на национальных выборах 1976 г. неофашисты все еще обращаются к теме «новой правой культуры», в которой воедино слиты агрессивность, антикоммунизм, отрицание демократии и прогресса. «Должна быть возобновлена и усилена кампания за продвижение «правой культуры», но под «правой культурой» надо понимать культуру гражданского и морального долга, культуру предельно антимарксистскую и в то же время антиматериалистическую; это культура, которая в становлении сознания молодых должна стать их духовной пищей»⁵⁰.

Неофашисты считают, что так называемое иррациональное пространство, в котором должна получить развитие «новая правая культура», существует в современном обществе, где отсутствует контроль внутри политической системы, очевидны диспропорции в экономическом развитии, терпят провал проекты социальных реформ, а институты, призванные решать насущные проблемы государственного развития, недееспособны. Все это якобы позволяет неофашистам демагогически объевлять себя чуть ли не единственными стражами

⁴⁹ Prezolini G. Intervista sulla destra, a cura di C. Quarantotto. Roma, 1979, p. 229.

⁵⁰ Nuove prospettive, 1979, N. 44, p. 13.

порядка в стране. «Порядок написан на знаменах правой культуры», — читаем на страницах сборника «Беседы о правой». «Таким образом, — следуют дальнейшие рассуждения, — порядок можно понимать, с одной стороны, как отражение высшего порядка или результат божественной воли; с другой, как необходимость, иногда даже болезненную, но которая всегда лучше беспорядка»⁵¹.

Итак, в общество, раздираемое противоречиями, классовой борьбой, где определенные группы населения (причем весьма многочисленные) находятся в постоянном страхе, провидением («божественной волей») ниспосланы неонацисты, единственно призванные оградить гражданина от тех зол, которые несет ему современная жизнь. Приобщение к «новой правой культуре»; заявляют неонацисты, именно то духовно-идеологическое средство, которое способно стабилизировать потребности индивида в идеологии. Но для этого необходимо, прежде всего, заимствовать из прошлого то, что не осуществилось, но поныне обладает притягательной силой. Речь, естественно, идет о фашизме. «Правая» должна сохранить великое — все еще ценное — от прошлого, защитить его от современных... варваров»⁵². Естественно, неонацистских теоретиков не устраивает объективный взгляд на историю, в ходе развития которой обнажилась подлинная сущность фашизма, несовместимая с разумом, прогрессом и демократией. Игнорируя реалии и извращая прогрессивные завоевания прошлого, неонацисты заявляют, что «прошлое — это только препятствие, которое история со всей очевидностью выявляет для настоящего, с двусмысленной разумностью»⁵³.

Однако создатели и сторонники концепции «новой правой культуры» сознают, что обращенностью в прошлое (ими же переосмысленное), конструированием нереальных образов будущего вряд ли можно привлечь к себе массы. Человеку, живущему в материальном мире с его реально осязаемыми заботами, тревогами, нуждами, необходимы конкретные перспективы, свое место и социально-детерминированная роль в обществе. Именно в подходе к проблемам человека особенно наглядно про-

---

⁵¹ Prezolini G. Intervista sulla destra, p. 231.

⁵² Ibidem, p. 235.

⁵³ Bessarione G. Lambro/Hobbit. La cultura giovanile di destra in Italia e in Europa. Roma, 1979, p. 10.

является мифологически иррациональная сущность теоретических установок апологетов «новой правой культуры». И не случайно эта «культура» превозносит «конечный результат» производительной деятельности, предавая забвению труд, считая его «основным и политическим средством угнетения и репрессий», призванным, по мнению теоретиков культурологического течения, низвести человека до уровня безликой производственной единицы. Этим же, по заявлению одного из лидеров итальянского неофашизма Адриано Ромуальди, диктуется необходимость «возвысить прежде, чем труд, ту стоимость», которую он производит, подняв ее на «идеологический пьедестал неравенства», господствующего во всех сферах современного общества⁵⁴.

От пристального взора неофашистских идеологов не ускользает то внимание, с которым современная молодежь подходит ко всем артистическим проявлениям как в повседневной жизни, так и в политике, идеологии, культуре. В частности, в работе «Ламбро/Хоббит. Молодежная правая культура в Италии и в Европе» автор, Дж. Бессарионе, исследовав неофашистскую периодику за 70-е гг., замечает, что, «читая их журналы (неофашистские.— М. Ф., А. Р.)... можно без особого труда заметить попытку перевести объект внимания молодого читателя с политики в узком смысле слова — международные соглашения, дискуссии о заработной плате, дороговизна, социальные модели развития и проч.— на язык графики, музыки, жестов»⁵⁵. Культурные интересы молодого поколения — одна из областей, в которых неофашисты проявляют большую активность. В этой связи определенный интерес представляет опубликованная руководством «Фронта молодежи» (молодежная организация ИСД—НПС.— М. Ф., А. Р.) анкета, большая часть вопросов которой касается культурных и спортивных увлечений, свободного времени, досуга, любимых развлечений и участия в массовых молодежных мероприятиях.

Как заметил в этой связи один из ведущих пропагандистов итальянского неофашизма Марко Тарки, поскольку в открытую сферу политических дискуссий неофашистам пробиться трудно, им «следует ориентиро-

---

⁵⁴ Ibidem, p. 12.

⁵⁵ Ibidem, p. 136.

ваться на деятельность в рамках свободного времени». А из этого формулируются задачи, стоящие перед крайне правыми в области обработки молодежного сознания и расширения социальной базы своего движения в целом: необходимость эффективного использования так называемых свободных радиостанций, организации всевозможных мероприятий под неонацистскими лозунгами, способствование развитию разнообразных музыкальных, артистических и кинематографических начинаний. «Мы пытаемся,— объясняет М. Тарки,— создать очаги культурного сопротивления тоталитаризму средств массовой информации»⁵⁶. Тем самым распространение контркультуры непосредственно связано с борьбой за успехи контрполитики.

Большое значение для повышения эффективности неонацистской пропаганды должны были сыграть организованные ИСД—НПС и «фронтом молодежи» молодежные фестивали «новой правой культуры» «Хоббит 1» и «Хоббит 2» (июнь 1977 г. и июнь 1978 г.). В рамках этих культурных мероприятий также состоялся симпозиум на тему «Что значит быть правым?». Присутствовавшие в очередной раз заслушали довольно ловко оформленные (с точки зрения лексической) попытки обосновать «теоретически» идеологические основы праворадикалистского движения и основополагающие принципы политической платформы современного фашизма. Причем основной доклад на симпозиуме, с которым выступил Пино Раути, был построен на основе заметок Ромуальди «Что значит быть правым?», написанных автором еще в 1965 г. По-видимому, ничего более «свежего» в теоретических предложениях массовому сознанию, тем более молодежному, у неонацистов до сих пор нет или же они считают опусы А. Ромуальди «последним словом» в исследовании «новой правой культуры» и праворадикалистской идеологии? Посмотрим.

Заметки А. Ромуальди написаны в стиле некоего экскурса в историю антидемократических традиций в европейской общественной мысли конца XIX и начала XX в. Текст изобилует наукообразными терминами, крайне затрудняющими прочтение, а главное, усвоение тех идей, которые автор попытался сформулировать. Вначале кратко излагаются реакционные воззрения

---

⁵⁶ Цит. по: Bessari one G. Ibidem, p. 138.

политических деятелей, историков, ученых и философов того периода. Упоминаются работы антропологов: Дженсена («Наследуемость интеллекта»), Эйсенка («Раса, интеллект и воспитание»), Карлетона С. Куна («Происхождение рас»), в которых авторы пытались доказать, что расы произошли не от одного общего предка и не являются продуктом единовременной гоминизации. Однако это выводы упомянутых авторов, но не Ромуальди, а тем более не устроителей симпозиума. Тем самым как бы открывалась возможность для присутствовавших на симпозиуме «самостоятельно» решить: приемлемы или неприемлемы подобные выводы для современного уровня развития общественных и естественных наук, есть ли им подтверждения (или опровержения) в самой жизни и проч. и проч.

Далее, рассуждая о различных концепциях истории, Ромуальди (а вместе с ним и организаторы неонацистских молодежных фестивалей) приходит к выводу, что «история человечества не существует, есть только история разных племен и культур, например — история Европы как становление индоевропейских племен на протяжении предисторического, греко-римского и средневеково-современного периодов»⁵⁷. С подобным пониманием истории тесно связаны и теоретизирования по вопросу искусства и культуры. Пытаясь определить границы «правого» искусства, Ромуальди пишет, что отношение того или иного произведения к разряду «правых» зависит не столько от содержания, сколько от формы, от наличия особого «стилистического напряжения», причем автор такого произведения вовсе не обязательно должен быть убежденным националистом или фашистом. Свое утверждение Ромуальди сопровождает примерами. Так, некоторые кадры из фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» из-за якобы выраженного в них «националистического и авторитарного мистицизма» без каких бы то ни было колебаний относятся к «правому» искусству. Другой пример: Фриц Ланг, режиссер известной кинокартины «Нибелунги», будучи коммунистом, покинул Германию, когда к власти пришел Гитлер. Однако, тут же замечает Ромуальди, в немногих фильмах так удачно, как в шедевре Ланга, выражено «героическое, мисти-

---

⁵⁷ Bessarione G. Ibidem, p. 23.

ческое и языческое настроение, свойственное нацистской Германии»⁵⁸.

Как видим, за ширмой псевдонаучных рассуждений, частоклолом наукообразных посылок теории современного неофашизма пытаются подвести под неофашистскую идеологию теоретический базис, прибегая при этом к давно использованным фашистами методам — заимствованиям, а точнее, воровству идей, идеалов, образов, с которыми связана подлинная история развития человеческой цивилизации. Но подобного рода подтасовки истории и политической практики, естественно, обнаруживаются. И на этот случай у неофашистов есть своеобразные «объяснения». В частности, их мы находим на страницах работы Фурио Джези «Правая культура»⁵⁹. (Сам автор известен как специалист в области мифологии и философии литературы и искусства). Отсылая читателя к «наследию прошлого» в области феномена правой культуры, автор обращает внимание на противоречивость заявлений некоторых философов, историков и антропологов правого толка, которые всеми силами пытались доказать, что их знание — знание для узкого круга посвященных — нельзя передавать словами (!). Тогда как же, спрашивает Джези, мог Шпенглер написать тысячи страниц произведений, из которых «классический» фашизм черпал теоретическое вдохновение, если он был убежден, что уверенность в будущем дает только «наследие наших отцов, которое у нас в крови: идеи без слов?» И тут же пытается ответить: «Если офицерам СС, например, редко приходилось прибегать к словам, то в распоряжении деятелей «правой культуры» был свой собственный литературный язык, специально приспособленный для выражения «идей без слов». Этот язык... не был выдуман ими самими, а сложился в процессе длительного развития буржуазной культуры и является своеобразной доминантой того, что пишется или говорится и в наши дни»⁶⁰.

Приемы «заимствований», убогость политического словаря неофашизма объясняются тем, что он как порождение капитализма выражает его крайне реакционные тенденции. Именно поэтому теории современного

---

⁵⁸ Bessarione G. Ibidem, p. 32.

⁵⁹ Jesi F. La cultura di destra. Milano, 1979.

⁶⁰ Ibidem, p. 6.

фашизма, расписываясь в своем бессилии сформулировать «доктрину» этого движения, наполняют свои рассуждения всякого рода мифами, культовыми моментами, пытаются создать вокруг фашизма некий ореол «таинственности происхождения», якобы неподвластного обыденному пониманию. В частности, широко интерпретируются в неофашистской литературе истоки и роль «мистики или религии смерти». Мифологический аппарат фашизма предстает в историческом плане как «рационализация некоторых течений «правой культуры», представители которой были, возможно, даже враждебно настроены по отношению к нацизму»⁶¹. В рассуждениях ряда известных этнологов, ученых других специальностей и специалистов в области религии, которых принято рассматривать как непосредственных предшественников фашизма, любование «примитивными» народами и их культурой нередко соседствовало с расизмом и антисемитизмом, поскольку, пишет Джези, «любая доктрина, согласно которой люди какой-то одной группы рождаются носителями определенной культуры и определенной предназначенной им судьбы, является расистской»⁶².

Под довольно необычным углом зрения Джези пытается рассмотреть проблему антисемитизма гитлеровских нацистов. Он считает, что у последних сложилось о евреях «мифологическое представление» как об особо опасной силе потому, что в глазах нацистов человек еврейской национальности — это «привилегированное существо, одаренное внутренними таинственными качествами, и которое поэтому следует уничтожить»⁶³. И далее этот автор следующим образом развивает свою человеконенавистническую идею: «Создается четкое впечатление, что наименее афишируемый аспект нацистского антисемитизма — враждебность — диктовалась кроме всего прочего страхом перед «расой» медиумов, магов, опасных людей — посредников между непосредственной, чувственной реальностью мира и ее предполагаемыми скрытыми корнями»⁶⁴. Так интерпретируется сегодня фашистская «предопределенность» выступать в авангарде процесса «расового очищения» человечества.

---

⁶¹ Jesi F. La cultura di destra, p. 18.

⁶² Ibidem, p. 17.

⁶³ Ibidem, p. 52.

⁶⁴ Ibidem.

Как отмечает Ф. Джези, большое значение для пропагандистов «правой культуры» играют особенности языка и символика культурологических произведений. Анализируя условный символический язык некоторых немецких писателей, специализирующихся на прославлении идеалов «новой правой культуры», он приходит к выводу, что «символы, заключенные сами в себе», могут быть истолкованы по-разному бесконечное число раз. В доказательство Ф. Джези приводит сочиненную им историко-социологическую интерпретацию новеллы Е.-Т.-А. Гофмана «Вампир». Толкуя символические образы Гофмана в пророческом плане и перенося их в события первой половины нашего века, автор показывает возможность **неоднозначного прочтения** (подчеркнуто нами.— М. Ф., А. Р.) произведения. Собственно Ф. Джези, как и другие интерпретаторы неонацистской «новой правой культуры», обращается к проблемам символики не случайно — в языке «идей без слов» символы играют первостепенную роль (само понятие «символ» употребляется здесь в самом широком смысле — оно охватывает и всевозможные ритуалы, обряды, партийную символику, лозунги и пр.). Анализ «символического направления в «новой правой культуре» показывает, что распространение стереотипов, штампов, крылатых выражений свидетельствует не столько о недостаточной общей культуре их «изобретателей», сколько о желании создать замкнутый круг, в котором говорящий и слушающие понимают друг друга в силу того, что у них общие традиции и мифы, составляющие символику языка «идей без слов». А это необходимо пропагандистам неонацистской идеологии в целях камуфляжа истинных целей неонацизма в глазах широких слоев общественности, чтобы сделать понятной «глубинную сущность» фашизма только для избранных, элиты общества, оставив массам роль слепого подчинения воле «сильной личности», безропотного исполнителя антидемократических устремлений крайне правой реакции.

Фактически бессильные дать ответ на вопросы и проблемы, выдвигаемые жизнью, современным развитием буржуазного общества, неонацисты, отстаивая концепцию «новой правой культуры» в традиционном фашистском духе, демагогически переносят их решение на неопределенное будущее, когда человек получит

возможность освободиться от рабства и «деспотизма» ныне существующей общественной системы. Как заявляет неофашистский пропагандист, „«правая», даже если и не может надеяться на успех в ближайшее время — по крайней мере в Италии,— должна рассчитывать на дальнюю перспективу, перестраивая и совершенствуя свою культуру, включая также и политику, вместо того, чтобы исчерпать себя в мелкой будничной политике. «Правая» должна выработать новые принципы, действенные решения сегодняшних и завтрашних проблем, которые могут явиться альтернативой решений «левых»»⁶⁵. А так как конкретных предложений неофашисты выдвинуть и сформулировать пока не могут, то «правая» должна быть реалистичной, хотя может быть и пессимистичной, но не должна отчаиваться»⁶⁶. Подобного рода оптимизм объясняется, по мнению идеологов неофашизма, тем, что «человек «правой», если и не является человеком завтрашнего дня, то, несомненно, будет представителем послезавтрашнего дня»⁶⁷.

Современный фашизм ориентирует потребителя своей идеологии на «действие и чувство», но не на разум, «подготавливает» то духовное опустошение, которое сопутствует деятельности реакционеров-активистов. Для большинства приверженцев неофашизма характерно не только потребительское отношение к культуре и использование суррогатов «массовой культуры», но и вульгаризация эстетического восприятия действительности. Под лозунгом защиты национальных традиций теоретики неофашизма утверждают буржуазно-националистические взгляды на культуру, где право на существование имеет лишь культура избранных, высшей нации или расы, остальные же национальные культуры представляют опасность и должны быть уничтожены. В соответствии с этим они изображают марксистский гуманизм как «варварское» учение. Вместе с тем капитализму неофашисты не отказывают в гуманности, осуждая лишь индивидуалистический характер традиционного буржуазного мировоззрения и дух меркантилизма, эгоистические стремления к личному благополучию в ущерб интересам нации.

---

⁶⁵ Prezzolini G. Intervista sulla destra, p. 236.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibidem.

Взамен ныне существующей культуры, по мнению теоретиков ИСД—НПС, должна быть введена система духовных и национальных ценностей, закрепляемых законодательным путем. Пример подобной шкалы ценностей можно найти в проекте закона ИСД—НПС для университетов: «1) восстановить академические традиции, основанные на принципе иерархии; 2) проводить в обязательном порядке кафедральные конкурсы на замещение вакантных должностей; 3) лишить студентов права участвовать в системе руководства университетами; 4) ввести новое регулирование отношений между администрацией и студентами; в случае возникновения беспорядков ректорат получает полномочия вызывать полицию»⁶⁸ и т. д. Критикуя «вакуум политической культуры», регресс общества и демократии, итальянские неофашисты пытаются произвести переоценку теистической, догматической и абсолютистской традиций и выступают за возврат к «классическому миру», к полису и т. п. Об этом недвусмысленно заявил один из теоретиков неофашизма Армандо Плебе в книге «Философия реакции»: «Реакция на самом деле учит подсчитывать и предполагать эффекты действий, будучи своего рода отражением действия... Возвращаясь к классической традиции Древней Греции, реакционер имеет возможность выработать самостоятельную позицию между «консерватором» и «революционером»⁶⁹.

Но к фашистской «культуре» неверно было бы подходить как к системе. Антикапиталистические, внеклассовые и антинаучные положения «новой правой культуры» объективно неприемлемы для анализа экономических и социальных условий, в которых она существует, однако эти положения сами по себе являются неким «трансцендентным фактом» буржуазной апологетики проблем государственности. Назначение этой культуры неофашизм видит в спасении средних классов от упадка. Во имя спасения «новая правая культура» предлагает им различные идеалы, ориентированные в прошлое, но преследующие одну цель — преодолеть сегодняшний кризис культурного «тождества» (слияния, по мнению крайне правых, буржуазной культуры с марксистской). Теоретические конструкции ИСД—НПС и идеалы ее

---

⁶⁸ Rosenbaum P. 11 nuovo fascismo, p. 231.

⁶⁹ Plebe A. La filosofia della reazione. Milano, 1971, p. 25.

культуры базируются, впрочем, на объективном кризисе современной буржуазной действительности. Кроме умозрительных этических императивов фашистская идеология не предлагает и не может предложить никакого конкретного решения.

Для понимания механизма воздействия неофашистской идеологии на сознание масс представляется полезным провести анализ некоторых ее положений в интерпретации лидеров и ведущих теоретиков современного фашизма в Италии. К их числу следует отнести философствующего фашиста Армандо Плебе, проповедника расизма и антикоммунизма Юлиуса Эволу, национального секретаря неофашистской партии ИСД—НПС Джорджо Альмиранте.

Официальным идеологом своей партии неофашисты считают Армандо Плебе. Этот человек в молодости изучал философию и выдавал себя чуть ли не за марксиста, но в действительности его приобщение к философии носит реакционный характер. Плебе пытается опровергать марксизм с позиций воинствующего идеализма, обвиняет Маркса в «расизме», склонности к «элитарности» и т. п. В своей книге «О том, чего не понял Маркс» Плебе, прибегая к невероятной фальсификации, обвиняет марксизм в том, что он якобы рассматривает рабочий класс как некую «элиту» пролетариата, тогда как безработные, люмпен-пролетариат преданы забвению и низведены до положения низших представителей этого класса⁷⁰. В подобных рассуждениях неофашистского философа нетрудно угадать одну из теоретических посылок лидеров неофашизма, адресованную люмпен-пролетариату и деклассированным элементам Юга Италии не только как вероятным поставщикам голосов на выборах, но и как действующему резерву своих террористических акций.

В Итальянском социальном движении Плебе рассматривается как один из создателей послевоенной философии неофашизма. Знакомство с его теоретическими положениями, в частности в области «культуры крайне правых», обнаруживает политические симпатии автора. Это так называемое молчаливое большинство (по определению Альмиранте): мелкие буржуа, чиновники, лавоч-

---

⁷⁰ Plebe A. *Quel che non ha capito Carlo Marx*. Milano. Rusconi, 1972, p. 208.

ники и те, кому служит и эта культура, и вся идеология неофашизма в целом — монополистическая буржуазия, реакционные круги общества. В своей «философии реакции» Плебе обрушивается с резкой критикой на принцип всеобщего равного голосования, завоеванный движением Сопротивления и закрепленный в Конституции Итальянской Республики. Ничуть не сомневаясь, он утверждает, что право голоса должно распределяться пропорционально «престижу, деньгам и производительной деятельности» индивидов. Плебе считает, что обществу свойственно «вечное неравенство», которое имманентно проходит через всю историю человеческого рода, и поэтому страной должны управлять «лучшие, избранные». «Нет большей глупости, чем равенство,— пишет он.— Я ненавижу демократию»⁷¹. В этом откровении наглядно обнажается вся суть «философии» Плебе — апологета интересов монополистической буржуазии.

Теоретик итальянских неофашистов выступает ярким противником прогресса во всех областях общественной жизни. Извращенно толкуя понятия «социальный прогресс» и «прогресс человеческих знаний», он пытается доказать, что в настоящее время идея социального прогресса, а тем более революционного преобразования общества, должна быть вытеснена неким «критическим воображением», призванным освободить человеческий разум от «чудовищной мысли об историческом прогрессе». История якобы больше не существует, она «лишь извращение человеческого ума». Плебе рисует некое идеальное мифическое общество, представляющее в виде абстрактного государства, в котором «отсутствуют политические партии и господствуют производственные отношения», регулируемые группой «специалистов-технократов» (здесь прослеживается прямая связь с теорией фашистского «трудового государства»). Оказывается, только в «воображении» представителей этого ирреального общества возможен, по утверждению Плебе, прогресс (!)⁷².

Разумеется, трудно даже при очень хорошем воображении усмотреть в этом конгломерате идей, представлений, надуманных социальных образований, созданных неофашистским философом Плебе, какую-то логику, выявить подобие идейной конструкции. Волюнтаризм в

⁷¹ См.: Критика идеологии неофашизма, с. 255.

⁷² См.: там же.

трактовке исторических закономерностей, иррационализм идеологических конструкций, фальсификация прогрессивных учений о человеке и обществе — вот что составляет основу «философии» Армандо Плебе. Вместе с тем его теоретические модели показывают всю эклектичность, демагогичность, противоречивость идеологии неофашизма, вскрывают ее антидемократический характер.

Послевоенные теоретические разработки другого неофашистского идеолога Юлиуса Эвола предстают в виде синтеза идеи «канонического» фашизма с «аристократическим» фашизмом, духовным расизмом и мифом о Европе — «третьей силе», противостоящей двум сверхдержavam — США и СССР. Еще во времена фашистского режима Муссолини Эвола зарекомендовал себя «специалистом по расовой политике». Именно он попытался теоретически обосновать принадлежность итальянцев к расе первого сорта — «единой спартороманской расе», которую Эвола объявил интегрированной частью германической расы. Спустя некоторое время после окончания второй мировой войны Эвола оказался в Вене. Вскоре он становится «духовным отцом» молодых сторонников ИСД. На страницах неофашистской газеты «Ривольта идеале» ему были предоставлены неограниченные возможности для атак на концепцию послевоенного политического устройства Европы, выдвинутую Де Гаспери, возглавившим итальянское правительство в мае 1948 г., и критики «легковерного оптимизма» христианских демократов.

Аргументация Эвола имела много общего с теоретическими воззрениями «европеистов»*, которые выступали под знаменем «Национ Ойропа», — лозунга, выдвинутого тоскующим по фашистскому прошлому Освальдом Мосли. Именно последнему принадлежит идея соединения противоположных концепций, которые выдвигались различными течениями европейского неофашистского движения. Но если демагогические измышления Мосли,

---

* В первые послевоенные годы в ИСД образовалось течение, которое отстаивало идею объединения правых сил Европы под эгидой итальянского неофашизма. Один из теоретиков ИСД Капассо Торре, причислявший себя к числу «европеистов», писал: «Мы — европеисты, поскольку мы — итальянцы, а Европа является большей частью продуктом распространения и итогом развития итальянской цивилизации». (См.: Rosenbaum P. Il nuovo fascismo; p. 91).

представляя старые идеи, адресовались ближайшему будущему, то проповеди Эволы были обращены в прошлое даже без какого-либо намека на претворение в жизнь одной из главных идей фашизма — осуществления «национальных неофашистских революций» как условия для создания элитарной фашистской Европы. Эвола фактически отстаивал идею этнического фашизма в национальных границах, выступал за соблюдение «биологического обязательства» при неперемнной заботе о чистоте видородовых корней, что полностью соответствовало постулатам федералистско-европейской концепции германского фашизма. Теоретическая посылка Эволы о союзе различных наций и народностей в государственных границах по этническому признаку несла в себе этнический элемент только в виде перспективы и была модификацией все той же идеи «великой Европейской империи», в которой должны раствориться все разновидности национализма.

Полное подчинение индивида обществу, примат общего над частным, характерные для концепции Эволы, не означали формирования широкого союза масс, а, наоборот, предполагали господство элитарной группы политических и идейных лидеров (вождей). Такой «духовный фронт» мог быть создан, по мнению Эволы, только при условии возврата к ценностям буржуазных революций эпохи капитализма и при окончательном господстве в обществе культуры «третьего пути развития государственности», то есть фашизма. Носители упомянутых ценностей — представители новой элиты, солдаты этого «фронта», каковыми их живописал Эвола, — будут сражаться за фашистские идеалы; основой их союза станут надличностное единство, верность клятве.

В своих работах по истории фашизма («Фашизм — опыт критического анализа справа», 1954; «Фашизм», 1964) Эвола пытается найти ошибки, которые привели его к поражению. Однако критически обнажая просчеты фашистских лидеров и теоретиков, Эвола в то же время стремится оправдать кардинальную идею фашизма — построение «трудового государства» на принципах подлинного корпоративизма. Вот почему он обрушивается с критикой на Муссолини, который своим «демагогическим блужданием» привел фашистскую доктрину к полному отрыву от реальности, от практики, и тем самым фашизм «разрушил себя сам, своими собственными рука-

ми, предав забвению принцип тоталитарного государственного устройства»⁷³.

Как известно, идея корпоративизма предполагает упразднение любых политических партий, а Муссолини пошел на сохранение фашистской партии, что, пишет Эвола, вызвало острые внутрипартийные разногласия. Кроме того, существование в Италии того времени хоть и фашистских, но профсоюзов явилось, по мнению Эволы, предпосылкой сохранения в широких массах «духа» классовой политической борьбы. Выступая сторонником «элитарного, аристократического» фашизма, Эвола приписывает Муссолини демагогическую обращенность к «плебсу», к массам и тем самым критикует одну из кардинальных идей фашистских теоретиков, стремившихся к созданию массовой социальной базы фашизма. Претендовавший на роль идеолога фашизма в расовой политике, Эвола обвиняет режим Муссолини также в том, что свою опору он видел не в «общности типичных характеров» людей одного социального слоя, а в разобщенной массе сторонников фашистской доктрины, представлявших различные категории населения. Одним словом, заключает Эвола, основная ошибка итальянского фашизма в том, что его лидеры отошли от модели «классического средневекового корпоративизма». Но главную вину (Эвола даже проводит различия «ошибка — вина») за неудачу режима он возлагает на итальянский народ, который из-за склонности к пустой болтовне оказался неспособным к восприятию фашистской доктрины⁷⁴.

Борьба с коммунизмом, по мнению Эволы, может принести успех только в том случае, если массы будут ограждены от политики. Он считает, что «деполитизация нации» — неперемное условие в походе против коммунизма, что политикой должны заниматься только избранные, а большая часть нации пусть проявляет себя в сфере производства, построенного на принципах корпоративизма; в стране все подчиняется неукоснительному соблюдению фашистского принципа — «власть, порядок, справедливость». Все эти откровения — не что иное, как осовремененная интерпретация неосуществившихся на практике взглядов Н. Макиавелли, Ф. Ницше, Ж. Сореля. Видимо, поэтому в проповедуемых Эволой взглядах даже неофашизм не усмотрел ничего нового, что могло

⁷³ Критика идеологии неофашизма, с. 248.

⁷⁴ См.: там же.

бы стать привлекательным для массового сознания. Итальянский неофашизм в своей политической практике, как правило, не обращается к теоретическому наследию Эволы, делая исключение лишь его ярому антикоммунизму, который всегда был стержнем как фашистской, так и неофашистской идеологии.

Джорджо Альмиранте нельзя назвать идеологом в полном смысле этого слова. Он никогда специально не занимался (да и не ставил перед собой такой цели) систематизацией неофашистского мировоззрения. Тем не менее постоянная политическая и пропагандистская деятельность требовала от него известной систематизации основных положений неофашистской доктрины. Поэтому в той степени, в какой вообще взгляды политического лидера могут выражать идеологию его сторонников, точка зрения Альмиранте представляет несомненный интерес. Она позволяет определить адресат и в конечном счете составить представление об идеологии тех, на кого рассчитана.

Альмиранте — лидер крупнейшего в современной Западной Европе неофашистского движения. Он родился в 1914 г. в семье провинциального актера. С детства впитал вкус к бутафории, искусству перевоплощения. Однако не пошел по стопам отца. В 1934 г. Альмиранте закончил гуманитарный факультет Римского университета и некоторое время преподавал. Но тщеславие не давало ему покоя — он искал возможности для самоутверждения. Журналистика — так определил для себя Альмиранте путь в высшие сферы фашистской политической иерархии. Уже в 1932 г. его заметки появились на страницах провинциальных газет, а позднее, усердствуя в прославлении «фашистской новой культуры», он стал редактором римской газеты «Тибр». Описывая эти годы своей жизни, Альмиранте пытается представить себя «рядовым исполнителем долга и обязанностей». В 1940—1941 гг. он участвовал в военных авантюрах итальянских фашистов в Северной Африке, но в своей книге «Автобиография расстреливателя»⁷⁵ замалчивает этот период. Вместе с тем остается неясным, как Альмиранте «удалось» пробыть в действующей армии всего лишь более года именно в то время, когда фашизм остро нуждался в «пушеч-

---

⁷⁵ Almirante G. Autobiografia di un «fucilatore». Milano, 1974.

ном мясе». Но факт остается фактом. Альмиранте возвратился в редакцию газеты «Тибр», где и работал до 1943 г. репортером в рубрике «Театр». В 1943 г. германские нацисты вновь водворили в Италию Муссолини, который создал на Севере страны марионеточную Республику Салó. В этом новом фашистском правительстве Альмиранте доверили пост начальника кабинета министра культуры, и он изо всех сил стремится «оправдать» доверие. Найденные в архивах документы, относящиеся к 19-ти месяцам существования Республики Салó, подтверждают личное участие Альмиранте в зверствах, чинимых фашистами на ее территории. Тем не менее после войны ему удалось избежать правосудия. Какое-то время он торговал мылом и одеколоном, затем преподавал в школе, а в 1946 г. оказался в числе организаторов Итальянского социального движения. Именно здесь раскрылся талант демагога, лицемера, фашистского преступника...

В 1948 г. Альмиранте избирается по спискам ИСД в Палату депутатов и переизбирается в дальнейшем пять раз. В год основания ИСД он становится его национальным секретарем, находясь на этом посту до января 1950 г. Однако его призывы к открытой вооруженной борьбе, рецепты «силового» решения национальных проблем вызвали недовольство «умеренного» парламентского крыла партии. В январе 1950 г. Альмиранте вынужден был уступить пост лидера «умеренному» Де Марсаничу, но продолжал возглавлять экстремистское крыло ИСД. В 1969 г., после смерти Микелини, сменившего Де Марсанича в 1956 г., Альмиранте вновь избрали национальным секретарем ИСД, и он остается на этом посту до настоящего времени. 24 мая 1973 г. Палата депутатов проголосовала за привлечение Альмиранте к судебной ответственности за возрождение в стране запрещенной конституцией фашистской партии. В июле 1975 г. прокуратура Итальянской Республики возбудила судебное дело против 40 парламентариев-неофашистов, список которых возглавлял национальный секретарь ИСД. Однако до сих пор Альмиранте разгуливает на свободе, пользуется парламентской неприкосновенностью и возглавляет партию, поставившую своей целью возродить в Италии фашистский режим.

Одна из основных особенностей неофашизма состоит в том, что он стремится к восстановлению в обновленном виде уже ранее существовавшего строя, пусть не выдер-

жавшего испытания на прочность, но все же господствовавшего в стране более двадцати лет. Отсюда специфическое для неофашизма «ностальгическое» отношение к прошлому, отсюда его романтизация и идеализация. В этой связи целесообразно рассмотреть отношение Альмиранте к истории фашизма и его оценку современной социально-экономической ситуации в Италии.

Лидер ИСД заявляет, что двадцатилетняя диктатура Муссолини была «логической и необходимой формой», которую фашизм достиг в тех определенных условиях, и что эта форма якобы наилучшим образом выражала национальные интересы и волю народа после мировой войны. Поэтому появление неофашизма представляется Альмиранте логическим продолжением вечно живущей идеи фашизма, которая, по его словам, «актуальна и сегодня»⁷⁶. «...Доктрина фашизма,— утверждает Альмиранте,— рождается как доктрина посредничества между западной капиталистической системой и восточной коммунистической. Таковой она и остается; при этом в термин «посредничество» следует вкладывать не случайный, оппортунистический смысл, а понимать его в смысле диалектического преодоления и синтеза»⁷⁷. По мнению Альмиранте, чтобы выйти из кризиса, переживаемого капиталистической системой, и избежать установления государства типа коммунистического, необходимо радикально решить следующие проблемы: «создать такую систему народного представительства, которая обеспечивала бы новое качественное содержание социальных институтов...; внедрить труд в государстве; проводить принцип нации как основы государства»⁷⁸. Демагогически апеллируя к «народу», его «законным правам», Альмиранте заявляет, будто все эти проблемы в состоянии разрешить только государство, построенное по принципу корпоративизма*. В его трактовке корпоративный строй предстает как панацея от всех зол.

Во-первых, он спасает государство от впадения в одну из двух крайностей: либерализм или коммунизм, которые описываются следующим образом. «В то время, как либерализм («анархия, охраняемая жандармами»,

---

⁷⁶ Almirante G. e Palamenghi-Crispi F. Il movimento sociale italiano. Milano, 1958, p. 18.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

* О корпоративизме см. с. 22.

по выражению Карлейля) игнорирует интересы коллективности, преследуя цель — получение максимальной выгоды индивидом, коммунизм игнорирует интересы индивида, растворяя их во всемогущей структуре государства, фашисты рассматривают отношения между людьми с точки зрения подчинения индивидов и групп высшим национальным, т. е. коллективным потребностям»⁷⁹. В своих рассуждениях Альмиранте прибегает к несколько осовремененной демагогии Муссолини, основу которой составляет ретроградный реформизм с «радикальными» программами преобразования социальной и политической структур, однако направленными в конечном итоге на спасение старых, привычных устоев. Так, выступая поборником концепции корпоративизма, лидер ИСД пытается обосновать ее социальную и историческую необходимость тем, что при ее реализации политические, социальные или экономические отношения должны быть подчинены некоему «моральному правилу и идее такой социальной организации, которая, даже будучи основана на производственных отношениях, вознеслась бы над (голым) экономизмом на более высокий моральный и духовный уровень». На такой духовной основе строится неофашистская концепция отношений между «индивидом и коллективностью и, следовательно, между нацией и социальностью», которые смогут проявиться в полной мере в условиях корпоративного государства — «государства национального, а не националистического, социального, а не социалистического». Это, во-первых.

Во-вторых, корпоративное государство спасает от другого зла — позволяет избежать «опасностей как экономики свободного рынка, так и дирижизма»⁸⁰.

В-третьих (и это, пожалуй, основное в идее корпоративного государства как антитезы социализму и капитализму.— *М. Ф., А. Р.*), корпоративное государство якобы гармонически разрешает социальные противоречия. Альмиранте описывает эту сторону корпоративного государства почти идиллически: «Корпоративное общество есть общество производителей, в котором основы совместной жизни подняты на более высокий духовный уровень, где труд становится из объекта субъектом эко-

---

⁷⁹ *Almirante G. e Palamenghi-Crispi F. Il movimento sociale italiano*, p. 22.

⁸⁰ *Ibidem*, p. 120, 123—124.

номики. Собственность обретаает социальную функцию, капитал возвращается к выполнению своей инструментальной функции, политическая власть не определяется размерами богатства, смена правящих классов обеспечивается выбором самых достойных в каждой профессии и роде занятий»⁸¹.

И, наконец, такое корпоративное государство, разрешая социальные конфликты, призвано устранить источник классовой политической борьбы.

У итальянца, испытавшего на себе все «преимущества» корпоративного государства за «черное двадцатилетие», эти демагогические рассуждения, помимо отвращения или недоверия, могут вызвать естественный вопрос: почему же вся эта идиллия не осуществилась при Муссолини, и осуществима ли она вообще? Альмиранте отвечает на это следующим образом: «Мы неоднократно подчеркивали, что речь идет об идее корпоративности, а не о (бывшем) корпоративном режиме, поскольку актуальность возвращения к «фашистскому» корпоративизму предполагает пересмотр и исправление всего того, что на практике изжило себя или было случайным»⁸². Возвращение к «очищенной» от исторических случайностей и по-прежнему кардинальной для современного фашизма концепции корпоративного бесклассового государства Альмиранте видит в утверждении на политической арене современной Италии старой идеи классового мира и примата национальных интересов по отношению к интересам отдельного гражданина. В докладе ЦК ИСД—НПС в январе 1974 г. Альмиранте лицемерно призывал: «Надо, чтобы участники производственного процесса (т. е. капиталисты и рабочие — *M. F., A. P.*) договорились друг с другом, выйдя из порочного круга классовой борьбы»⁸³.

Однако пока что лозунгом корпоративизма неофашистам не удастся привлечь на свою сторону сколь угодно значительную часть рабочего класса. Неофашистский профсоюз ЧИЗНАЛ насчитывает не более 200 тыс. человек, представляющих в основном мелкие и средние предприятия, при численности рабочей силы в стране в 20 млн. человек. (Три крупнейшие профсоюзные организации Италии: Всеобщая итальянская конфе-

⁸¹ Almirante G. e Palamenghi-Crispi F. Il movimento sociale italiano, p. 127.

⁸² Ibidem, p. 126.

⁸³ Il Secolo d'Italia, 1974, 15 gennaio, p. 6.

дерация труда, Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся и Итальянский союз труда объединяют в своих рядах более 6,5 млн. человек). Тем не менее идея корпоративного государства широко эксплуатируется неофашистами в критике экономической политики правительства, проблем классовых конфликтов и т.д. По их мнению, победа над фашизмом и восстановление буржуазно-демократического строя в Италии — суть не что иное, как шаг назад. Этот же тезис служит основой для постоянных яростных нападков неофашистов на действующие социальные институты и современную политическую систему Италии. Кампания, которую они проводят, нацелена в основном против антифашистского движения, против «партитократии» (многопартийности), ведется якобы за права простого человека, за восстановление порядка.

И не случайно Альмиранте вновь и вновь пытается воздействовать на националистические чувства итальянца, будто бы все более вытесняемые из обиденного сознания «некритичностью мещанина», его неспособностью к рефлексированию собственных мыслительных операций. Обыватель, представляющий «молчаливое большинство», забывает, что Италия времен Муссолини — это «Италия счастливая и стойкая, благодарная и дисциплинированная, уверенная и победоносная вплоть до того времени, когда было совершено предательство, которое раскололо ее на части, словно Троя до троянского коня...» На самом деле, теоретизирует далее Альмиранте, нет фашистов и антифашистов, есть «патриоты и предатели, есть фанатики и здравомыслящие люди». Пора бы, наконец, перестать травить и преследовать «патриотов» и достичь национального примирения⁸⁴. Коммунистов Альмиранте относит к разряду предателей, считая, что, дескать, именно они — и под их давлением правительство — продолжают нагнетать в стране обстановку, «близкую к гражданской войне», проводят «стратегию напряженности» (!?)⁸⁵.

На первый взгляд, эти рассуждения, вырванные из реального социального контекста, их породившего, представляются мнением человека, далекого от политики.

---

⁸⁴ *Almirante G. Autobiografia di un «fucilatore»,* p. 29, 100—101.

⁸⁵ *Ibidem,* p. 155.

Здесь все поставлено с ног на голову. Однако они легко вписываются в неофашистское сознание именно в силу их абсолютной противоположности истине, заполняя старую форму новым содержанием. Неофашизм не случайно позволяет себе столь свободное обращение с историческими фактами. По мере того, как отдаляется «черное двадцатилетие», появляются всевозможного рода интерпретации истории Италии, маскирующие классовую, социальную суть фашизма. Возможность извращенного толкования истории в полной мере используется в политической идеологии неофашизма. Но за элементами новизны, которые акцентирует неофашизм, скрывается политика «канонического» фашизма: та же враждебность по отношению к республиканским институтам, то же фронтальное наступление на рабочее движение, его передовые партии, политические и массовые организации; та же тактика создания вооруженных фашистских отрядов и детально разработанные планы террористических акций, взращенные в рамках существующего режима и направленные, в конечном счете, на его свержение.

В политической идеологии неофашизма неприятие современной социально-политической системы выполняет совершенно определенную функцию: очернение результатов антифашистского движения, противопоставление существующей системе в качестве альтернативы фашистской модели государства. «...Государство переживает кризис, система переживает кризис, необходимо создать возможность свободной альтернативы, которая бы глубоко обновила Конституцию и воплотила коренные и необходимые реформы в законы, осуществляемые быстро, просто и со всей полнотой»⁸⁶. Вот почему Альмиранте предлагает взять за образец... фашистский режим в Чили — современный вариант военно-диктаторского государства. Бессилие государственного аппарата, коррупция чиновничества — несомненно, реальные черты любого буржуазного государства. Но они были не менее характерны и для Италии времен Муссолини. Тем не менее в неофашистской трактовке они предстают как свойственные исключительно нынешнему государству, возникшему в результате победы антифашистского движения и разгрома фашизма.

Следует отметить одно важное обстоятельство.

---

⁸⁶ Almirante G. Autobiografia di un «fucilatore», p. 202.

Ориентируясь на современность, неофашисты изменили и трактовку взаимоотношений индивида и государства. Если в традиционной фашистской идеологии, как было показано ранее, индивид, гражданин занимает подчиненное место по отношению к государству так же, как по отношению и к другим проявлениям коллективности (религии, семье, нации и т. д.), то в официальной идеологии неофашизма гражданин, его интересы, права и благосостояние выдвигаются чуть ли не на первый план. Нельзя сказать, что эта метаморфоза произошла вследствие осознания идеологами неофашизма ошибочности одного из основополагающих тезисов фашистской доктрины. Вспоминая времена Муссолини, Альмиранте считает, «что основная разница заключена в соотношении обязанности — права». Если, мол, в то время образцом «молодых был тип человека долга, то сейчас, особенно для молодежи, идеалом служит тип человека требующего, человека права»⁸⁷. Будучи вынужденными признать изменившуюся историческую реальность, когда человек, индивид, уже не хочет быть просто винтиком в социальном процессе, ибо в атмосфере напряженных классовых и социальных конфликтов его политическое самосознание значительно выросло, идеологи неофашизма стараются приспособиться к новым условиям, выдавая себя чуть ли не за единственных, кто разделяет интересы рядового труженика и может защитить его от всяческих зол, которыми грозит ему нынешняя политическая система.

«Средний итальянский гражданин», утверждают неофашисты, не видит себя в системе порядка, гарантируемого государством, и выдвигают в своих программных документах «обвинения» в адрес современной правящей системы (впрочем, представляемые Альмиранте как мнение общественности): «наиболее распространенным чувством итальянских граждан является чувство страха... Максимум беспорядка объединяется с максимумом чувства незащитности»⁸⁸ (?!). Любого, кто знаком с историей Италии, приведенные обвинения не могут ввести в заблуждение. Эти обвинения — не что иное, как очередная демагогическая уловка неофашистов: «позабыв» о

---

⁸⁷ Ibidem, p. 38.

⁸⁸ Ibidem, p. 37.

«черном двадцатилетии», вновь выставить себя «единственными защитниками» итальянцев, нации, поборниками порядка.

В послевоенные годы политические задачи, которые ставило руководство перед членами неонацистской партии и ее сторонниками, менялись неоднократно. На первый план последовательно выдвигались то тезис о защите прав «простого человека» (период куалункизма), то национализм и антисоветизм (период «холодной войны»), то, наконец, антидемократизм (конец 60-х гг. — настоящее время) и консерватизм. Прежним оставался лишь один из основных принципов деятельности фашизма и неонацизма: стремление создать кризисную ситуацию для расширения своей социальной базы. Акцент на консерватизм и проповедь «порядка» в сочетании с методами терроризма и прямой подрывной деятельностью свидетельствует о том, что неонацизм готовится к решающему бою с демократическим движением, катализируя конфликты, использует любые возможности для объединения всех недовольных существующим положением вещей.

Поэтому важным остается анализ с марксистских позиций идеологии фашизма наших дней, показ его классовой природы, аргументированная критика антидемократического, подрывного характера практики и политики неонацистского движения. Актуальность этих задач определяется тем, что неонацизм, как и фашизм довоенного типа, порожден государственно-монополистическим капитализмом в целях борьбы против революционного движения рабочего класса, против социализма. Он усиливает свою активность в период обострения кризиса империализма, вызванного внутренними и внешними причинами. В отличие от фашизма гитлеровского образца, неонацизм может действовать в виде крайне правых партий и групп или же в большинстве случаев в виде ультраправого крыла реакционных буржуазных партий.

Спекулируя на трудностяхживания человека в новые условия, порожденные кризисом капитализма, неонацизм, обещая спасти человека от гнета индустриализма, в то же время видит одну из своих задач в интегрировании индивида в систему так называемого индустриального общества. Следует подчеркнуть, что для всех идеологических течений неонацизма в Западной Европе характерным остается примат государства по

отношению к индивиду и неизменный возврат к наследию «канонического» фашизма. Тот факт, что отдельные течения неофашизма делают акцент в своей пропаганде на различные аспекты и концепции фашистской доктрины, подтверждает правомерность определения идеологии неофашизма как демагогической и противоречивой.

НЕОФАШИЗМ И БУРЖУАЗНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Исследуя проблему соотношения неофашизма и буржуазного конституционализма, необходимо акцентировать внимание на том, что политическое лицо Италии отличает сильное антифашистское движение, которое недвусмысленно проявляет себя в моменты прямой угрозы опасности авторитарного переворота, как было в 1960, 1969 и 1970 гг. Непосредственно воздействуя на расстановку политических сил в стране, антифашистское движение способно вызвать изменения в правительстве, как, например, в июле 1960 г., когда вынуждено было уйти в отставку за покровительство неофашистам правительство Тамброни. Тем не менее буржуазные политологи Италии продолжают безапелляционно твердить об экстремистском и анахроничном равенстве между буржуазной демократией и фашизмом, обесценивая тем самым программный и социальный смысл конституционной установки на окончательное уничтожение корней фашизма и неофашизма.

За показным нравственным осуждением буржуазными идеологами «любого насилия» (непримиримым в выражениях и оппортунистическим, по своей сути, в действиях) скрывается апологетика фактического положения в Италии, где активно действуют не только ИСД — НПС, но и вооруженные группы и агрессивно настроенные группировки. Эти реакционные силы используют сложившуюся ситуацию для выработки новых соглашений, в которых откровенно оговаривается прямое соучастие финансовых кругов, исполнительных органов, шпионских организаций и влиятельных ведомств государственного аппарата в акциях, имеющих целью вызвать антидемократические сдвиги политической оси страны. Тайный сговор и покровительство со стороны реакционных и консервативных кругов, которые, боясь лишиться «защиты собственности», надеются извлечь выгоду из террори-

стических действий фашистских группировок, являются отчетливо выраженной тенденцией внутриполитической жизни современной Италии. Государственный аппарат страны демонстрирует на деле свою беспомощность, что, в частности, особенно ярко проявилось в попустительстве зачинщикам террористических покушений в Милане (1969 г.) и Катандзаро (1971 г.), Реджо-ди-Калабрии (1971 г.) и Брешии (1974 г.). Именно тогда поиски подлинных вдохновителей преступлений были отданы на откуп оппозиционной «левацкой» и молодежной печати, в то время как органы полиции, судебные власти и правительство фактически бездействовали. На скамье подсудимых оказывались подлинные защитники общественного порядка, тогда как вокруг преступных действий заговорщиков создавалась плотная завеса из демагогических рассуждений, что лишь сбивало с пути следствие. Итогом таких действий стал, в частности, побег «черного князя» Боргезе — организатора неудавшегося фашистского государственного переворота в декабре 1970 г.

Государство фактически закрывает глаза на явные связи ведущих буржуазных партий и ИСД. Но когда в противовес враждебной деятельности в Реджо-ди-Калабрии в Аквиле возникло мощное антифашистское движение, в которое, наряду с коммунистами и социалистами, влились и левые католики, 77 парламентариев от ХДП подняли против него настоящий парламентский мятеж. Этот эпизод как бы дал сомневающимся ответ о включенности (правлящими кругами) неофашизма в сложную игру политических сил в стране. Более того, он недвусмысленно показал явную опасность устоям конституционного строя Республики, исходящую от социального движения, программной установкой которого выступает прежде всего уничтожение демократии. Тайный сговор правительственных кругов Италии с реакцией — реальность наших дней, освященная круговой порукой участников и официальных властей. Этот сговор продиктован политическими соображениями правящих кругов, боящихся разоблачения сущности неофашизма — крайне реакционного резерва, который в любой момент может быть использован монополистическим капиталом в борьбе с демократией.

Существуют точки зрения, что итальянский неофашизм создан на развалинах Социальной республики Салло и не имеет никакой надежды утвердиться на полити-

ческой арене страны, получить поддержку послевоенного поколения. Верно ли это? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо вскрыть классовую сущность отношения государственного аппарата не только к деятельности террористов, но и к самой стратегии послевоенного фашизма. Пока со стороны властей звучат лишь утверждения о малочисленности неофашистов и безопасности для устоев конституционной Республики со стороны крайне правых. Лишь иногда, когда террористические акции ультра уносят десятки жизней ни в чем не повинных граждан, когда тень государственного правого переворота вползает во дворец Монтечitorio (здание палаты депутатов), правящие круги заявляют о своей решимости очистить страну от правозэкстремистов. Затем следуют дебаты, рассуждения, заявления по поводу того, насколько с точки зрения основного закона правомерно применять в отношении новоявленных чернорубашечников те или иные судебные и правовые нормы и т. д. И, как правило, в конце концов проблема правой опасности подменяется тезисом об угрозе слева — этим неизменным пунктом антикоммунистической кампании, которую охотно поддерживают и в моменты обострения внутривнутриполитической обстановки провоцируют господствующие классы.

Так буржуазный конституционализм совершает необходимый политический маневр, призванный замаскировать, скрыть классовую сущность неофашизма — явления, порожденного империалистической реакцией, вскормленное антикоммунистическими, шовинистическими кругами монополистического капитала, финансовой олигархией. В этой связи нелишне вспомнить исторический эпизод (1921—1922 гг.) молниеносного прихода к власти Муссолини, которого ряд политических деятелей, например, Джолитти, Кроче, Бономи, рассматривали как личность «возвышенную и сильную», хотя и слишком «скромную», чтобы представлять опасность существованию и основам демократических институтов. Как известно, «скромность» фашистского лидера обернулась кровавыми зверствами диктатора.

Следует подчеркнуть, что всякое повторение истории на фоне зарождающегося нового неизбежно вбирает в себя и продуцирует в свою очередь черты предшествующих событий. Именно поэтому неофашизм нельзя рассматривать только как простое повторение «марша на

Рим» или в виде упрощенной модели возрождения муссолинизма или Социальной республики. Неофашизм 80-х гг. несет в себе элементы новизны, рожденные авторитарными тенденциями империализма. А это новое содержание современного фашизма правящие классы упорно скрывают и маскируют. Его представители проповедают сегодня идеи неонацистского европеизма и антидемократической программы, чему всегда сопутствует оголтелый антикоммунизм. Не вызывает сомнения, что без навязанной послевоенной Европе Соединенными Штатами Америки атлантической политики, без политического регресса, проявившегося в попрании прав человека в период маккартизма и получившего новое направление во времена войны Франции в Индокитае, США — во Вьетнаме, немыслима была бы международная правомочность режимов Салазара и Франко. Так же, как была бы невозможной деятельность организации бывших эсэсовцев «ОДЕССА» («Организацион дер СС-ангехериген»), которая начала функционировать сразу же после окончания второй мировой войны почти во всех странах Западной Европы. Под руководством Отто Скорцени она проводила операции по спасению нацистских преступников от справедливого возмездия народов. Но цель операций заключалась не только в спасении, а прежде всего в последующем восстановлении рядов международного фашизма.

А на Апеннинском полуострове крупные аграрии и промышленники объявили открытый бойкот проведению демократических преобразований, одновременно опасаясь, как бы послевоенный фашизм не сошел с политической арены. Попытки антинародных государственных переворотов — довольно частое явление в послевоенной Италии, особенно в период кризиса «левоцентризма» и политики ведущей парламентской партии ХДП. Эта политика обнажила непримиримость партии христианских демократов к подлинно демократическим реформам, которые выдвигали профсоюзы совместно с левыми партиями. ХДП безуспешно пыталась найти пути к политическому равновесию без учета реальной расстановки политических сил в стране, которую характеризует возрастание влияния в массах Итальянской коммунистической партии. Монополистическая буржуазия страны сгруппировалась на «авторитарных» (именуемых в политическом словаре буржуазных партий как «технократических») и

ретроградных (консервативных или откровенно реакционных) позициях. Ее верность принципам североатлантической доктрины, слишком упрощенное толкование понятия подлинной национальной независимости нашли свое выражение в неприкрытой враждебности к проведению любого внешнеполитического курса, не отвечающего задачам агрессивных военных империалистических блоков.

Именно поэтому всякая инициатива, которая могла бы привести к обновлению политической обстановки в стране, втискивалась в узкие рамки маневра, определяемого практикой и идеологией «центризма». Главным идеологом этого курса после ухода с политической арены Де Гаспери выступил Сарагат. В то же время создавшаяся в 60-х гг. в Италии политическая ситуация обнажила социально-экономические корни неофашизма, который продолжал нагнетать обстановку в стране эскалацией своих преступлений. Как отмечалось в «Белой книге» (Milano, 1974), выпущенной ассоциацией итальянских партизан, в тот период репрессивная машина государства была ориентирована и направлена в большей степени на преследование левых сил, чем против попыток антиконституционного разрушения Республики, предпринятых ИСД и проводимых в жизнь фашиствующими и военизированными организациями и группами.

Итак, существование неофашизма в Италии именно в тех формах, которые ему сегодня присущи, господствующая политическая система, фактически охраняющая ИСД и покрывающая деятельность неофашистских групп, тайный сговор международного империализма и реакционной национальной буржуазии в сочетании с постоянным экономическим кризисом и отсутствием определенной политики в отношении структурных реформ, призванных привести в соответствие социальную базу государства с его республиканскими институтами,— все это создает возможность для новых попыток реакционного фашистского переворота, куда более опасного в современных условиях.

Какие силы, социальные слои и категории могут реально поддержать неофашистское антиконституционное выступление? Кто формирует социальную базу современного фашизма? В Италии 80-х гг. к сторонникам неофашизма относятся: определенная часть мелкой и средней буржуазии (в современном определении этих

социальных слоев), чиновников и служащих, значительная часть населения Юга страны, часть высшего и среднего офицерского состава армии и полиции, некоторый процент крупной буржуазии, молодежь — в основном выходцы из перечисленных выше групп и слоев, часть люмпен-пролетариата. При всем различии во взглядах, ценностных ориентациях их объединяет одно исключительно важное обстоятельство: они не нашли своего места в классовой борьбе рабочего класса против монополий и империалистической реакции.

Социальный состав партии, тем более находящейся в оппозиции, как правило, адекватно отражает отношение к ней и ее идеологии различных слоев населения. С этой точки зрения определенным показателем социальной базы неофашизма в Италии могут служить следующие данные. К началу 1973 г. ИСД—НПС насчитывала, по словам ее лидеров, почти 400 тыс. членов, будучи четвертой по величине партией страны после ХДП, ИКП и Социалистической партии; 120 тыс. человек объединял молодежный филиал ИСД — «Фронт молодежи». На внеочередных выборах в июне 1979 г. за Национальную правую голосовало около 2 млн. избирателей. Примерно 35% членов партии — служащие и чиновники преимущественно государственных учреждений и местных органов власти, 27,7% — ремесленники и торговцы, 10% — рабочие, 10% — крестьяне, около 14% — представители интеллигенции и люди свободных профессий. В официальных документах ИСД почти нет сведений об одной из ее основных ударных сил — люмпен-пролетариате, незначительно число членов партии, представляющих вооруженные силы, полицию. Впрочем, даже имеющиеся данные по этим категориям населения не могут служить достоверным показателем влияния ИСД в армии, поскольку в них не включено число сочувствующих неофашистам среди военных ⁸⁹.

Особую опасность для единства демократического движения представляют настроения безысходности, отчаяния, нетерпения, которые в условиях экономических трудностей и социально-политического кризиса легко овладевают наиболее обездоленными слоями населения, составляющими в Италии довольно значительную группу. Состав ее пестр: это и безработные, и бедняки, и

---

⁸⁹ Rinascita, 1973, 5 gennaio

деклассированные представители отсталого Юга страны, и молодежь. Особенно безрадостно и тревожно положение молодежи: три четверти не имеющих работы — это молодые люди в возрасте до 25 лет⁹⁰, среди них немало имеющих дипломы об окончании школы и даже университета. Фактически в ряде областей целое поколение оказалось оторванным от производительного труда, психологически очутилось в положении изгоев общества. Наиболее юная по возрасту и образованная часть этих полупролетарских и деклассированных слоев нередко приходит к радикальным настроениям, которые, однако, отличаются от боевых позиций пролетариата. Отрицая любые компромиссы, они быстро отходят от поддержки левых партий, обвиняя последних во «врастании в систему» — и все потому, что не оправдываются их иллюзии о возможности немедленного изменения положения в стране⁹¹.

Важно подчеркнуть, что неофашизм образца 80-х гг. заметно отличается даже от неофашизма 60-х и 70-х гг. Он искусно приспосабливается к переменам в жизни страны, модифицируя свои лозунги и свое обличье. Что же повлияло на трансформацию «канонического» фашизма в Италии? На его видоизменения прежде всего повлияли объективные факторы, обусловленные общим ходом социально-политического и экономического развития как в мире в целом, так и в Италии в частности.

Во-первых, изменение международной обстановки, вызванное успехами стран социалистического содружества и национально-освободительным движением, развитие процессов разрядки международной напряженности.

Во-вторых, укрепление позиций ИКП, единства демократического движения и союза антифашистов — главного препятствия на пути неофашистов к власти.

В-третьих, принятие буржуазно-демократическим государством рожденной в ходе антифашистского движения Конституции, которая официально запрещает создание партий фашистского типа, что должно фактически ставить неофашизм вне закона.

В-четвертых, утрата фашизмом позиций на промышленном Севере страны и перемещение центра движения на отсталый Юг.

⁹⁰ Rinascita, 1978, 21 gennaio.

⁹¹ См.: Холодковский К. Г. Политическое положение в Италии и проблемы единства демократических сил. — Рабочий класс и современный мир, 1978, № 6, с. 76.

В-пятых, возросшее число средних слоев, «лишних», одиноких людей, выбитых из привычных ячеек общества развитием государственно-монополистического капитализма, людей дезориентированных, готовых присоединиться к третьей силе, каковой в современной Италии выставляет себя неофашизм.

Но, помимо объективных, внешних по отношению к неофашистскому движению факторов, существует еще ряд обстоятельств, связанных с его историей и с особенностями развития на современном этапе.

Во-первых, наличие у неофашизма исторического предшественника — фашизма Муссолини. Тот факт, что фашизм как государственная и социальная система существовал реально, имеет для неофашизма большое практическое значение. Фальсифицируя историю, нефашисты в целом преподносят фашизм как альтернативу существующей государственной системе, обещая исправить «частные» ошибки, допущенные их предшественниками.

Во-вторых, наличие постоянных серьезных внутривнутрипартийных разногласий, ослабляющих партию изнутри и подрывающих веру в нее у тех, кто разделяет идеологию неофашизма.

В-третьих, существование специфической для неофашизма «двойной идеологии», то есть официальной, парламентарной, и массовой, скрытой, питающей штурмовые отряды.

В-четвертых, последовательное перенесение акцента в политической идеологии на лозунги, апеллирующие к консерватизму и традиционалистскому мышлению.

И, наконец, как уже не раз отмечалось, связь этого движения с международной реакцией. Центральное разведывательное управление США упоминается почти во всех случаях — и выше приводились примеры — разоблачения неофашистских преступлений в Италии. Участие ЦРУ в антидемократических акциях в этой стране — естественное следствие пронаатовской политики итальянского правительства, которое опасается возможности изменения политического курса под воздействием развивающихся в Италии позитивных, демократических тенденций. Но подобная политика чревата тем, что может привести к открытому иностранному вмешательству и установлению диктатуры или правого антинародного режима.

Каковы же перспективы у итальянского неофашизма?

В этом отношении показательны его поражения в референдуме от 12 мая 1974 г. по вопросу о разводе, на коммунальных (1975 г.) и национальных выборах в 1976 и 1979 гг., в ходе референдумов 1978 г. (о финансировании политических партий и нормах общественного порядка) и 1980 г., когда при обсуждении сразу четырех законов неофашисты вновь оказались в числе «партий поражения» — клерикалов и радикалов.

К этому процессу, внешнему по отношению к ИСД—НПС, добавляются серьезная внутривнутрипартийная вражда, противоречия, постоянно раздражающие Итальянское социальное движение. Это особенно проявилось во время работы XI съезда партии в январе 1977 г. К этому съезду ИСД—НПС пришло расколотым на две самостоятельные группировки, каждая из которых располагала в Палате депутатов и в Сенате примерно равным числом мандатов. 12 февраля 1977 г. одна из групп, в состав которой входили 17 депутатов парламента и 8 сенаторов, образовала партию Национальные демократы, выступающую за возврат к старому либеральному курсу, характерному для периода, когда во главе ИСД находились Де Марсанич — Микелини. Новая партия выдвинула задачу укрепить свои позиции и репутацию на умеренном крыле правых буржуазных партий. Главной причиной фракционного размежевания ИСД — НПС явился крупный провал неофашизма на парламентских выборах 1976 г. Лидеры отколовшейся фракции — сенаторы Г. Ненчони и М. Тедески — заявили, что главная цель новой группировки — объединить «правых избирателей», используя «менее авантюристические», чем у Альмиранте, лозунги, и поддерживать правые элементы в правящей Христианско-демократической партии с целью изменить расстановку сил в парламенте.

1978 г. был ознаменован для Италии рядом событий, осложнивших ее внутривнутриполитическую жизнь: правительственный кризис, убийство Альдо Моро, административные выборы, референдумы, навязанные неофашистами и радикалами, досрочный уход со своего поста президента республики и т. д. И в настоящее время перед Италией стоит много сложных политических и экономических проблем, ждущих своего решения. Именно на трудностях и спекулирует неофашизм, подталкивая и

направляя недовольство масс, порожденное пороками капиталистического общества, против демократических сил, требующих радикальных мер и реформ в целях оздоровления политико-экономического климата в Италии.

Сложным оставалось политическое положение в Италии и в последующие годы. И, как обычно происходит в ситуации подобного рода, «правые» попытались взять реванш за поражения в прошлом. В частности, неофашисты (и не только в Италии) связывали свои надежды с выборами летом 1979 г. в так называемый европейский парламент. В этой связи оживилась международная деятельность национальных правых. Представители ИСД — НПС наряду с делегатами от других группировок западноевропейского неофашистского движения присутствовали на сборище французской неофашистской группировки «Новый порядок», проходившем в Лионе в январе 1979 г. Именно там была утверждена тактическая установка о совместном участии правых радикалов, консерваторов и неофашистов в выборах в Страсбурге. Западноевропейским правым удалось «взять верх» в континентальном парламенте, и отныне в числе его депутатов заседают и 4 представителя итальянского неофашизма. Все это, по заявлению неофашистов, даст им возможность приступить к практическому осуществлению процесса консолидации крайне правых сил в масштабе континента и созданию политически единой западноевропейской организации.

Таковы внешнеполитические цели неофашистов. Значит ли это, что изменились акценты политической идеологии итальянского неофашизма? Отнюдь нет. На апрельском пленуме ЦК ИСД — НПС (1979 г.) были обсуждены положения избирательной программы Национальной правой на национальных выборах 1980 г. «Нам важно, — заявил Дж. Альмиранте, — успокоить итальянцев своей умеренностью, строгим следованием конституционным нормам. И тогда наши усилия будут вознаграждены. Партия будет достойно представлять на политической арене интересы страны»⁹².

Итак, очередной маневр реакции. Он вызван конкретными проявлениями роста влияния демократических сил в политике страны. Именно это встречает скрытое и

---

⁹² 11 Secolo d'Italia, 1979, 6 aprile.

явное противоборство, тормозящее прогрессивное обновление всей государственной и общественной жизни Италии. Но широкие массы трудящихся требуют дальнейшего развития демократических тенденций в политической жизни страны. Эту задачу ставит перед собой и Итальянская коммунистическая партия. К борьбе с фашизмом нельзя подходить однозначно. Эту проблему необходимо рассматривать, считают итальянские коммунисты, исходя прежде всего из факторов жизнедеятельности антифашистского движения Соппротивления в его современных контурах. Было бы, конечно, упрощением сводить все отрицательные явления в политической жизни Италии к общему знаменателю. Различные силы, круги, группы имеют специфические интересы и преследуют собственные цели. Но определяющим для сегодняшней Италии является негативное отношение трудящихся к политическим авантюрам, провоцируемым крайне правыми и их покровителями. Нельзя не понять чувства тревоги итальянцев, видящих, как маневры правых кругов, неофашистов подрывают в народе веру в республиканские институты. Опыт международного коммунистического движения в борьбе с фашизмом показывает, что нельзя только количественно измерять потенциал этой социальной силы: важно вовремя провести глубокий анализ степени готовности ее выступления в защиту интересов крупного капитала. Необходимо помнить, что фашизм всегда действует, прикрываясь лозунгами буржуазной демократии.

Борьба с фашизмом государств антигитлеровской коалиции, движение Соппротивления, политический подъем в Италии в 1945—1946 гг. не смогли окончательно подорвать корни фашизма. Но и «канонический» фашизм, развязавший самую кровопролитную за всю историю человечества войну и побежденный в 1945 г., естественно, не мог уже возродиться таким, каким он был в период между двумя мировыми войнами. Между тем новое переплетение всех антидемократических и реакционных сил сегодня выходит далеко за рамки одной страны, создавая почву для существования фашизма.

И решительную борьбу с ним по всем направлениям должны вести все демократические антифашистские силы.

**ПРИЧИНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ПРАВорадикалистского движения
и послевоенная эволюция неонацизма**

После разгрома фашизма во второй мировой войне в Германии сложилась благоприятная обстановка для полного искоренения национал-социализма. Он был лишен и духовной, и материальной базы. Немцы на себе ощутили груз бредовых идей авантюризма фюрера. Их страна оказалась занятой войсками победителей. Они потеряли государственность. И все это по вине национал-социализма и тех общественных сил, которые привели его к власти. Немецкое рабочее движение после второй мировой войны имело — пусть и ослабленную в численном отношении — испытанную революционную партию с большим опытом борьбы за жизненные интересы и будущее народа. В восточной части страны при содействии и помощи советских оккупационных властей начался всесторонний процесс антифашистских, демократических преобразований. Фашизм искоренялся глубоко и навсегда. Возникал и укреплялся новый строй, который был пронизан антифашистской идеей и в будущем перерос в социалистический.

Совсем по-иному сложилась обстановка в Западной Германии. Антифашисты и здесь активно взялись за налаживание новой жизни. Но этот процесс натолкнулся на противодействие западных оккупационных властей, тех, кто так недавно участвовал в военном разгроме гитлеровской Германии. Оккупационные власти западных зон поверхностно провели денацификацию, предусмотренную решениями участников антигитлеровской коалиции. Очень многие носители фашистских идей, участники преступлений нацизма были оправданы. Постепенно стала возникать государственная структура, в которой сначала экономическая, а затем и политическая власть вновь попала в руки тех групп монополистиче-

ского капитала, которые выпестовали Гитлера и поставили его управлять государством. В Федеративной Республике Германии сохранилась как социально-экономическая, так и идеологическая база для возрождения сил милитаризма, реванша и фашизма.

В своей послевоенной эволюции ФРГ проделала весьма сложный и противоречивый путь, основные этапы которого условно можно охарактеризовать так:

1) шоковое состояние в результате неслыханной военной и национальной катастрофы первых послевоенных лет, охватывающее период приблизительно с 1915 по 1949 г.;

2) этап создания экономической базы западногерманского капитализма при содействии иностранного и прежде всего американского капитала, государственное самоопределение ФРГ и закрепление раскола Германии (1949—1953 гг.);

3) этап ремилитаризации и активного возрождения идеологии реваншизма и антикоммунизма, вступления ФРГ в НАТО и переход к политической конфронтации со странами социалистического содружества, кризис и провалы этой политики (1954—1970 гг.);

4) с 1970 г. обозначается новый этап — этап «мучительного пересмотра» старых политических догм прежде всего в отношении восточных границ на основе роста и активизации прогрессивных и миролюбивых национальных сил ФРГ, что нашло, в частности, свое выражение в заключении соответствующих договоров с СССР и другими социалистическими странами Восточной Европы;

5) и сегодняшний этап, начавшийся на рубеже 70—80-х гг., характерный возвратом к политике «холодной войны».

При анализе всех перепадов политики правительства ФРГ необходимо помнить, в чьих руках находится реальная экономическая и политическая власть в этой стране, помнить, что имеются силы, которые тоскуют по старым временам не только «холодной», но и «горячей» войны, необходимо также помнить о наличии и живучести старой шовинистической и агрессивно-милитаристской традиции в самых глубинных социальных слоях немецкой буржуазии как крупной, так и мелкой. Груз прошлого Германии, груз многих лет послевоенного активного реваншизма и антикоммунизма все еще довлеет над сознанием многих политиков и идеологов ФРГ, и

этот груз не так просто преодолеть даже в результате определенных позитивных акций в области внешней политики, осуществленных правительством СДПГ и СвДП вплоть до начала 80-х годов.

Многие факты современной действительности Западной Германии сами по себе не располагают к чрезмерному оптимизму в части какой-либо радикальной метаморфозы политической роли ФРГ. Эти факты симптоматичны и недвусмысленны — они проявляют себя, в частности, в принятии «чрезвычайных законов» с целью подавления и пресечения любого проявления оппозиции реакционному внутривнутриполитическому и агрессивному внешнеполитическому курсу правительства; в стремлении определенных кругов любыми путями добиться прекращения уголовного преследования бывших военных преступников, повинных в убийстве тысяч мирных людей и военнопленных в период второй мировой войны; в легальном существовании и активной деятельности многочисленных реваншистских организаций, созданных на базе бывших воинских соединений вермахта и СС, а также организаций «переселенцев» из Восточной Пруссии, Силезии, Судетской области и т. д., призывающих к «крестовому походу» за возврат утраченных территорий; в существовании различных «исследовательских» учреждений типа институтов «востоковедения» и «советологии», разрабатывающих методику и тактику подрывных действий против СССР и других социалистических стран Восточной Европы и издающих огромное количество антисоветской и антикоммунистической литературы; в функционировании на территории ФРГ нескольких радиостанций, денно и нощно отравляющих эфир ядом антисоветской и антикоммунистической пропаганды; в интенсивной и целенаправленной идеологической обработке населения Федеративной Республики в духе вражды и ненависти к социалистическим странам, во внушении ему убеждения в неизбежности принесения себя в жертву «высшим идеалам западной культуры», «свободы личности», «свободы религии» и другим демагогическим лозунгам, т. е. в конечном счете в психологической подготовке народа ФРГ к необходимости и неизбежности мировой ракетно-ядерной войны. Нельзя, наконец, упускать из виду опасность для мира, демократии и прогресса со стороны самого западногерманского милитаризма.

Объективную основу реставрации и разрастания правых тенденций в ФРГ составляет консолидация экономической мощи западногерманского монополистического капитала, завершившаяся в начале 60-х гг.¹ Для раскрытия этого процесса достаточно показать динамику роста числа миллионеров в ФРГ: в 1953 г. их было 1566, в 1957—3502, в 1963—11 663, в 1974—14 302 и в 1978 г.—23 314². Концентрация и централизация производства и капитала содействовали превращению гигантских монополий в супергигантов. Так, в ФРГ число монополий с капиталом свыше 500 млн. марок возросло с 13 в 1965 г. до 39 в 1978 г. и с капиталом свыше миллиарда выросло от 2 до 14 за тот же период. 15 наиболее крупных промышленных концернов страны, включая их заграничные филиалы, имели в 1977 г. суммарный экономический потенциал почти в 250 млрд. марок оборотного капитала и более двух миллионов сотрудников. Балансовый капитал трех крупнейших монополистических банков — Немецкого, Дрезднер банка и коммерческого — вырос от 90 млрд. марок в 1970 г. до 345 млрд. марок в 1978 г. В 1965 г. в ФРГ имели место 65 случаев слияния капиталов, в 1978 г. их было уже 558³.

Параллельно с невиданными ранее масштабами концентрации производства усиливается государственно-монополистическое начало в экономике. Если перед первой мировой войной через государственный бюджет распределялось 10—15% национального дохода, то в середине 60-х гг. — около 50 и в середине 70-х — около 82%⁴. Непосредственное вмешательство государства, выражающего интересы господствующего капитала, в экономическую жизнь, разветвленная система государственного аппарата регулирования хозяйства, возрастающее влияние финансовой олигархии на все стороны общественной жизни — характерные черты социальных условий ФРГ начиная с 60-х гг. В общем объеме промышленного производства капиталистических стран ФРГ вышла на второе место после США, и она же зани-

---

¹ См. подробнее: Филатов М. Н. Нацистские мифы вчера и сегодня. Алма-Ата, 1979, с. 103—104.

² Přehled světového tisku. Praha, 1979, S. 18—27.

³ См.: Winkler A. Neofaschismus un der BRD. Erscheinungen. Hintergründe. Gefahren. Berlin, 1980, S. 61.

⁴ Přehled světového tisku, S. 38—41.

мает второе место вслед за США по росту военных расходов.

Быстрый подъем экономического потенциала Западной Германии, усиление экономической и политической власти ее монополий, стремящихся к обеспечению максимальных прибылей и всемерному расширению сферы своего господства, реставрация старых социальных структур в правительстве, юриспруденции и бундесвере — все это явилось той политико-экономической базой, которая вновь вызвала к жизни экспансионистские планы, активизировала старые великодержавные устремления империалистических кругов и соединила на основе милитаризма и антикоммунизма в одно направление все разношерстные силы внутренней реакции, среди которых нашли свое место как остатки старых фашистских организаций, так и фашистские группировки новой ориентации.

В 1945 г. появились первые организованные формы западногерманского неонацизма. Возникли Немецкая консервативная партия и Немецкая партия строительства, которые не считали себя национал-социалистскими, но выступили поборниками консерватизма и монархии. Из их соединения в июле 1946 г. образовалась Правая партия Германии (ДРП). В соответствии с обстановкой часто менялась программа ДРП. В 1946 г. она старалась создать впечатление, будто является демократической, в 1947 г. призывала к восстановлению монархии, в 1948 г. выступила за восстановление старого немецкого правительственного порядка⁵.

После образования в 1949 г. Федеративной Республики Германии, важным фактором, способствовавшим распространению неонацизма, стал дальнейший процесс концентрации капитала, обратной стороной которого выступило разорение мелкого и среднего собственника. В этой ситуации распространение идеи «общности интересов» нации, хранителем которой неонацистские идеологи провозгласили среднее сословие, восстанавливало в его сознании доверие к подобной идеологии. Характерными чертами неонацизма стали прославление «великого прошлого» в духе идей пангерманизма, разжи-

---

⁵ Jenke M. Die nationale Rechte Parteien, Politiken, Publizisten. Berlin, 1967, S. 18, 19.

ганне националистических и шовинистических страстей, отрицание демократии и стремление к авторитарной системе, прокламирование милитаристских традиций, расизм и антикоммунизм.

Правительство Аденауэра надолго включило ФРГ в «холодную войну» против Советского Союза и его союзников. Доминирующими политическими концепциями были «политика с позиции силы», «отбрасывание социализма» и им подобные. (В мае 1955 г. ФРГ стала членом НАТО). Правящие круги приступили к созданию массовой западногерманской армии. Идея воссоединения Германии, создания единого демократического германского государства была окончательно похоронена. Официальная политическая доктрина правительства ФРГ включала в себя в качестве главных требований пересмотр территориальных и политических итогов второй мировой войны, возврат к границам фашистского рейха, ликвидацию демократических и социалистических преобразований в Германской Демократической Республике и ее присоединение к ФРГ. Реваншизм господствовал в политике, вбивался в умы людей всей мощью хорошо отлаженной и четко управляемой пропагандистской машины. Создалась среда, в которой националистические, шовинистические, а затем и несколько подновленные нацистские идеи получили благоприятную возможность не только возродиться в головах людей, переживших фашизм, но и возникнуть у нового молодого поколения, которое само практически фашизма не знало. Неудивительно, что в этих условиях многие важные посты в государственном аппарате, в бундесвере, учреждениях массовой информации оказались в руках бывших нацистов. В стране возникли различного рода партии, союзы, объединения крайне правого, неонацистского толка.

В октябре 1949 г. в Ганновере была создана Социалистическая имперская партия (СИП). Она привлекла к себе внимание реакционных кругов ФРГ не только своими идеологическими требованиями, почти дословно взятыми из доктрины фашизма, но и широкой антиамериканской пропагандой. Одной из главных целей партия ставила объединение всех ультраправых политических партий и организаций Западной Германии для образования «платформы восстановления германской империи». В 1951 г. во время выборов в ландтаг земли Нижняя Саксония партия собрала около 11% всех поданных голосов

и получила 15 мандатов. Правда, уже в следующем году под давлением общественности СИП была объявлена «враждебной Конституции» и решением западногерманского конституционного суда запрещена. Однако ее запрещение отнюдь не означало, что в стране было окончательно искоренено нацистское прошлое. Попустительство оккупационных властей в Западной Германии активизировало политическую деятельность нацистов в различных правых организациях. В 1952 г. уже насчитывалось 74 неонацистских партии и 28 союзов, объединявших более 140 тыс. гитлеровских последышей⁶.

Преемницей СИП стала Немецкая имперская партия (НИП), впоследствии влившаяся в Национал-демократическую партию (НДП). Возникновение этой партии способствовало организационному, политическому и идейному росту неонацизма. В ней получили подготовку многие активисты будущей Национал-демократической партии (НДП). Созданная в ноябре 1964 г. НДП сразу же стала ядром националистских сил. Ее председателем был избран бывший член ХДС Фридрих Тилен. Одним из заместителей, фактически руководителем партии и редактором еженедельной газеты «Дойче нахрихтен» стал бывший председатель Немецкой имперской партии Адольф фон Тадден. Руководство НДП ловко использовало недовольство различных слоев населения ФРГ и социально-экономическими трудностями, и внешне-политическим курсом правительства, и даже антиамериканскими и антинаатовскими настроениями.

Демагогия, почерпнутая из арсеналов ведомства Геббельса, замешанная на национализме, давала свои плоды. Росло число членов НДП, складывалась определенная массовая база. 11 земельных союзов (во всех федеральных землях и бюро в Западном Берлине), собственные органы массовой пропаганды, такие как «Дойче нахрихтен», «Дойче Вохен-цайтунг», «Служба печати НДП», «Кнюттер-блеттер» и т. д., развернули широкую пропаганду программных положений НДП, основу которых составили требования оправдания фашизма, идеи реваншизма и антикоммунизма. К моменту создания НДП в ней насчитывалось едва 500 человек; через два года их

---

⁶ Knutter H. H. Ideologien des Rechtsradikalismus Nachkriegsdeutschland. Bonn, 1962, S. 31, 33.

уже стало 23 тыс., а к середине 1968 г.— 40 тыс.⁷ В ноябре 1967 г. на очередном (III) съезде НДП окончательно взяло верх правое экстремистское крыло во главе с А. фон Тадденем, была принята реваншистская программа, в которой излагались требования пересмотра итогов второй мировой войны. По мере укрепления партии становились все более откровенными ее агрессивно-милитаристский курс и фашистская сущность, стремление возродить фашизм в новых исторических условиях.

Опасность неонацизма принимала общенациональный характер. Представители НДП проникли в ряд земельных парламентов страны. Фон Тадден выдвинул задачу добиться 50—60 мест в бундестаге на парламентских выборах в 1969 г. Он и его сторонники, не жалея денег и сил, вели предвыборную кампанию. Сам фон Тадден демонстративно колесил по стране в бронированном автомобиле, выступал с трибуны, закрытой пуленепробиваемым стеклом и окруженной специальными охранниками. Подобные театральные атрибуты привлекали на сторону НДП дополнительное число политически неискушенных обывателей⁸. У многих людей в ФРГ и за границей складывалось впечатление, что НДП, как и гитлеровская НСДАП в период своего становления, рекрутировала членов в основном из средних слоев населения. Однако НДП сумела пустить корни и в западногерманском рабочем классе и в других трудовых слоях населения. Вот официальные статистические данные о составе НДП (на 1968 г.) по социальным категориям (в %)⁹:

Высшие чиновники, офицеры, лица свободных профессий, студенты	—4
Торговцы, ремесленники, крестьяне	—27
Работники коммунальных служб, кадровые военные (солдаты)	—6
Служащие	—17
Рабочие предприятий сектора услуг	—16
Домашние хозяйки	—5
Пенсионеры	—9
Люмпен-пролетарские слои и проч.	—16

⁷ Aus: Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochen-Zeitung. Das Parlament, 1968, 10. April, S. 18; Neues Deutschland, 1968, 17. Juli.

⁸ Поморин Ю., Юнге Р. Неонацисты. М., 1980, с. 9.

⁹ Aus: Politik und Zeitgeschichte. Ibidem, S. 18.

Эти данные говорят о том, что наибольшее количество членов НДП давали средние слои. Но если объединить категории рабочих коммунальных служб, сектора услуг и служащих, которые, как правило, заняты в промышленности, то получится, что более трети членов этой партии — выходцы из трудовых слоев населения, источник доходов которых составляет их собственный труд¹⁰. То же соотношение наблюдалось и среди сторонников НДП на выборах в бундестаг 1969 г., когда она набрала 4,3% голосов избирателей (свыше 1,43 млн.). Подобные цифры показывают, что в политической жизни страны национал-демократы стали фактором, который нельзя просто сбрасывать со счетов. Неонацистская партия НДП сделала — впервые за весь послевоенный период — серьезную заявку на организационное объединение неофашизма и предприняла в 1969 г. — опять-таки впервые после краха гитлеризма — попытку, едва не увенчанную успехом, проникнуть в западногерманский бундестаг, превратиться в «парламентскую» партию.

В истории ФРГ не раз бывали моменты, когда мельчавшие неофашистские организации, казалось бы, приближались к своему полному исчезновению из политической жизни. И тем не менее им удавалось каждый раз спасти кадровый костяк, сохранять собственную прессу, устраивать сборища и даже сколачивать полумилитаристские отряды. Разумеется, это могло происходить лишь при щедрых подачках монополистического капитала, при активном поощрении с его стороны. Достоверные источники позволяют установить, что НДП финансировалась крупными концернами (только в 1965—1966 гг. они передали руководству партии не менее 500 тыс. марок), входящими в западногерманский военно-промышленный комплекс¹¹. Ей оказывали содействие — прямое и косвенное — лидеры ХДС/ХСС, не исключавшие возможность заключения с неонацистами парламентского блока против СДПГ и СвДП.

Большое значение имели спекуляции неонацистов на экономических затруднениях, переживавшихся страной в связи с кризисом 1966—1967 гг., привлечение ими на свою сторону некоторых слоев служащих, части крес-

¹⁰ Е ж о в В. Д. Неонацизм в ФРГ.— Новая и новейшая история, 1973, № 1, с. 54.

¹¹ Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения. 1949—1969 г. М., 1976, с. 168—171.

тьянства, разоряемого «зеленой интеграцией», офицерской верхушки, раздраженной «низкими» темпами восстановления бундесвера. К неонацистской пропаганде оказались восприимчивы и определенные группы буржуазной молодежи. В итоге к концу 60-х гг. НДП завоевала довольно внушительные позиции (7—10% голосов на выборах в ландтаги), и она не преминула воспользоваться этим и атаковать демократические силы¹². Подъем влияния НДП во второй половине 60-х гг. объясняется целым рядом конкретных причин, вытекавших из политического положения ФРГ в те годы. Для того периода было характерно нарастание недовольства широких слоев населения как внешнеполитической, так и внутриполитической линией правительства, возглавлявшегося ХДС/ХСС. Односторонняя ориентация на Соединенные Штаты связывала действия ФРГ на международной арене. Времена экономического подъема прошли. Сократились темпы роста промышленности. Появились первые инфляционные явления.

Вступление социал-демократов в союз с «большой коалицией» (ХДС/ХСС) привело к тому, что на боннской политической арене не оказалось сколько-нибудь значительной легальной левой силы, оппозиционной правительству. КПП оставалась запрещенной. И хотя ее влияние и авторитет росли, она не могла выступать на выборах со своими программными установками. В этих условиях НДП получила благоприятную возможность играть роль чуть ли не единственной легальной оппозиционной партии, требующей радикального изменения правительственного курса. В лозунгах НДП любой оппозиционно настроенный, а также аполитичный, без особых убеждений бюргер мог найти подходящие для себя требования. В этом и заключались дух и смысл программы НДП. Задача ставилась однозначно: привлечь всех недовольных, объединить в рамках НДП все правые группировки, действовавшие в ФРГ.

Апогеем неофашистского влияния следует рассматривать именно период второй половины 60-х гг., когда неофашистское движение поднялось на качественно более высокую ступень, создав в лице НДП крупную, объединенную в масштабах всей страны политическую органи-

---

¹² Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 10, с. 135.

зацию. При этом необходимо отметить следующее обстоятельство. В 50-х гг. ожесточенно соперничали между собой разношерстные неонацистские группировки, состоявшие, как правило, из «бывших», скомпрометированных карьерой при нацизме. С другой стороны, действовавшие в то время на политической арене такие правые партии, как Немецкая партия, Общегерманский блок (переселенцы), Свободная народная партия (отколовшаяся в 1957 г. от СвДП), не являлись в буквальном смысле фашистскими, хотя неонацистские элементы в них, безусловно, имелись и пользовались значительным влиянием¹³. Это важно учитывать при исследовании этапов «политической карьеры» национал-демократов.

В Программном заявлении, принятом на Эссенском съезде в 1969 г., Германская коммунистическая партия следующим образом характеризовала НДП: «Задача этой партии, орудующей с помощью национальной и социальной демагогии, состоит в том, чтобы служить прибежищем для недовольных и политическим резервом монополий в борьбе против трудящихся. Ее влияние в государственном аппарате, а также и в бундестаге достигает угрожающих размеров. Питательную среду для НДП создают официальный национализм правительства и антикоммунизм»¹⁴. Западногерманские коммунисты указали и на то, что неонацистская опасность исходит не только от национал-демократической партии. Эту опасность порождают сама государственно-монополистическая система и агрессивные цели правящих кругов.

На собраниях НДП подчеркивались три пункта ее платформы: во-первых, Западная Германия должна аннексировать ГДР, «вернуть» себе земли Чехословакии и Польши; во-вторых, она должна во что бы то ни стало обладать большой мощной армией и, в-третьих, действуя «законным», «конституционным» путем, как парламентская партия, НДП вправе добиваться подобного места в государственной жизни ФРГ. На IV съезде (14—15 февраля 1970 г.) в Вертгейме был определен курс НДП: «Твердый, как сталь, антикоммунизм» и «поглощение» ГДР¹⁵. Обращает на себя внимание, что в области внеш-

¹³ Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 10, с. 135.

¹⁴ Эссенский (12—13 апреля 1969 г.) и Дюссельдорфский (15—28 ноября 1971 г.) съезды Германской коммунистической партии, М., 1973, с. 81.

¹⁵ Цит. по: Die Wahrheit, 1970, 17. Februar.

ней политики неонацисты воспроизводили «европейские» идеи Ф. -И. Штрауса, правда, еще более заостряя их в националистическом духе. Они ополчались на политику нормализации международной обстановки, отвергали курс на сокращение вооружений, в частности договор о нераспространении ядерного оружия, шумели о «сговоре» великих держав¹⁶. Большую осторожность неофашисты соблюдали во внутривластных программах: избегали открытых деклараций в тоталитарном смысле, заявляли о своей лояльности конституции, выступали с критикой парламентаризма. Однако ряд их тезисов недвусмысленно намекал на необходимость «сильной власти», под видом «защиты свободно-демократического строя» фактически предлагалось осуществить расправу над всеми оппозиционными левыми силами, в отдельных документах и публичных выступлениях откровенно прозвучали расистские нотки¹⁷.

Содержание политической идеологии НДП раскрыла программа партии, принятая в декабре 1967 г. Теоретические конструкты западногерманского неофашизма были опубликованы и в других официальных партийных документах: «Принципах» и «Манифесте» 1965 г., «Вертгеймском манифесте» 1970 г. и в партийно-официальных комментариях к ним. Идеино-тактические установки партии излагались на страницах официальной и неофициальной прессы НДП и в выступлениях лидеров этой партии на съездах и митингах. Основная задача всех этих документов — завуалировать классовую сущность неонацистских антидемократических устремлений и выдать свои цели за якобы общенародные интересы, облекаясь при этом в тогу защитника «народа», «нации» и проч. В том случае, когда это бывает трудно сделать, лидеры НДП, как в свое время и главари НСДАП, обращаются к метафизической сфере, изображая свою программу воплощением воли «высших сил» — «немецкой судьбы», «мирового духа», «принципа жизни» и т. д.¹⁸

Отличительная черта НДП — крайняя враждебность ко всему прогрессивному. С упорством маньяка неофашисты ведут борьбу с новым во всех областях жизни — в экономике, культуре, политике, проповедуя воинствующую

---

¹⁶ Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ, с. 134—136, 138—159.

¹⁷ Там же, с. 120—123.

¹⁸ Филатов М. Н. Нацистские мифы вчера и сегодня, с. 107.

щий национализм, ненависть к интеллигенции, преклонение перед грубой силой. Идеологические установки западногерманских национал-демократов были скопированы с гитлеровской «Майн Кампф» и слегка, чисто символически, подновлены, чтобы не отпугнуть рядовых членов партии. О кровном родстве НДП с НСДАП наглядно свидетельствует и ее состав. Так, в 1969 г. бывшие нацисты составляли треть партии. Несмотря на демагогию и маскировку, применявшиеся неонацистами, западногерманская общественность довольно скоро распознала истинное лицо НДП, ее влияние стало падать.

Следует отметить, что НДП постоянно раздиралась внутренними противоречиями и разногласиями, в центре которых находилась проблема совмещения идеологических воззрений «твердого ядра» и праворадикалистской идеологии представителей «молодых» нацистов. Лидеры западногерманского неонацизма пытались найти «золотую середину», которая дала бы возможность удовлетворить ностальгические требования нацистского «твердого ядра», не навлекая при этом нареканий со стороны молодых избирателей. Разногласия такого рода привели весной 1967 г. к кризису внутри руководства НДП, закончившемуся победой радикала фон Таддена над «умеренным» Тиленом.

С приходом в 1969 г. к власти правительства Брандта — Шееля, «малой коалиции» социал-демократов и свободных демократов, начался новый период в развитии ФРГ. Нормализация отношений с Советским Союзом, Польшей, ГДР и другими социалистическими странами, участие ФРГ в Совещании в Хельсинки, ее включение в процессы разрядки — все это благотворно воздействовало и на внутреннюю обстановку в стране. В рамках самого правого лагеря произошло перераспределение сил, в результате которого НДП должна была довольствоваться более скромной ролью. Национал-демократическая партия постепенно разваливалась. Хотя она продолжала существовать, однако число ее членов резко сократилось, массовая база исчезла. Многие члены НДП стали действовать в нелегальных или полуполигальных экстремистских, а то и просто террористических организациях.

Страна вошла в 70-е гг. с новым внешнеполитическим курсом, но с огромным грузом прошлого. Рост тенденций реализма на международной арене и внутри Западной Германии привел к определенным позитивным

изменениям внешней политики этой страны, но не изменил и не мог изменить ее империалистической сущности. Она проявляется в росте военных расходов (за период с 1974 г. по 1979 г. они выросли с 14 млрд. марок до 21,9)¹⁹, участии в авантюристических акциях блока НАТО, помощи различным реакционным режимам в подавлении национально-освободительных и демократических движений в мире и, наконец, в борьбе со странами социализма.

Империалистическая, реакционная сущность этой политики особенно наглядно проявилась на рубеже 70—80-х гг., когда мировая реакция во главе с США перешла в контратаку против политики разрядки международной напряженности, стремясь дать обратный ход развитию мира и прогресса. Правительство ФРГ активно поддержало инициативу США на декабрьской (1979 г.) сессии НАТО по размещению американских ядерных ракет средней дальности в Западной Европе. Эта акция опасна, тем более, что Западной Германии отводится „роль главной ударной силы «европейской стратегии» НАТО”²⁰. Но дело не только в Европе. Западногерманское правительство поддерживает авантюристическую политику США в отношении Демократической Республики Афганистан и Исламской Республики Иран, пытается оказать давление на развитие внутренних событий в ПНР²¹. Вновь приобрели невероятные масштабы фальсификации целей и сути внешней политики Советского Союза. Мифы об «экспансии» и гегемонистских устремлениях Москвы стали составным элементом всей агрессивной стратегии империализма, в которой ФРГ принадлежит далеко не последняя роль.

Оценивая сложившуюся ситуацию, один из руководителей Германской компартии К. -Г. Шредер на Парижской консультативной встрече коммунистических и рабочих партий Европы (1980 г.) с горечью заявил, что «все политические партии, представленные в бундестаге, по существу в области внешней политики идут в фарватере США»²². Так было при правительстве социал-демократов и свободных демократов. Положение

---

¹⁹ Tribuna, 1979, Nr. 46, S. 2.

²⁰ Правда, 1980, 29 апреля.

²¹ Правда, 1982, 22 апреля.

²² Правда, 1980, 30 апреля.

осложнилось еще больше с приходом к власти ХДС/ХСС вместе с СвДП. Указанные факты говорят об усилении влияния на политику империалистических государств, в том числе ФРГ, наиболее реакционных кругов монополистического капитала и в первую очередь военно-промышленного комплекса. На ежегодно созываемом в Мюнхене совещании «картеля западногерманских и американских противников разрядки», так называемых атлантистов, весной 1980 г. говорилось о «потерянных десяти годах» и о расчетах «наверстать упущенное». Совещание выдвинуло обширную программу не только наращивания вооружений, но и расширения «зоны НАТО» на другие районы мира. «Атлантисты» из Бонна добивались коренного изменения западногерманской политики. Их не устраивала «двойная стратегия» — совмещение курса на разрядку с продолжением вооружений, которая проводилась правительством социал-демократов²³.

Во главе этих сил стояли и стоят (теперь уже придя к власти) лидеры блока ХДС/ХСС. Прииспосабливаясь к настроениям основной массы населения ФРГ, 74% которого, по данным опроса общественного мнения, выступает за разрядку²⁴, ХДС/ХСС на словах тоже отстаивает разрядку, но не «иллюзорную», какая якобы проводилась в последнее десятилетие, а... «реалистическую», предшествовавшую 70-м гг. Другими словами, ХДС/ХСС постоянно выступает за реабилитацию периода «холодной войны» с тем, чтобы превратить его в образец для нынешнего времени²⁵. Ту же тактику этот блок, находясь в оппозиции, применял в отношении договоров с социалистическими странами, составляющих одну из фундаментальных основ разрядки и мира в Европе. Формально признавая договоры с восточноевропейскими государствами как реальность, с которой необходимо считаться, лидеры ХДС/ХСС стремятся запугать обывателей, объявляя эти договоры то «монстром», то «эскадроном троянских коней», несущих в своем чреве «марксистскую угрозу» западной «свободе» и «цивилизации»²⁶. Отсюда выдвигается призыв к «стратегии силы» на основе ат-

²³ Михайлов В. Необходимое условие. ФРГ и судьбы разрядки. — Правда, 1980, 24 апреля.

²⁴ См.: Правда, 1980, 24 апреля.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

лантического сообщества. В то же время западногерманская реакция стремится войти в доверие к европейским народам, заставить их забыть кровавый разгул германской военщины в годы второй мировой войны и выставить себя в роли их защитника и покровителя.

Общественно-политическое положение лидеров ХДС/ХСС, выражающих интересы правого картеля ФРГ, да и всех правых сил в целом, во многом зависит от позиции руководства социал-демократов и свободных демократов, но их объединяет общность экономических целей: как блок ХДС/ХСС, так и «малая коалиция» выражают интересы монополистического капитала. Только первые представляют жесткий курс этого капитала, а вторые — умеренный. Однако в отношении правого картеля наблюдалась попустительская политика руководства СДПГ. Как заявил в интервью редакции теоретического журнала ГКП «Марксистше блеттер» известный журналист ФРГ, боровшийся с гитлеровским фашизмом в 20-х — 30-х гг, Эмиль Карлебах, «правый картель имеет сегодня (1980 г.— М. Ф., А. Р.) не только не без содействия руководства СДПГ, но и с его помощью в своем распоряжении целый ряд важных государственных постов; благодаря беспомощной политике руководства СДПГ бывший штурмовик Карстенс стал федеральным президентом... Благодаря выборам голосами социал-демократической фракции член партии ХДС Бенда стал президентом Федерального конституционного суда. Благодаря так называемым парламентским правилам игры ...член ХДС оказался во главе бундестага, а это означает, что из четырех руководящих государственных постов, предусмотренных конституцией, три уже находятся в руках правого картеля»²⁷. Если к этому добавить, что в верхней палате парламента ФРГ — бундестаге, формируемой из лидеров земельных ландтагов, большинство длительное время принадлежит блоку ХДС/ХСС, то картина получилась далеко не радужная для развития прогрессивных, демократических тенденций в стране. Эта линия определяется в конечном счете социально-политической и общественной структурой ФРГ. Влиятельные, а теперь решающие позиции занимают те силы, которые вовсе не сбрасывают со счетов неонацизм

---

²⁷ Alle Kräfte für Entspannung und gegen Rechtsentwicklung mobilisieren! — Marxistische Blätter, 1980, Nr. 2, S. 44.

и более того: рассматривают его как свой политический резерв.

Вместе с тем потеря организованным неонацистским движением влияния в стране, усиление центробежных тенденций внутри партии обострили противоречия между отдельными фракциями. На пятом очередном съезде НДП в Хольцминдене (ноябрь 1971 г.) произошел разрыв между группировкой фон Таддена и еще более экстремистской группой во главе с заместителем председателя НДП Зигфридом Пёльманом. Тадден отказался на съезде от выдвижения своей кандидатуры на пост председателя партии ввиду распрей в руководстве и обвинил Пёльмана в том, что он тянет НДП на путь политического террора, который явится для партии гибелью. Новым председателем НДП был избран сторонник Таддена адвокат Мартин Муснуг, не обремененный «коричневым прошлым». Он обещал продолжать линию Таддена в политике партии. Борьба различных группировок внутри Национал-демократической партии сопровождалась дальнейшей потерей престижа партии на политической арене и, как следствие, значительным сокращением числа ее членов. Внутривнутриполитические условия в ФРГ и международная обстановка в Европе складывались в 70-х гг. таким образом, что Национал-демократическая партия почти не имела шансов на подъем.

В 1972 г. на выборах в бундестаг неонацисты потерпели сокрушительное поражение, получив лишь 0,8% голосов избирателей (чуть больше 207 тыс. человек), и НДП лишилась всех своих мандатов в ландтагах. Партия, однако, не желает мириться со своими поражениями. На VII съезде НДП в Дюссельдорфе (октябрь 1973 г.) была принята очередная подновленная партийная программа. НДП, по заявлению председателя партии М. Муснуга, оставалась наиболее крупной и организованной неонацистской организацией ФРГ и впредь ставила задачу выступать за осуществление целей, неоднократно формулировавшихся в различных партийных документах: требование насильственного присоединения ГДР к ФРГ и фронтального наступления на политику разрядки, названную в программе «политикой национального предательства». Делегаты съезда призвали организовать и поддержать «наступление справа», провозгласив главным объектом борьбы договоры, заключенные правительством Брандта с СССР и Польшей.

После съезда национал-демократы активизировали свою деятельность в преддверии земельных и коммунальных выборов 1974 г. Однако эта тактика не принесла изменений в отношении избирателей к НДП, хотя численность партии к тому времени вновь несколько возросла, составив почти 22 тыс. человек. На этих выборах неонацисты нигде не собрали даже одного процента голосов. Тем не менее на VIII съезде в Мюнхене (октябрь 1974 г.), приуроченном к десятилетию существования НДП, председатель партии превозносил достижения и роль национал-демократов в регулировании политических процессов в ФРГ и призывал прекратить считать неонацистов «группой праворадикальных врагов конституции»²⁸.

Несмотря на попытки активизации, к 1975 г. НДП потеряла значительное число своих сторонников. Ее влияние резко упало, и партия стала насчитывать 11,5 тыс. членов²⁹. Большая часть вышедших из рядов НДП предпочла перейти в партию Штрауса (ХСС) или пополнить ряды многочисленных правоэкстремистских групп и группировок, все громче заявлявших о себе тактикой «прямых действий», в том числе вооруженными провокациями и террористическими акциями. Поскольку НДП не могла похвастать успехами на политической арене и, трезво оценивая свои шансы, не рассчитывала на подъем в ближайшем будущем, руководство партии приступило к разработке тактики постепенного, последовательного усиления влияния партии в массах.

Однако последующие годы тоже не принесли позитивных изменений, которые могли бы подтвердить оптимизм лидеров национал-демократов. Политическая жизнь страны настоятельно вытесняла организованный коричневый нарост из всего организма. Основным итогом очередных выборов в бундестаг — нижнюю палату западногерманского парламента, состоявшихся в октябре 1980 г., — было поражение консервативной группировки ХДС/ХСС и определенное укрепление парламентских позиций партий правящей коалиции — СДПГ и СвДП. Выборы показали, что большинство западногерманского населения высказалось за проведение новым правительством ФРГ реалистической политики, направленной на ослабление

---

²⁸ Die Welt, 1974, 10. Oktober.

²⁹ Der Spiegel, 1975, Nr. 35, S. 28.

конфронтации на международной арене, за углубление разрядки и деловое международное сотрудничество, за разоружение и мир. Как известно, именно эти факторы препятствуют распространению правой опасности, росту и укреплению рядов праворадикалистского движения. Это сказалось и на НДП. За нее в 1980 г. на выборах в бундестаг было подано 67 798 голосов, или 0,2% избирателей, тогда как еще в 1976 г. за НДП голосовали 122 661 западных немцев, или 0,3 электората³⁰.

По мнению НДП, итоги выборов 1980 г. «не являются честными». Национал-демократы в этой предвыборной борьбе якобы вновь стали «жертвой и мишенью клеветнической кампании своих противников». В числе этих противников, говорилось в одном из сообщений руководства НДП, значатся как боннские партии, так и коммунисты. «Для НДП в ее длительном походе малыми шагами выборы 1980 г. представляют собой лишь один из этапов», — заявил председатель партии М. Мусгнуг³¹, пытаясь намеками на вероятное улучшение в будущем скрыть разочарование и горечь поражения. (Понятны поэтому сегодняшние ликования лидеров НДП по поводу изменений в боннском правительстве). Однако недовольство лидеров НДП итогами голосования отнюдь не означало, что сторонники этой партии перешли на позиции демократии, прогресса и мира.

Это наглядно подтвердил проходивший в ноябре того же года XIV съезд НДП. Он принял новую программу, в первом (международном) разделе которой записано, что надо войной против коммунизма завоевать мир во всем мире. «Основная и решающая война — это война с коммунизмом»; на основе активной обороны перейти к войне против Советского Союза и социалистических стран; воссоединить германское государство. Тогда наступит прочный мир, не будет кризисных явлений, в которых, дескать, виноваты коммунисты³². В экономической части программы опять же на первое место выдвинуты задачи завоевательного характера. В ней говорится, что путем воссоединения Германии можно достичь укрепления экономики и направить «национальное хозяйство на подго-

---

³⁰ Neue Züricher Zeitung, 1980, 8. Oktober.

³¹ Ibidem.

³² Dokumente, 14. Bundesparteitag der NPD, Coburg, 1980, S. 3, 4, 5.

товку войны». Для этого необходимо будет создать большие экономические запасы. И потому прокламируется углубление сотрудничества с фашистскими организациями других стран: с американским ку-клукс-кланом, японским «Лотосом», французскими и бельгийскими неонацистами. Особое место при этом занимает ориентация на кооперацию с итальянским неонацизмом в области «экономики на основе ведущей роли германской экономики при условии политического правления в ФРГ НДП». За этими рассуждениями, видимо, стоят проекты захвата власти неонацистами в Федеративной Республике и в Италии.

В третьем разделе программы — «Социальные намерения» — содержится старая социальная демагогия: сделать историю «справедливой», определить «подлинного виновника войны», сформировать из молодежи солдат, послушных НДП, восстановить имя Гитлера, «воспеть» новых героев. В безработице виноваты коммунисты и иностранные рабочие. Главная ставка в решении социальных проблем сделана на молодежь. Что же касается обещаний НДП, то они не могут быть выполнены сейчас, так как эта партия не является правящей. В «Политических намерениях» (раздел IV) говорится, что «сотрудничество со Штраусом не имеет перспектив» и «надо решительно взять все проблемы политической жизни в свои руки» (с. 101), ибо Штраус не выполнил намерений национал-демократов. Сотрудничество с ХСС, но без Штрауса, так как его тактика не годится (с. 129). Воссоединить весь неонацистский лагерь под эгидой НДП, расширить членскую базу партии в деревне — таковы требования дня. На съезде присутствовали неонацисты из Австрии, Франции, Великобритании, 2 человека из США, 1 — из Японии (как турист) и некоторые другие. Съезд утвердил текст листовки для массового распространения: «IV съезд НДП и его намерения». Комментировать принятую программу нет необходимости, ибо в ней в концентрированном виде выражена вся современная политическая идеология неонацизма ФРГ, критическому анализу которой и посвящена данная глава в целом.

Что касается результатов голосования по выборам в бундестаг (1980 г.), то они говорят о проявлении принципа «сообщающихся сосудов» в политике. Стремление выбрать возможно лучший для себя вариант, исходя из сложившегося соотношения сил, привело к тому, что ряд

сторонников НДП отдал свои голоса конкурентоспособной в отношении социал-демократов ХДС/ХСС во главе с воиствующим антикоммунистом и открытым реваншистом Ф.-Й Штраусом. Во всяком случае тот факт, что на выборах 44,5% голосовавших поддержали блок ХДС/ХСС, нельзя недооценивать³³. Другими словами, большая часть (близкая к половине) населения Западной Германии, многие из которых (и это, конечно, не сторонники НДП) обмануты реакционной пропагандой, выступает за политику национализма и реваншизма, за «жесткий курс» в отношении стран социализма. Отражением этих настроений и явился приход к власти ХДС/ХСС осенью 1982 г. Реваншистские же притязания ХДС и ХСС постоянно звучат как в резолюциях их съездов³⁴, так и в заявлениях различных массовых сборищ*.

К тому же необходимо помнить об одной из закономерностей проявления неонацизма: чем меньше его политическая значимость, тем более экстремистскими, террористическими становятся методы. А главное — неонацизм продолжает оставаться резервом самых реакционных сил. Он в любой момент может резко активизироваться. Сейчас от него официально отрекаются многие, даже самые правые политики. Но в случае обострения политической обстановки, создания угрозы устоям капитала фашиствующие молодчики тотчас выйдут из подвалов и пивных. Опять появится тот же или какой-нибудь новый Тадден, и на волне национализма и шовинизма вновь взвоется вверх свастика³⁵. Возможность подобного обострения внутривосточной ситуации в ФРГ отнюдь не исключена. Как отмечал в этой связи один из руководителей западногерманских коммунистов М. Шефер, «одно из опасных заблуждений состоит в том, будто предпосылкой для возникновения конкретной фашистской угрозы всегда служит массовая фашистская партия. Таким заблуждением объясняется существующая в ФРГ недооценка ультраправой и нефашистской угрозы. Из факта сокращения числа голосов, отданных неонацистской Национал-демократической партией (НДП) на выборах...

---

³³ См.: Правда, 1980, 7 октября.

³⁴ Там же, 1980, 20 мая.

* Речь идет, в частности, о стотысячном митинге «Землячества судетских немцев» в Штутгарте в мае 1980 г. (См.: Михайлов В. С ветрами «холодной войны». — Правда, 1980, 29 мая).

³⁵ Поморин Ю., Юнге Р. Указ, соч., с. 6.

делают, например, ошибочный вывод, будто ФРГ обладает иммунитетом от правого экстремизма и неофашизма»³⁶.

Тревожнее всего то, что неофашизм в ФРГ сейчас не имеет каких-либо четких очертаний, контуры его размыты. В 60-е гг. понятие «неонацизм» почти целиком совпадало с деятельностью Национал-демократической партии. С тех пор многое изменилось. Несмотря на то, что НДП в качестве легальной политической партии продолжает участвовать в земельных и даже федеральных парламентских выборах, неофашисты сегодня не всегда применяют тактику лобовой атаки, предпочитая тактику инфильтрации. В Баварии, например, они значительно «разбавили» собой партию Штрауса — Христианско-социальный союз, «обогадив» арсенал его идеологических средств праворадикалистскими лозунгами³⁷. Распространение символов фашистской пропаганды в ФРГ запрещено законом. Однако если видный политик ХДС/ХСС говорит об «угрозе с Востока», почему-то никому не приходит в голову, что аналогичный лозунг сыграл вполне конкретную роль в пропагандистской подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз³⁸. Именно эта мимикрия современного неофашизма и представляет наибольшую опасность.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК НЕОНАЦИЗМА И ЕГО СОЮЗНИКОВ

Социальный анализ официально организованного неонацизма ФРГ (Национал-демократической партии) еще не раскрывает его сущности и масштабов, ибо это лишь верхушка айсберга правого радикализма, большая подводная часть которого скрыта от взоров. Поэтому крайне важно проанализировать с социальной точки зрения правое движение этой страны в целом. Причем необходимо учитывать, что нет однозначного понимания правых сил, правых тенденций и правого развития как у политиков, так и идеологов, и тем более у массы людей, рас-

---

³⁶ Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975, с. 96.

³⁷ Бовкун Е. Правда, которую держат в подвале. (ФРГ. Новые документы о преступлениях фашизма). — Молодая гвардия, 1980, № 9, с. 295.

³⁸ Там же.

смастривающих эту проблему на уровне обыденного сознания. Подход к вопросу главным образом зависит от классовой позиции и мировоззренческой установки, но в определенной мере от культуры и информированности индивида. Дифференциацию понимания «правых сил» можно в основном свести к следующим точкам зрения.

Прежде всего это — правящая элита страны, понимающая под «правыми силами» правый экстремизм и заявляющая, что большую опасность для демократического устройства представляют левые, коммунистические силы. Далее идут либерально-демократические элементы, которые под этим понятием подразумевают правый экстремизм и организованный неонацизм в целом, но значительно преуменьшают их опасность и направляют свои усилия главным образом опять же против коммунистического и демократического движения; их голосами в определяющей мере обеспечиваются на выборах успехи ХДС/ХСС.

После них необходимо выделить демократически настроенные массы, которые главным образом на уровне обыденного сознания выступают против НДП, ХСС и ориентирующихся на Ф.-И. Штрауса правых кругов ХДС; эти массы и определяли победу блока СДПГ и СвДП на выборах в бундестаг с 1969 по 1980 г. И, наконец, политически ориентированные прогрессивные силы, не захваченные пропагандистскими идеями реваншизма и антикоммунизма, которые хотя и не воспринимают в своем большинстве коммунизм как образ жизни для себя, ибо, как пишет коммунист и ученый ГДР Арно Винклер, «антикоммунистическую позицию разделяет большинство населения»⁸⁹ ФРГ, но понимают под термином «правые» все политические силы, содействующие правым тенденциям.

Мы, естественно, согласны с последней точкой зрения. Но при этом надо помнить, что подход к понятию «правые» должен быть диалектическим. Опуская историю введения в политический словарь терминов «левый» и «правый», что было связано с расположением фракций британского парламента относительно места спикера (председателя палаты), и отвлекаясь также от апологе-

---

⁸⁹ Winkler A. Neofaschismus un der BRD. Erscheinungen, Hintergrücle, Gefahren. Berlin, 1980, S. 99.

тических буржуазных толкований проблемы сегодня, кратко изложим марксистское понимание вопроса.

Силами или движениями левого направления являются те, которые своевременно стремятся к исторически объективной, возможно более высокой степени демократии или определенно содействуют ей, а правыми — те, кто пытается отодвинуть назад уже достигнутую историческую ступень демократии или реальное поле деятельности демократических левых сил. При этом правых едва ли можно называть в буквальном смысле слова «консервативными», ибо они стремятся не к консервации, а к реакционному изменению, к регрессу⁴⁰. Хотя и понятие «регрессивный» здесь употребляется с оговоркой, так как реакционные планы правых в век империализма, как это показал фашизм, направлены не столько на восстановление прошлого, сколько на создание динамически модернизированных на новейший лад государственно-монополистических форм крайнего угнетения. В соответствии с этим правые тенденции или движения — это позитивные сдвиги в самых разнообразных областях социальной жизни, которые отходят в сторону от соответствующих объективных интересов масс и еще больше затрудняют их осуществление.

Такой критерий различения понятий «левый» или «правый» на основе соответствия или несоответствия объективным общественным интересам большинства населения позволяет четко квалифицировать любое социальное явление, движение или действие. Исходя из того, что на современном этапе общего кризиса капитализма интересы монополистического капитала часто противостоят интересам нации в целом, включая и среднюю буржуазию⁴¹, можно говорить о наличии в любой стране крупного капитала, включая, безусловно, и ФРГ, двух противоположных политических линий: монополистическо-капиталистической и демократической, оформленных в соответствующих концепциях.

Что-то среднее между ними по своей объективной сущности практически исключено, ибо проявление обеих тенденций распадается на отдельные акции, в одном случае работающие на демократическую линию, а в дру-

⁴⁰ См. подробнее: Opitz R. Was ist rechts? Was sind Rechtstendenzen?— Marxistische Blätter, 1980, Nr. 2, S. 27—31.

⁴¹ См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.

гом — на монополистический капитализм. Эти противоположные линии проявляются в области экономической, политической, юридической, социальной, налоговой, культурно-политической и т. п. Так, если говорить о политических интересах в целом, то встает вопрос: должно ли государство выражать интересы монополистического капитала или интересы народа? В области гражданских прав правительство ФРГ ведет постоянное наступление на демократические свободы: «запрет на профессии», распространение норм уголовного права на политические действия, либерализация в отношении нацистов и военных преступников. В области внешней политики — подготовка к экспансии путем гонки вооружений, в то время как объективные интересы населения страны требуют политики мира между народами и разоружения. За всем этим стоит стремление монополистических кругов к усиленной эксплуатации трудящихся.

Сегодня историческое содержание демократического движения в капиталистических странах состоит в том, чтобы сломить решающее влияние империалистического монополистического капитала на политику государства, сорвать подготовку к мировой войне и остановить рост фашистских тенденций — это и выражает политические интересы демократического большинства. «Всякое движение в противоположном направлении есть объективно правая тенденция»⁴². Сам по себе сдвиг вправо — явление не фашистское, ибо фашизм олицетворяется крайне правыми силами. Но вместе с тем такой сдвиг уже представляет собой социально-политическую, экономическую и психологическую базу роста фашизма, не говоря о том, что от «правых» до «крайне правых» дистанция всего в один шаг. Не случайно все коммунисты мира, и в первую очередь Западной Германии, неразрывно связывают сдвиг вправо с активизацией неофашизма.

В редакционном вступлении к теме «8 мая 1945 г. — 35-я годовщина освобождения от фашизма» и юбилейный по этому поводу номер журнала «Марксистше Блеттер» (орган ГКП) подчеркивает: «Около половины сегодняшнего населения не пережило сознательно вторую мировую войну и господство фашизма. Для многих время второй мировой войны является далеким, едва вообразимым недействительным прошлым. Показ исторически скрытых

---

⁴² Opitz R. Ibidem, S. 29.

причин и взаимосвязей второй мировой войны, ее опыта и уроков для борьбы за мир и безопасность в наши дни, против политического сдвига вправо и оживления неофашизма тем более важен, что правящие круги и их идеологи путем антикоммунистического и националистического ее осмысления хотят приукрасить или реабилитировать коричневое прошлое... Прогрессивные силы нашей страны не должны допустить, чтобы были забыты уроки истории, чтобы фашизм вновь был «приближен ко двору», развязана новая военная авантюра... Поэтому для нас 8 мая не только день памяти. Он является... призывом к борьбе. Это нам завет — усиливать борьбу за мир, строить внешнеполитические отношения с Советским Союзом, определяемые не вооружением и конфронтацией, а разоружением и взаимопониманием. Завет 8 мая 1945 г. заключается в борьбе за сохранение и защиту демократических прав, против сползания вправо и оживления неонацизма. ФРГ не должна оставаться страной запретов на профессии, слежки за совестью, шпионажа и запугивания демократических сил. Она нуждается, спустя 35 лет после окончания второй мировой войны, в повороте к демократическому и социальному прогрессу для того, чтобы соотношение сил изменилось в пользу рабочего класса и других демократических сил, чтобы была оттеснена власть крупного капитала»⁴³.

Создание на территории Западной Германии — под эгидой США, Англии и Франции — монополистического, милитаристского государства с целевой ориентацией на «холодную войну» в обстановке, когда имелись реальные возможности для установления демократического строя в этой стране, стало решающим условием для развития правых тенденций в послевоенной ее истории. Они проявляются в различных областях общественной жизни ФРГ, и вместе с ними возникают нацистские и неонацистские организации, о чем говорилось в предыдущем параграфе. На этой основе, как пишет Р. Опитц, получили развитие правые тенденции «долговременного характера», результатом которых явилось запрограммированное восстановление власти монополий и непосредственно связанная с ее реставрацией активизация «экспансионистского давления монополистического капитала». В той

---

⁴³ 8. Mai 1945 — 35-Jahrestag der Befreiung vom Faschismus.— Marxistische Blätter, 1980, Nr. 2, S. 8—9.

же степени, в какой становление экономических структур ФРГ, концентрация капитала и рост монополий в экономическом аспекте дошли до уровня международной величины, возросло политическое влияние монополистического капитала.

И именно в этом своем «политическом аспекте путь германского монополистического капитала от завершения фазы реставрации до образования второй после США империалистической державы объективно выражает укоренение правой тенденции в истории ФРГ»⁴⁴. Точно такова же и эволюция «скромных вооруженных формирований» в первый западногерманский контингент войск в НАТО, прикрываемый вывеской «оборонительного союза», а затем в сильнейшую на сегодняшний день западноевропейскую военную державу, заявляющую с сознанием «всемирной ответственности» о готовности выполнять вместе с США функции мирового жандарма и «наводить порядок» во внеевропейских «кризисных районах», — это, с историко-политической точки зрения, путь развития правых тенденций ФРГ.

На такой основе произрастают не только узурпаторские амбиции западногерманского монополистического капитала внутри страны и непомерные реваншистские притязания к другим народам, но и резко усиливаются неонацистские настроения. Без сомнения, предпринимаемые сегодня собрание и наступление крайне правых были бы «без многолетних, существующих давно правых тенденций в истории ФРГ, в которых участвуют все боннские фракции, абсолютно невыносимыми, по существу не имели бы предпосылок»⁴⁵. Этой неразрывной связи между конкретными социально-политическими правыми тенденциями и крайне правыми силами, как базе и условиям их роста, следует придавать особое значение перед лицом современной глобальной стратегии США и их союзников по НАТО, выражающейся в резкой конфронтации и эскалации международной напряженности. Встав сегодня в фарватер американской политики напряженности, ФРГ, осуществившая несколько лет назад поворот к политике разрядки, «снова оказалась в опасном положении». В военном отношении оно заключается в решении разместить на территории страны боль-

⁴⁴ Opitz R. Was ist rechts? Was sind Rechtstendenzen? — Marxistische Blätter, 1980, Nr. 2, S. 29.

⁴⁵ Ibidem, S. 30.

шие «магниты смерти» — новые американские атомные ракеты, в стремлении «вооружаться до смерти» ради прибылей небольшой группы крупных капиталистов⁴⁶. В политическом — это попустительство резкой активизации неонацистских тенденций, грубейшая фальсификация истории, наступление на демократические силы страны. Все это создает политические и идеологические предпосылки для дальнейшего сдвига вправо и вновь питает неонацизм.

Однако диалектико-материалистический подход к социальным явлениям требует их конкретно-исторического анализа. В этом аспекте обобщение под термином «правые» всех группировок и отдельных официальных лиц как определявших до недавнего времени, так и определяющих сегодня политику Западной Германии, было бы неправильным, по существу политически вредным. В первую очередь речь идет, конечно, о различиях между социал-демократами и блоком ХДС/ХСС. В отношении глобальной стратегии международного капитала, возглавляемой США и характеризующейся активизацией милитаризма, антикоммунизма и неоколониализма, между правившей недавно социально-либеральной коалицией ФРГ и блоком ХДС/ХСС (вместе с той же СвДП) сегодня существенных различий практически нет. Например, руководству СДПГ на проходившем в апреле 1982 г. съезде партии в Мюнхене удалось прогнать резолюцию, которая фактически предусматривала осуществление так называемого довооружения НАТО⁴⁷. (Речь идет о размещении на территории страны нового поколения американских ядерных ракет средней дальности). Это один из принципиальнейших вопросов современной международной обстановки. Подобное реакционное решение вызвало бурю восторгов всех правых сил мира, и в первую очередь верхушки ХДС/ХСС. Подобную же реакцию вызвало решение социально-либерального правительства ФРГ о значительном долевым участии в закупке разработанной в США системы воздушного шпионажа (главным образом за социалистическими странами) АВАКС общей стоимостью почти в два млрд. долларов⁴⁸. Если же говорить

⁴⁶ 8. Mai 1945—35-Jahrestag der Befreiung vom Faschismus. *Ibidem*, S. 8.

⁴⁷ См.: Правда, 1982, 24 апреля.

⁴⁸ Там же, 25 апреля.

о международной политике в целом, то в Западной Германии ни ХДС/ХСС, ни обе социально-либеральные правительственные партии «не проявляют ни малейшего сомнения в их твердом стремлении проводить совместно с США, сохраняя теснейшее чувство локтя... всемирно-политическую правую тенденцию»⁴⁹.

Так же общими для этих партий являются основные целеустановки внутренней политики. Но о том, как проводятся эти целеустановки, старейший коммунист, западногерманский профессор Вольфганг Абендрот в 1980 г. говорил так: «Верно, что политика нашего нынешнего правительства во главе со Шмидтом объективно есть наиболее рациональная форма политики в интересах западногерманского монополистического капитала. Политика Штрауса есть менее рациональный, но зато более жесткий вариант политики того же класса»⁵⁰. Иными словами, речь идет не о различиях политических целевых концепций, а о конкурирующих моделях формирования массового базиса или о моделях политической интеграции. С одной стороны, социально-интегрированная модель социал-демократов, которые пытаются втянуть в орбиту своей политики (а иначе говоря — в империалистическую политику) рабочий класс, других представителей наемного труда и прежде всего профсоюзы как необходимое связующее звено массовой социальной базы с партийной коалицией, трансформировать применительно к сознанию масс актуальные правые тенденции монополистического капитала с тем, чтобы превратить эти массы в составную часть своего избирательного базиса. С другой стороны, ей противостоит модель ХДС/ХСС, ориентированная на соединение тех субъективных потенциалов в обществе, которые могут и стремятся «предать политический массовый базис государственно-авторитарно-административной и открыто репрессивной политике, направленной против профсоюзов и других прогрессивных сил»⁵¹.

Это различие существенно. И потому приход к государственной власти лидеров ХДС/ХСС представляет большую опасность в смысле дальнейшей экспансии в

---

⁴⁹ Opitz R. Ibidem, S. 30.

⁵⁰ Alle Kräfte für Entspannung und gegen Rechtsentwicklung mobilisieren! Op. cit., S. 43.

⁵¹ Opitz R. Ibidem, S. 30—31.

отношении остатков демократических свобод в Федеративной Республике. Как писал ранее Абендрот, реализация такой возможности привела бы к тому, что «риск расширения фашистской опасности — при обострении экономического кризиса — мог бы расти до бесконечности»⁵². Из этого и исходит в своей тактике ГКП, когда призывает своих сторонников голосовать за СДПГ, выбирая из двух зол меньшее. К тому же необходимо учитывать, что реакционность политики социал-демократов определяют не рядовые массы партии, а их «правое руководство».

Поэтому не следует говорить абстрактно о политике СДПГ. Социал-демократическая партия сегодня — это партия, которая представляет «массу индустриальных рабочих», а также значительную часть других трудовых слоев. Но исходя из того, что «рабочий класс в Западной Германии не обладает развитым классовым самосознанием»⁵³, лидерам этой партии удается проводить в жизнь политические и экономические мероприятия, которые прямо противоположны интересам большинства членов партии. Как бы то ни было, в СДПГ неизбежно отражаются в скрытой или открытой форме противоречия тех социальных групп, которые она представляет. Причем эти противоречия усиливаются по мере политического прозрения масс. Следовательно, в социал-демократии в большей или меньшей степени всегда выступали и будут проявляться демократические тенденции.

Наглядный тому пример — съезд партии 1982 г., который показал, что в рядах западногерманской социал-демократии растет сопротивление агрессивному внешнеполитическому курсу администрации США, опасным военным планам НАТО, направленным на дальнейшую гонку ракетно-ядерных вооружений. Острую критику ряда делегатов вызвала «начавшаяся в ФРГ подготовка к размещению на ее территории новых американских ядерных ракет средней дальности»⁵⁴. Накануне съезда подавляющее большинство местных и земельных организаций в своих наказах — их было свыше трехсот — выступило против ориентации правительства на «двойное

---

⁵² Alle Kräfte für Entspannung und gegen Rechtsentwicklung mobilisieren! Ibidem, S. 44.

⁵³ Ibidem, S. 43, 45.

⁵⁴ Правда, 1982, 24 апреля.

решение» НАТО, предусматривающее размещение в Западной Германии, начиная с 1983 г., ракетно-ядерного оружия средней дальности. Несмотря на массированное давление со стороны руководства партии, «треть участников съезда осталась верной наказам своих организаций», выражающих не только сегодняшние настроения социал-демократических низов, но и широких народных масс в целом. Эта часть делегатов решительно выступила за мораторий на размещение ракетно-ядерных систем средней дальности и тактического ядерного оружия, за политику, направленную на полное устранение из Европы всех средств массового уничтожения. И хотя резолюция, навязанная руководством партии, была принята двумя третями голосов, она оказалась «двойственной и противоречивой»! Содержащееся в ней декларативное заявление в пользу безъядерной Европы «сопровождается фактически поддержкой вашингтонской демагогии о «нулевом решении», выдвигание которого преследует цель обеспечить США односторонние военные преимущества»⁵⁵.

И, наконец, нельзя забывать, что среди лидеров социально-либерального движения есть персоны как реакционные, так и либерально-демократические. Например, председатель гамбургской организации СДПГ Паулик в гамбургском выпуске шпрингеровской газеты «Ди Вельт» заявил, что считает ультрареакционера Штрауса «не врагом, а демократическим противником», который стоит к нему намного ближе, чем любой коммунист⁵⁶. К реакционным действиям можно определенно отнести акцию гессенского социально-либерального руководства, которое с помощью полиции, но в нарушение земельных законов и Конституции ФРГ запретило в 1979 г. проведение конференции прогрессивного Демократического Союза культуры. Была также запрещена (июнь 1979 г.) конференция Объединенных немецких профсоюзов — массовая организация социал-демократов, коммунистов, христиан и беспартийных рабочих⁵⁷. Председатель Объединения Г.-О. Феттер с возмущением говорил на съезде своей (СДПГ) партии: «Даже госу-

---

⁵⁵ Михайлов В., Рыкин В. Мюнхенские виражи.— Правда, 1982, 26 апреля.

⁵⁶ См.: Alle Kräfte für Entspannung und gegen Rechtsentwicklung mobilisieren! Ibidem, S. 45.

⁵⁷ См.: Ibidem, S. 46, 47.

дарство, по-видимому, решило свалить тяготы экономического кризиса на тех, кто больше всего нуждается в помощи. Сегодня миллионы людей страдают от безработицы. Экономический кризис и кризис занятости, а также связанное с ним усиление влияния консервативных сил создают в стране взрывоопасную ситуацию»⁵⁸. Активную демократическую позицию занимали на этом съезде член правления партии, председатель земельной организации СДПГ в Сааре О. Лафонтен, гамбургский делегат Г. Клозе и некоторые другие лидеры.

При всем этом надо учитывать, что действия лидеров не всегда определяются только их собственной позицией. Так или иначе они вынуждены считаться с мнением подавляющего большинства своей партии. Обратно вскрывая эту зависимость, Э. Карлебах заметил: «Сегодня господин Штраус может сказать, чего же хочет Гельмут Шмидт, который делает все, что я (т. е. Штраус.— М. Ф., А. Р.) говорю, но только немножко медленнее и хуже, так как он слишком часто оглядывается на свою собственную партию»⁵⁹. Другими словами, социал-либеральному правительству нечего было удивляться, что их половинчатая политика вызывала критику как слева, так и справа.

Из всего изложенного можно сделать следующий вывод. Диалектический, конкретно-исторический анализ праворадикалистского движения ФРГ показывает, что подлинная линия размежевания правых сил и демократических проходит «между сгруппировавшимися вокруг Штрауса правыми из ХДС/ХСС вместе с неонацизмом и активно действующими правыми группировками в обеих социально-либеральных партиях, с одной стороны, и всеми не имеющими никаких правых тенденций политическими силами и демократическими потенциалами нашей страны, с другой»⁶⁰. Переход парламентариев из СвДП на сторону ХДС/ХСС и создание нового правительства ФРГ в октябре 1982 г. лишний раз подтверждают правильность проведенного анализа. А то, что во главе правительства стал лидер ХДС Г. Коль, а не

---

⁵⁸ См.: Михайлов В., Рыкин В. Мюнхенские выражи.

⁵⁹ Alle Kräfte für Entspannung und gegen Rechtentwicklung mobilisieren! Ibidem, S. 45. (Необходимо напомнить, что эти слова сказаны в 1980 г., когда канцлером был Г. Шмидт, а оппозиция в преддверии выборов выдвинула на этот пост Ф.-И Штрауса).

⁶⁰ Opitz R. Ibidem, S. 31.

Штраус, объясняется лишь тактическими соображениями, ибо последний является слишком одиозной фигурой. Понимаемое в этом смысле правое движение и выступает объективно, а иногда и субъективно, союзником неофашизма как в Западной Германии, так и во всем мире.

Рассмотрим конкретно, где и в чем это главным образом проявляется. Но прежде чем анализировать связи неофашизма с его союзниками, необходимо хотя бы кратко остановиться на собственно неонацистских организациях и группах. По неполным сведениям, их более 300*. Такая раздробленность имеет свои причины. Профессор из ГДР Арно Винклер в интересном исследовании «Неофашизм в ФРГ» выделяет следующие из них:

1. Бдительность международной демократической общественности и возрастающее сопротивление антифашистских сил в ФРГ в определяющей мере препятствуют неонацистским силам сконцентрировать свой потенциал и не позволяют НДП создавать новые, охватывающие всю территорию страны организации.

2. Влиятельные круги монополистического капитала Западной Германии перед лицом сегодняшнего соотношения сил в парламенте фактически не заинтересованы в возникновении новых общегерманских неонацистских партий и организаций, так как по этой причине может возрасти дальнейшее дробление избирательного потенциала правых сил.

---

* Лишь из числа обнаруженных в ФРГ в 1974—1977 гг. групп и организаций неонацистскими являются: Акция «Новые правые» (соответственно и в Австрии); Акция «Одер-Нейсе» (AKON); Общество действия 17 июня; Антикоммунистическая боевая группа «Хорст Вессель» (г. Кайзерслаутерн); Демократическое национал-социалистское сообщество (DNSG); Германско-Чилийский союз (DCB); Германское народное сообщество (DVG); Германский народный союз (DVU); Сообщество немецких социалистов (GDS); Сообщество восточногерманских землевладельцев (GOG); Общество помощи «Свободу Рудольфу Гессу»; Инициатива антикоммунистов (г. Мангейм); Боевой союз германских солдат (KDS); Боевой союз свободы и законности; Боевой союз немецкого национального социализма; Комитет восстановления исторической правды; Чрезвычайное управление Германского Востока (NDO); Национал-социалистская боевая группа «Великая Германия»; Орденская община кавалеров Рыцарского креста; Партия труда; Имперская организация по восстановлению НСДАП; Социально-революционное боевое сообщество Германии; Народно-социалистическое движение Германии (См.: Winkler A. *Ibidem*, S. 77—78).

3. Неофашистские группы и организации возникли разными путями. Одни из них формировались непосредственно под влиянием старых нацистов из преемственных организаций нацистской партии и ее звеньев, другие — под влиянием различных кризисных явлений империализма и на волне вызванных ими крайних форм недовольства, а также вследствие непрерывного антикоммунистического и антисоветского воздействия империалистической пропаганды на трудовые массы, и развивались более или менее стихийно. Эти подразделения фашистской ориентации часто выражают иллюзорные представления о том, что кризисное убожество империализма может быть преодолено с помощью «сильных людей».

4. Неофашистские организации и группы, будучи в значительной мере едиными в своих реакционных устремлениях, имеют расхождения, и иногда глубокие, относительно конкретных методов осуществления политических целей монополистического капитала. Одна часть этих групп хочет реактивизировать открыто террористические методы времен гитлеровского фашизма, другая в большей мере прикрывается псевдодемократическими лозунгами.

5. Неофашистские организации и группы выступают под самыми разными фирменными патриотическими вывесками: милитаристские традиционные союзы, военно-спортивные группы, «социалистические» рабочие партии, молодежные организации, религиозные молодежные секты⁶¹ и т. п.

Если говорить об открытых последователях гитлеровской национал-социалистской партии, то, по данным одного из ведущих неонацистов, на 1978 г. действующих членов НСДАП в пределах ФРГ насчитывалось 8 тыс.⁶² Эти данные явно преуменьшены, так как в них не учитываются современные последователи фашизма, выступающие как члены других крайне правых группировок, к тому же сюда надо добавить ряд новых организаций НСДАП, активно растущих в этой стране. Официальные сообщения о возникновении новых местных организаций НСДАП постоянно мелькают на страницах западногер-

---

⁶¹ Winkler A. Ibidem, S. 75—76.

⁶² См.: Neues Deutschland, 1979, 1. August.

манской прессы⁶³. Что же касается фирменных вывесок, то им нет числа: «Союз свободы времен Ганзы» (Гамбург вместе с 20 другими неонацистскими организациями), «Германское народное сообщество» (Ганновер и Карлсруэ — прославляет Гитлера как активного борца против коммунизма), «Партия труда» (Дюссельдорф и Кёльн), «Рабочее сообщество нового демократического порядка» (Эссен), «Независимый круг друзей» (Геттинген), «Военно-спортивная группа обороны» Мюллера и Гофмана*, «Фронт действия национальных социалистов», «Объединение свободного корпуса рыцаря фон Эппа», «Союз Альберта Лео Шлегелера», «Германский блок», «Гражданская инициатива за смертную казнь и против упадка нравов», «Сообщество действий — национальная Европа» (добивается избрания военного преступника Рудольфа Гесса в Европейский парламент), «Национально-революционная организация созидания» (Зап. Берлин) и т. п.

Однако наиболее мощным организованным резервуаром неонацизма являются традиционные союзы фашистских войск СС⁶⁴.

Прямым союзником неонацизма ФРГ, его потенциальной базой в первую очередь выступают различные объединения так называемых изгнанников**. Среди них наиболее многочисленны «Союз изгнанников», насчитывающий примерно 2 млн. членов, «Союз среднегерманцев» — 280 тыс., а также «Витикобунд» — «судетско-немецкое народное духовное сообщество»⁶⁵. Считать всех членов таких землячеств сторонниками неонацизма было бы, конечно, неправомерно. Однако сущность их политики, направленной на восстановление Германии в границах на 30 октября 1937 г. и совпадающей с «программой минимум» реваншизма неонацистов, а также верховенство в этих организациях неонацистов определяют смычку землячеств «изгнанников» с современными фашистскими объединениями и постоянно питают их людскими ресурсами. К тому же связь с этими землячествами и поддерж-

---

⁶³ См.: Winkler A. Ibidem, S. 83.

* Запрещена в 1980 г., однако есть сведения, что организация продолжает действовать.

⁶⁴ Winkler A. Ibidem, S. 81.

** Переселенцы с территорий, возвращенных после второй мировой войны их законным владельцам.

⁶⁵ См.: Winkler A. Ibidem, S. 78.

ка их лозунгов придает неофашизму репрезентативность массового движения и определенную морально-политическую весомость как защитнику справедливости в отношении большой социальной группы, якобы ущемленной в своем человеческом праве на «отчий дом» и «возвращение Родины». При этом необходимо помнить, что правительственная политика ФРГ при всех кабинетах направлена на актуализацию реваншистских устремлений союзов «изгнанников».

В начальном периоде господства ХДС/ХСС были созданы два особых министерства, задача которых заключается в координации и финансировании реваншистских союзов и организаций: это — федеральное министерство для изгнанников, беженцев и инвалидов войны и федеральное министерство по общегерманским вопросам. Их главное назначение — препятствовать нормализации отношений между ФРГ и ГДР, а также отношений с другими социалистическими странами⁶⁶. Активная деятельность в качестве главы «министерства изгнанников» Т. Оберлендера (1953—1960 гг.), выражавшая общую политическую направленность правительства ХДС/ХСС, привела к созданию целой системы «Восточногерманского шефства». Земельные правительства, управления городов и округов брали на себя шефские обязанности по отношению к различным «землячествам» переселенцев и их «подразделениям на родине». Цель этого «шефства» состояла в том, чтобы всесторонне поощрять деятельность реваншистских организаций. Проведенная в 1956 г. конференция земельных министерств по делам культов приняла решение о «немецком краеведении», открывшее реваншистским союзам и их функционерам — в своем большинстве бывшим нацистам — «свободный путь для реваншистского влияния на молодое поколение».

Открыто провокационный характер носил принятый в то время «федеральный закон об изгнанниках», в соответствии с которым их «статус» распространялся на супругу «изгнанника», их детей и потомков последующих поколений. Внешне это выглядит как оказание помощи нуждающимся людям, но в действительности преследует далеко идущие политические цели. В соответствии с параграфом 96 этого закона федерация, земли и общины

---

⁶⁶ См.: Adamo H. Die CDU/CSU Wesen und Politik. Frankfurt a. M., 1976, S. 208.

обязаны всемерно поощрять, в том числе и в финансовом отношении, реваншистскую политику «организаций изгнанников» и прежде всего их «восточногерманскую культурную деятельность»⁶⁷. Эти решения, как и указанные министерства, действуют до сих пор. Особое поощрение получают реваншистские организации и группы в землях, управляемых ХДС, и в первую очередь в Баварии, где всеми делами заправляет ХСС. На эти цели ежегодно расходуются миллионы марок. Общее число «военных союзов», «землячеств изгнанных» и других реваншистских организаций на территории ФРГ и за ее пределами составляет 1300⁶⁸. Не скупится на оказание помощи этим организациям и федеральное правительство социал-демократов и свободных демократов. Так, в 1976 г. оно ассигновало на эти цели около 400 млн. марок⁶⁹.

Основная эмоциональная окраска всей этой деятельности — вызвать ненависть к правительствам и народам социалистических стран, к которым правомерно отошли соответствующие территории. Так, А. Вебер в «Дойче вохен-цайтунг» пишет: «Тяжело примириться с мыслью, что эта немецкая земля (речь идет о Калининграде.— М. Ф., А. Р.) теперь стала для нас недосыгаемой. Северовосточная Пруссия — это старая немецкая область, и мы никогда не должны об этом забывать и отказываться от наших прав на нее. Кенигсберг — это часть немецкой Родины на Востоке»⁷⁰. Еще более агрессивно и клеветнически высказывается некто Р. Поцорни в статье «Вчера вандалы, сегодня — мы». Он пишет: «В корне неверно говорить о высылке немцев из восточных областей... Правомерно говорить о том, что в 1945—1946 гг. миллионы немцев были жестоко изгнаны со своей земли, их имущество разграблено и это массовое преступление увенчалось убийством двух миллионов немцев уже в мирное время»⁷¹.

Понятно, что подобная деятельность направленно ложится на психологию обывателя, толкая его в русло агрессивной политики. Что же касается реакционных объединений — а их немало, — то они воспринимают та-

⁶⁷ Adamo H. Die CDU/CSU Wesen und Politik, S. 209, 210.

⁶⁸ Neofasismus a dnešek. Plzeň, 1978, с. 31.

⁶⁹ См.: Adamo H. Die CDU/CSU Wesen und Politik, S. 218.

⁷⁰ Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 14. Dezember.

⁷¹ Deutsche Wochen-Zeitung, 1980, 21. März.

кие высказывания как гимн и призыв к действию. Общее членство легально существующих военных союзов и объединений бывших эсесовцев, офицеров рейхсвера, переселенцев с чужих территорий и т. п. составляло в 1978 г., по неполным данным, 4,8 млн. человек⁷², или 12% взрослой части населения ФРГ, обладающей избирательным правом. Если же к этому добавить членов семей указанных лиц, то этот процент возрастет до 36.

Это серьезный резерв неофашистского движения.

Данные организации как таковые и их наиболее активные члены в отдельности по многим каналам, включая и родственные, тесно переплетены с молодежными неофашистскими объединениями. Влияние неофашизма на молодежь ФРГ, особенно в 70-х гг., приобрело широкие размеры, и это представляет, пожалуй, наибольшую социальную опасность, так как молодежи принадлежит будущее. По данным опроса одного буржуазного института, к которым, конечно, надо относиться с определенной степенью осторожности, 47% молодых людей от 14 до 30 лет заявили, что они определенно или «может быть» примут участие в демонстрации протеста, если открыто выступят неонацисты⁷³. Что же касается остальных, то они относятся к неофашизму индифферентно либо положительно. Эта молодежь и составит основу неофашизма, если ее вовремя не привлечь к демократическому движению. В свою очередь, крайняя реакция изыскивает всевозможные способы, чтобы втянуть молодых людей в русло неофашизма. Как подчеркивал на 7-м пленуме ЦК СЕПГ в ноябре 1977 г. Курт Хагер, то, что происходит в ФРГ, есть не просто ностальгия по Гитлеру, как безобидно пытаются объяснить некоторые. Речь идет не просто о некоторых неисправимых старых нацистах: в гораздо большей мере все это направлено в сторону неофашизма с целью, прежде всего, отравить молодое поколение ядом фашизма и помешать ему найти действительный выход из безработицы и неуверенности в будущем⁷⁴.

Для реализации своих целей реакция создала на территории Западной Германии 22 молодежные неофашистские организации. Наиболее сильная и многочисленная

⁷² Neofasismus a dnešek. Plzen, 1978, с. 29.

⁷³ Die Welt, 1979, 25. September.

⁷⁴ 7. Tagung des ZK SED, 24-25. November 1977... Berlin, 1977, S. 54.

из них — «Молодые национальные демократы», открыто заимствующая идеологические образцы гитлеровского фашизма. На своем конгрессе в 1978 г. они выступили с требованием насильственного включения ГДР, Судетской области ЧССР и западных польских земель в «Германский рейх». Под защитой полиции они выкрикивали лозунги: «Вымести красную нечисть!» «Рот фронт, умри!».

Старейшая неонацистская молодежная организация ФРГ «Молодые Викинги» сама себя рекламирует как образец «Гитлерюгенда». Члены организации (с 10-летнего возраста) и сочувствующие обучаются «маршировке» и «обращению с оружием» главным образом в летних и зимних лагерях. Эта организация, имеющая свои отделения по всей стране, идеологически связана с «завещанием» военного преступника Генриха Гимmlера, призывавшего «нордическо-арийские народы» объединиться для борьбы против большевизма. Далее необходимо назвать «Союз верной Родине молодежи» (ВНЗ). Союз выдает себя за представителя жизненных интересов немецкого народа. Его идеолог — нацистский полковник Ганс-Ульрих Рудель — открыто выдвигает реваншистские требования и прославляет нацистский рейх.

Ныне неонацисты усиленно пытаются проникнуть и закрепиться в школах ФРГ. Об этом говорит создание «независимого союза учащихся» (USB), который включает в себя земельные союзы в Шлезвиг-Гольштейне, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии, Рейнланд-Пфальце, Баден-Вюртемберге и в Баварии. Суть политической программы этой организации, представляющей собой краткое изложение программы НДП, составляют воинственный антикоммунизм, антисоветизм и реваншизм. В 1979 г. во Франкфурте-на-Майне начал действовать «националистический ученический союз» (NSG). Инициаторами его создания были «Боевой союз немецких солдат» и «Просветительское общество Национальная Европа». Эта неонацистская организация объявила своей задачей борьбу с искажением исторической «правды», так как «массовые убийства», якобы совершенные гитлеровским фашизмом, являются «страшной антигерманской ложью»⁷⁵.

Давая подробный анализ неонацистского движения

---

⁷⁵ См.: Winkler A. Neofaschismus in der BRD. Erscheinungen. Hintergründe. Gefahren. Berlin, 1980, S. 84—86.

среди молодежи ФРГ, профессор Винклер пришел к выводу: «Было бы неправильно и чревато большими последствиями не замечать того, что неофашистские силы в последние годы расширили свое влияние на молодежь. Число молодых людей, участвующих в националистических провокациях, растет. Пока что речь идет об относительно малочисленных небольших группах, но их открыто террористические выступления... тревожат мировую общественность... Выступления неофашистских боевых групп, формируемых большей частью из молодежи, напоминают устрашающим образом о кровавом терроре СА и СС до прихода фашизма к власти в гитлеровском государстве»⁷⁶. Только за 1979 г. ведомство по уголовным делам ФРГ официально зарегистрировало 8 тыс. преступных акций неофашистов: распространение подстрекательских неофашистских сочинений, неофашистская и антисемитская мазня на стеклах, осквернение кладбищ, создание военных лагерей, покушения, поджоги, взрывы и т. п.

Все это не случайно. Можно с полным основанием заявить, что «рост числа неонацистских акций в ФРГ характерен для политического климата в этой стране»⁷⁷. Важной составной частью такого климата является замалчивание или обеление нацистских преступлений. Недаром один западногерманский ученый отмечает, что «ужасающее невежество» большинства молодежи ФРГ относительно преступлений гитлеровского фашизма — это одна из причин неофашистских эксцессов. «Получается так, что как будто никогда не существовали Освенцим, Треблинка и Майданек. Получается, что как будто нацистский фашизм и организованные убийства евреев были делом не недавнего прошлого, а каменного века... Через 35 лет после конца третьего рейха беспристрастность в отношении ужасов господства нацистов приняла такие размеры, которые еще несколько лет назад самые большие предостерегатели и скептики сочли бы невозможными»⁷⁸.

Невежество молодежи ФРГ относительно сущности фашистского прошлого определяется рядом факторов.

В школах Западной Германии не была проведена последовательная денацификация, поэтому фашистский дух сохранился во многих местах. С середины 70-х гг. он возрос в связи с общей неофашистской активизацией в

⁷⁶ Winkler A. Ibidem, S. 102.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Frankfurter Rundschau, 1980, 21. März.

стране. На этой же основе увеличилось число тех учителей, которые распространяют фашистское мировоззрение. Учителя антифашистской ориентации, число которых невелико, «все болсе оттесняются реакционными силами в школьном ведомстве»⁷⁹. К тому же допросы учителей, критикующих суть фашизма, слежка за мыслями, «запреты на профессии», попрание прав учеников «порождают чувство индивидуального бессилия» и мешают воспитателям выполнять свой долг в интересах развития демократии⁸⁰.

Большинство школьных учебников истории в ФРГ не содействует политико-идеологическому преодолению фашистского прошлого. До сих пор действуют обязательные указания конференции министров земель по делам культуры от 5 июля 1962 г., требующие от всех школ изучать фашизм и социализм в преподавании истории в одной теме, как общее понятие — «тоталитаризм». В них говорится: «При освещении коммунистического и национал-социалистического тоталитаризма следует разъяснять их отрицательную целенаправленность и их преступные методы. Тот факт, что обе эти системы боролись друг с другом, не должен вводить в заблуждение относительно близости их родства»⁸¹. Согласно этой доктрине, радикалы справа и слева разрушили Веймарскую республику; Гитлер и Сталин несут солидарную ответственность за вторую мировую войну; в социалистических странах происходит якобы то же самое, что и при фашизме. Путем такого уравнивания убийц и убитых, агрессоров и их жертв, самого кровавого осуществления власти монополистического капитала, направленного против рабочего класса, с государством рабочих реакция пытается направить антифашистское движение по пути антикоммунизма. Такой поворот осуществляется с помощью софистического приема: «Если фашизм погиб вместе с Гитлером, то остается в качестве тоталитарного врага лишь коммунизм». Эту демагогию очень четко вскрывает в своей статье «Движение молодежи против фашизма и войны» западногерманский коммунист Вильфрид Рекерт⁸². При

---

⁷⁹ См.: Winkler A., Ibidem, S. 99.

⁸⁰ Reckert W. Jugendbewegung gegen Faschismus und Krieg.— Marxistische Blätter, 1980, Nr. 2, S. 36.

⁸¹ См.: Gertzen O. Antifaschistischer Widerstand. Unterrichtseinheit für zwölf Stunden. Frankfurt a. M., 1977, S. 8.

⁸² Reckert W. Ibidem, S. 34—35.

этом нельзя забывать, что на современном этапе фашизм в большей части учебников изображается в прямом противоречии с его преступной сущностью, как безобидное явление. Фашизм интерпретируется как «особое выражение» немецкого «национального существа» — «фашизм находится в нас самих». Что же касается войны, то она есть не только патологическое, природное явление, война — это увлекательное действо, «большое приключение», проверка «сильных людей». Во всех этих описаниях страдания и жертвы немецкого народа либо отодвигаются на второй план и изображаются как побочные явления, либо путем извращения исторической правды взваливаются на мировой коммунизм и «предателей».

Искаженное представление западногерманской молодежи о нацизме и неразрывно с этим связанные неофашистские воззрения в значительной мере питаются духом антисоветизма и антикоммунизма. Постоянная обработка общественного мнения ФРГ средствами массового воздействия монополистической буржуазии⁸³ внушительно влияет на молодежь. Нельзя при этом забывать, что на нее больше действует не логика и тем более не дидактика, а факты. Что касается фактов прошлого, то она их не видела, а описание их получает направленное. Сделать самостоятельно правильные логические выводы из современной западногерманской действительности, а тем более мира в целом, западная молодежь, как правило, не в состоянии. А вот факты того, что вчерашние нацисты занимают высокое положение и посты — у нее перед глазами. Пенсии эсэсовцам гарантированы; выступления гитлеровских офицеров — сколько угодно! Фильмы и художественные подделки — сплошь и рядом! И все это ложится на незащищенные души молодых, фактически потворствуя фашизму.

Важным психологическим фактором, способствующим проникновению неофашистских настроений в среду молодежи, служит то обстоятельство, что молодежь не имеет и не может иметь «чувства собственной вины» за последствия фашистской политики в прошлом, как это часто происходит с их родителями. Поэтому разрыв с «темной страницей немецкой истории» у них происходит медленнее и труднее, чем у старшего поколения. Отсюда

---

⁸³ Winkler A. Ibidem, S. 99.

часто молодежь интерпретирует день освобождения от фашизма — 8 мая 1945 г. — как день «поражения» немецкой нации»⁸⁴.

Значительное место среди указанных факторов занимают массовая безработица среди молодежи и отсутствие у нее шансов на будущее. В этой ситуации категоричность юности, ее нетерпение в поисках выхода из социально-экономических тупиков ведут к превалированию немедленных действий в умонастроениях молодежи. Такие порывы в сочетании с неопытностью данной социальной группы толкают ее к неофашистской демагогии, обещающей все изменить «сильной рукой», немедленно создать «порядок и безопасность». Как писал западногерманский журнал «Немецкая молодежь», известная привлекательность неофашистских организаций объясняется тем, что «они изображают себя радикальной альтернативой» по сравнению с тем, что дает молодежи западное общество сегодня, и к тому же спекулируют на традиционных моральных ценностях, которые нередко прокламируются в «родительском доме, школе и на предприятиях»⁸⁵. Указанные факторы привели к тому, что «духовное изуродование части молодежи ФРГ достигло угрожающих размеров»⁸⁶.

Важным социально-психологическим союзником неофашистского движения в ФРГ является реставрация традиций гитлеровского вермахта в бундесвере. Как пишет А. Винклер, «НДП — откровенно неофашистская партия — имеет свое наибольшее влияние в бундесвере и в федеральной охране границ»⁸⁷. Более 30 высокопоставленных служащих бундесвера выполняют руководящие функции в НДП и выступают кандидатами этой партии во время выборов земельных ландтагов и бундестага. Многие молодые офицеры и унтер-офицеры запаса состоят членами молодежной организации «Союз верной Родине молодежи». Это логично в свете той политики, которую проводит западногерманская реакция в отношении бундесвера.

Понятно, что армии как решающей силе экспансионистской политики монополистического капитала во

---

⁸⁴ Reckert W. Ibidem, S. 33.

⁸⁵ Deutsche Jugend, 1979, Н. 9, S. 404.

⁸⁶ Winkler A. Ibidem, S. 100.

⁸⁷ Ibidem, S. 108.

внешних действиях и в подавлении демократических движений внутри страны уделяется особое внимание. Это проявляется, во-первых, в подборе офицерского состава армии. О его политической направленности можно судить хотя бы на основании того, что 40% офицеров бундесвера (1965—1975 гг.) в прошлом служили вермахту и его генеральному штабу. К тому же примерно 50% высших чинов бундесвера выходцы с территорий сегодняшней ГДР, ЧССР и ПНР⁸⁸. Во-вторых, не без ведома правительства многие казармы бундесвера провокационно носят немецкие названия городов, возвращенных после второй мировой войны их исконной родине, или же имена гитлеровских генералов, продержавшихся «до конца». Далее. В качестве основного «мотива обороны» солдатам бундесвера преподносится еще применявшаяся гитлеровским фашизмом ложь о советской и большевистской опасности, а во время маневров условный противник открыто называется «русским» или «большевиком». Постоянно ведется так же, как и во времена Гитлера, психологическая обработка военнослужащих с тем, чтобы в день «Х» они показали «максимальную действенность» в подавлении сопротивления собственного гражданского населения агрессивным действиям господствующих кругов монополистического капитала. Много внимания уделяется превращению солдат и офицеров в бездумные орудия авантюристической политики, стоящих выше похвалы и порицания, добра и зла, мира и войны, а сам бундесвер рассматривается как надклассовая «школа нации».

Наконец, делаются большие усилия и изыскиваются разнообразные формы для «поднятия ценности» нацистского вермахта. В бытность свою министром обороны ФРГ Г. Апель (социал-демократ) на вопрос, какие традиции должен уважать бундесвер — свои или гитлеровского вермахта, ответил: «Как те, так и другие» («Sowohl als auch»)⁸⁹. В соответствии с этим в библиотеке любой казармы можно получить литературу (так называемые солдатские тетради), которая преследует единственную цель — реабилитировать гитлеровский вермахт и его солдата. Во многих казармах устроены «уголки традиций», призванные внушать солдатам мысли о

⁸⁸ Neofasismus a dnesek. Plzeň, 1978, S. 27, 29, 31.

⁸⁹ Frankfurter Rundschau, 1978, 22. April.

«доблестных делах» гитлеровского воинства. В воинских частях постоянно проводятся встречи с бывшими нацистскими офицерами и генералами, которых чествуют как «героев». Сегодняшние наследники гитлеровских традиций распевают старые фашистские подстрекательские песни типа «Хорст Вессель». «Марш гренадеров-танкистов СС 1944 г.» вошел в постоянный репертуар музыкального корпуса вооруженных сил ФРГ. Бывшие нацисты занимают ведущее положение в высших школах бундесвера. Его генералы и офицеры постоянно присутствуют на различных традиционных встречах ветеранов СС, которых только одна организация «Общество взаимопомощи» (НИАГ) проводит более ста в месяц (разумеется, с ведома властей и под охраной полиции)⁹⁰. Большое политическое значение придает руководство бундесвера юбилеям, а также похоронам гитлеровских военачальников. Так, похороны «преемника Гитлера», бывшего нацистского гроссадмирала Карла Деница, осужденного Международным военным трибуналом в Нюрнберге как военного преступника, вылились в настоящий апофеоз гитлеровскому вермахту. «Национал-цайтунг» писала в январе 1981 г.: «Элита немецкой нации стояла у могилы своего глубокоуважаемого и любимого гроссадмирала»⁹¹. В том же духе выступила «Дойче вохен-цайтунг», преподнеся такой перл политической демагогии: «Сообщение о смерти гроссадмирала Деница вызвало волну сочувствия и респекта не только в широчайших слоях немецкого народа, но также и за границей, как у друзей, так и врагов»⁹².

При всем этом речь идет не только об оправдании гитлеровской внешней агрессии, но и о фашистской идеологии в целом. В конце 70-х гг. тогдашний заместитель главы морского ведомства бундесвера адмирал флота Хорст Вениг заявил в адрес австрийского канцлера Бруно Крайского, имея в виду его еврейскую национальность и социал-демократические убеждения: «Гитлер должен был бы отравить его газом. Он слишком мало людей отравил газом»⁹³. «Расплатой» за такое откровение явилось перемещение генерала на высокий пост

---

⁹⁰ См. подробнее: Winkler A. Ibidem, S. 108—117.

⁹¹ *Nazional-Zeitung*, 1981, 23. Januar.

⁹² *Deutsche Wochen-Zeitung*, 1981, 9. Januar.

⁹³ См.: Winkler A. Ibidem, S. 117.

в командовании НАТО. А результат всего этого — многочисленные антисемитские эксцессы, провоцируемые младшими офицерами бундесвера, сборища в честь дня рождения Гитлера, всевозможная помощь неонацистским организациям, включая и их снабжение оружием. Известно, что за вторую половину 70-х гг. из запасов бундесвера, вооруженных сил НАТО в ФРГ, а также из частных владений было похищено 20 000 единиц оружия. В судебном порядке установлено, что значительная часть этого оружия попала в арсеналы неонацистских банд. Все это смогло произойти лишь потому, что «неонацизм располагает влиятельными позициями в бундесвере»⁹⁴.

Раскрывая проблему союзников неонацизма в ФРГ, нельзя не коснуться такого политико-психологического фактора, как попустительство фашизму со стороны средств массовой коммуникации. Ведущее место в этом плане занимают печатная продукция, фильмы и грампластинки. В течение только двух лет рубежа 70—80-х гг. в ФРГ вышли в свет 4000 книг*, брошюр и журнальных статей о Гитлере и фашизме. Более ста западногерманских издательств делают на этом немалый бизнес⁹⁵. Среди кинематографической продукции, прославающей нацизм, особое место занимает вышедший в 1977 г. в ФРГ четырехчасовой документальный фильм «Адольф Гитлер — история одной карьеры» по сценарию Й. Феста. Цель фильма — реабилитация и возвеличение Гитлера, как «спасителя Европы», путем грубой фальсификации истории. Тенденциозно подобранные кадры кинохроники того периода, когда Гитлер готовился залить кровью всю Европу, применение современных световых и звуковых эффектов позволили создателям фильма представить фашистского диктатора в блеске киногероя. К сожалению, эта провокация удалась. Толь-

---

⁹⁴ Winkler A. Ibidem, S. 117.

* Назовем лишь некоторые из книг этих лет: «Адольф Гитлер — история одной карьеры» (Фест), о которой еще будет идти речь; «Адольф Гитлер» (Толанд), «Адольф Гитлер — «Моя борьба» — комментированная подборка» (Цейтнер), «Гитлер как полководец» (Ирвинг), «Гитлер — немецкая травма» (Калов), «Трилогия о Гитлере» (Керн), «Адольф Гитлер — размах и несчастье» (Штельбрехт), «Особая документация Адольфа Гитлера» гамбургского издательства «Иахр». Издаются и переиздаются дневники и мемуары Геббельса, Деница, Шпеера, Гесса и многих других нацистских преступников.

⁹⁵ См.: Winkler A. Ibidem, S. 94.

ко в первые две недели демонстрации фильм просмотрели 100 тыс. человек, причем залы были все время переполнены. Он рекомендован в качестве «учебного» бундесверу и общеобразовательной школе. Для посещения фильма многие школьники освобождаются от занятий. Реакционная западногерманская пресса рассматривает эту киноленту как восстановление «исторической правды», покончившей с «примитивной» трактовкой образа фюрера в виде «сумасшедшего» выразителя интересов мелкой буржуазии, современного «Чингисхана» и «марионетки» империализма. Более того, шпрингеровская «Ди вельт» выразила даже неудовольствие некоторыми «обличительными» моментами фильма, которые вызвали у нее «полное разочарование»⁹⁶.

Большим успехом в Западной Германии пользовался фильм «Штайнер — железный крест», поставленный в конце 1976 г. приглашенным в ФРГ американским режиссером С. Пекинпа. Опасность воздействия этого реваншистско-неонацистского фильма на зрителя определяется не только хорошо подобранными актерскими силами (роль Штайнера исполняет звезда американского кинобоевика Джемс Кобурн), технической оснащённостью фильма (на его постановку затрачено 16 млн. марок), но и сравнительно реалистическим изображением войны как «бессмысленного, кровавого и грязного дела». При всем этом пропагандистский «заряд» фильма состоит в том, чтобы убедить зрителя, что война — дело, достойное «настоящего мужчины», и только там могут проявляться его «лучшие качества». Даже будучи убежденным в безрассудности продолжения уже проигранной войны, Штайнер — как «истинный солдат немецкой нации» — готов снова и снова пойти в самое пекло, чтобы успеть убить хотя бы в спину еще «пару русских». В фильме умело проводится реваншистская идеология и вуалируется агрессивная сущность фашизма путем эстетизации и возвеличивания «простого солдата», незадумывающегося о причинах и социальной сущности войны⁹⁷.

В день 40-летия разрушения гитлеровской авиацией испанского города Герники 25 апреля 1977 г. по западно-

---

⁹⁶ Die Welt, 1977, 6. Mai.

⁹⁷ Kobald M. Schmutz und Blut. «Moral» einer verkommenen Welt.— Unsere Zeit, 1977, 10. Februar.

германскому телевидению был показан фильм В. Биттермана и К. Фигге «...Полный успех люфтваффе», главная идея которого состоит в том, чтобы возложить вину за этот акт вандализма на «неблагоприятные» метеорологические условия и оправдать нацистский «Легион Кондор»⁹⁸. Последний якобы получил задание уничтожить небольшой мост через реку и другие военные объекты, однако из-за плохой видимости бомбы «случайно» попали на город. Другими словами, «вина» за разрушение Герники лежит на «неблагоприятных обстоятельствах» при «вполне нормальном тактическом мероприятии» со стороны гитлеровской люфтваффе. Здесь же цинично говорится, что испанцам обошлось это «дешевле», чем утверждается, ибо погибли не тысячи, а только сотни людей. Как непосредственное содержание фильма, так и данная в нем оценка «исторической обстановки», носящая характер антисоветской, антикоммунистической пропаганды, преследуют цель фальсификации истории и завуалированного «оправдания испанских и немецких фашистов».

Эта линия приобретает сегодня еще большую откровенность, когда фирма Эдгара Линнера официально рекламирует «ценные документальные фильмы» о нападении гитлеровской Германии на Польшу, о вторжении в Данию и Норвегию. Под названием «Молодые девушки 1938 г.» эта фирма предлагает киноленту, цель которой — содействовать представлению о том, что при фашизме молодежь, дескать, воспитывалась в духе «пристойности, дисциплины и порядка». Этот фильм, как пишет А. Винклер, «должен укрепить распространенное среди многих граждан ФРГ мнение, будто сегодня мы нуждаемся в Гитлере, при котором не было безработицы, не было наркотиков и кризисов»⁹⁹. Подобная продукция увязывается в целую систему идейно-психологического воздействия на население демонстрацией фильмов нацистского содержания, созданных еще во времена третьего рейха. Среди них на первом плане следует отметить фильм «Триумф воли», постановщик которого Л. Рифеншталь изображает Нюрнбергский съезд НСДАП 1935 г. как событие исторического значения. Фильм демонстрируется открыто без каких-либо

---

⁹⁸ Die Wahrheit, 1977, 27. April.

⁹⁹ Winkler A. Ibidem, S. 92.

препятствий со стороны полиции или юридических институтов.

Изошренность западногерманской реакции в пропаганде нацизма столь велика, что одна кёльнская фирма грампластинок выпустила «Рок-оперу», главными героями которой являются Гитлер, Геббельс и другие нацистские главари. По льготной цене в 10 марок* продается пластинка «Объявление войны Германией Польше. После 5 час. 45 мин. будет ответная стрельба»; выпущена целая коллекция пластинок «третий рейх в документах»; пропагандируется серия из 64 частей «Гитлер говорит»¹⁰⁰. Апологетическая сущность этих пластинок и не скрывается. Так, в комментариях к пластинке «Дьявол, где твоя победа?» цитируются слова заместителя обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе Н. Биркетта о «мужественном поведении обвиняемых», на долю которых выпало разделить «горе и унижение немецкого народа»¹⁰¹. В комментариях к другой пластинке, восхваляющей гитлеровское нападение на Францию, говорится, что арест гитлеровцами 25 000 подозреваемых в шпионаже французских граждан был «в своей основе также и счастьем для Франции», так как «насколько более кровавыми для страны» могли бы стать годы оккупации, если бы в их руки попало оружие¹⁰². Что же касается сущности и причин возникновения французского движения Сопротивления, а также постигшей арестованных участи — об этом умалчивается. Зато бóльшая часть комментариев пропитана злобным антикоммунизмом, что часто идентифицируется и подается в духе старой империалистической лжи о «большевистской опасности». Такого рода пластинки распродаются в миллионах экземпляров, а также широко распространяются через систему проката библиотеками ФРГ.

Разумеется, западногерманская система средств массовой коммуникации не только обеливает нацизм, но и критикует его. Об этом, в частности, свидетельствует демонстрация по телевидению с большой пропагандистской помпой американского фильма «Всесожжение»

---

* Одна западногерманская марка равна 30 коп.

¹⁰⁰ См.: Winkler A. Ibidem, S. 93.

¹⁰¹ Der Tagesspiegel, Westberlin, 1978, 25. Juli.

¹⁰² Ibidem.

(«Holocaust», 1979 г.), направленного против антисемитских преступлений гитлеровского фашизма. Но с помощью того же телевидения западные немцы присутствуют на «чествовании» дня памяти (35-летие смерти) военного преступника Рейнхарда Гейдриха, депортировавшего миллионы людей еврейской национальности; знакомятся с «портретом» Муссолини, смотрят многочисленные еженедельные обзоры и фильмы времен нацизма, изображающие нацистских главарей как порядочных немцев. Такие пропагандистские приемы направлены на создание видимости объективности, псевдо-исторического подхода к действительности. В качестве теоретического оправдания такой политики подсовываются буржуазно-либеральные теориейки о том, что «гитлеровская волна» есть лишь форма проявления заслуживающей приветствия «открытой дискуссии»¹⁰³, а содержащее враждебный смысл название «нацисты» приводит многих «национальных демократов к невыгодным, неверным идентификациям». Другими словами, так называемое давление извне на неонацистские группы «существенно содействует их стабилизации»¹⁰⁴.

Попустительскую позицию в отношении неонацистов занимает и юстиция ФРГ. Факты привлечения к ответственности за неонацистские эксцессы во второй половине 70-х гг. увеличились. Но это говорит лишь о том, что агрессивность неонацистов значительно возросла и юридические органы под давлением общественности вынуждены принимать какие-то меры. Однако спекулятивно-пропагандистский характер этих мер воздействия очевиден. Как явствует из официальных статистических данных, из 750 дел, возбужденных западногерманской юстицией за неонацистские действия и пропаганду нацистских символов в период с 1975 по 1979 гг., осуждением закончились лишь 60 (или 8%). В остальных случаях дело ограничилось небольшими денежными штрафами¹⁰⁵. При этом судебные органы делают все возможное, чтобы скрыть фашистский характер неонацистских акций. С этой целью используются следующие приемы: квалификация фашистских преступлений как

---

¹⁰³ Frankfurter Rundschau, 1979, 26. November.

¹⁰⁴ Цит. по: Reckert W. Jugendbewegung gegen Faschismus und Krieg. Ibidem, S. 36—37.

¹⁰⁵ Winkler A. Ibidem, S. 91.

обычных уголовных дел или даже как «проступки в защиту чести»; осквернение еврейских кладбищ, антифашистских мемориалов и террор против демократических организаций рассматриваются как «безобразные выходки» или «действия хиппи, стилигг»; распространение нацистской литературы, включая «Майн кампф» Гитлера, трактуется как составная часть «преподавания», а сами книги объявляются «документами современной истории»¹⁰⁶.

На основании одного из приговоров Федеральной судебной палаты (Центральный судебный орган ФРГ), в котором «Майн кампф» квалифицируется как «средство преподавания», а распространение этой книги «не нарушает закон», ведомство по проверке опасных для молодежи произведений в Бонне не включило это «сочинение» в списки политически вредных¹⁰⁷. Такая линия ведется в отношении нацистской литературы и нацистских символов в целом, хотя это и противоречит конституции страны. Имеется много случаев, когда во время судебных разбирательств неонацистских эксцессов земельными (низовыми) судами преступники и их адвокаты без всякого противодействия со стороны юстиции восхваляют гитлеровский режим и по-нацистски приветствуют друг друга. Удивляться этому не приходится. Ведь Гитлер, а вместе с ним и Геринг, являются, по неполным данным, «почетными гражданами» почти 200 городов ФРГ и официально занесены в соответствующие документы¹⁰⁸. Не менее возмутительно решение Социального суда ФРГ о денежной компенсации за пребывание в тюрьме нацистским преступникам и установлении им пенсий, причем в значительных размерах, в то время как антифашистским узникам гитлеровских концентрационных лагерей период заключения не учитывается при определении пенсионного обеспечения. Да и факт, что в стране свободно разгуливают 200 тыс. сильно скомпрометированных военных и нацистских преступников, против которых даже не выдвинуты обвинения, говорит сам за себя¹⁰⁹.

Нет необходимости объяснять, что все эти факторы существенно воздействуют на усиление неофашистских

---

¹⁰⁶ Winkler A. Neofaschismus in der BRD. Erscheinungen. Hintergründe. Gefahren. Berlin, 1980, S. 10.

¹⁰⁷ Ibidem, S. 76, 77.

¹⁰⁸ Handelsblatt, 1979, 25. September.

¹⁰⁹ Winkler A. Ibidem, S. 122.

тенденций в ФРГ и в Западном Берлине, особенно замечное со второй половины 70-х гг. При этом речь идет не только о количественном измерении, но и о появлении новых, крайне тревожных признаков.

1. Как справедливо отмечает профессор А. Винклер, жестокость и воинственность западногерманских неофашистских групп и организаций «усилилась в вызывающей беспокойство мере». В конце 60-х гг. неофашизм, представленный в основном НДП, действовал главным образом пропагандистскими средствами и стремился к завоеванию мест в парламенте. С середины 70-х гг. «резко возросло число неофашистских террористических акций и случаев грубого насилия».

2. О новом качестве в развитии неофашизма свидетельствуют усиленные стремления к созданию международной системы неофашистских партий, организаций и группировок. Наряду с другими факторами, это стремление выражается в попытках «преобразования так называемой заграничной организации НСДАП, имеющей свою резиденцию в США, в международный руководящий центр неофашизма».

3. С середины 70-х гг. «отчетливо выступает тесная связь реакционных кругов монополистического капитала ФРГ с фашизмом и неофашизмом». При этом связь с внутренним фашизмом искусно скрывается, а усиление помощи государствам с фашистским режимом правления осуществляется открыто. В конечном счете то и другое дает «новый побудительный стимул неофашистским силам в собственной стране»¹¹⁰.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО НЕОНАЦИЗМА

Приспосабливаясь к новым историческим условиям, фашистская идеология вынуждена несколько видоизменять «фасад» своих теорий, не затрагивая однако их сущности. Ее истоки коренятся в доктрине германского фашизма, что объясняется главным образом давними традициями национализма, расизма и реваншизма, ставшими неотъемлемой частью пропагандистской политической практики экспансионистских групп германского империализма. Проводимые средствами массовой

---

¹¹⁰ Winkler A. Ibidem, S. 76, 77.

информации широковещательные кампании по пропаганде воинственного национализма и реваншизма создают в стране социально-психологический климат, способствующий закреплению в сознании различных категорий и слоев населения фашистской идеологии в целом.

Притягательная сила фашизма для наиболее агрессивных, шовинистических сил западногерманского монополистического капитала заключена, с одной стороны в возможности использования фашистского актива в любой момент в борьбе против организованного пролетариата и социализма. С другой стороны историческая практика подтвердила: фашистская диктатура органически соединяет террористическую расправу со всякой оппозицией финансовой олигархии с невиданной социальной демагогией, призванной представить господство империализма как власть трудящихся масс. Этим и объясняется тот факт, что фашизму отводится постоянное, определяемое конъюнктурными политическими соображениями место в социально-политической жизни современного буржуазного государства. В то же время место неофашизма характеризуется специфическими функциями в системе власти империализма.

Во-первых, неофашистские организации выступают как центры притяжения наиболее воинственных сил антикоммунизма, антисоветизма, национализма и реваншизма.

Во-вторых, они «представляют собой дополнительное средство давления на рабочий класс и классовые организации».

Далее. Их требование «сильного государства» и «сильного человека» звучит как угроза. Оно призвано ослабить демократическое движение и заставить его отказаться от акцента антиимпериалистической борьбы, ибо, мол, в порядке «самообороны» монополистический капитал может прибегнуть к авторитаризму.

Неофашизм, пишет А. Винклер, создает алиби определенным силам монополистического капитала. Взяв на себя открыто наиболее реакционные цели правящего капитала, он создает возможность другим политическим силам монополистической буржуазии «выдавать свою политику за демократическую и миролюбивую». Наряду с этим неофашизм стремится мобилизовать колеблющиеся средние слои, в особенности городскую мелкую буржуазию, ремесленников, торговцев, чиновников, служащих

и националистически настроенные силы интеллигенции, а также отсталые и деморализованные части пролетариата для осуществления агрессивных целей монополий. Другими словами, неофашизм во всех отношениях проявляет себя как часть системы власти, при помощи которой монополистическая буржуазия сдерживает возрастающее сопротивление народных масс¹¹¹. Эти функции и определяют сущность и оттенки современной идеологии неофашизма.

На словах отмежевываясь от обанкротившихся на практике теоретических основ нацистской идеологии, сегодняшние последователи гитлеризма пытаются изобразить фашистское движение как «новую духовную силу», выступающую против буржуазного ингилизма, преподнося идеологию крайне правых как воплощение принципов «чести», «верности», «долга», «патриотизма», «самопожертвования», семейных «добродетелей» и даже «социального равенства». Следовательно, фашизм, в интерпретации его приверженцев, именно та единственная сила, которая в состоянии сплотить нацию в единое целое, а это абсолютно необходимо, как утверждают идеологи фашизма, для спасения страны от гибели, которую ей якобы несут, в первую очередь, коммунисты.

Однако опыт истории, как и вся социально-политическая обстановка в современном мире, объективно не могут способствовать более или менее широкому распространению давно обанкротившихся идей, явно фальсифицированных пропагандистских приемов. Тем более, что рост информированности и грамотности — неразрывно связанные с НТР — повышают критический элемент в системе мышления современного человека. Поэтому все чаще реакция прибегает к демагогии в подаче идеологических материалов по проблемам антикоммунизма, антидемократизма, истории и современности фашизма, спекулируя на научно-технических достижениях и пытаясь воздействовать на иррациональные начала человеческой психики. Как неоднократно отмечалось, неприкрытый антикоммунизм — главное направление идеологии неонацизма. Все, что не нравится неонацистам и их хозяевам, объясняется влиянием коммунистической идеологии и происками «мирового коммунизма». Следуя заветам своих гитлеровских предшественников, они прибегают к такти-

---

¹¹¹ См.: Winkler A. Ibidem, S. 73.

ке подведения всех врагов под одну категорию — «предателей и врагов нации».

Особое значение антикоммунизма как интегрированной платформы всех реакционных сил Западной Германии; определяется, во-первых, крайне агрессивными традициями германского империализма; во-вторых, итогами второй мировой войны, одним из важнейших последствий которой явилось рождение в восточной части страны нового, социалистического государства; в-третьих, мешающей трактовкой, на уровне обыденного сознания, разгрома гитлеровского фашизма как поражения «Германии» в войне; в-четвертых, особо чувствительной реакцией империализма ФРГ (в связи с ограниченными сырьевыми ресурсами этого государства) на национально-освободительное движение, активно поддерживаемое социалистическими странами и коммунистами мира в целом; и, в-пятых, низким уровнем политической активности населения, для которого характерны «менее развитое классовое самосознание» и «менее сильная политизация» рабочих масс по сравнению с пролетариатом таких стран, как Франция и Италия, что отмечал член Президиума правления ГКП Вилли Гернс в статье «К условиям развития классового сознания в ФРГ»¹¹².

Совокупность всех этих причин необходимо соединить с тем обстоятельством, что антикоммунизм и антисоветизм уже в момент основания ФРГ «были возведены в ранг государственной доктрины»¹¹³. Спекулируя на экономических, психологических, политических неурядицах страны, на комплексе ущемленности и растерянности первых послевоенных лет, получивших соответствующее отражение в обыденном сознании «среднего» западного немца, на которого и сегодня наваливается психологический и экономический груз кризисных явлений, ставших заметными не только в социально-экономической и политической областях, но охвативших и сферу «духовного мира», реакционная буржуазия пытается трактовать их причины как следствие «национального позора», запятого страну итогами войны. В руках умелой пропаганды подобные аргументы превращаются в активный

---

¹¹² Gerns W. Zu den Entwicklungsbedingungen von Klassenbewußtsein in der Bundesrepublik.— Unsere Zeit, 1976, 29. Dezember; см. также Marxistische Blätter, 1976, Nr. 6, S. 69.

¹¹³ Winkler A. Neofaschismus in der BRD. Erscheinungen. Hintergründe. Gefahren. Berlin, 1980, S. 126.

рычаг воздействия на психологию мещанства и посредством раздувания воинственного национализма и реакционных тенденций создают социально-психологический климат для проповеди правэкстремистской идеологии в целом.

Настроения пересмотра итогов второй мировой войны вообще очень сильны среди приверженцев неонацистского движения в ФРГ и сочувствующих ему. Благоприятную почву для антикоммунистической националистической пропаганды неонацистов представляет и многомиллионная «армия» беженцев из стран Восточной Европы, осевших в ФРГ после второй мировой войны. Они публикуют периодические издания своих землячеств, проводят съезды и митинги. В их среде неонацисты культивируют посталлгические настроения и поддерживают экстремистские тенденции. Эти настроения и тенденции пошли, например, серьезное понимание у судетских немцев из довоенной Чехословакии, которых неонацисты активно привлекают к участию в террористических акциях. В подобного типа социально-психологическом восприятии итогов поражения гитлеризма и формируется тот сложный внутренний стереотип мышления массовых категорий населения, который выступает одной из серьезных причин, способствующих активизации крайних форм антикоммунизма и негативно воздействующих на «развитие классового самосознания» и политизацию рабочих масс Западной Германии¹¹⁴. Оба эти процесса тесно взаимосвязаны.

Элементы реалистической политики боннского правительства в отношении стран социализма, проявившиеся в первой половине 70-х гг., дали новый стимул для активизации националистической идеологии реакционных кругов ФРГ и, в первую очередь, в ее антисоветском варианте. Один из современных ее интерпретаторов Г.-К. Кальтенбрунер в 1972 г. писал, что «самыми опасными противниками являются, с одной стороны, советский империализм, с другой,— левый утопизм»¹¹⁵. Ему вторит Ф.-И. Штраус. В своей книге «К обстановке» он призывает не усматривать в фашизме единое для всех случаев «всемирно-историческое зло», иначе это делает «невозможным настоящий спор с современными грозящими свободе и презирающими человечество тоталитарными идеология-

¹¹⁴ Gerns W. Ibidem.

¹¹⁵ Kaltenbruner G.-K. Was ist Konservatismus?— Konservativ heute, 1972, Н. 6, S. 313.

ми», из которых наиболее опасным в наши дни «является тоталитарный марксизм»¹¹⁶. Политику мирного сосуществования реакционные круги характеризуют как «красный империализм», стремящийся к «овладению миром». И для этого, мол, СССР экспортирует революцию¹¹⁷. Мирные договоры, которые заключает Советский Союз, квалифицируются как «троянский конь», в чреве которого спрятана «марксистская угроза»¹¹⁸.

Антикоммунистический психоз, возбуждая агрессивность мещанских масс против последовательных борцов за демократию и социальный прогресс, а также против либеральных кругов буржуазии, используется крайне правыми силами для опорочивания и дискредитации теории и практики социализма. На этом фоне возникают и внедряются в массовое сознание всякого рода антикоммунистические стереотипы, замешанные на глупости, злобе и фальсификации истории. Так и рождаются пропагандистские монстры вроде того, что «марксистский социализм» написан «кровью и слезами» и не несет освобождения народу. В соответствии с этой «концепцией» реальный социализм не имеет никакой закономерности и представляет собой якобы полную хаотичность, насыщенную гражданскими войнами, беспорядками и беззаконием. При этом националисты из рядов праворадикалистского движения видят свою миссию в «защите всех немцев» от гражданской войны, непременно сопутствующей марксистскому социализму. На этом базируются их обвинения в адрес правительства ФРГ и органов юстиции в попустительстве коммунистам и обосновываются призывы покончить с «либерализмом» по отношению к «красным преступникам» и «социалистам» во имя «нового порядка»¹¹⁹.

Всех несогласных с подобными требованиями и призывами зачисляют в разряд «агентов коммунизма», «предателей интересов нации». Прогрессивный западногерманский ученый Р. Кюнль в этой связи пишет, что понятия «коммунизм», «марксизм», «социализм» истолковываются реакционной пропагандой «непомерно расширительно для того, чтобы можно было объявить ком-

¹¹⁶ Strauss F.-J. Zur Lage. Stuttgart, 1979, S. 39, 40.

¹¹⁷ Nation-Europa, 1978, Nr. 1, S. 55, 56; Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 28. September.

¹¹⁸ См.: Правда, 1980, 24 апреля.

¹¹⁹ Nation-Europa, 1978, Nr. 3, S. 14, 20.

мунистическим любое требование социального прогресса»¹²⁰. Но, с другой стороны, праворадикалистские интерпретаторы современности пытаются увидеть нечто положительное в марксизме, чтобы, преследуя скандальную цель, подвести под категорию «прогресс, прогрессивное» таких изуверов, как Гитлер и Геббельс. Штраус, например, заявляет, что как Гитлер, так и Геббельс были «в глубине души марксистами»¹²¹ (?!). А генеральный секретарь ХСС Штойбер утверждает, что «национал-социалисты были в первую очередь социалистами», ибо «стремились к коллективистским решениям и осуществляли их»¹²². С помощью антикоммунистического синдрома, замешанного на неонацистской апологии реванша, создается психологический аргумент натравливания мешанских масс западногерманского населения на демократию, прогресс, интеллигенцию и политику разрядки международной напряженности. Этим же идеологическим оружием пользуются правые экстремисты разных оттенков, пытаясь воздействовать на массовую психологию с тем, чтобы вовлечь широкие слои населения в орбиту осуществления своих политических замыслов.

Исторически коммунистическое и рабочее движение является «злейшим врагом» фашистов, «распространителем революции» в мире. И потому неонацисты видят лишь единственный путь борьбы с ним — физически уничтожить всех демократов и их авангард — коммунистов. «Сердце и мозг» социалистической революции, убеждает неонацистская пропаганда, находится в Москве, и туда поэтому надо направить главный удар «свободных сил западного мира». Уничтожение международного коммунистического и рабочего движения откроет простор многостороннему развитию как отдельных наций, так и «мирового национального прогресса», во главе которого выступит «национальный фронт» праворадикалистских сил. Контуры этого формирования якобы уже определены на международных встречах неофашистских организаций¹²³.

Форпостом на пути распространения мирового коммунизма и его влияния в капиталистическом мире должна

---

¹²⁰ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1972, Nr. 5, S. 539.

¹²¹ Handelsblatt, 1979, 25. September.

¹²² Frankfurter Rundschau, 1979, 28. September.

¹²³ См.: Volksstimme, 1974, 30. September, S. 2.

стать «Германия, избавившаяся от страха и иностранного господства, свободная Германия — защита немцев и гарантия мира»¹²⁴. «Немедленный запрет всех коммунистических организаций. Наказание за восхваление марксистской идеологии. Жестокость в обращении с коммунистическими преступниками» — так интерпретируется данная установка в программе военизированной неонацистской организации «Молодые национал-демократы»¹²⁵. Некоторые неонацистские лидеры непосредственно подстрекают к убийствам демократически настроенных людей. Фюрер неонацистского «национального немецкого освободительного движения» Р. Табберт принес подросткам организации «Молодежь Викинг» изуверский призыв: «Пусть блещут походные ножи и пусть истекают кровью социал-демократические свиньи! — Кровь должна литься толщиной с дубинку — мы стреляем по свободе ФРГ»¹²⁶. В другой «революционной» песне неонацистских бардов говорится: «Политики высказываются прямо по воскресеньям и праздникам. — Мы же говорим только через прорезь прицела и дробью с красной бюрократической сволочью... Мы стреляем в мирную жизнь и испытываем ее силой...»¹²⁷.

Фашизм всегда был связан с антикоммунизмом. В 30-е гг. гитлеровцы постарались прежде всего физически уничтожить или загнать в тюрьмы и концлагеря немецких коммунистов — своих главных противников. Потом очередь дошла до социал-демократов, профсоюзов. Этим же путем следуют и современные неонацисты в ФРГ. Враждебные акции проводятся в первую очередь против Германской коммунистической партии.

В своей внешнеполитической антикоммунистической программе неонацисты смыкаются со всеми, для кого коммунисты и международное коммунистическое и рабочее движение выступают главным препятствием осуществления их реваншистских, шовинистических, антидемократических амбиций, человеконенавистнических планов развязывания термоядерной войны. В попытках сорвать налаживание добрососедских отношений с социалисти-

---

¹²⁴ Thadden A. von. Die tatsächliche Lage der Nation. Hannover, 1970, S. 21.

¹²⁵ См.: Nation-Europa, 1977, Н. 4, S. 17, 18, 19.

¹²⁶ Vorwärts, 1978, 1. März.

¹²⁷ Цит. по: Winkler A. Ibidem, S. 135.

ческими странами, разрушить атмосферу Хельсинки неонацисты действуют рука об руку со всевозможными реакционными группировками, политическими отщепенцами и гегемонистами на основе антикоммунизма. И это не парадокс. Политический экстремизм, берущий на вооружение методы террора и насилия, неизбежно вырождается в авантюризм и становится преступным независимо от того, на какой основе он зародился.

Устойчивости синдрома антикоммунизма способствуют причины, уходящие в политическую практику германского пруссачества, позиции крайнего национализма, ставшего своего рода идеологическими «дрожжами» великодержавного шовинизма, расизма и реваншизма сегодняшних последователей Шпенглера, Ницше, ван ден Брука и Гитлера. Важным фактором, способствующим распространению национализма в Западной Германии, является дальнейший процесс концентрации капитала, оборотной стороной которого выступает разорение мелкого и среднего собственника. Активная пропаганда идеи «общности интересов» нации, хранителем которой идеологи национализма часто провозглашают средние слои, предстает в сознании их представителей одним из средств борьбы за сохранение существующей социальной структуры общества. Здесь есть серьезный момент для демагогии, поскольку одна из особенностей современного этапа общего кризиса капитализма состоит в том, что интересы монополистического капитала противоречат интересам нации в целом, включая и среднюю, и мелкую буржуазию.

Страх мещанина перед последствиями научно-технического прогресса умело используют разные группы реакции, в том числе и правозэкстремистские, для борьбы с прогрессом, демократией, социализмом. Так, неонацист Адольф фон Тадден в брошюре «Подлинное положение нации» страшил обывателя наступлением такого времени, когда «человек станет в высшей степени несвободным». «Это произойдет, — продолжал Тадден, — не обязательно путем распространения большевизма или левого либерализма, а в результате низведения человека до простого средства «прогрессивных» технических процессов...»¹²⁸. Намеренно искажая и фальсифицируя принципы

---

¹²⁸ Th a d d e n A. von. Die tatsächliche Lage der Nation. Hannover, 1970, S. 12—13.

теории научного социализма, Тадден приписывает все самое отрицательное, нивелирующее индивида в ходе и в результате научно-технической революции, будущему коммунистическому обществу как альтернативе общества капиталистического. Последнее же в перспективе должно предстать в виде сообщества свободных «национальных образований», предоставляющих человеку «подлинно демократические права»¹²⁹.

Монополизация производства и стандартизация общественной и личной жизни в условиях империализма усиливают в массовом сознании националистические умонастроения, которые, в свою очередь, углубляют состояние духовной инертности аполитичной части мещанской массы, ведут к апатии, притуплению чувства социальной ответственности. Освобождая человека от необходимости думать и насаждая стандартные образцы поведения, которым нужно лишь слепо следовать, националистическая идеология, неразрывно связанная с метафизической верой в «судьбу нации», снимает вопрос о личной ответственности гражданина и человека. Взамен морального разложения капиталистического мира, культа вещизма, эгоцентризма, эротизма национализм вместе с неонацизмом прокламирует добропорядочность, прочность семьи, национальную общность и расовое единство. В Западной Германии идет открытая гальванизация идей «Великой Германии», «образцового порядка», «сильной личности» и т. п.¹³⁰

Рост националистических настроений в ФРГ невозможно представить без соответствующего идейно-психологического климата, который реакция последовательно и безуспешно формирует все послевоенные годы. Усиливающаяся активизация этого процесса неразрывно связана с реставрацией монополистического капитала Западной Германии, с ростом ее экономической и военной мощи, с завоеванием политического престижа в капиталистической системе, с забвением поучительных уроков фашистского милитаризма, с возмужанием большого числа граждан страны, не испытавших на себе ужасов войны. Формирование данного идейно-психологического климата идет по следующим основным направлениям.

---

¹²⁹ Ibidem.

¹³⁰ См.: Weißbecker M. Entteufelung der braunen Barbarei. Berlin, 1975.

Заметное место среди них занимает стремление придать респектабельность национализму за счет исторических традиций. Поскольку экспансионистские тенденции прусско-германского империализма с давних пор тесно связаны с идеями национализма, расизма и реваншизма, то это позволяет современным реакционным идеологам ФРГ, ссылаясь на предфашистский период, отделять эти «идеи», возведенные в ранг государственной политики в третьем рейхе, от нацизма и тем искусственно создавать им определенную респектабельность. К тому же эти традиции, закрепленные в сознании нескольких поколений бюргеров, стали неотъемлемыми элементами их обыденного сознания. В соответствии с такой линией реакция национализма и расизма в поисках теоретических аргументов постоянно апеллирует к идеологам предфашистского периода: Гобино, Чемберлену, ван ден Бруку, Шпенглеру, Юнгеру и им подобным.

В то же время не обойдены вниманием спекуляции на «успехах» гитлеровской Германии. Реализация, хотя и временная, в недалеком прошлом некоторых националистических лозунгов (например, удовлетворение престижных притязаний на «величие» Германии) усиливает развращающее влияние националистической и реваншистской идеологии, списывая «неудачи» вытекающей из нее политики на счет внутреннего и внешнего «предательства». Так, «Дойче вохен-цайтунг» восторженно пишет о третьем рейхе: «Это период самого большого расцвета творческих сил немецкого народа, это синтез всего значительного и успешного в германской истории»¹³¹. А каждого, кто «распространяет ложь о Гитлере и третьем рейхе», обзывает «свиньей», которую «нужно отправить в трудовой лагерь или в психиатрическую клинику»¹³².

К этим спекуляциям непосредственно примыкает фальсификация истории «третьего рейха». Запрограммированное ее толкование занимает существенное место среди идейно-психологических основ активизации идеологии национализма. Речь идет о манипулировании антинаучным и антипрогрессивным осознанием истории, с помощью которого неонацисты стремятся противодействовать познанию истины, разоблачению античеловеческой сущности фашизма и в конечном счете содействовать

---

¹³¹ Deutsche Wochen-Zeitung, 1978, 3. November.

¹³² Vorwärts, 1978, 26. Januar.

активизации всех сил современной реакции. Одной из работ, наиболее фундаментально выполняющих эту функцию, является книга профессора Г. Дивальда «История немцев». «Я хочу открыть новую дверь в историю, — пишет Дивальд, — чтобы снять с немцев платье вечно кающихся грешников». И в этой истории нет ни массовых расстрелов военнопленных, ни концлагерей, ни геноцида. Освенцим всего-навсего — производственное предприятие, «вопрос об убийствах евреев не выяснен», уничтожение славянских народов «не доказано». А раз так, то и нет вины немцев! Более того, для Дивальда немцы — жертвы войны... «Миллионы немцев в мороз и ледяной ветер воевали и умирали», в то время как державы антигитлеровской коалиции «под сияющим безоблачным небом Ялты» делили Германию за завтраком с черной икрой и прочими деликатесами, кощунствует профессор, растрawляя жалость немцев к самим себе¹³³.

По ряду позиций взгляды претендующего на респектабельность профессора недалеко ушли от нелегальных неонацистских изданий, открыто объявивших себя продолжателями идеологии и политики гитлеровских газет. «Лагеря уничтожения, если следовать версии этих грязных борзописцев, — пишет в своей статье «Антисемитизм и расизм в Федеративной Республике Германии» западногерманский коммунист Руди Шнайдер, — были в большей или меньшей мере санаториями»¹³⁴. В ежемесячнике «Штурм» (1977, № 3) гитлеровские концентрационные лагеря объявляются «еврейской и отчасти русской и коммунистической пропагандой ужасов».

Многие усилия западногерманской реакции направлены и на то, чтобы извратить сегодняшнюю политику СССР, оклеветать его действия по отношению к фашистскому режиму Германии, а заодно обвинить и буржуазные страны, участвовавшие в антигитлеровской коалиции. «Дойче национал-цайтунг» в феврале 1980 г. опубликовала несколько писем своих «читателей», в которых ясно выражена эта линия¹³⁵. Этой газете вторит «Дойче вохен-цайтунг». Перечисляя наиболее выдающихся лич-

¹³³ См.: Ломейко В. История и немцы. — Литературная газета, 1979, 7 февраля.

¹³⁴ Oppenheimer M., Stuckmann H., Schneider R. Als die Synagogen brannten. Zur Funktion des Antisemitismus gestern und heute. Frankfurt a. M., 1978, S. 90.

¹³⁵ Deutsche National-Zeitung, 1980, 1. Februar.

ностей XX в., этот орган ставит в один ряд с ними А. Гитлера и заявляет, что, дескать, Сталин с помощью Рузвельта и Черчилля стал победителем и «попытался превратить весь мир в огромный концентрационный лагерь»¹³⁶. Разжигая различными способами националистические чувства, реакция именует всю демократическую культуру, выступающую против милитаризма и агрессии, «антинемецкой индустрией лжи, направленной на то, чтобы обесчестить немецкого солдата — самого храброго и самого благоразумного солдата в мире»¹³⁷.

В не меньшей мере националистические чувства западногерманских немцев разжигаются путем демагогической интерпретации современной миролюбивой политики Советского Союза и других стран социализма. Адольф фон Тадден в «Дойче вохен-цайтунг» пишет: «Перед лицом серьезной военной угрозы с Востока Федеративная Республика на жизнь и на смерть принадлежит НАТО.., что означает в действительности ее тотальную зависимость от ядерной стратегии»¹³⁸. Рольф Паульс в статье «НАТО после Афганистана» устрашает западногерманских обывателей «быстро растущей военной силой Советского Союза» и призывает Запад к активным действиям¹³⁹. В этом же ключе реакция вела кампании против либерально-демократического правительства ФРГ, которое якобы кланяется Востоку и идет «на поводу» финского нейтралитета. Бонн обвинялся в «самофинляндизации» («Selbst-Finlandisierung») ¹⁴⁰. Причиной всех «несчастий» западной внешней политики, включая и операцию американских командос по освобождению дипломатов-заложников в Иране, правые экстремисты ФРГ видят в «расколе Германии и в нейтрализации Австрии»¹⁴¹.

Как фальсификация истории третьего рейха», так и националистические измышления о политике стран социализма усиливают тот идейно-психологический климат в ФРГ, на основе которого активизируются неонацистские, милитаристские и прочие крайние реакционные проявления. Все известные формы фашизма представля-

¹³⁶ Deutsche Wochen-Zeitung, 1979, 14. Dezember.

¹³⁷ Deutsche National-Zeitung, 1980, 28. März.

¹³⁸ Deutsche Wochen-Zeitung, 1980, 28. März.

¹³⁹ Europäische Wehrkunde, 1980, April, S. 173.

¹⁴⁰ Deutsche Wochen-Zeitung, 1980, 11. April; Ibidem, 1980, 2. Mai.

¹⁴¹ Ibidem.

ют собой сочетание фашистских политических и милитаристских элементов, отмечает А. Галкин. Даже различия между этими формами обычно определяются степенью преобладания в них либо одних, либо других. В случае, если в союзе задают тон милитаристы, возникают военно-фашистские режимы. Если же определяющую роль играют политические фашистские силы, режимы носят «классический» фашистский характер. Объединяет обе силы единство политических целей, предусматривающих создание агрессивного диктаторского государства с террористическим режимом, направленным против организованного рабочего класса, демократических и социалистических сил¹⁴². В центре этой политики стоит пропагандистская «картина вражды», которая используется для ускорения милитаризации политико-духовной жизни ФРГ в интересах агрессивных внешних и внутренних устремлений монополистического капитала.

Для современных реваншистских планов западногерманских неонацистов и милитаристов характерно стремление взорвать послевоенные границы ФРГ. Но если «умеренные» консерваторы, не воспринимающие открыто фашизм, требуют «восстановления» Германии в границах 1937 г., то неонацисты руководствуются принципом «все или ничего». Для начала те и другие стремятся к аннексии ГДР и делают все возможное для дискредитации заключенных в 70-х гг. договоров ФРГ со странами социализма. Еще в период утверждения бундестагом мирного договора между СССР и ФРГ Штраус говорил: «Сотрудничество с Москвой не означает, что мы обязались Москве проводить тезис о неизменности раздела Германии или его изменения только в смысле общего коммунистического решения проблемы»¹⁴³. Как здесь не вспомнить бывшего генерала Мантейфеля, который уже после войны заявлял: «Новая Европа должна стать единой и, следовательно, после того, как она справится с коммунизмом и в зависимости от того, как она с ним справится, должна включать также и Россию как равноправную составную часть. В противном случае Россия будет только предметом аннексии, и ее внутренние и внешние позиции будут окончательно потеряны»¹⁴⁴.

---

¹⁴² Галкин А. А. Социология неофашизма, с. 51.

¹⁴³ Deutschland-Magazin, 1972, Н. 5, S. 24.

¹⁴⁴ См.: Итоги второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957, с. 35.

Позицию реально мыслящих политиков и демократических элементов, выступающих с одобрением восточных договоров, экстремистско-консервативные круги ФРГ объявляют «политикой отказа от национального единства», а лиц, одобряющих такую политику, они шельмуют как «лишенных достоинства носителей ломки национального права»¹⁴⁵.

Западногерманской реакции в лице лидеров ХДС/ХСС удалось протащить правительственное решение, направленное на ослабление политико-юридической значимости договоров со странами социализма и в первую очередь с ГДР. Речь идет о решении бундестага от 12 мая 1972 г. и о решении Федерального конституционного суда от 31 июля 1973 г., принятых в результате давления ХДС/ХСС, в соответствии с которыми данные договоры интерпретируются как «не создающие правовых основ» и являющиеся лишь элементами *modus vivendi* *. При этом «заповедь воссоединения» (претензия на включение ГДР в ФРГ) продолжает существовать, а Западный Берлин есть земля ФРГ, и только правительство ФРГ имеет-де «моральное право представительства для всех немцев»¹⁴⁶.

ХДС/ХСС, находясь в оппозиции, постоянно оказывали давление на федеральное правительство, добиваясь того, чтобы «оставить открытым германский вопрос» во время будущих международных переговоров. Они развивали все новую активность, направленную против духа и буквы восточных договоров. Крайне правые круги ХДС/ХСС, занимающие ведущие позиции в этих партиях, формально не отрицая договоров, стремятся лишь к тому, чтобы, как они говорят, «использовать договоры в смысле наших (ХДС/ХСС.— М. Ф., А. Р.) внешнеполитических целевых установок»¹⁴⁷. В «Мангеймском воззвании» ХДС говорится: «До тех пор, пока немецкий народ не решил вопрос о своем единстве путем свободного самоопределения, ФРГ вместе с Западным Берлином является в качестве свободной части Германии доверенным носителем свободной конституции также и для людей в несвободной

---

¹⁴⁵ Deutschland-Magazin, 1969, Н. 3, S. 16.

* Образ жизни, условия, делающие возможным временные мирные отношения между двумя сторонами.

¹⁴⁶ См.: Adamo H. Die CDU/CSU Wesen und Politik. Frankfurt a. M., 1976, S. 197, 198.

¹⁴⁷ Zwischen Ideologie und Pragmatismus. Bonn, 1973, S. 112.

Германии. Поэтому германский вопрос должен оставаться открытым юридически и политически»¹⁴⁸.

Те же притязания к ГДР изложены и в основополагающей программе ХСС. В систематизированном виде все эти посягательства были представлены на организованном ХДС/ХСС совместно с лидерами реваншистских союзов и землячеств «Конгрессе по германской политике» (Ингольштадт, 28—29 ноября 1975 г.). Они преподносятся как политика в отношении Германии для всех немцев: «Германский вопрос считать открытым»; «право немцев на самоопределение является неприкосновенным»; сознание «единства нации» необходимо сохранить живым и представлять его в международном плане; обеспечить жизнеспособность «свободной части Берлина»; выступать за «свободу всех немецких людей и обеспечить имущественные права всех немцев», представления коалиции (ХДС/ХСС) о политике в отношении Германии, как соответствующие основному закону и решению конституционного суда, должны стать внутри (ФРГ) и вне ее общеобязательным, особенно в сфере школьного образования и в системе массовых коммуникаций. В заключительной речи на конгрессе председатель внешнеполитической группы фракции ХДС/ХСС в бундестаге подчеркнул, что высшая цель коалиционных партий состоит в том, чтобы «построить Европу» по основным законам капиталистической общественной системы, «Европу, которая не кончается на демаркационной линии»¹⁴⁹.

Как подчеркивал Генеральный секретарь ГКП Герберт Мис, эти провокационные требования, означающие стремление националистической реакции присвоить себе право вмешиваться во внутренние дела суверенного социалистического государства ГДР, лишь подтверждают, что «крайне правые силы западногерманского империализма ничему не желают учиться на основе уроков своих поражений, не желают корректировать свою нереалистическую политику. Они предпринимают все, чтобы вернуть нашу страну в окопы «холодной войны», и многие представители правительственной коалиции (речь идет о либерально-демократическом правительстве — М. Ф., А. Р.), а также и из рядов ХДС/ХСС... все более

¹⁴⁸ Цит. по: А d a m o H. Die CDU/CSU Wesen und Politik, S. 205.

¹⁴⁹ См.: Ibidem, S. 214.

открыто отступают под их давлением»¹⁵⁰. Притязания ХДС/ХСС на то, чтобы ФРГ была «доверенным носителем» по отношению к ГДР, продолжал Герберт Мис, однозначно направлены как против Хельсинского соглашения, так и против Берлинского договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, определяющего взаимные обязательства уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Во всяком случае, говорит Г. Мис, после заключения договора с ГДР все речи об «открытом германском вопросе» о мнимом «единстве нации» лишены всякого реального содержания¹⁵¹.

Наличие суверенного социалистического немецкого государства — ГДР вызывает особую ненависть у националистических кругов ФРГ. Основная тому причина — реакционные классовые интересы монополистического капитала. Крупный капитал не хочет примириться с тем, что часть его прежней сферы господства навсегда утрачена и трудящиеся сами пользуются плодами своего труда. Более того, заправила монополистического капитала опасаются, что «пример социальной обеспеченности и постоянного общественного прогресса, который дает ГДР, сделает социализм целью и для рабочих ФРГ»¹⁵². Так, национализм, выступающий под видом защиты и сплочения нации, используется в качестве идейно-теоретического и духовно-психологического «обоснования» реваншизма — широко распространенной формы империалистической агрессии против других наций. Что же касается неонацистов, то их реваншизм выражается в концепции перманентной войны за мировое господство, хотя и проявляется большей частью в несколько общей форме.

«Борьба за Германию не закончилась 35 лет тому назад капитуляцией. Она лишь вступила в новую стадию», — заявляет «Дойче национал-цайтунг» в редакционной статье¹⁵³. Подобными заявлениями западногерманские реваншисты стремятся приучить своих граждан к мысли о том, что поражение в прошедшей войне служит своего рода залогом победы в будущей. В самом факте

---

¹⁵⁰ Mies H. Bericht an den Bonner Parteitag, 19.—21. März, 1976, S. 14.

¹⁵¹ Ibidem, S. 15.

¹⁵² Adamo H. Die CDU/CSU Wesen und Politik, S. 207.

¹⁵³ Deutsche National-Zeitung, 1980, 28. März.

поражения идеологическая реакция выискивает причины и стимулы для подготовки к грядущему реваншу. Его объекты определены четко: это — Советский Союз и другие социалистические страны¹⁵⁴.

Никто не отрицает, что во время войны на немецкий народ обрушились тяжелые военные испытания, связанные с бомбардировкой городов Германии, военными действиями на ее территории, вынужденным перемещением ее населения из одних районов в другие. Но кто виноват во всем этом? Кто на кого напал: Советский Союз на Германию или фашистская Германия на Советский Союз? Ответ на этот вопрос тщательно обходят и авторы реваншистской поделки — фильма «Бегство и изгнание» (1981 г.). Зато она провоцирует те эмоции и страсти, которые нужны крайне правым силам ФРГ. Об этом убедительно свидетельствует оценка психологического влияния фильма на телезрителей, которую дает один из авторов «Дойче национал-цайтунг» Г. Нойбауэр:

«Этот фильм напоминает нам о необходимости усиления антикоммунистической бдительности, поскольку-де «коммунизм живет, убивает и производит наследников»¹⁵⁵.

Особенно опасный и злокачественный характер современного западногерманского реваншизма обусловлен именно тем обстоятельством, что он тесно переплетается с антикоммунизмом, имеет антикоммуниз в качестве одного из своих идейных источников и в определенном смысле сливается с антикоммунизмом. В этом проявляется одна из главных особенностей как современного западногерманского неонацизма, так и реваншизма в целом.

Неонацистская идея восстановления «великогерманского рейха» подкрепляется «моральными» сентенциями о «нападении» на Германию поляков и русских, начавших якобы вторую мировую войну. В одном из номеров «Дойче национал-цайтунг» утверждается, что война началась с массовых убийств немцев поляками¹⁵⁶. В другом номере распространяется заведомая ложь о том, что «миллионы немцев были убиты Красной армией»¹⁵⁷. Что же касается гитлеровской Германии, то ее фюрер «отли-

---

¹⁵⁴ Dokumente. 14. Bundesparteitag der NPD. Goburg, 1980, S. 3, 4, 5.

¹⁵⁵ Deutsche National-Zeitung, 1981, 30. Januar.

¹⁵⁶ Ibidem, 1979, 21. September.

¹⁵⁷ Ibidem, 1979, 14. September.

чался чеканным миролюбием»¹⁵⁸ и «ни один человек в Германии не хотел мировой войны»¹⁵⁹. Во всем, мол, виновата «агрессивность» соседей и, в первую очередь, СССР, так как «советский коммунизм стремится теперь, как и прежде, всеми силами к мировому господству»¹⁶⁰. Между прочим, в таком же духе ложную интерпретацию советской позиции в англо-аргентинском конфликте (1982 г.) давали и некоторые члены правительства ФРГ¹⁶¹. Подобные фальсификации не только усиливают агрессивность мещанской части населения ФРГ против стран социализма, но и используются для идеологического обоснования «необходимости» гонки вооружений как Западной Германии, так и блока НАТО.

Антикоммунистическая направленность реваншизма и национализма ФРГ отчеканила и внутривнутриполитическую «картину вражды» западногерманского неонацизма, ориентированную прежде всего против демократии. Авторитаризм, элитаризм, отрицание демократии не являются специфическими чертами фашистской или неонацистской идеологии. Эти компоненты скорее присущи консервативному течению. Но поскольку неонацизм выражает реакционные цели монополистической буржуазии в особо обостренной форме, то и консервативная идеология выступает в нем в своей завершенной форме. В этой связи А. Винклер пишет, что неонацистская идеология, направленная на сохранение и усиление власти монополий внутри ФРГ, находит многочисленные точки соприкосновения с теоретическими высказываниями из консервативного лагеря. Призывы к усилению государственного авторитета, к созданию сильного государства и власти сильного человека, относящиеся к основной и отправной точке внутривнутриполитической концепции неонацизма, уже давно используются и другими идеологами; во вражде против политической организации рабочего класса, против коммунистов и профсоюзов происходит сближение взглядов неонацистских и консервативных идеологов. Постоянно прокламируемый неонацизмом принцип «вождизма», отказывающий народным массам во всякой способности к самоопределению, ведет свое происхождение

---

¹⁵⁸ Deutsche National-Zeitung, 1979, 28. September.

¹⁵⁹ Ibidem, 1979, 7. September.

¹⁶⁰ Ibidem, 1979, 11. Mai

¹⁶¹ См.: Правда, 1982, 24 мая.

ние из элитарных концепций консервативных идеологов¹⁶².

Критикуя политическую систему ФРГ, национал-демократы призывают к сильному государству «социальной справедливости», которое не должно иметь ничего общего ни с демократией, ни с либерализмом, ибо «демократизм», по их утверждению, заканчивается в конце концов «коллективным социализмом». В официальных документах партии главный упор делается на то, чтобы искусственно разжигать и поддерживать недовольство мелкобуржуазных масс различными сторонами общественной жизни в условиях господства монополистического капитала и использовать это недовольство для выдвижения и обоснования неонацистской модели государственности, в которой якобы будут устранены причины, вызывающие настроенные протеста против ныне существующих порядков в стране. Рабочие организации и профсоюзы трактуются идеологами НДП как «враждебные государственным порядкам силы», против которых необходимо применять «репрессивные меры», ибо в них «заключена коммунистическая опасность». Следовательно, они угрожают существованию ФРГ, будучи «разносчиком коммунизма».

В свое время подобного рода идеологическая обработка и, что самое главное, реакционная практика «сильной власти» империалистического государства породили социально-психологическую атмосферу нацистской Германии. Апология авторитарных форм правления, идеология «тотального государства», хотя и в несколько завуалированном виде, характерны и для политических концепций НДП. То же обожествление империалистического государства, тот же культ всемогущего национального государства. Например, Анрих утверждает, что «государство — это изначальная форма жизни», оно — выше, чем человек. С точки зрения идеологов неонацизма преимущества государства обусловлены вечностью его форм и тем обстоятельством, что оно воплощает «дух Нации». Из этого следует, что любая государственная форма должна быть оправдана постольку, поскольку в ней находит выражение «немецко-германское понимание государства». И далее — любая диктатура хороша, если во главе ее бу-

---

¹⁶² Winkler A. Neofaschismus in der BRD. Erscheinungen. Hintergründe. Gefahren. Berlin, 1980, S. 127.

дет стоять соответствующая личность диктатора, которая бы воплотила «немецкий народный дух». Под этой эмблемой идет сегодня широкомасштабная, многоплановая «гитлеровская волна» как в ФРГ, так и в других западных странах. «Гитлер не хотел никакой войны... Он победил безработицу и дал немцам возможность забыть унижение Версальского договора», — писала, например, «Дойче национал-цайтунг», заявляя также, что пора, наконец, дать «объективную оценку» его личности, не забывая о его «положительных качествах»¹⁶³.

Немалый «вклад» в нагнетание «синдрома Гитлера» вносит выходящий в ФРГ с 1976 г. журнал с провокационным названием «Третья мировая война». Вовсю разрабатывают «гитлеровскую» тему крайне правые еженедельники «Мут» и «Национ Ойропа», газета «Дойче вохен-цайтунг» и многие другие «коричневые» издания.

Концентрированным выражением «позитивной» трактовки Гитлера — фашизма в современной буржуазной (не специфически неонацистской) идеологии — можно назвать книгу издателя крупнейшей буржуазной газеты ФРГ «Франкфуртер альгемайне» Йоахима Феста «Гитлер». В ней Й. Фест изображает нацизм как необходимую ступень прошлого, пройдя которую, Запад поднялся до нынешнего «свободного» и «демократического» состояния. «Стабильность в Федеративной Республике, — делает автор свой ошеломляющий вывод, — была бы немыслима без Гитлера»¹⁶⁴. Фесту принадлежат слова: «Гитлер олицетворяет Германию и эпоху. Он считал себя спасителем мира, а не разрушителем. Гитлер возвратил немцам то, чего они страстно желали: авторитет, порядок, ясные цели, самосознание»¹⁶⁵. Книга Феста, как и его фильм, о котором говорилось выше, служат обелению Гитлера. Они являются кульминационным пунктом гитлеровской волны и судя по всему имеют назначение вновь изобразить фашизм как respectable форму господства и исправить лишь пару «ошибок» вроде преследования евреев. Поправленный таким манером образ Гитлера служит для империалистической пропаганды моделью преодоления кризисов в будущем, одной из политических возможностей выхода из них. У Феста Гитлер произносит следующую фразу: «В Германии происходит

¹⁶³ Deutsche National-Zeitung, 1979, 19. Dezember.

¹⁶⁴ Цит. по: Weißbecker M. Ibidem, S. 74.

¹⁶⁵ Ibidem, S. 73.

революция». Таким образом он интерпретировал фашистский режим, который якобы устранил классовые противоречия в стране и создал социальное равенство.

«Если бы приход фашистов к власти был революцией,— отмечает в этой связи Курт Бахман, член Президиума ГКП,— то тогда он должен был бы разгромить прежде всего господство власть имущих, то есть власть финансового капитала. Гитлер и его режим — явная контрреволюция как внутри страны, так и контрреволюция, направленная вовне ее. Ведь, нападая на Советский Союз, они ставили цель ликвидировать завоевания Октябрьской революции в первом государстве рабочих и крестьян»¹⁶⁶. Взлет политической карьеры Гитлера буржуазная историография пытается объяснить только особенностями его личности. Построенная на этом цепь разглагольствований, извращений и дезинформации доходит до утверждения, будто «притягательная сила Гитлера как оратора сама перетянула миллионы избирателей на сторону НСДАП», до тезиса, по которому это свойство фюрера вызвало назначение его рейхсканцлером. Таким образом, «вопрос о причинах возникновения и победы фашизма переадресовывается психологам»¹⁶⁷.

Марксистская общественная наука отмечает, что личности, свойства их характера или особенности безусловно могут придать историческому событию индивидуальный отпечаток. Однако они не могут изменить общее направление событий, которое определяется другими силами. Гитлер, например, не мог сделать ни шагу за рамки данной государственно-монополистической системы, внутри которой ему отводилась определенно детерминирующая роль. И он этого не делал. Его ненависть к рабочему движению происходит из сущности империализма, враждебной всему демократическому. Его стремление к войне и завоеваниям коренилось в агрессивной природе империализма. Совокупность анахронической внутренней и внешней политики, идеологии и захватнических военных воцелений Гитлера была авантюристичной, соответствовала общественному строю, который исторически обречен на гибель и пользуется в ненависти к социализму любыми средствами, не останавливается перед

¹⁶⁶ Свидетельствует Курт Бахман.— Новый мир, 1980, № 11, с. 200.

¹⁶⁷ Там же, с. 190.

любимым преступлением. «Гитлер не обладал способностью предвидеть исторически неизбежное поражение, — отмечает К. Бахман. — Он продолжал политику германского империализма в направлении установления «нового порядка в Европе» и мирового господства вплоть до полной капитуляции. Гитлер и его политика провалились, потому что в наш век у контрреволюции нет долговременных шансов»¹⁶⁸.

Идеологи капитализма, ставя вопрос о личности Адольфа Гитлера, ищут такой ответ, который по меньшей мере не противоречил бы интересам буржуазии, а еще лучше — содействовал бы им. Главная задача буржуазных исследователей фашизма, следовательно, состоит в том, чтобы замаскировать причинные связи между Гитлером и буржуазией, между фашизмом и империализмом. И подобные интерпретации запрограммированы на сегодняшний день. Сильная личность при ныншней еще большей массовой безработице должна быть еще раз рекомендована как подходящий рецепт. Этот вид изображения Гитлера служит подготовке реакционного выхода из кризиса, что в принципе не исключает новую фашистскую диктатуру¹⁶⁹.

Авторитаристско-тоталитарные тенденции неонацизма выражаются и в открытом оправдании фашистской узурпации власти в прошлом как в Германии, так и в Италии. При этом фашизм определяется как система правления, которая с помощью «нового порядка, авторитета и дисциплины» может устранять «экономическую и социальную нищету» и дать «равную» долю «решающего голоса» работодателям и рабочим. Такого рода пропагандистская обработка массового сознания дает результаты, пугающие своей аналогией. Один из опросов общественного мнения в ФРГ в начале 1980 г. показал: 20% населения считают, что для решения сложных экономических, политических и социальных проблем, стоящих перед страной, немцам необходима «сильная личность», а 26% говорит при этом, будто «национал-социализм Гитлера был хорошей идеей, но плохо осуществленной»¹⁷⁰. Следовательно, возврат возможен, он желаем!

---

¹⁶⁸ Свидетельствует Курт Бахман, с. 214.

¹⁶⁹ Там же, с. 217.

¹⁷⁰ Литературная газета, 1980, 26 марта.

В целом социальный смысл кампании реабилитации фашизма и Гитлера заключается в том, чтобы внушить обывателю на Западе мысль, что нацизм, дескать, был уж не так плох и имел не только минусы, но и свои плюсы, попытаться оправдать «канонический» фашизм в моральном и политическом аспектах и тем самым примирить массы с политикой и идеологией неонацизма. Искусственно раздуваемый интерес к Гитлеру, попытки реабилитировать фашистский режим объясняются сегодняшними потребностями реакции. Стоит ли удивляться, что, как выявил в 1980 г. путем опросов журнал «Штерн», значительный процент населения считает Гитлера «величайшим государственным деятелем Германии». А чуть ли не каждый третий не воспринимает третий рейх как позорное пятно на прошлом Германии¹⁷¹.

В 70-е гг. особенно частыми были демагогические выпады неонацистов против парламентаризма, связанные с пропагандой теории «неуправляемой демократии». Систематически ведется проповедь полного отказа от любых форм демократии в политической организации общества, делаются попытки доказать порочность применения принципа равенства в политической сфере. Характерна в этом плане статья А. Эвётца «Свобода и равенство как противоположности». Заявляя, что равенство убивает не только «свободную игру сил», но и саму свободу, автор сетует на то, что «старый добрый прусский лозунг» — «каждому свое» — демократы преобразовали в требование «каждому равное». Однако, по мнению автора, даже последовательное осуществление этого принципа не означает возрастания демократии, а наоборот, ведет к уменьшению свободы¹⁷². В то же время идеологи западногерманского неонацизма, выступая ярыми противниками последовательной демократии, обвиняют социалистический строй в антидемократизме и «тоталитаризме». Они лицемерно проявляют «трогательную заботу» о демократизме в социалистических странах, клеветнически утверждая, что принципы социализма и коммунизма «нарушают» равенство и свободу личности. Неонацистские идеологи даже позволяют себе становиться в позу «радетелей» прав личности вообще и,

---

¹⁷¹ Известия, 1980, 18 ноября.

¹⁷² Цит. по: Studnitz H. G. von Die Unregierbarkeit der modernen Demokratie.— Nation Europa, 1976, Nr. 2, S. 22—27.

перепевая лживые измышления буржуазных и ревизионистских теоретиков, всячески стремятся доказать, что марксизм якобы не интересуется человеком как таковым.

Вместе с тем идеология современного неонацизма в ФРГ сама по себе глубоко противоречива, и это прежде всего подтверждают демагогические лозунги заботы о личности, сочетающиеся с авторитарно-этатистскими началами. Абсурдность «государствоведческих» взглядов неонацистов обнаруживается прежде всего в трактовке общества и отдельной личности как следствия некоего абстрактного «сообщества». В действительности, — в материалистическом понимании — если речь идет о человеческом сообществе, то оно не продукт человеческой психики, а совокупность определенных социальных отношений. «В общественном производстве... не сознание определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их общественное сознание»¹⁷³. Разумеется, исторический материализм не сводит жизнь общества только к способу производства материальных благ, а рассматривает последний как основу для возникновения идеологической надстройки, определенного социального быта, исторических форм общности людей.

Неонацистский подход к сущности человека искажает также и биологический субстрат человека, ибо последний оказывается зависимым и в своем физическом строении от характера неонацистского «сообщества». Как следует из материалистического определения природы человека, его биологический субстрат нельзя отрывать от социального, который и образует подлинную сущность человека. Материалистическая наука показывает, что весь морфофизиологический «рабочий механизм» включения, функционирования человеческого организма социально детерминирован¹⁷⁴. Научный марксистский взгляд на происхождение человека наносит удар по реакционным антропологическим теориям, отстаивая в том числе идею, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития...»¹⁷⁵.

С помощью концепции «сообщества», превалирующего над обществом с его социальными противоречиями,

¹⁷³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

¹⁷⁴ См.: Царегородцев Г. П. Ф. Энгельс и социально-биологическая проблема.— Вопросы философии, 1970, № 11.

¹⁷⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402—403.

неонацистские теоретики преследуют важнейшие идеологические цели. Идея нерасчлененного, метафизически трактуемого «сообщества» составляет философскую предпосылку для неофашистского «учения» о социальной структуре современного капиталистического общества. Неонацистские идеологи озабочены тем, что в современном обществе происходит разрушение «духа здорового коллективизма». «Должно бояться не атомной бомбы, — внушает неонацист Герберт Граберт, — а атомизации душевной жизни западного мира»¹⁷⁶. Обособление же индивидов происходит, по Граберту, потому, что западная демократия, «падкая на различные свободы», не знает и не хочет настоящей сильной власти, а стремится только к закабалению человека «вещизмом», поощрению в нем исключительно потребительских функций, далеких от осмысления социально-политических явлений.

Неонацизм не был бы фашизмом, если бы не паразитировал в своей идеологии и пропаганде на социальных язвах буржуазного общества. «Атомизация» общества, о которой говорят неонацисты, есть спекуляция на действительном процессе деперсонализации личности при капитализме. Однако неонацисты намеренно не указывают на основную причину данного явления — господство частной собственности и разделение труда при капитализме, вследствие которых развивается крайний индивидуализм личности, ее отчуждение от общества. Следовательно, демагогическая критика неонацизмом «атомизации личности» служит только еще большему ее закреплению интересам государственно-монополистического капитализма.

Бюрократический аппарат монополистического государства, подавляя всякую творческую инициативу личности, отводит ей роль винтика в буржуазной государственной машине, ибо в основе последней лежит принцип «слепого подчинения, веры в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций»¹⁷⁷, способствует «деполитизации» личности. Люди не желают участвовать в политической жизни, становятся равнодушными к государству потому, что считают собственное участие в политике бесполезным, никак не влияющим на ход

---

¹⁷⁶ Grabert H. *Sieger und Besiegte*. Tübingen, 1966, S. 146.

¹⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 272.

дел. Как пишет советский философ И. С. Кон, дело не в том, что люди не интересуются политикой, а в том, что они не находят места в ней. Политическая апатия для многих людей — это своеобразная и, конечно, незрелая форма тотального «неприятия» существующей действительности¹⁷⁸.

Процесс деперсонализации, отчуждение человека, его отход от политической жизни, рост преступности и пополнение социального «дна» буржуазного общества создают благоприятные условия для действий черносотенных фашистских организаций. Если буржуазная демократия приводит к появлению «деполитизированных» личностей, то фашизм стремится заполнить вакуум в сознании этих людей идеями насилия, авторитаризма и антикоммунизма. Авторитаристские идеи современного неонацизма трудно отличить от соответствующих компонентов нового этапа консерватизма (неоконсерватизма). Это определяется следующими причинами. Во-первых, тем, что авторитаризм традиционно составляет ведущий элемент консервативной идеологии. Во-вторых, тем, что произошло поправление всей буржуазной идеологии. И, в-третьих, с активизацией неофашизма его идеологические формы проявления стали составной частью всей системы политической идеологии империализма.

Известно, что неофашизм не создал новой идеологии. Его идеология скорее «представляет собой смесь из традиционных фашистских мыслей и взглядов буржуазной социологии, политической науки, антропологии, педагогики и теории управления», — пишет А. Винклер¹⁷⁹. Другими словами, неофашистская идеология питается буржуазными разработками и вливается вместе с ними в систему империалистического манипулирования сознанием масс. Это тем более важно понимать, что современная консервативная разработка принципа авторитаризма получила определенную усложненность и налет наукообразности, которые не могла бы ему придать одна лишь неофашистская примитивность.

Наиболее четко политический смысл современной неоконсервативной интерпретации концепции авторитаризма — антидемократизма раскрывает американский политолог С. Хантингтон, считающий, что «демократизм

---

¹⁷⁸ См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 227.

¹⁷⁹ Winkler A. Ibidem, S. 126.

хорош до определенного предела», после которого он превращается в свою противоположность, в «чрезмерность» демократических свобод*. Стабильность государственного строя, продолжает он, предполагает наличие «предпочтительных пределов» демократии, выражающихся в требовании отстранения широких масс от политической жизни¹⁸⁰. Эта позиция по существу смыкается с современными американскими элитарными трактовками демократии¹⁸¹. Так, К. Маннгейм утверждает, что для демократии достаточно предоставлять массам право выражать свои симпатии и антипатии на выборах тем или другим группам элиты. Массы не могут участвовать в формировании политики, так как их торжество ведет к преобладанию «иррациональных процессов» в обществе в ущерб элите¹⁸².

Крайняя реакционность социально-политической программы неоконсерваторов сочетается с правозэкстремистской критикой ими наиболее острых противоречий государственно-монополистического капитализма. Ныне такая позиция характерна для ряда известных политологов, в прошлом выступавших с либеральных позиций, что представляет большую опасность: имена влиятельных теоретиков придали современному консерватизму недостававшую ему респектабельность. И это оказывает сильное воздействие на интеллигенцию. «Критический» же характер неоконсерватизма активно влияет на сознание политически незрелых масс. Политическая установка на отрицание даже буржуазной демократии определяет соответствующую систему ценностей и в морально-политической области. Ее философским обоснованием являются рассуждения об «истинном», о «разумном» общественном мнении, соответствующем интересам праворадикальной контрреформации, и о «ложном», опреде-

---

* Критика «чрезмерной» демократии разделяется не всеми неоконсерваторами США. Некоторые из них продолжают отстаивать «положительную корреляцию» между капитализмом и демократией (Capitalism, Socialism and Democracy.— Commentary, 1978, April, p. 33).

¹⁸⁰ Huntington S. The Democratic Distemper.— The Public Interest, Fall 1975, p. 37.

¹⁸¹ См. подробнее: Аш и Г. К. Концепции элитаризма и плюрализма. (Обзор дискуссий в американской литературе).— Вопросы философии, 1976, № 7.

¹⁸² Mannheim K. Freedom. Power and Democratic Planning. London, 1965.

ляемом якобы эмоциями, аффектами и непрерывно растущими «притязаниями» масс. В соответствии с этим в ценностной ориентации неоконсерватизма акцент переносится на идею «социального предела», «самоограничения», «умеренности» и «сдержанности».

Утверждение этих ценностей свидетельствует о «кризисе веры»: утрате спонтанной готовности подчиняться закону, широком распространении зависти и стремлении обогащаться за счет других. Задача социальной стабильности, по теории неоконсерваторов, требует создания «новой общественной философии», сочетающей как принципы классического либерализма, так и современные реальности буржуазного общества, неразрывно связанные с провозглашением ведущей роли буржуазного «коллективизма» в организационной структуре «большого бизнеса» и квалификацией индивидуалистических традиций как вредных и анархических. Пытаясь разрешить это противоречие двух ценностных установок, неоконсерваторы вынуждены разрабатывать «новую» идеологическую стратегию.

В области культуры, например, неоконсерваторы США опираются на строгое соблюдение уже установившихся социальных традиций, стереотипов, культурно-этических норм, в то время как буржуазная культура, основанная на «самопотворстве, гедонизме, сибаритстве», в своем «автономном» развитии стала, по их теории, «антибуржуазной», «разрушительной культурой»¹⁸³. Д. Белл откровенно заявляет: «Я — консерватор в культуре»¹⁸⁴. К явно консервативным выводам в области культуры приходит и другое крыло американских неоконсерваторов, разрабатывающих механизмы технологического урегулирования социально-экономических противоречий капитализма. В середине 70-х гг. главным направлением техницистского сознания, выступавшего ранее за «программируемое будущее»¹⁸⁵, стал поворот к консерватизму и умеренности — технократический

---

¹⁸³ Heilbroner R. Is Democracy Dying?—US News and World Report, 1976, 8 March, p. 56.

¹⁸⁴ Bell D. Modernism and Capitalism.—Partisan Review, 1978, N. 2, p. 209.

¹⁸⁵ Планы социальной стабилизации капитализма с помощью программно-технологического воздействия на общество. См.: Martin J., Norman A. R. D. The Computerized Society. Englewood Cliffs, 1970.

неокопсерватизм (Д. Белл, С. Бир, Д. Гэлбрейт, П. Друкер и др.), характеризующийся сомнением в возможности создания действенной «стратегии регулирования» общественного развития.

Неуправляемая и непрогнозируемая сложность буржуазного общества, возведенная в абсолют современными технократическими консерваторами, объясняется в их теориях дефицитом знания для адекватной регуляции сложности окружающего мира, образовавшимся в условиях «информационного изобилия». Речь идет об «относительном невежестве»: диспропорция между количеством накопленного человечеством знания и уровнем овладения им каждым индивидуумом. В одном из английских сборников говорится: «...мы должны признать, что невежество нашего века... увеличивается в тревожных пропорциях... Мы невольно погружаемся в новое средневековье»¹⁸⁶. В ряде случаев такая позиция ведет к принципиальному отрицанию интеллектуального развития человечества: «Неадекватность современного способа мышления... массивности и сложности технологического общества привела многих мыслителей к заключению, что человеческий интеллект достиг мертвой точки»¹⁸⁷.

В поисках механизмов «снятия сложности» буржуазные теоретики неотехнократии приходят к неожиданному для себя выводу о невозможности решить указанную проблему, по крайней мере в социальном аспекте, поскольку сама буржуазная «метасистема нестабильна»¹⁸⁸. Однако сам по себе факт такого признания еще не свидетельствует о прогрессивности позиции. Чаще всего основанные на этом выводе рецепты по регулированию социальной комплексности утопичны, а в политическом плане консервативны. Речь идет об апокалипсических моделях «бедного мира», «корпоративного феодализма», построенного по принципу «животной экономики»: широкая децентрализация; доминирование автономных, самообеспечивающихся хозяйств; отсутствие эффективного разделения труда и т. п.¹⁸⁹ Государственным органам в этих прожектах отводится роль либо «третейского

---

¹⁸⁶ Organized Social Complexity. Princeton, 1975, p. 46, 75.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Beer St. Managing modern Complexity.— Futures, 1970, September, p. 245.

¹⁸⁹ Friedman J. L. Argument for a Poor World.— Futures, Quidford, 1974, vol. 6, N. 4.

судьи», который будет осуществлять социальные программы, основывающиеся на «самоограничении индивидов», либо власти «сильной руки», что означает фашизацию социальных отношений и установление некоего «сверх-порядка»¹⁹⁰.

Объясняя изменения в сфере социальных отношений буржуазного общества, неоконсерваторы заявляют, что основное содержание нынешних классовых конфликтов в странах западного мира заключается в борьбе за долю в государственном бюджете. По их теории, к этому привел осуществленный в 60-х гг. либеральным правительством переход от рыночных механизмов регулирования экономической жизни, обеспечивавших на основе конкуренции равновесие между противоречащими претензиями и требованиями как разных социальных групп общества, так и отдельных индивидуумов внутри каждой из них, к государственно-бюрократическим методам правления, а следовательно, и удовлетворения социальных потребностей.

В результате «классовая борьба» якобы переместилась из сферы экономики в сферу политики, а «биологический» * критерий удовлетворения личных потребностей заменился «психологическим». Поскольку, с неоконсервативной точки зрения, «психологические» притязания в отличие от «биологических» не адекватны реальным условиям и безграничны, то возникает комплекс «относительной лишенности». Этот психологический феномен определяет парадоксальную зависимость между «расширением» государственной политики, направленной на ликвидацию социально-политического неравенства, и ростом недовольства среди простых людей в буржуазном обществе, квалифицируемом неоконсерваторами как «революция растущих обид». В соответствии с трактовкой демократических требований как «эксцессов демократии», подрывающих стабильность общественного порядка, выдвигается антидемократическая, консервативная политика в отношении левых сил и прогрессивных движений как внутри страны, так и на международной арене. Так современные консервативные трактовки авторитаризма напярмую смыкаются с неофашизмом.

---

¹⁹⁰ См. подробнее: Щелкин А. Г. Неуправляемая сложность: генезис технократического консерватизма.— Вопросы философии, 1979, № 5, с. 100.

* Имеются в виду материальные условия жизни.

Смыкание неофашистской идеологии с правым крылом традиционно буржуазной идеологии проявляется не только в проблеме авторитаризма. Это сближение, или интеграция, составляет специфическую особенность всей современной идеологии неонацизма. Такое соединение определяется двусторонним процессом. С одной стороны, кризис буржуазной идеологии (хотя и сам неонацизм является прямым выражением этого кризиса), неразрывно связанный с общим кризисом буржуазной духовной культуры, ведет к усугублению ее реакционной направленности и толкает в объятия неонацизма, а с другой, происходят определенная модернизация, стилизация мировоззренческих стереотипов неофашизма, соединение их с модными реакционными идейными течениями. Социально-экономические, научно-технические и культурно-политические изменения на рубеже 70-х—80-х гг. XX в. столь кардинальны, что их не могут не учитывать не только реально мыслящие лидеры, но и любые мифологические идеологии. Это определяет и изменение структуры неофашистской идеологии (прежде всего в сторону культурологии), а также смещение акцентов в ее содержании.

Разгром фашистской политической системы гитлеровской Германии, Японии и Италии в ходе второй мировой войны, крах фашистской диктатуры в Греции, Португалии и Испании в наши дни, массовые протесты против репрессий режима Пиночета в Чили определили не только банкротство политической практики фашизма и неонацизма, но и его политической идеологии. Взяв на вооружение современные буржуазные изыскания в области культурологии, лидеры неофашизма пытаются в пропагандистском плане выделить идеологию фашизма как самостоятельный феномен, якобы независимый от его политического содержания и не связанный с ним. Идеологическая система при этом деполитизируется и сводится к романтической концепции культуры.

При такой трактовке фальсифицируется социальная сущность фашизма, преступления нацизма и его кончененавистническая практика представляются «ошибками» и «слабостями» отдельных личностей, фашизм же объявляется возникшим из глубин метафизического человеческого духа. В этой связи в современной структуре неофашистской идеологии демагогически акцентируются такие проблемы «культуры», как «революционно-

романтическая система ценностей фашизма, «радикальный гуманизм», «новая» типология культур, в основе которой лежит противопоставление Запада Востоку. Стремясь изобразить современную политику западных стран генеральным «замыслом в области культуры» избранных наций, а себя форпостом защиты этой культуры, неофашисты призывают к воинственному «европеизму» во имя спасения «западной цивилизации» от «угрозы Востока». В этом ключе шовинистически-геополитическая концепция «Германия превыше всего» трактуется в том смысле, что ФРГ, как «самая сильная экономическая держава Западной Европы», является «моделью для всех остальных стран»¹⁹¹.

Культурологические спекуляции в целом, и литературно-художественные в частности, стали сегодня повсеместным явлением для идеологии неофашизма. Это объясняется тем, что культура тонко, неназойливо влияет на человека за счет внешней аполитичности. К тому же такие сферы культуры, как литература и искусство, имеют большие возможности воздействия на иррациональные начала человеческой психики в отличие от других форм общественного сознания, что имеет принципиальное значение в условиях роста информированности, грамотности и в конечном счете критичности масс. Необходимо также учитывать, что влиянию литературы и искусства на массы в значительной мере содействуют как рост технических возможностей системы массовой коммуникации в условиях НТР, так и получившие широкое распространение научные изыскания в области воздействия на психологию человека, широко используемые реакцией в своих целях. Что же касается ФРГ, то здесь имеются и дополнительные, специфические условия для неонацистской демагогии в этой области.

Прежде всего в сфере культуры нацизма удалось сохранить определенные позиции, поскольку здесь было значительно труднее устанавливать критерии, определяющие состав нацистских преступлений в соответствии с нормами международного права и соглашениями антигитлеровской коалиции по денацификации Германии и применять соответствующие санкции. Эзоповский язык искусства использовался юридическими крючкотворами реакции как аргумент для реабилитации наци-

---

¹⁹¹ См.: Unsere Zeit, 1977, 2. März.

стских культуртрегеров, не говоря уже о том, что прямые военные и нацистские преступники зачастую уходили от ответственности с помощью своих заокеанских «друзей». В первые послевоенные годы, когда в обстановке всеобщего осуждения фашистских преступлений открытая пропаганда нацистской идеологии встречала решительный протест и была политически невыгодна монополистическому капиталу, литература и искусство оставались главным средством для завуалированной пропаганды идей нацизма. Это привело к проявлению одной из форм современной крайне реакционной идеологии — неонацистского «искусства».

Активизацию неонацистского «искусства» определяет также большая возможность «художественной» сферы (по сравнению, например, с наукой) фальсификации исторических фактов и смещения политических акцентов различных общественных событий. Сущность же нацистско-неонацистского «искусства» состоит в использовании псевдохудожественных приемов, обладающих видимостью искусства, для создания политических, экономических и морально-этических фальсификаций. Эти фальсификации соответствовали растерянности умонастроений немецкой буржуазии. Психологическая ломка, которая происходила в головах бюргерских масс после краха «великого и непобедимого» третьего рейха, определяла необходимость получения информации по вопросу «что произошло с Германией?». Инертность психологии влекла их к тем источникам, которым они привыкли верить, которым хотелось верить, и, более того, в которых они надеялись найти желаемый ответ. Геббельсовская пропаганда была уничтожена, и к тому же она слишком явно себя скомпрометировала, но ее носители от искусства остались. У них мещанство и искало объяснений происходящего, а главное — утешений, видов на будущее.

Влияние неонацистского «искусства» усиливалось еще и потому, что оно прокламировало реваншизм, национализм, расизм, антикоммунизм, насилие и жестокость в поэтически эмоциональной форме — это щекотало нервы и возбуждало, но в то же время не требовало непосредственных действий, не ставило конкретной альтернативы, к чему растерянное мещанство было не готово. Другими словами, неонацистское «искусство» оказалось эффективным средством, используя которое реакция

стала постепенно вновь вливать духовный яд в бюргерские души.

Важный компонент неонацистской идеологии — расизм. В первой «Программе НДП», принятой в 1967 г., и в «Политическом лексиконе» (1966 г.) откровенно давалась биологическая трактовка нации и расы, в соответствии с которой исторический процесс развития общества и содержание жизни человека обуславливались волей природы. Исходя из этого, делались утверждения, что «национальная мысль», «национальная жизнь» и «национальное определение» вытекают из биологической, природной сущности, которая «предопределила силу германской нации», ее верховенствующую роль. В отличие от расизма гитлеровских времен здесь на первый план различения наций и рас выдвигались уже не внешние, формальные признаки, а прежде всего — их характер и ценность. Отсюда следовало определение «неполноценные» нации, в отношении которых допустимы любые средства давления вплоть до истребления.

В 70-е гг. откровенный расизм не часто встречается в заявлениях неонацистских идеологов, хотя еще и имеет место. Так, Ф. Вайдлих пишет, что «ценность» каждой отдельной нации определилась еще во времена их зарождения и развивалась вплоть до становления «типично национального характера», что и предопределило способности и «жизненные силы», аккумулированные в немецком «национальном характере». Специфические черты национального характера, по этой теории, переносятся из поколения в поколение и, таким образом, «предопределяют превосходство и подчиненность, ценность и неполноценность» отдельных наций¹⁹². Антисемитский вариант расизма открыто пропагандирует в своих произведениях неофашистский писатель Э. Керн. Он соединяет антисемитизм с геополитическими идеями и направляет свое коричневое перо против той ничтожно малой доли населения ФРГ, которую составляют ныне представители еврейской национальности. Керн объявляет евреев «врагами германского народа», разрушителями «чистоты германской расы» и требует их депортации¹⁹³. Подобная демагогия находит определен-

¹⁹² Weidlich F. 10 Jahre in tschechischen Haft. Für meine Bekennnis zu Deutschland. Karlstein a. M., 1978, S. 21, 22.

¹⁹³ Kern E. Die Tragödie der Juden. Schicksal zwischen Wahrheit und Propaganda. Tübingen, 1977, S. 307.

ный отзвук среди мещанской части населения ФРГ. По данным западногерманских социологических исследований, 49% западных немцев без оговорок признают идеологию национального «превосходства» и согласны с утверждением, что немцы — самый порядочный и самый дисциплинированный народ¹⁹⁴.

Характерной особенностью современного камуфляжа неонацистской идеологии является смещение акцента в расистской теории в сторону традиционного национализма и неприязни к «цветным народам».

Сущность сегодняшнего национализма мало чем отличается от старого — это крики о «фатерланде» как оправдание захватнических войн. Однако в связи с успехами и международным признанием ГДР, ростом ее политического авторитета открытые требования упразднения государственного существования социализма на немецкой земле вуалируются требованием «восстановления единства нации», создания «дееспособного общегерманского государства». Тех же, кто эту позицию не разделяет, объявляют «врагами», «предателями», «коммунистами». Причем этот неонацистский лозунг сейчас в ходу и у традиционной правобуржуазной партии ФРГ ХДС/ХСС¹⁹⁵.

Ненависть к «цветным народам» акцентируется главным образом на бывших колониальных странах, независимая политика которых якобы определяет экономические трудности развитых стран капитала. Отсюда идет панегирик насилия в отношении третьего мира, которое может оптимально осуществить только неофашизм. В борьбе против национально-освободительного движения неонацисты вкупе со всей реакцией используют религиозные пережитки народов колониальных и зависимых стран, племенные и родовые обычаи типа «трайбализма», «закона семи поколений», закона «кровавой мести» и т. п. Они применяют различные инсинуации против прогрессивных лидеров развивающихся стран или лидеров национально-освободительного движения. Широко используются различные псевдоматериальные объяснения отсталости стран третьего мира. Так, современный западногерманский фашист Л. Гирш в

---

¹⁹⁴ Deutsche Wochen-Zeitung, 1978, 15. Dezember.

¹⁹⁵ См.: Михайлов В. Вылазки реваншистов.— Правда, 1977, 3 июня.

книге «Мир и апартеид» пишет, что «недоразвитость» населения теплых стран определяется «богатствами природной среды», которые «лелеяли» людей и «не заставляли» их индустриализировать страну¹⁹⁶. Отсюда выдвигается красивый лозунг: «дисциплинированность» должна стать основной чертой «преобразованной и перевоспитанной» развивающейся страны. Но что касается точности, аккуратности, последовательности и целеустремленности, то местное население никогда не достигнет в этом своих учителей из ФРГ, ибо это все — «врожденные способности», которым «никак нельзя научиться»¹⁹⁷.

Расистская сущность фашизма проглядывает в этих теориях на каждом шагу. Национально-освободительное движение — это «реакционный процесс», осуществляемый «агентами Москвы» с оружием в руках, с целью препятствовать развитию и благосостоянию «стран третьего мира»¹⁹⁸. Коммунисты, мол, уничтожают в этих странах всякую «культуру и цивилизацию», запрещают традиции и обычаи, «разбивают семьи», «расширяют тюрьмы» и т. д.¹⁹⁹ «Реально думающие люди» в развивающихся странах должны использовать против них насилие и увеличивать численность «оборонных сил» из-за этих «мнимых революционеров»²⁰⁰. «Спасти» жизнь в развивающихся странах и обеспечить их будущее может лишь «Великая Германия», которая, уничтожив «внутреннего врага» этих народов, объединит все развивающиеся страны и создаст предпосылки для развития соединенного «покоя, мира и благополучия»²⁰¹.

В современной неонацистской идеологии есть новые акценты в отношении принципов агрессивности и жестокости. Восхваление этих качеств как лучших в человеке «нордического типа» и эстетизировавшихся в нацистском и неонацистском искусстве, сейчас заменяется более спокойной, но не менее опасной традиционно-реакционной буржуазной трактовкой их как извечных начал природы человека. Непосредственно связанная с этой проблемой современная мифологизация войны (эсхато-

---

¹⁹⁶ Hirsch L. Die Welt und Apartheid. Stuttgart, 1975, S. 29.

¹⁹⁷ Hirsch L. Ibidem, S. 62.

¹⁹⁸ Ibidem, S. 44.

¹⁹⁹ Ibidem, S. 46.

²⁰⁰ Ibidem, S. 50, 62.

²⁰¹ Ibidem.

логическая, метафизическая концепции) приобретает видимость реалистической окраски: изображаются ее ужасы, аморальность. В то же время усиливается возвеличивание войны как средства воспитания и формы проявления «мужества», «товарищества», «долга».

Изоощреннее оправдываются сегодня нацистские преступления. Это происходит в двух основных формах: фальсификация исторических фактов и психологическое уравнивание «палача и жертвы». Такое смещение акцентов, проводимое с учетом новой обстановки и психологических изменений в настроениях массы населения земного шара, ведет к определенной аберрации нацистских мифов на современном этапе, что определяет возможность их интеграции с идеологией умеренных правых и даже в какой-то степени либерально-буржуазных кругов. В результате получается особенно опасная идеологическая «мозаика», соответствующая наиболее распространенной современной буржуазной социально-политической концепции плюрализма, психологически работающей на фашизм. В 1972 г. участникам XX Олимпийских игр в Мюнхене западногерманские организаторы подарили на память книгу «Немецкая мозаика. Хрестоматия для современников»²⁰². В ней были собраны отрывки из различных речей и художественных произведений крайних реакционеров, известных буржуазных гуманистов, выдающихся деятелей международного рабочего движения и социалистических поэтов. Вместе с канцлером ФРГ К. Аденауэром, уже упоминавшимся фашиствующим литератором Э. Юнгером, буржуазным гуманистом М. Вальзером несколько страниц было предоставлено Ф. Мерингу, Р. Люксембург, И. Р. Бехеру и Б. Брехту. Провокационный смысл этой «мозаики» состоял в том, чтобы «обосновать» современную «единую немецкую культуру»²⁰³.

С целью идеологической дезориентации масс в 1977 году была устроена в Мюнхене выставка «Тридцатые годы». В бывшем «коричневом доме искусства» рядом экспонировались как произведения прогрессивных художников, подвергавшихся самым жестоким репрессиям и уничтожению в гитлеровской Германии, так и поделки

---

²⁰² Deutsches Mosaik. Ein Lesebuch für Zeitgenossen. Frankfurt a. M., 1972.

²⁰³ См.: Imperialismus und Kultur. Berlin, 1975, S. 372.

нацистских фаворитов, оскорбляющие искусство. В статье «Жабы фашизма» критик-коммунист Рихард Хипе писал, что это «уравнивание» представляет собой не просто надругательство над памятью погибших, но и, с одной стороны, «реабилитацию» нацистского «искусства», а с другой,— опорочивание реалистического искусства путем спекуляции на внешней схожести на него гитлеровского натурализма²⁰⁴. Современные модификации неонацистской идеологии и изощренные приемы пропаганды приводят к тому, что зачастую бывает уже трудно отличить, является ли данная идея или произведение, в котором она выражена, неонацистским или буржуазно-консервативным. Тем более, если речь идет о «художественных» произведениях, ибо произведения «массовой культуры», в том числе и неонацистские, сейчас приобретают внешне достоверную форму и используют успехи и завоевания высокого искусства (построение сюжета, актерское мастерство) в реакционных целях.

Подобная интеграция проявляется и в современном кинематографе. Наглядным примером можно назвать фильм, о котором уже говорилось выше, «Штайнер — железный крест», поставленный американским режиссером С. Пекинпа. И другой фильм этого же режиссера «Соломенные собаки», один из типичных примеров современной империалистической культуры, возводящей агрессивность в ранг «генетического кода». Причем специфическая черта трактовки агрессивности этим режиссером состоит в том, что она проявляется у интеллектуального, культурного человека, тихого и скромного от природы и обладающего самой безобидной профессией — преподавателя математики. Но именно эта специфика имеет особенно развращающее воздействие — она призвана доказать естественный, извечный и всеобщий характер агрессивности человека. Нет необходимости говорить о влиянии подобных произведений на неофашистскую идеологию.

Из числа современных фильмов, которые по своей объективной сущности непосредственно смыкаются с неонацистской пропагандой, хотелось бы назвать два: «Лакомб Люсьен» (1974) французского режиссера Луи

---

²⁰⁴ H i e p e R. Kröten des Faschismus.— Unsere Zeit, 1977, 17. März.

Малля и «Ночной портье» (1974) итальянского режиссера Лилианы Кавани. Оба произведения на основе психоанализа фрейдистского толка через призму «тайны» человеческих отношений рассматривают важнейшие социальные проблемы, что ведет к подмене социального биопсихологическим.

Герой фильма Малля Люсьен, неразвитый деревенский парень, в годы оккупации Франции фашистской Германией случайно попадает в немецкую полицию и в стремлении обеспечить себе сносные условия для жизни становится коллаборационистом *. Его поступки определяются не идейной убежденностью, корыстью или желанием свести счеты с патриотами, которых он выдает гестапо, не страхом перед смертью или пытками и не в результате каких-либо психологических ловушек, иногда применявшихся нацистами. Ничего этого не было относительно Люсьена. Он вообще не был объектом какого-либо воздействия со стороны фашистских оккупантов. Да и сами его поступки нельзя назвать «поступками», поскольку они остаются на уровне инстинктов, каких-то неосознанно импульсивных действий. Идеология, политика, социальность как бы не существуют для Люсьена. Главная черта его отношения ко всему окружающему — это безразличие, за которым скрывается биологическая жестокость. Причем режиссер дает обобщенную трактовку предательству по «природной жестокости», поставив фамилию «героя» Лакомб в названии фильма на первое место и вводя, будто бы невзначай, в одном из моментов фильма слова секретаря местного отделения гестапо о том, что каждый день поступает по 200 доносов, доносят даже на самих себя.

«Теория» природной жестокости человека и его склонности к насилию, с позиций которой создан этот фильм, ставит в один ряд с фашистскими насильниками не только коллаборациониста Люсьена, но и сводит до биологического уровня мужество и акты справедливого возмездия партизан. Во всяком случае Малль акцентирует внимание зрителя не на мотивации действий партизан, а на физических результатах их действий — горы трупов и много крови, что не способствует пониманию не-

---

* Коллаборационисты (от франц. collaboration — сотрудничество), лица, сотрудничавшие с гитлеровцами в странах, оккупированных фашистами во время второй мировой войны.

обходимости и справедливости указанных актов²⁰⁵. Политический смысл фильма состоит не только в психологическом оправдании предательства «без корысти» в пользу нацизма в прошлом. Своими объективными последствиями подобная продукция создает благоприятный морально-психологический климат для сторонников современного неонацизма. Видимо, не случайно на обложке сценария фильма, выпущенного издательством Гиллимара, выражена авторская позиция, трактующая Люсьена Лакомба с его «чистейшей аморальностью» и аполитичностью как эталон «современного молодого человека»²⁰⁶.

В фильме Кавани бывшая жертва концлагеря, ныне жена известного дирижера, Люция и ее палач — начальник лагеря Макс, встретившись в наши дни, неудержимо тянутся друг к другу на основе садомазохистской сексуальности. Уравнение палача и жертвы проводится режиссером во многих планах. Оба аполитичны. Для них не существует ни родины, ни семьи, ни друзей, ни политики. Оба осуществляют кощунственное надругательство над жертвами фашизма, когда в порыве воспроизведения прошлых «эротических импульсов» воссоздают в заброшенной квартире «атмосферу концлагеря — публичного дома», все время меняясь местами палача и жертвы Люция заставляет Макса ходить босиком по битому стеклу, а он сажает ее на цепь). Оба предпочитают совместную демонстративную смерть бегству. Но эта смерть — еще большее надругательство над памятью замученных нацистами. Блокированные в квартире организацией бывших эсесовцев (к ней принадлежит и Макс), уничтожающей свидетелей своих прошлых преступлений, они выходят ранним утром — он в форме СС, с хлыстом и револьвером, она — в полосатой робе узницы, и направляются к мосту, за которым их ждет спасение²⁰⁷.

Авторская позиция четко видна как в построении сюжета, так и в романтизации гибели героев фильма. Кроме того, большими симпатиями наделяется Макс — он отказывается убить Люцию по требованию своей организации, хотя именно Макс — палач в общесоциаль-

²⁰⁵ См.: Белецкий Н. Насилие и ответственность. — В кн.: Мифы и реальность. Зарубежное кино сегодня. М., 1976, с. 176, 177.

²⁰⁶ См.: Капранов Г. Социальный фильм и тема с вариациями. — В кн.: Мифы и реальность. Зарубежное кино сегодня, с. 29.

²⁰⁷ Там же, с. 31.

ном и индивидуальном плане. Весь фильм построен так, что социально-политическая оценка фашизма заменена психобиологическим смакованием «эротических импульсов». За внешней стороной кроваво-сексуальной развлекательности скрыта политическая реакционность — стремление к определенной биологизации нацизма как проявления «палачески-жертвенных комплексов», якобы заложённых в каждом человеке.

Недалеко от этих фильмов находится и голливудский кинобоевик «Предприятие Энтеббе» (1976) о нападении Израиля на столичный аэродром Уганды. Провокационная акция изображается в нем как акт человечности и борьбы за западную цивилизацию от угрозы «черных». Израильские экстремисты наделены в фильме высокими качествами героизма, мужества, товарищества, а борцы палестинского движения сопротивления вместе с другими антиимпериалистическими силами трактуются как нацисты и анархисты²⁰⁸. Эта поделка особенно реакционно звучит в свете новой агрессии Израиля против Ливана в 1982 г.

Так, нацистские мифы, модернизированные применительно к новой обстановке, соединяются с реакционной идеологией и воздействуют на человека в современном буржуазном обществе, толкая его в объятия империалистической пропаганды.

---

²⁰⁸ «King Kong» und «Unternehmen Entebbe». Hollywoods Affen sehen rot.— Die Wahrheit, 1976, 29. Dezember.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРАВорадикалистского Движения в других странах Западной Европы

После второй мировой войны в условиях проводимой империалистическими державами политики «холодной войны» крайне правые партии и движения получили возможность вновь появиться на свет практически во всех странах Западной Европы. И хотя им никогда не удалось по-настоящему скоординировать свою деятельность или достичь заметных результатов, неонацисты не замедлили воспользоваться благоприятными для них обстоятельствами. Об этом, в частности, свидетельствует развитие неонацистского движения в **Австрии**.

Впервые австрийский неонацизм в лице легальной партии «Союз независимых» открыто заявил о себе в 1949 году, приняв участие в выборах в Национальный совет (парламент). Результаты выборов оказались обнадеживающими: «Союз» получил 16 мест (из общего числа 165) в парламенте¹ и стал третьей политической силой страны. В том же году официальный орган «Союза» писал, что опора австрийской армии — офицеры и унтер-офицеры — должны быть особо заслуженными людьми и обязательно обладать опытом прошедшей войны, «с честью ими приобретенным»². В этом призыве содержалась и одна из тактических задач крайне правых — поставить на командные должности в австрийской армии «своих» людей и, действуя через них, попытаться обработать в неонацистском духе те воинские подразделения, которые подчиняются приказам «опытных» офицеров. В стратегическом плане данная установка способствовала проведению в рядах австрийских

---

¹ Politisches Handbuch der Republik Österreich 1945—1960. Wien, 1960, S. 7.

² Alpine Ruf, 1949, 24. September.

военнослужащих пропагандистской работы по нацистской тематике: пересказывались идеи, изложенные в «Майн кампф», воспевались «подвиги» эсэсовцев, «освященная кровью ратная дружба» немецких и австрийских солдат, воевавших против общего врага — коммунизма. Журнал «Ди нойе фронт», издаваемый «Союзом независимых», в одном из октябрьских номеров за 1951 г. поместил программную статью, в которой назвал национал-социалистскую идею «Великой Германии» с ее концепцией мирового господства путем вооруженного порабощения стран и народов одним из основных политических принципов «Союза»³. Апеллируя к чувству «немецкой общности» — одному из излюбленных приемов геббельсовской пропаганды, оправдывающей аннексию Австрии гитлеровской Германией, — неонацисты стремились встать во главе сил реакции, которые разворачивали широкий международный антикоммунистический фронт «холодной войны».

Несмотря на явную непопулярность «Союза независимых», от выборов к выборам терявшего голоса своего электората, носителями неонацистской идеологии становились те, кто усматривал в политике поверженного фашизма возможное средство для преодоления кризисных моментов, все более проявлявшихся во всех сферах жизни страны. Возникновению и росту массы озлобленных, готовых на крайние поступки людей способствовала все растущая армия безработных. Исследователи европейского неонацизма отмечают, что костяк современного нацистского движения Австрии образует так называемый национальный лагерь — пронемецкие организации, которые существовали на всех этапах исторического развития страны и продолжают в настоящее время заявлять о себе. Идеология неонацистов-националистов носит ярко выраженный пангерманский характер. В заявлениях лидеров ведущих неонацистских группировок содержатся претензии на все территории, ранее входившие в состав Австро-Венгерской империи, и обосновываются «требования» лишения Австрии самостоятельности и независимости во имя претворения в жизнь планов возрождения «Великой Германии».

Однако если до заключения Государственного договора и вступления в силу закона о постоянном нейтра-

---

³ Die Neue Front, 1951, 25. Oktober.

литете (1955 г.), неонацисты «Союза независимых» открыто провозглашали в своих программных документах, что Австрия является германским государством, то в дальнейшем под воздействием общей политической ситуации в мире и твердо выдерживаемой правительством страны политики нейтралитета и национального суверенитета правые вынуждены были маскировать свой пангерманский лозунг. В октябре 1968 г. на IX съезде Австрийской партии свободы (АПС), возникшей в 1956 г. вместо обанкротившегося «Союза независимых», ее тогдашний председатель Ф. Петер, например, следующим образом интерпретировал этот лозунг: партия будет стремиться к воспитанию австрийских детей достойными сыновьями и дочерьми «немецкого народа» (!?).

Следует отметить, что для австрийского неонацистского движения всегда была характерна взаимосвязь с неонацизмом ФРГ. Об этом также свидетельствует и факт образования в 1967 г. Национал-демократической партии (НДП) по образцу западногерманской. Возглавил партию Н. Бургер, в прошлом профессор истории Инсбрукского университета. Не случайно, а вполне закономерно, что в программном документе партии — «Декларации принципов» — первыми прозвучали идеи «пангерманизма»: «Австрийцы, родной язык которых немецкий, составляют часть немецкого народа. Поэтому Австрия — это немецкое государство... Наша политика направлена на защиту жизненных интересов всего немецкого народа»⁴. В программном документе НДП прозвучали резкие предупреждения в адрес левых, демократических сил, а также тех политических организаций, которые хотели видеть послевоенную Австрию нейтральным государством, руководствующимся в своей политике принципами демократии и прогресса. Нападая на «плутократов», НДП в то же время поспешила заверить крупный капитал, что готова защищать частную собственность, полученную «законным путем».

Следует отметить, что программа и призывы НДП не находят широкой поддержки у австрийцев. Так, на парламентских выборах в 1970 г. партия собрала всего лишь 2,4 тыс. голосов избирателей⁵. В 1979 г. число голосовавших за НДП возросло до 4 тысяч. Однако

---

⁴ Gad di G. Neofascismo in Europa. Milano, 1974, p. 105.

⁵ Österreich. Die zweite Republik. Graz, 1972, S. 226.

когда в декабре 1980 г. Зальцбургский институт социологических исследований провел опрос общественного мнения, вынося единственный вопрос: «Если бы в будущее воскресенье состоялись парламентские выборы, то за какую партию вы бы голосовали?», о поддержке неонацистов заявили лишь 0,5% опрошенных⁶. Начиная с 70-х гг. неофашисты разрабатывают программу активизации своих выступлений. В 1973 г. под патронатом НДП образуется национал-демократический союз студентов. В марте того же года в Вене состоялся «национальный слет неонацистов», на котором обсуждался вопрос о создании единого неонацистского движения в Австрии⁷. Подобное оживление праворадикалистского движения не случайно. Австрийский неонацизм ищет пути консолидации крайне правых сил, создания сильной централизованной политической организации, способной легально претендовать на участие в национальных избирательных кампаниях.

Прибежищем правых сил, симпатизирующих неонацизму, служат также ассоциации «ветеранов войны», студенческие клубы, спортивные общества (как, например, известный своими неонацистскими и пангерманскими устремлениями «федеральный гимнастический союз» — «турнербунд»), за вывесками которых сторонники правых проводят учебно-тренировочную работу по владению оружием, ведению партизанской войны в городских условиях. В учебной программе — лекции по расовым проблемам, по национализму и антикоммунизму, реваншизму и милитаризму. Как сообщал в 1977 г. журнал «Винер тагебух», праворадикальная пропаганда регулярно ведется в венских средних школах. Газеты и листовки неонацистского содержания распространяют в учебных заведениях активисты молодежной крайне правой организации «Аktion нойе рехте»⁸.

Неофашистская молодежная пропаганда представляет собой симбиоз эмоционально-националистически окрашенных лозунгов культа силы, жестокости, «героизации» преступлений нацистов во второй мировой войне. Все направлено на возбуждение у потребителя этой пропаганды ложного чувства превосходства над

⁶ Die Wahrheit, 1980, 28. Dezember.

⁷ История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 523.

⁸ Pollak M. Die Neue Rechte: Stossrichtung Schulen.— Wiener Tagebuch, 1977, N. 7, 8, S. 7—9.

другими ему подобными, над толпой. Одним словом, самоутверждение с помощью силы. А разум, интеллект предаются анафеме перед этой аудиторией (в своей обращенности к элите общества фашизм, наоборот, заигрывает с наукой, выставляет себя защитником интеллигенции и проч.), оскверняются, объявляются продуктами второсортных рас, противными «арийскому духу». Идеями «пангерманизма» и шовинизма пропитаны программные документы многочисленных молодежных организаций в Австрии, таких, как «Союз верной родине молодежи» (в 60-х гг. он был запрещен, но возродился под другим названием), ассоциаций беженцев, различных спортивных клубов⁹.

Тревожным остается факт широкого присутствия носителей нацистских мифов в партиях, оказывающих определенное влияние на политический курс страны. Одной из них выступает Австрийская партия свободы (АПС). В ней объединились часть мелкой и средней буржуазии, ориентирующейся на Западную Германию, бывшие нацисты, судетские немцы¹⁰. В настоящее время численность партии составляет примерно 30 тыс. членов¹¹. АПС имеет своих представителей в национальном совете (парламенте) и в руководящих органах Объединения австрийских профсоюзов. В начале октября 1978 г. под знаком выборов нового председателя проходил XIV съезд АПС. Этот факт не был случайным для партии: ее бывший председатель Фридрих Петер был уличен демократической печатью в преступлениях в годы второй мировой войны. Новым председателем партии свободы был избран на съезде Александр Гёц, получивший 95,7% голосов¹². В своем выступлении он, в частности, заявил: «До тех пор, пока в Австрии будут править социалисты, для правых не будет никакой перспективы. Поэтому задача АПС — сломить большинство Социалистической партии Австрии (СПА) в парламенте. Это — важнейшая цель партии»¹³.

Газета СПА «Арбайтерцайтунг» писала в этой связи:

---

⁹ Fascism Today, p. 210.

¹⁰ История фашизма в Западной Европе, с. 525.

¹¹ Буржуазные партии в Западной Европе.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 7, с. 94.

¹² Blätter für deutsche und internationale Politik. Köln, 1978, Nr. 5, S. 383—419.

¹³ Ibidem.

«Правый курс, который навязывает партии ее новый председатель, свидетельствует, что АПС вступает в новый этап своей истории. Он может оказаться пагубным для этой партии, которая может рассчитывать не более чем на 6% голосов избирателей в масштабе всей страны. От либерализма, о котором столь любил рассуждать ее бывший председатель Петер, не осталось и следа. Сейчас АПС превращается в партию крайне правого толка»¹⁴. Экстремистски жесткий курс нового председателя партии привел ее к политическому банкротству, а самого А. Гёца к отставке. В январе 1980 г. председателем АПС стал Норберт Штагер. В то же время консерватизм и «пангерманская» приверженность АПС встречают одобрение участников неонацистского движения, которые не без основания усматривают в ней потенциального выразителя интересов и требований правых сил. Подобного рода взаимоотношения неофашизма и консервативных политических организаций еще раз подтверждают вывод о том, что современный фашизм ищет себе союзников среди политических сил, программа которых основывается на отрицании демократии, на антикоммунизме и антисоветизме.

Однако говорить о массовой поддержке неонацизма в Австрии не приходится. Отсутствие массовой базы вообще — одна из характерных черт большинства неофашистских движений в послевоенной Европе. Тем не менее факты свидетельствуют, что современные фашисты настойчиво добиваются своих целей: провокациями и демагогией они стремятся привлечь к себе внимание, выставить себя защитниками национальных интересов страны, поборниками «Великой Европы». Официальные инстанции, ссылаясь на то, что они, мол, не могут найти «законодательных оснований», фактически не принимают необходимых мер по пресечению неонацистской пропаганды, по запрету и роспуску неофашистских организаций. Между тем ссылки на правовые трудности несостоятельны, так как действующее законодательство не только не дает возможность, но и обязывает власти запрещать всякого рода неонацистские объединения. Прежде всего эти права и обязанности вытекают из Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Согласно статье 9 договора.

---

¹⁴ Arbeiterzeitung, 1978, 5. Oktober.

Австрия должна обеспечить такие условия, чтобы не были возрождены в какой-либо форме нацистские группировки, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую пропаганду. Даже те органы австрийской печати, которые обычно поддерживают правительство, вынуждены признать, что для запрещения такой, к примеру, неонацистской организации, как «Новые правые», вполне достаточно положений Государственного договора.

Несмотря на малочисленность и раздробленность организаций австрийских неофашистов, было бы неверным недооценивать их роль; апелляция к «великогерманскому духу», призывы рассматривать Австрию в качестве третьего германского государства находят поддержку среди определенных слоев населения страны. Об этом свидетельствуют, например, итоги президентских выборов в мае 1980 г. Намерение главаря неонацистской НДП Н. Бургера выставить свою кандидатуру на пост президента с самого начала вызвало широкую волну протеста австрийской общественности. Тем не менее правительство отнеслось к этому практически равнодушно, пытаясь успокоить общественность заявлениями о том, что Бургеру все равно не удастся собрать необходимые для баллотирования 2 тыс. подписей, что неонацизм не имеет в стране никакой опоры и что даже в случае выдвижения кандидатуры главаря НДП избиратели скажут ему решительное «нет». Пользуясь попустительством властей, Бургер развернул активную кампанию по сбору подписей, прибегнув к грубой демагогии и прямому подкупу. В итоге он получил 3,2% (около 141 тыс. голосов)¹⁵. По мнению Института Фесслея*, лишь меньшую часть из этих 140 тыс. следует отнести к бывшим национал-социалистам, а большую — к тем избирателям, которых привлекли отдельные предвыборные лозунги НДП: введение смертной казни, запрет аборт и т. д.¹⁶

Для многих заявлений руководителей как оппозиции, так и правительственных кругов, прозвучавших в то время, характерно было стремление преуменьшить опасность неонацизма, представить дело таким образом, что 3% поданных за Бургера голосов — это «вполне

¹⁵ Die Wahrheit, 1980, 19. Mai.

* Занимается, в частности, социологическими исследованиями и опросами общественного мнения.

¹⁶ Arbeiterzeitung, 1980, 25. Mai.

нормальное явление в демократическом обществе». «Было бы политической ошибкой переоценивать значение противника», — заявил Крайский, имея в виду требование антифашистов запретить НДП. «Ошибочно уделять мелкой группке, какой является НДП, внимание, которого она не заслуживает, и считать поданные за нее 3,2% голосов национальной катастрофой»¹⁷, — вторил за ним главный редактор «Арбайтерцайтунг» Манфред Шойх.

Тот тревожный факт, что проповедник открытого неонацизма и правого экстремизма сумел собрать 140 тыс. голосов, нельзя преуменьшать и замалчивать, писал в газете «Фольксштимме» член политбюро ЦК КПА Ганс Кальт. Какие бы доводы для объяснения этого ни приводились, ясно одно: спустя 35 лет после разгрома фашизма 140 тыс. избирателей отдали голоса человеку, для которого родиной является не Австрия, а «немецкий фатерланд», человеку, осужденному за терроризм и проповедующему антисемитизм¹⁸. Демократическая общественность призывает все прогрессивные силы страны к усилению бдительности перед лицом активизации происков неонацистов, требует от властей поставить вне закона неонацистские организации и положить конец их провокационным вылазкам.

В Англии — стране-участнице антигитлеровской коалиции — в первые послевоенные годы первыми подняли голову всякого рода профашистские группировки, ядро которых составляли в основном участники Британского союза фашистов (БСФ), созданного миллионером Освальдом Мосли еще в 1932 году. Члены организаций «Союз британской свободы», «Сыны святого Георга», «Лига защиты империи», «Британская Лига бывших военнослужащих» устраивали шумные демонстрации, уличные беспорядки, пытаясь привлечь к себе и своим лозунгам общественное мнение. Антикоммунистическая, антидемократическая истерия ультрареакционеров во многом напоминала фашистские выступления молодчиков БСФ в 30-е гг. В 1946—1947 гг. выходят книги О. Мосли «Мой ответ» и «Альтернатива», в которых ортодокс британского фашизма изложил программу воссоздания и деятельности «нового фашистского дви-

---

¹⁷ Arbeiterzeitung, 1980, 25. Mai.

¹⁸ Ibidem, 1980, 30. Mai.

жения» в послевоенной Великобритании¹⁹. Знакомство с программными положениями, содержащимися в отмеченных произведениях, показывает, что они мало чем отличались от идеологических и политических установок Гитлера и Муссолини.

Обращаясь к фашизму как к средству «пробуждения воли к жизни и сохранению величия» нации, Мосли довольно пространно объяснял его сущность: «Фашизм был в своем существе национальным кредо, и поэтому в различных странах он принял совершенно несхожие формы... Это движение ставило целью обеспечить национальное возрождение силами народов, чувствовавших, что им угрожают упадок и гибель, но исполненных решимости жить и жить, как подобает великим»²⁰. «Решительная идея (то есть террор чернорубашечников.— *М. Ф., А. Р.*)... может привести к рождению новой цивилизации. Без такой идеи действие остается пустым, а без действия — в пустоте повисает идея»²¹, — поучал он. Преодоление «ошибок» фашизма, потерпевшего крах во второй мировой войне, лидер британского союза фашистов видел в претворении в жизнь следующего принципа: «Воля и талант одного человека заменяются волей и способностями тысяч дисциплинированных людей, составляющих фашистское движение. Каждый чернорубашечник — ячейка коллективного цезаризма. Организованная воля преданных масс, связанных добровольной дисциплиной, вдохновленных страстной идеей «национального выживания», заменяет волю к власти и высшую непогрешимость отдельного «сверхчеловека»²².

К середине 50-х гг. британский неофашизм подошел к своего рода рубежу. Происходили перегруппировка сил, смена поколений, его лидеров. Это было связано как с выездом Мосли в Ирландию, так и со смертью некоторых наиболее активных деятелей фашистского движения. На политической арене появился Колин Джордан, молодой учитель, создавший еще в начале 50-х гг. в Бирмингеме националистический клуб. В 1954 г. образовалась «Лига имперских лоялистов» во главе с А. Чес-

¹⁹ Mosley O. My Answer. London, 1946; он же. The Alternative. L., 1947.

²⁰ Mosley O. My Life. N. Y., 1972, p. 287.

²¹ Ibidem, p. 317.

²² Ibidem, p. 324.

тертоном²³. Среди других крайне правых организаций следует также назвать: Британское движение Джордана; группировку, возглавляемую Д. Беннетом; Национально-демократическую партию Д. Брауна; партию национальной независимости, объединяющую сторонников бывшего «умеренного» председателя национального фронта О'Брайена; партию Действия, собравшую в своих рядах остатки Британского союза фашистов, возглавлявшегося Мосли, и др.

Современные английские фашисты расширяют свои международные связи и работают в тесном контакте с Итальянским социальным движением, с неонацистскими группами в ФРГ, с крайне правыми террористическими организациями Южной Африки и главарями Всемирной антикоммунистической лиги (УАКЛ). В 1960 г. была основана Британская национальная партия. Главную задачу партии ее лидер Эндрю Фаунштейн видел в борьбе за создание такой конфедерации государств Северной Европы, в которой ведущим принципом был бы закон «расового превосходства». Цели этой партии сводятся к построению в Англии «народного государства», в котором не будет места ни цветным, ни евреям.

Увеличение притока «цветных» иммигрантов во второй половине 60-х гг., вызванное крахом Британской империи, дало возможность возродившемуся правому экстремизму сосредоточить внимание английского обывателя на расовом вопросе. Иммигранты воспринимались им как главный источник затруднений и прежде всего как конкуренты при трудоустройстве, решении жилищной проблемы и т. д. Обывателя раздражали их образ жизни, привычки, внешний вид. Используя подобные настроения, неофашисты перешли в наступление, разжигая традиционные расовые предрассудки, пытаясь вызвать в массах острую реакцию, чтобы использовать ее в своих политических целях. Так, секретарь профашистской «Британской лиги европейской свободы» леди Бэрдвуд следующим образом определила планы своей организации: «белые должны проводить политику положительной дискриминации в своих интересах»²⁴.

---

²³ Жигалов И. И. Неофашизм в Великобритании: истоки, цели, особенности.— Вопросы истории, 1980, № 7, с. 65.

²⁴ The Guardian, Manchester, 1974, 17 June.

В 70-е гг. ведущей расистской и неонацистской организацией Великобритании стал Национальный фронт, созданный 7 февраля 1967 г. на основе объединения нескольких ультраправых группировок²⁵. По данным 1976 г., членами НФ состояли 20 тыс. человек, а с учетом его активных приверженцев — в несколько раз больше²⁶. Вплоть до своей отставки в 1980 г. глава Национального фронта Тиндэлл открыто заявлял, что его взгляды целиком сформированы под влиянием «Майн кампф», откуда он черпал «вдохновение» для бескомпромиссной борьбы с «врагами Англии». С 1977 г., выступая на административных выборах под лозунгом «восстановления национального суверенитета и сохранения этнической целостности британского народа», расисты НФ стали по количеству полученных голосов четвертой после лейбористов, консерваторов и либералов политической партией Великобритании. Участие в выборах используется руководством Национального фронта для того, чтобы подчеркнуть значимость партии как силы, готовой оспаривать политическую власть, получить доступ к средствам массовой информации с целью пропаганды реакционных, фашистских взглядов.

Следует отметить, что НФ пользуется некоторым успехом в районах, наиболее подверженных безработице, — в Лондоне, Манчестере, Ланкашире, Йоркшире. Вот почему руководство фронта рассчитывало, что сможет отвоевать голоса в первую очередь у консервативной партии. Однако в 70-х гг. усиление влияния НФ происходило лишь за счет белого населения наиболее обездоленных центральных городских кварталов (где за этот период появилось значительное количество цветных иммигрантов) — традиционного оплота лейбористов. В настоящее время отсутствуют сколько-нибудь точные данные о социальном составе Национального фронта. Однако, вопреки распространенным представлениям о НФ как организации мелкой буржуазии, фронту удалось втянуть в свои ряды «непропорционально большую часть рабочего класса»²⁷. Особенно это заметно в отделениях фронта в крупных промышленных центрах, где активную роль в деятельности организации играют представители

---

²⁵ См.: Skidelsky R. Oswald Mosley. London, 1975, p. 221.

²⁶ L'Espresso, 1976, N. 36, p. 38.

²⁷ Fielding N. The National Front, London, 1981, p. 40.

высокооплачиваемой прослойки рабочих. В провинциальных городах преобладают активисты из низших слоев мелкой и средней буржуазии²⁸. Как правило, активисты НФ — это молодые мужчины в возрасте до 35 лет. Фронт не имеет влияния в университетах, поэтому основное внимание в настоящее время его руководство сосредоточивает на вербовке школьников старших классов. Некоторые члены НФ пришли из левацких группировок, однако главным поставщиком кадров является молодежная организация консервативной партии.

Следует заметить, что программа Национального фронта столь же проста, сколь и агрессивна; она четко выражена в лозунгах: «Черных и кудрявых гоните прочь!», «Бейте насмерть красных!»²⁹. Пропаганда фронта носит явно националистический, антикоммунистический характер. Врагом номер один цивилизации эта организация считает коммунизм. Отвергая идею мирного сосуществования двух мировых общественных систем, печатные издания фронта, такие, как «Нэшнл фронт ньюс», помещают на своих страницах всякого рода антисоветские вымыслы о якобы имеющем место вмешательстве СССР во внутренние дела Англии. Для деятельности НФ характерны крайние формы национализма, расизма и антисемитизма, использование типично фашистских приемов и методов социальной демагогии.

Важный элемент идеологии Национального фронта составляет концепция традиционализма, который идеологи фронта трактуют как единственное средство обеспечения преэминентности и порядка. Когда Тиндэлл, Уэбстер и другие руководители фронта апеллируют к идеалам прошлого, они делают это выборочно, говоря о «единстве времен Империи», когда все люди будто бы были патриотами. Иными словами, они обращаются к идеалам, которые никогда не существовали. В то же время НФ заявляет о себе как о партии национализма и патриотизма и обязуется «восстановить полный национальный суверенитет Британии во всех областях»³⁰. Поэтому в избирательных лозунгах фронта звучат призывы к сохранению целостности британской нации, ее культуры, традиций, против разделения на классы и

---

²⁸ Fielding N. The National Front, p. 54.

²⁹ Morning Star, 1979, 5. March.

³⁰ Statement of Policy.— Croydon: NFHQ, 1973.

группы. Следовательно, ценности и идеалы патриотизма должны играть главенствующую роль в поддержании национального единства и морали. НФ считает, что на основе Британского Содружества наций можно создать современную сверхдержаву, для чего необходимо укрепление этнических, культурных и родственных связей между лицами британского происхождения во всем мире.

В пропаганде Национального фронта также звучат утверждения, что он не является ни капиталистической, ни социалистической партией. Он, мол, поддерживает частное предпринимательство как «наиболее динамичный и эффективный способ промышленной деятельности», полностью отвергая принцип *Laissez-faire* капитализма, превращающий бизнес «из слуги в хозяина нации». Отсюда фронт выступает против влияния иностранного капитала в британской промышленности и заявления о необходимости установления строгого контроля над финансовыми институтами и банками. «Недоктринальный» подход к проблемам собственности, по мнению идеологов фронта, основывается на патриотизме, который заменяет классовую идеологию. Из этого следует, что вместо «классовой борьбы» британское правительство и профсоюзы должны объединиться, а англичане пожертвовать своими личными интересами в целях сохранения «общности и боевого духа нации»³¹. Объявляя «главным врагом цивилизации» международный коммунизм, НФ отвергает политику разрядки, расширения дипломатических, торговых и других связей с социалистическими странами, и единственным надежным средством сдерживания коммунизма считает политику с позиции силы. Не меньшую угрозу свободе нации в выступлениях демагогов фронта представляет и «международный монополистический капитализм», стремящийся установить «всемирную диктатуру».

Важное место в теоретических построениях идеологов Национального фронта занимает концепция свободы: «свобода наступит только тогда, когда человек и государство сольются в единое целое, а это в свою очередь невозможно без появления сильной личности, способной сознательно управлять своим поведением»³². Идеологи

---

³¹ Fielding N. The National Front, p. 72.

³² Ibidem, p. 132.

НФ также утверждают, что уменьшение влияния церкви привело к замене религиозной этики новой моралью — светской, единственным хранителем которой выступает государство. Анализ пропагандистских документов Национального фронта выявляет противоречивость модели управления обществом, предлагаемой теоретиками НФ. С одной стороны, подчеркивается необходимость свободного волеизъявления и «минимального» правления, с другой, указывается, что правление должно быть эффективным и бескомпромиссным. Это противоречие они пытаются устранить тем, что предусматривают меры по поощрению продвижения «естественной» элиты к верхам общества и по «подавлению опасных внутренних тенденций в массовых коллективах».

Идеология НФ предполагает наличие абсолютных моральных ценностей. Но они, мол, могут утвердиться лишь в обществе, развивающемся естественным путем, — согласно законам природы и предначертаниям всевышнего. Интернационализму же, как средству обеспечения мира на земле, противопоставляется «взаимное уважение национально-ориентированных государств»³³. Таким образом, полной независимости и свободы от других наций может достигнуть лишь нация, обладающая достаточной целеустремленностью и высоким боевым духом, а международное сотрудничество и взаимозависимость — удел слабых наций³⁴. В идеологических построениях НФ раса выступает в качестве главной категории: она определяет национальность, а национальность, в свою очередь, определяет круг интересов индивидуума, его способности и наклонности. Разобщенность рас — естественное состояние, поэтому тезис о генетической неполноценности «цветных» рас занимает важное место в пропаганде фронта. Увеличение числа цветных иммигрантов в Великобритании прямо ведет, по этой «теории», к росту преступности, заболеваний, в том числе венерических, к потреблению наркотиков.

Лидеры фронта всячески подчеркивают, что НФ не является антисемитской организацией и выступает лишь против сионистов. Однако на самом деле евреи, наравне с неграми и азиатами, считаются пришельцами, чуждыми британской культуре и традициям, а поэтому не мо-

---

³³ Spearhead, 1974, N. 79, p. 16.

³⁴ Fielding N. The National Front, p. 76.

гут быть полноправными участниками жизни британского общества. Расовая теория, по сути дела, призвана снабдить членов НФ ясными и четкими критериями, в соответствии с которыми следует определять и изгонять чужаков, наводнивших страну³⁵. Неприкрытый расизм, насилие, террор, игра на чувствах толпы, подстрекательство — вот то политическое основание, на котором построена вся деятельность Национального фронта.

Важную роль в идеологических построениях НФ играет тезис об антибританском «коммунистическом заговоре». Поскольку установки фронта объявляются единственно верными, отвечающими интересам нации, то, следовательно, все те, кто действует наперекор этим установкам, поступают так из личной корысти, получая за это крупное вознаграждение от «левых» (?!). Отсюда делается вывод о существовании заговора, наличие которого все люди, находящиеся в «здравом уме», ощущают интуитивно, но не могут или не решаются признать. Тезис о заговоре вместе с тезисом о вседозволенности играют важную роль в ориентации каждодневной политической деятельности членов НФ, ибо «помогают им определять внутренних врагов — расово чуждых лиц и предателей нации»³⁶.

Основными инструментами заговора британские неонацисты считают международный коммунизм, а заодно и международный капитализм. Правда, в вопросе о критике капитализма в НФ существуют серьезные разногласия, ибо многие члены фронта улавливают противоречие между этой критикой и восхвалением частного предпринимательства. Тем более возникают сложности при отнесении к стану «врагов» вместе с коммунизмом его антипода — капитализма. Однако некоторые деятели НФ считают, что заговор настолько всеобъемлющ, что само предположение о наличии конфликта между капитализмом и коммунизмом выглядит абсурдным. Так, Тиндэлл утверждает, что противодействие коммунистов противникам иммиграции играет на руку капиталистам, которые, пользуясь избыточной рабочей силой, могут безнаказанно понижать заработную плату. Капитализм, в свою очередь, поддерживает линию коммунистов на построение международного многорасового сообщества,

---

³⁵ Ibidem, p. 104, 120.

³⁶ Ibidem, p. 130.

ибо он, дескать, только выиграет от снятия барьеров на перемещение капиталов и рабочей силы³⁷. Осуждая лидеров лейбористской партии Великобритании (ЛПВ), нередко имеющих крупные состояния, деятели НФ пытаются провести мысль о том, что вообще все левые политические партии и организации не только не заботятся о защите угнетенных, но и составляют часть «международного заговора сверхбогатеев»³⁸.

Корейное изменение международной обстановки и соотношения сил в мире в пользу социализма, ликвидация британской колониальной империи — все это не могло не отразиться на деятельности послевоенного праворадикалистского движения в Англии. Неофашизм был вынужден приспособить политику и идеологию к новой обстановке, выработать новые методы и выявить объекты для своей расистской, неофашистской пропаганды. НФ, например, использует любое недовольство населения — обострение социальных противоречий, неэффективность действия политического механизма, идеологический вакуум и т. п., чтобы заострить общественное мнение на своем главном расистском, фашистском требовании — изгнании из страны «цветных» иммигрантов. Но рядом с ним соседствуют другие демагогические лозунги — «очистить Англию» от многонациональных монополий; непременный выход из «Общего рынка», критическая оценка деятельности ООН; беспокойство за британскую нефть и окружающую среду и даже призывы к гуманному обращению с животными... Британские неофашисты спекулируют на социально-психологических предрассудках этноцентризма, когда моральная оценка всех явлений исходит из предпочтения своего образа жизни всем остальным³⁹.

Во Франции процесс возрождения крайне правых в первые послевоенные годы тормозился существованием исторических тенденций демократического и революционного движения Сопротивления, и глубокой ненавистью народа Франции к фашистским захватчикам и их пособникам — французским коллаборационистам. Но уже на выборах, проходивших 17 июня 1951 г., сторонники режима «Виши» объединились в «Союз независимых

³⁷ Spearhead, 1974, N 75, p. 3.

³⁸ Ibidem, 1976, N. 94, p. 6

³⁹ Жигалов И. И. Неофашизм в Великобритании: истоки, цели, особенности. — Вопросы истории, 1980, № 7, с. 78.

республиканцев». Ревностные последователи Петена и Морраса*, вроде членов общества «Кельтский крест», искали возможности для консолидации своих сил, чтобы воплотить в реальность идеи поверженного фашизма и через правую контрреволюцию и государственный переворот прийти к созданию государства «авторитарного и одновременно народного, национального и социального». Но это могло быть осуществимо, по их мнению, только в рамках «Европы, достаточно сильной, чтобы противостоять «объединенной агрессии» со стороны евреев, арабов, негров и азиатов»⁴⁰. Еще более категоричными были требования бывшего эсэсовца-антисемита Рене Вине, призывавшего отвергнуть «Европу Страсбурга», «Европу федералистов», «Европу рабов русского и американского империализма». «Каждый из нас, — заявлял он, — должен стремиться к установлению связей с националистами в каждой стране Европы, что позволит нам создать содружество национальных государств Европы, сохранить уважение прав и независимости каждой нации»⁴¹.

В январе 1958 г. Шарль Лука — ярый сторонник неоколониализма в алжирском вопросе — основал фашистскую партию «Французское народное движение» (ФНД). Он заявлял, что ФНД — это партия нового фашизма. Ее программные положения гласили, в частности, что она будет защищать в международном масштабе «превосходство белой расы» и бороться против «эмансипации цветных народов», а во Франции — проводить политику недоверия генералу де Голлю, который якобы запятнал себя «связями с коммунистами».

50-е гг. были отмечены для Франции деятельностью «движения Пужада», названного так по имени его лидера — Пьера Пужада. Прикрываясь протестом против налоговой политики правительства, пужадисты в действительности пропагандировали антикоммунизм, национализм, шовинизм, антипарламентаризм, выдвинувшись в первый ряд праворадикалистских сил послевоенной Франции. «Мы пустим в ход большую метлу; нужно ждать дня «икс», когда мы начнем прямые и решитель-

---

* Моррас Шарль (1868—1952), франц. писатель и публицист, теоретик монархии. Взгляды Морраса учитывали Муссолини и Салазар в «теоретических» обоснованиях фашистских диктатур. (Focus Encyclopédie internationale. T. III, Paris, p. 2177—2178).

⁴⁰ Jeune Nation, 1958, N. 19, juin août.

⁴¹ La Sentinelle, 1952, mars.

ные действия»⁴², — угрожал продавец канцтоваров из Сен-Сере Пужад. Спекулируя на чувствах толпы, он требовал созыва Генеральных штатов, к участию в которых, как и в 1789 г., должны допускаться представители всех «категорий граждан для открытого предъявления своих обид и прошений»; передачи функций правительства в руки «граждан, но не партий». Выступая под личиной защитника народа, его жизненных интересов, созданный Пужадом «Союз защиты торговцев и ремесленников» быстро увеличивал свои ряды: 24 января 1955 г. на первый съезд «Союза» в Париж прибыли 150 тыс. его сторонников, представлявших почти все департаменты Франции; годом позже, на национальных выборах 2 января 1956 г., пужадисты получили 2 600 000 голосов избирателей, что позволило им провести в парламент 52 депутата.

Единственные, кто приветствовал успех «движения Пужада», были неофашисты. Орган французских правых газета «Ривароль» писала в то время об итогах выборов: «Отныне есть почва для надежды и доверия. Система получила удар, от которого ей никогда не оправиться. Триумф (и это слово не преувеличение) кандидатов-пужадистов на выборах может означать только одно — истинная Франция стряхнула с себя одеяние и готовится вышвырнуть вон преступников, предателей и простофилю, скандально разбогатевших на ее невзгодах». Национал-социалистский журнал «Фиделите» неофашистской организации «Французская фаланга» также не скрывал своего удовлетворения: «Пьер Пужад говорит на том сильном языке, доступном всем, что и мы...»⁴³.

В 60-е гг. прямую опасность конституционным институтам Франции представляла деятельность так называемой Организации секретной армии (ОАС), возникшей в 1960 г. Целью ОАС было подавление начавшейся в 1954 г. национально-освободительной революции в Алжире и насильственное смещение в крайне правое положение политической оси Франции. Организация действовала по образу и подобию фашистского «движения кагуляров» 1936 г. Хотя их разделяли 25 лет, они говорили на одном языке, пользовались схожими терминами, ругательствами, одними выражениями дикого, необузданного

---

⁴² История Франции. М., 1973, т. 3, с. 382.

⁴³ Fascism Today, p. 188.

энтузиазма насилия; их объединяло пристрастие к заговорам. «Мы намерены свергнуть государство, потому что невозможно жить при Республике»⁴⁴, — таков был их общий лозунг.

В политическом смысле эта подпольная террористическая организация вобрала в себя все действующие силы французского правого радикализма, остававшиеся до тех пор разрозненными. Однако эту пеструю коалицию — от псевдореволюционеров до крайних реакционеров — гораздо легче было втянуть в подпольную террористическую войну, чем попытаться объединить идейно. В действительности у ОАС никогда не было четкой программы. Ее заменяло бесформенное нагромождение лозунгов, призывов, что свидетельствовало, по-видимому, о желании руководителей движения «не обидеть входящие в нее многочисленные фракции». Тем не менее анализ тех немногочисленных заявлений, с которыми ОАС выступала со страниц подпольной печати, позволяет классифицировать исповедуемые ею принципы как типично фашистские.

В путанице 36 пунктов программы ОАС, опубликованной летом 1961 г., первым прозвучало требование о неотложной политической «хирургической операции» государственных институтов руками французских националистов, якобы единственно правомочных осуществить эту акцию. В программе содержалась резкая критика всех без исключения политических партий и излагался проект ОАСовского государственного устройства, в котором: «Запрещаются все партии; бездомным и молодоженам будут переданы помещения, которые сейчас занимают паразитические организации вроде ЮНЕСКО, Лиги прав человека; Кельтский крест станет официальной национальной эмблемой» и т. п. Программа требовала передачи власти «правительству общественной безопасности», которое призвано установить «исконно народный (?) режим, противостоящий как крупному капиталу, так и коммунистическому интернационалу»; это правительство «спасет традиции, восстановит связи с Африкой и активно включится в перестройку Европы»⁴⁵. Главной целью объявлялось стремление «возродить Францию», создать условия для того, чтобы она «заняла

---

⁴⁴ Tournoux J. P. L'histoire secrète. Paris, 1962, p. 35.

⁴⁵ France Press-Action, 1962, 21 octobre.

надлежащее место на Западе, которым будет гордиться нация».

Расизм колониалистского типа, разнузданный антикоммунизм и демагогическая проповедь антинародного авторитарного государства — такова идейная платформа ОАС. Стремление народов Азии и Африки к независимости преподносилось ультраправыми как проявление коммунистических тенденций, с которыми необходимо вести жестокую борьбу. В глазах антикоммунистов-экстремистов защита колониального Алжира превращалась в символ защиты ценностей «западной христианской цивилизации». Но к середине 60-х гг. ОАС утратила массовую социальную базу и не представляла уже сколько-нибудь серьезной политической силы.

Дальнейшее развитие событий показало, что правым в Западной Европе, не говоря уже о французских неофашистах, так и не удалось осуществить антидемократическую, антипарламентскую революцию. Как отмечал в этой связи прогрессивный публицист Рене Рему, «подобные формы национализма никогда не остаются прочными объединениями, существующими продолжительное время. Успех, а также отсутствие такового приводит к их размежеванию. Наглядное подтверждение тому можно найти при анализе деятельности профашистских формирований во Франции: мелкие дразги среди ОАС, между контрреволюционной фракцией «Шато-Жобер» и профашистскими сторонниками Аргу вскрыли бессилие национализма выработать сколько-нибудь позитивный план действий, который мог бы сплотить все центробежные силы для решения общих задач»⁴⁶.

В мае 1968 г. один из лидеров неофашизма во Франции Тиксье-Виньянкур создал новую крайне правую политическую организацию «Национальный антикоммунистический фронт», поставившую своей целью, как это явствует из названия, борьбу с коммунизмом. Откровенный антикоммунизм организации Тиксье-Виньянкура стал приманкой для реакционных элементов, в том числе бывших эсэсовцев и пужадистов.

Патологический антикоммунизм отличает также заявления и произведения М. Бардеша, одного из ведущих теоретиков неофашистского движения в Западной Европе. Бардеш убежден, что фашизм не есть доктрина, и

---

⁴⁶ Fascism Today, p. 176.

трактует его как некое «неясное и отдаленное страстное устремление, запечатленное в нашей крови и в наших душах». А тех, кто несет в себе фашистскую идею, Бардеш рассматривает как людей, наделенных «рафинированной глубиной чувствительностью, подчас и безрассудной, что и выделяет их из толпы». Для этой категории людей фашистская идея предстает средством спасения, тайной жизни и бытия, инстинктом в глубине сознания.

Противоречивость взглядов Бардеша отчетливо обнаруживается в его рассуждениях относительно будущего фашизма. Он не верит в реальность превращения Западной Европы в «третью силу», если движущие силы, которые могли бы взяться за претворение этой идеи в жизнь, не изберут себе в союзники фашизм. В то же время Бардеш не доверяет «гуманистическим» сентенциям бывших эсэсовцев, которые намерены возглавить движение «за объединение Европы». И свой пессимизм он объясняет тем, что эсэсовцы «ищут прибежища в воспоминаниях» и неспособны создать ничего более или менее конструктивного. Анализируя теоретические основы программ послевоенного фашизма, Бардеш открыто выступает против «мифа о вожде, ниспосланном свыше», как несостоятельного и рассчитанного на «невежественных, темных людей». Так же неопределенны его исторические оценки фашизма. В частности, подводя итоги почти 50-летнего существования фашистского движения, зародившегося в Италии в 1915 г., Бардеш с сожалением замечает: «О фашизме я не могу сказать — «это то, что было». Я говорю — «это то, что могло бы быть и случайно было». В действительность воплотилась только мечта фашизма, которая предстала в виде идеи и вдохновения нескольких людей»⁴⁷. По мнению Бардеша, только в борьбе против коммунизма может возродиться фашизм как политическая и социальная сила.

В 70-е гг. активную деятельность во Франции развернула экстремистская профашистская организация «Новый порядок». «С коммунизмом не дискутируют, с ним ведут смертельную схватку», — заявил на международном конгрессе молодых неофашистов, проходившем в Мюнхене в сентябре 1972 г., один из ее лидеров. «Западный мир отравлен главным образом идеей равенства между людьми»; «в сумерках дряхлеющего континента вновь разго-

---

⁴⁷ Nation Europa, 1965, Nr. 10, S. 4.

рается пламя: наше пламя» (фашизм.— М. Ф., А. Р.)— таково откровенное кредо французских неофашистов⁴⁸.

В настоящее время крайне правые во Франции не представляют собой сколько-нибудь организованной влиятельной силы. Это подтвердили, в частности, результаты выборов последних лет: правым не удалось провести в парламент ни одного депутата. Тем не менее было бы ошибкой сбрасывать их со счетов, особенно в момент переживаемых страной экономических и социальных трудностей. В лагере правых идет серьезная «перетасовка карт»— на правый план выдвигаются организации, выступающие за более открытую пропаганду нацизма и за «демонстрацию мускулов» путем вооруженных выступлений⁴⁹. Только, по данным 1977 г., во Франции насчитывалось 30 неофашистских групп⁵⁰. Наиболее активной профашистской группировкой считается «французский фронт национального освобождения», созданный в 1975 г. Он придерживается ультранационалистических, расистских позиций. В рамках этого «фронта» фашисты создали специальную школу, находящуюся на юге страны, где молодежь обрабатывают в духе нацизма, учат владеть оружием, техникой ведения уличных боев...

С момента создания в 1968 г. неофашистской организации ФАНЕ («Федерации национального и европейского действия») ее руководство выступило с апологией военных преступлений гитлеровцев, с подстрекательскими призывами к возрождению «расовой ненависти» как очищающего элемента на пути «европейской фашистской революции». Печатный орган ФАНЕ журнал «Наша Европа», изложив программу этого движения, выделил в ней следующие положения: раса есть основа нации; белая раса выше цветных; необходимо выслать всех рабочих-иммигрантов; Гитлер не строил концлагерей, на самом деле их после войны построили сами союзники и т. п.⁵¹ В статье, опубликованной в апреле 1980 г. в журнале «Нотр Эуроп», Марк Фредериксен, один из лидеров ФАНЕ, писал: «В начале 80-х гг. перед нами стоит

---

⁴⁸ Luca De. Valentini Ch. La ragnatela nera.— Raporama, 1974, N. 431, p. 55.

⁴⁹ Буржуазные партии в Западной Европе.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 7, с. 94.

⁵⁰ Неофашизм и фашизм сегодня.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 5, с. 93.

⁵¹ Notre Europe, 1980, N. 32, p. 6.

выбор: либо исчезнуть, растворившись в режиме, либо стать еще более жестокими и сделать выбор в пользу национал-социализма»⁵². Средство для выживания фашизма Фредериксен видит в укреплении рядов международного неонацистского движения. Поэтому он удивился по поводу того, что французские официальные круги лишь недавно узнали о существовании «черного интернационала». «Это просто смешно,— заявил он.— «Новый европейский порядок»— фундамент «черного интернационала»— существует уже 25 лет, регулярно проводит съезды и устраивает пресс-конференции»⁵³.

Члены другой неонацистской группировки — Националистическое революционное движение (МНР) — также не новички на политической арене Франции. Их лидер Жан-Жиль Мальяракис каждую неделю разъясняет в еженедельнике «Молодая нация», как, по его мнению, следует провести во Франции «день большой чистки».

Хотя все группировки соперничают друг с другом, все-таки наряду с другими им подобными они вращаются в орбите двух главных праворадикалистских политических организаций Франции — «Национального фронта» (НФ) во главе с бывшим депутатом Национального собрания Жан-Мари Ле Пенем и Партии новых сил (ПНС), руководимой Паскалем Гомоном. Весьма скромные и к тому же постоянно ухудшающиеся от выборов к выборам результаты заставляют крайне правых искать новые пути. Попытки выйти из политического «гетто» проявляются в стремлении сблизиться с правящими кругами в надежде вызвать их «поправение», одновременно внушая избирателям мысль о том, что крайне правые окончательно порвали со своим прошлым и полностью подчиняются теперь «демократическим правилам игры».

Острые разногласия, существующие между «Национальным фронтом» и Партией новых сил, в значительной степени объясняются именно разным подходом к вопросу об отношениях между крайне правыми и о лидерстве в праворадикалистском движении. Вместе с тем обе партии сходятся как в отношении необходимости создания во Франции авторитарного государства, так и в основных направлениях своей пропаганды, построенной в первую очередь на проповеди ненависти к трудящимся-

---

⁵² Notre Europa, 1980, N. 27, p. 7.

⁵³ Ibidem.

иммигрантам под лозунгом «французы — прежде всего». Они также в один голос пророчат национальную катастрофу в случае прихода к власти левых сил. И все-таки в их стратегических линиях больше расхождений, чем общности. НФ строит расчеты на ослаблении обоих ведущих политических блоков — как левых партий, пришедших в 1981 г. к власти, так и либерально-буржуазной оппозиции с тем, чтобы получить возможность влиять на государственную политику. В соответствии с этой стратегией Ле Пен поставил перед «Национальным фронтом» цель — в ходе последующих парламентских выборов «преградить дорогу марксизму и преподнести урок монополистическому капиталу», политика которого, по его словам, привела к подъему левых сил. Партия новых сил, напротив, выступает скорее как крайне правое крыло ведущих буржуазных партий, преследуя долгосрочную цель — стать их «новым полюсом». Ее идеологической основой выступает тактика «критической оппозиции», то есть борьба против либерального течения крупнейших буржуазных партий при одновременной поддержке их правого крыла.

Несмотря на эти расхождения, обе партии едины в своих попытках предстать в качестве организаций, которые уважают законы и отказались от насилия. Так, Ле Пен утверждает, что «Национальный фронт» является «правым, социальным, народным и национальным движением», которое никак нельзя относить к крайне правым силам. В изданной в 1978 г. Партией новых сил пропагандистской брошюре подчеркивалось, что к ней не применимо понятие «экстремистская». Тем не менее некоторые теоретики крайне правых по-прежнему заявляют, что насилие свойственно человеческой природе, и цели крайне правых не могут быть достигнуты без создания в стране обстановки напряженности. Стратегия крайне правых проста и содержит массу исторических аналогий: привлечь к себе внимание благодаря беспокойству тех, кто их разоблачает и возмущается их насилием; взрыхлить старую расистскую почву, где французские правые всегда пускали глубокие корни. Это, естественно, вызовет отпор со стороны демократических сил, а следовательно, эскалацию неофашистских преступлений. Тем самым в стране будет нагнетаться обстановка напряженности, что и является тактической установкой крайне правых.

В Бельгии неофашизм представлен крайне правым крылом фламандского национализма. В стране действуют различные полувоенные группировки, члены которых воспитываются в соответствии с программными установками существовавшей в стране до 1944 г. фашистской партии рексистов. Рексисты (от лат. *Christus Rex* — Христос-царь) — партия, основанная в конце 1935 г. Леоном Дегрелем, пропагандировала тоталитарные, корпоративистские идеи, в демагогических целях критиковала капиталистические монополии. Леон Дегрель, в прошлом эсэсовский генерал, время от времени пишет «открытые письма», которые публикует ежемесячный журнал «Реальная Европа». Это откровенно фашистское издание борется за «новый порядок» в Европе и является печатным органом Бельгийского социального движения (БСД), созданного в первые послевоенные годы. БСД радушно приняло в свои ряды бывших членов коллаборационистских организаций. Главные пункты его программы — установление корпоративного государства, борьба против монополий и «гиперкапитализма», оппозиция коммунизму и «всем тем политическим, экономическим и философским группам, которые играют в коммунистическую игру, и тем самым разделяют нацию»⁵⁴.

В 1968 г. Ж. Л. Деббо (бывший эсэовец) — генеральный секретарь БСД — в своем выступлении перед делегатами съезда заявил, что главной целью организации остается борьба с коммунизмом во всех его проявлениях и раздел Бельгии по этническому признаку. В качестве первоочередной задачи он назвал создание в стране «бельгийского варианта» французской ОАС — подпольной вооруженной организации, способной сплотить в своих рядах тех, кто готов защищать «идеалы Европы», контуры которой стерли «Нюрнбергский процесс и политика стран, выступивших коалицией против Великой Германии»⁵⁵.

Под эгидой БСД был создан ряд террористических организаций неофашистского толка. С откровенной апологией фашизма, с восхвалением методов ОАС, ставшей «символом непобежденного фашизма», выступил Жан-Франсуа Тириар, член фашистской организации «Друзья

---

⁵⁴ Géoris-Reishof M. Extrême droite et néo-fascisme en Belgique. Brussels, 1962, p. 24—26.

⁵⁵ G a d d i G. Neofascismo in Europa, p. 136.

Германского Великого рейха». Наибольшей активностью в проведении террористических акций отличались молодежные группировки «Национальная молодежь» и «Ударные отряды молодой Европы». В начале 60-х гг. все они слились с «Движением гражданского действия», занявшим ведущее положение среди крайне правых сил Бельгии⁵⁶. На страницах правой газеты «Насьон Бельжик» была изложена программа «Движения», которая сводилась к разворачиванию широкомасштабного террора в стране, что, по мнению лидеров этого неонацистского формирования, должно было содействовать «пробуждению здоровых сил нации», способных «похоронить издержки демократии, играющей на руку коммунистам и тем, кто их поддерживает»⁵⁷.

В 70-х гг. явно фашистскую окраску приобрели действия и некоторых других праворадикалистских организаций. Антикоммунизм и антисоветизм оставались их главными тактическими установками. Так, основная цель организованного во Фландрии бывшим эсэсовцем Б. ван Богоутом движения «Защити себя» состоит в требовании раскола Бельгии по лингвистическому принципу с последующим образованием «Великой Фландрии», в которой не будет места «ни коммунистам, ни евреям, ни цветным»⁵⁸. Другая организация — «Братство», объединившая несколько тысяч бывших фламандских коллаборационистов, главную свою задачу видела в том, чтобы реабилитировать в глазах общественности тех, кто «пал в боях против нашествия большевизма и его союзников» во второй мировой войне, воскресить в молодежи идеи фашизма, привить «любовь к оружию» как единственному средству самоутверждения личности. Несколько особняком от этих явно фашистских организаций держится «Фламандский военный орден», созданный партией Фольксюни, играющей немалую роль в бельгийской политической жизни. «Орден» служит прибежищем для бывших фламандских эсэсовцев⁵⁹. Предводитель этой организации Берт Эриксон откровенно заявляет, что главная стратегическая задача «ордена» — установление

---

⁵⁶ История фашизма в Западной Европе, с. 526.

⁵⁷ G a d d i G. Neofascismo in Europa, p. 132—139.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Verdecchia E. L'ombra fascista.— Panorama, 1977, N. 577—578, p. 65—68.

в стране авторитарного режима, борьба с демократией во всех ее проявлениях.

В конце 70-х гг. ударной силой крайне правого национализма в Бельгии выступил неонацистский «Народный союз». Созданный в 1954 г. на основе фламандских националистических организаций, «Народный союз» в своих избирательных программах и лозунгах требует пересмотра установленной лингвистической границы, в частности признания в стране официальным языком фламандского и изменения в пользу фламандских националистов соотношения сил в парламенте. Требования фламандских неонацистов выражаются на практике в антиваллонских националистических демонстрациях, в погромах в районах, где проживает валлонское население, в нападениях на помещения организаций валлонов, их профсоюзные центры и т. д. Этому в известной степени способствуют периодически обостряющиеся в стране национальные противоречия между общинами валлонов и фламандцев, говорящими на французском и фламандском языках.

Проблема языковых общин в Бельгии сложна, поскольку она не только лингвистического и культурного порядка. Ее причины коренятся прежде всего в экономической и социальной политике бельгийских монополий, от которых практически зависит судьба жителей провинций и областей страны. Раскол на самостоятельные валлонские и фламандские организации всех, за исключением коммунистической, общенациональных партий, общественных организаций лишь обострил межнациональную рознь, вплоть до уличных схваток и националистических эксцессов на политическом уровне.

Выражая интересы империалистических кругов, неонацисты активно используют национализм, стремясь затемнить классовое сознание трудящихся шовинистическими лозунгами. Национализм верно служит неонацистам в достижении главной цели — установления в стране авторитарного режима. Разжигая и поддерживая межнациональную рознь, они пытаются возбудить националистическую неприязнь у населения страны по отношению к иммигрантам, особенно выходцам из бывших бельгийских колоний, и иностранным рабочим. Правящие империалистические круги фактически потворствуют националистической пропаганде и расистским акциям крайне правых, видя в них спасительный выход из обострившихся в последнее время кризисных явлений. Откры-

ты демонстрации бельгийских фашистов и неофашистов, террористические акции националистического характера — не какие-то изолированные, случайные инциденты. Они вписываются в общую картину оживления неофашизма в странах Западной Европы.

В настоящее время праворадикалистское движение в **Швейцарии** условно можно разделить на две группы: организации, которые не играют заметной роли в политической жизни страны и могут быть отнесены к разряду политических сект; группировки, значение которых может возрасти в будущем, если в Европе правая реакция сможет набрать силу. В 1980 г. в Цюрихе вышла книга «Урапатриоты: политическая реакция в Швейцарии. Актуальный справочник», которая сразу стала политическим бестселлером. Авторы книги — журналисты левой ориентации Юрг Фришкнехт, Петер Хафнер, Юли Халдимен и Петер Нигли следующим образом определили цель своей работы: «...Мы хотели критически и дифференцированно проанализировать правые организации и группировки в стране настолько непредвзято, насколько это возможно»⁶⁰. В авангарде праворадикалистских сил в этой стране выступают, прежде всего, антикоммунистические группировки и организации, в рядах которых много провокаторов — членов неофашистских формирований. Наиболее активными в антикоммунистическом лагере предстают «Швейцарская просветительная служба», «Народ и армия», «Движение венгерских эмигрантов», «Действие свободных граждан», «Антикоммунистическая лига», «Против торговли с Востоком» и др. В немецкой части Швейцарии наибольшим влиянием пользуется «Швейцарская просветительная служба», а в западной — «Центр изучения информации». Именно члены «Швейцарской просветительной службы» (ШПС) составляют костяк современного правого радикализма в стране. В начале 70-х гг. группировка насчитывала всего 2000 членов⁶¹. В идеологической и пропагандистской работе по расширению социальной базы большую помощь ШПС оказывают праворадикалистские, неофашистские движения и организации Австрии, ФРГ, Голландии, Бельгии, Норвегии, Швеции, Дании и др.

⁶⁰ Frischknecht J., Haffner P., Haldimann U., Nigli P. Die unheimlichen Patrioten (Politische Reaktion in der Schweiz. Ein aktuelles Handbuck). Zürich, 1980, S. 9.

⁶¹ Die unheimlichen Patrioten, S. 111.

Важную роль в пропаганде идеологии крайне правых в Швейцарии играют всякого рода агентства, призванные обрабатывать общественное мнение страны. Особое место среди них занимает агентство «Швейцарская политическая корреспонденция» (ШПК). Цели этой организации довольно ясно определил ее директор Й. Йегер: «...представлять буржуазную политику в хорошем свете и комментировать негативные стороны социалистического государственного хозяйства»⁶². Правая агитация ШПК имеет довольно солидную финансовую поддержку транснациональных корпораций, таких, как «Хоффман — Ла-Рош», «Броун-Бовери», «Нестле» и др.

В пропаганде праворадикалистской идеологии заметна также «деятельность» бюро, которым руководит частный детектив Эрнст Чинчера — «оболваниватель нации», как его называет швейцарская печать. Его главная задача — выполнять заказы различных правых организаций, реакционных правительственных кругов по выявлению демократических взглядов, прогрессивно настроенных лиц. «Тысячи граждан, которые где-либо высказали свое мнение, содержащее намек на прогрессивные взгляды, были занесены Чинчерой в картотеку, которой широко пользовались фирмы и представители властей»⁶³, — отмечается в книге «Ура-патриоты: политическая реакция в Швейцарии». Аналогичной деятельностью занимаются «Институт Фогеля по вопросам современности», организации «Действие за свободную демократию», «Действие свободных граждан» и «Центр по борьбе с подрывной деятельностью»⁶⁴. В настоящее время наиболее крупными организациями, вокруг которых сформировалось ядро неонацистского движения, можно назвать «Европейский новый порядок» (швейцарское отделение) во главе с расистом Амодрюзом в Лозанне и сообщество «Арминия», возглавляемое цюрихским врачом Манцом.

Крайне правым удалось провести своего представителя даже в национальный совет Швейцарии. Это депутат Шварценбах, который хотел бы выгнать из страны франкоговорящих, италогворящих и всех «немецких» швейцарцев и присоединить страну к «Великой Герма-

---

⁶² Ibidem, S. 113.

⁶³ Ibidem, S. 115.

⁶⁴ Ibidem.

нии» (т. е. к ФРГ). Импульсы для своей человеконенавистнической теории он находит в общении с известным австрийским нацистом Вальтером Оксенбергером⁶⁵. Идеология фашизма культивируется на страницах многочисленных публикаций (как правило, малоформатных), среди которых выделяется своей подстрекательской демагогией, агрессивным расизмом, разнузданным антикоммунизмом и антисоветизмом газетенка «Зиг». Каждый номер ее содержит статьи и комментарии в стиле геббельсовской пропаганды, рассчитанные, прежде всего, на молодежь. Вот несколько заголовков, опубликованных в «Зиг» статей: «Никакая сила на земле не помешает нашей победе!». «Кто говорит по-немецки, тот — немец! Германия больше, чем ФРГ»⁶⁶ и т. д.

За годы своего правления фашисты **Португалии**, руководимые диктатором Салазаром, накопили большой опыт политического лавирования и обмана масс, используя не только методы прямого насилия и подавления демократии, но и искусную социальную демагогию. Официальным рупором диктатуры Салазара выступала единственная в стране легальная партия — фашистский Национальный союз, существовавший с 1930 года. Большую помощь режиму оказывала и католическая церковь. В условиях невежества, неграмотности и косности основной массы населения страны — крестьянства диктат церкви выступал фактически оружием антидемократической политики режима. И это ловко использовал Салазар, правивший страной с 1932 по 1968 год.

На смену Салазару в 1968 г. пришел М. Каэтану. Оценивая политику правительства Каэтану, Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял отмечал: «Не считая небольших изменений фасада, в политике правительства не изменилось ничего существенного. Продолжают попираяться самые элементарные свободы, сохраняется режим одной фашистской партии и унифицированных фашистских профсоюзов. Продолжаются тактика полицейского террора, колониальная война и политика подчинения империализму. Салазаризм властвует без Салазара»⁶⁷.

---

⁶⁵ Die unheimlichen Patrioten, S. 123.

⁶⁶ Ibidem, S. 130.

⁶⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 506.

25 апреля 1974 г. Португалия вступила на путь свободы и демократии. Но победа демократических сил вызвала ожесточенное сопротивление сил реакции — капиталистов, чьи заводы были национализированы, банкиров, лишившихся своих банков, латифундистов, чьи земли оказались в руках кооперативов, предпринявших попытки контрреволюционных переворотов 28 сентября 1974 г., а затем 11 марта 1975 года. Члены распущенных нефашистских организаций, таких, как «Португальский легион», начали вооружаться. Португальские фашисты приступили к осуществлению плана, включавшего волну насилия, антикоммунистическую кампанию, раскол трудовых масс и Движения вооруженных сил. «Антикоммунизм,— отмечалось в заявлении Центрального Комитета Португальской коммунистической партии,— стал преимущественной формой борьбы против свободы и демократии. Наряду с провокационной антикоммунистической пропагандистской кампанией осуществляются организованные действия, которые отмечены беспорной печатью фашизма»⁶⁸.

Лидером современного фашизма в Португалии выступил генерал ди Спинола. Его модель антидемократического переустройства страны путем установления в ней тоталитарного режима взяла за основу португальская реакция. От имени фашистского подполья Спинола воинственно заявил: «В нашей хорошо организованной подпольной системе действуют свыше ста тысяч человек... Наш главный враг — и мы единственные, кто борется с ним наступательными методами,— это коммунистическая партия... Наш ближайший ориентир — тотальное истребление коммунизма в Португалии. И пока коммунистов терпят в правительстве, я не приемлю никаких демократических альтернатив. Уж что-что, а в этом мы пошли дальше, чем другие государства Европы»⁶⁹. В успехах левых сил в странах Западной Европы в последние годы Спинола усматривал «красную опасность». «В современной Европе,— заявлял он,— социалистические и социал-демократические партии представляют опасность не меньшую, чем коммунистические. Многие социал-демократы, а также социалисты — всего лишь переодетые коммуни-

---

⁶⁸ Avanté! 1974, 25 setembro.

⁶⁹ Stern, 1976, 8. Juni.

ты»⁷⁰. «Социализм, коммунизм и централизм должны быть изгнаны из Португалии» — таково политическое кредо португальских правых.

Естественно, португальские крайние правые не могли бы вести широкую подготовку к антидемократическому фашистскому перевороту в стране, не имея солидной финансовой поддержки тех монополистических кругов, господству которых революция 1974 г. нанесла чувствительный удар. Многие бежавшие крупные промышленные магнаты и латифундисты мечтают вернуться и восстановить свои прежние позиции. От них идет щедрая финансовая помощь неофашистам, их стараниями и с их помощью за рубежом организуются клеветнические кампании против любых прогрессивных начинаний в стране, предпринимаемых под давлением широких трудящихся масс.

На что делают ставку правые силы в Португалии? Во-первых, на финансово-экономический кризис в стране; во-вторых, на отсутствие единства среди демократов. В конкретной исторической обстановке, сложившейся в Португалии и вокруг нее, углубление и расширение процесса социальных преобразований привело к ускорению классовой поляризации общества и, как следствие этого, к резкому обострению внутривнутриполитической ситуации. Переживаемый страной глубокий и затяжной кризис далеко не преодолен и сегодня. Опасность фашистского, крайне правого антидемократического заговора остается. Свергнутые революцией реакционные силы не складывают оружия⁷¹.

В августе 1982 г. Собрание республики приняло решение о роспуске Революционного совета, об отмене политической подотчетности правительства президенту республики, о создании (вместо упраздненного Революционного совета. — М. Ф., А. Р.) конституционного трибунала и ряд других постановлений. Из этого можно сделать три совершенно очевидных вывода.

Во-первых, противники демократического развития страны проводят политику, направленную на пересмотр

---

⁷⁰ Wallraff G. Die Aufdeckung einer Verschwörung und ihre Folgen. Weitere Tonbandprotokolle und Dokumente über Pläne der Rechts-Kräfte in Portugal und ihre Hintergründe. — Blätter für deutsche und internationale Politik. Köln, 1976, 21. Januar, S. 522.

⁷¹ Суханов В. И. Революция гвоздик в Португалии. — Новая и новейшая история, 1978, № 4.

конституции — фактически на полную ликвидацию завоеваний революции 25 апреля.

Во-вторых, союзником правых в этом процессе выступила Социалистическая партия. Еще в 1975 г. ее лидеры утверждали, что они идут на объединение с правыми будто бы во имя интересов социализма. В 1982 г. руководство социалистов объясняло общность политических платформ с правыми якобы необходимостью защиты демократии.

И, в-третьих, правительство «демократического альянса» привело страну к экономической и социальной катастрофе. Национализированные предприятия закрываются или растаскиваются по частям. Внешняя задолженность государства достигла астрономических размеров. Высокая стоимость жизни и галопирующая инфляция еще больше разоряют народ. Поправки к конституции со всей очевидностью показывают, что после ее пересмотра в стране может прийти к власти режим, полностью отличающийся от того, который был установлен 25 апреля 1974 г. В сложившейся обстановке воля народа такова: необходимо защитить завоевания апрельской революции.

Праворадикалистский лагерь Испании сохраняет довольно прочные позиции в политической жизни страны, оказывая влияние на определение ее пульса и ориентиров. Хуан Лопес, автор статьи «Наследники Франко», опубликованной в специальном выпуске журнала «Нация Ойропа», останавливаясь на роли и будущем крайне правых в стране, отмечал, что «новые правые силы находятся пока в процессе формирования. Они нуждаются в действенной солидарности своих европейских друзей». Что касается возможности победы левых сил в Испании, то автор отнес ее к разряду «катастрофы не только испанской, но и европейской»⁷². Тем самым он определил и перспективы выживания ультраправых — единение в антикоммунистическом, антидемократическом блоке, подготовка к ниспровержению существующего режима всеми возможными средствами, в том числе и вооруженным путем.

Другой представитель крайне правых Ксавье Гранш в статье «Испанские правые»⁷³ предлагает разделить их

⁷² Lopez H. Francos Erben.— Nation Europa. 1976, N. 10, S. 19, 22.

⁷³ Gransche X. Spanische Rechte.— Nation Europa, 1976, N. 10, S. 23—26.

организации, действующие в стране, на три группы: 1) организации, признанные государством; 2) не признанные государством «национал-консервативные» группировки; 3) «национал-революционные» или «национал-европейские» группировки. Четвертым, дополнительным, элементом в этой иерархии выступают группы «политических герильеро», то есть чисто террористические объединения.

К организациям, которые признаются государством, автор относит в первую очередь «Национальное движение» (до второй половины 50-х гг. носившее название Испанской фаланги.— *М. Ф., А. Р.*)— аморфную «государственную партию», разнородную и не следующую «ясной идеологической линии». Франко удалось ослабить активную часть «движения», поэтому, по словам Гранша, не будет большой ошибкой сказать, что «движение» не имеет шансов на существование. Скептическое отношение у Гранша вызывает и «Национальная конфедерация бывших борцов», куда вошли те, кто воевал в рядах армии. Франко во время гражданской войны 1936—1939 гг. Большинство членов «конфедерации»— бывшие военно-служащие «Голубой дивизии», воевавшей на стороне гитлеровцев и разгромленной на советско-германском фронте. Однако как те, так и другие представляют скорее дряхлеющее инертное крыло праворадикалистского движения, неспособное приспособиться к изменившейся социально-политической обстановке. К организациям отмеченной группы в упомянутой статье отнесена и «Гвардия Франко», возникшая в конце 60-х гг. и насчитывавшая к 1976 г. 50 тыс. членов. Однако правительство, как предполагал автор статьи, якобы намеревалось распустить эту организацию⁷⁴. Последующие события показали, что опасения его были напрасны.

Среди национал-консерваторов наибольшей активностью в середине 70-х гг. выделялась группировка «Новая сила». Она являлась в то время единственной партией консервативного толка, «действительно организованной и активной»⁷⁵. Руководитель этой организации Б. Пиньяр. Ее печатный орган — газета «Новая сила». С ее страниц в духе фашистской пропаганды проповедуются непри-

---

⁷⁴ Gransche X. Spanische Rechte.— *Nation Europa*, 1976, № 10, S. 23.

⁷⁵ *Ibidem*, S. 24.

крытый антикоммунизм, антидемократизм, антисемитизм и раздаются призывы к насилию. Правые авторы, считающие организацию «Новая сила» перспективной, подчеркивают ее «ультраконсервативный, христианский, централистский и авторитарный характер»⁷⁶. Подобно почти всем испанским крайне правым, «Новая сила» не признает региональных особенностей страны, выступая за незыблемую централизацию государства. У этой группировки есть свой филиал — молодежная организация «Молодая сила».

Третью группу образуют мелкие организации «национал-революционного» характера, которые в «демократической Европе» принято называть фашистскими и которые «вряд ли могут считаться легальными»⁷⁷. К ним в первую очередь относится крайне правая националистическая организация СЕДАДЕ (сокращение по первым буквам названия «Испанского кружка друзей Европы»), которая противопоставляет марксистской и либеральной концепциям демократии идею «объединенной на основе национального суверенитета Европы»⁷⁸. Существующая с 1966 г. под вывеской музыкального клуба СЕДАДЕ представляет собой ортодоксальное направление испанского фашизма. Ее покровителем является фашистский генерал Гарсиа Ребулл, бывший командующий испанскими войсками, воевавшими на советско-германском фронте. Руководитель этой группировки — ярый антикоммунист Х. Мота.

В среде крайне правых, фашистских сил, пестрых по своему составу, идет борьба между старыми и молодыми националистами. Выступая с различными программами изменения существующего государственного строя, все они сходятся в одном — стране необходимы диктатура, режим сильной власти. Теоретики ультраправых открыто выступают за сохранение крайне правых движений в стране, способных в качестве политической силы конкурировать в борьбе за власть. Либо «либерализованный режим» смирится с деятельностью коммунистов и других левых и вместе с последними подвергнет «национал-революционные» группы репрессиям, либо консервативные силы, включая армию, покончат с «демократическим

⁷⁶ Europa von rechte.— Nation Europa, 1976, Nr. 3, S. 51—52.

⁷⁷ Gransche X. Spanische Rechte.— Nation Europa, 1976, Nr. 10, S. 24.

⁷⁸ Europa von rechte.— Nation Europa, 1976, Nr. 3, S. 51.

хаосом» и реставрируют франкизм в форме «авторитарной демократии»⁷⁹. Последний тезис получил свое практическое воплощение в попытке государственного переворота в феврале 1981 г., предпринятой реакционными представителями испанской армии, во главе которого встали откровенно фашистские элементы.

В том, что в Испании сохранились мощные и влиятельные силы, тоскующие по франкизму, никто никогда не сомневался. Переход от фашистской диктатуры к буржуазной демократии, совершившийся без серьезных взрывов и потрясений, подразумевал сосуществование в стране самых различных политических течений, в том числе и таких, которые вели в прошлом вооруженную борьбу между собой. Отсюда вытекает и позиция властей, которые разрешают деятельность любых, даже крайне правых организаций, если только они признают новые законы государства. Но факт остается фактом: многие вчерашние фашисты лишь на словах согласились с конституцией. Пользуясь предоставленной им свободой, они ждут лишь подходящего момента, чтобы вновь навязать испанскому народу диктатуру по старому франкистскому образцу.

В 1982 г. был раскрыт новый фашистский заговор, участники которого планировали осуществление государственного переворота накануне парламентских выборов, намеченных на 28 октября. В соответствии с планом путча около семидесяти команд фашистов из числа военных должны были занять здания основных гражданских и военных учреждений в Мадриде. Был подготовлен список, включавший имена более пятидесяти государственных и общественных деятелей, подлежащих физическому уничтожению. Как стало известно из материалов следствия, возглавлял заговорщиков генерал Миланс дель Боск, приговоренный к тридцати годам тюрьмы за участие в попытке переворота 23 февраля 1981 г.

Кто же стоит за спиной фашистов, кто покрывает их расходы на ведение пропаганды, на закупки оружия и боеприпасов? В этом отношении орган Коммунистической партии Испании газета «Мундо обреро» писала, что «фашизм на испанской земле, как и в других странах, является порождением крупного капитала. И сейчас

---

⁷⁹ Gransche X. Spanische Rechte.— Nation Europa, 1976, Nr. 10, S. 26.

определенная часть предпринимателей подкармливает фашистов, чтобы они оставались в состоянии постоянной боевой готовности на случай, если развитие демократии пойдет слишком далеко»⁸⁰. Не секрет, что некоторые предприниматели передают деньги в кассу профашистских организаций в качестве членских взносов. Иногда денежные переводы на счета фашистов в некоторых банках Испании и за рубежом производятся тайно. Ультраправым силам в Испании оказывает поддержку, в том числе финансовую, и международная реакция. Так, западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал статью, разоблачающую связи лидера блока ХДС/ХСС Франца-Йозефа Штрауса с Народным альянсом, во главе которого стоит неофранкист, сторонник линии «твердой руки» Мануэль Фрага Ирибарне⁸¹.

События подтверждают, что испанцы не намерены мириться с разгулом политического бандитизма правых экстремистов. Прогрессивные силы страны, и в первую очередь Коммунистическая партия Испании и Испанская социалистическая рабочая партия, полны решимости не допустить того, чтобы реакционеры смогли повернуть вспять колесо истории. Именно поэтому коммунисты и социалисты настойчиво призывают всю демократическую общественность Испании и весь народ объединиться в борьбе против обломков старого режима с тем, чтобы защитить от посягательств фашистов молодую испанскую демократию. И этот призыв нашел отклик в сердцах испанцев. На парламентских выборах 28 октября 1982 г. 46% избирателей отдали свои голоса Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП)⁸². Победа левых сил в Испании — исторический момент в жизни страны, которая лишь семь лет назад освободилась от фашистского режима. Миллионы голосов, отданных избирателями за кандидатов демократических партий, твердо выступающих в поддержку конституции,— это недвусмысленный ответ испанцев на происки реакции.

Приходу к власти 21 апреля 1967 г. в Греции фашистской хунты способствовал, в первую очередь, глубокий кризис режима, возникшего в стране в послевоенный период при содействии иностранного империализма.

---

⁸⁰ Mundo Obrero, 1981, 12. Septiembre.

⁸¹ Der Spiegel, 1980, 12—18. September.

⁸² Правда, 1982, 1 октября.

Имелся целый ряд причин, которыми воспользовались реакционные силы для установления в Греции фашистской диктатуры.

Это, во-первых, послевоенный кризис господства традиционной монополистической олигархии, все более вытесняемой международным капиталом, представленным крупнейшими транснациональными кампаниями.

Во-вторых, отсутствие единства демократических сил. Оно объяснялось прежде всего тем, что либеральная буржуазия, чьи интересы выражала главным образом партия «Союз центра», позабыв об уроках прошлого, в угаре антикоммунизма, ставшего официальной государственной политикой послевоенной Греции, отвергла предложения Коммунистической партии Греции и левого движения о сотрудничестве и совместном противодействии неофашистской угрозе. К тому же, когда либералы находились у власти (1963—1965 гг.), они не только не пошли по пути демократизации общественной и политической жизни страны, но, напротив, делали уступки требованиям реакции, создав таким образом потенциальную возможность для антидемократического контрнаступления.

В-третьих, наличие ошибок и политических просчетов в рядах демократического движения, связанных с тем, что КПГ с 1947 г. находилась на нелегальном положении, а другие левые силы, действуя легально, не подготовили своих членов и все рабочее и демократическое движение к решительному отпору наступлению реакции. Наряду с этим серьезную роль в установлении фашистской диктатуры сыграл ряд внешних факторов, и прежде всего агрессивная глобальная стратегия американского империализма, который еще в 1947 г. навязал Греции «план Маршалла» и «доктрину Трумэна» под эгидой своего военного, экономического и политического господства.

Пример Греции, где фашисты в 1967 г. захватили власть при непосредственной поддержке агрессивных кругов США и НАТО, подтверждает вывод о том, что фашизм всегда был детищем империализма. Через международные банковские организации иностранные монополии, и прежде всего американские и западногерманские, предоставили военной хунте займы, сумма которых за 1967—1970 гг. превысила 500 млн. долларов. Одновременно крупные бизнесмены, используя благоприятные условия, созданные режимом для иностранных ин-

вестиций, за тот же период увеличили свои капиталовложения в Греции на 75% и основали в стране 403 иностранные фирмы⁸³. События в Греции подтвердили вывод международного коммунистического движения о том, что в ряде случаев фашизм «идет не снизу, как массовое движение для захвата власти, а, наоборот, сверху — из государственного аппарата, объединенного под командованием финансового капитала и поддерживаемого военной силой буржуазии, а также от всех контрреволюционных сил буржуазии...»⁸⁴. Не располагая широкой массовой поддержкой, греческий фашизм стремился привлечь на свою сторону главным образом реакционную военщину.

Тенденция сближения военщины с неофашизмом впервые получила свое реальное воплощение в Греции. Этому в решающей мере способствовали антидемократические традиции греческих милитаристских кругов. С начала XX в. военные участвовали примерно в 20 государственных переворотах и создали около 30 нелегальных и полуполициальных военных организаций, ставивших своей задачей подавление демократии и установление абсолютистского режима. На армию опирался генерал Метаксас, организовавший в 1936 г. фашистский переворот; из военных выходили и другие кандидаты в диктаторы. Роль греческой военщины еще более возросла после поражения демократических сил в гражданской войне 1946—1949 гг. Но если Муссолини и Гитлер использовали для захвата и упрочения власти почти всю армию, полувоенные фашистские организации и фашизированные полицейские части, то в перевороте греческой хунты участвовали лишь немногие фашисты-офицеры, некоторые специальные части армии, подчиненные непосредственно НАТО и направляемые ее тайными разведывательными службами. Захватив власть, руководители переворота приступили к чистке армии. Были уволены почти 4000 офицеров (40% офицерского корпуса), отстранены от занимаемых должностей все военные, кто дал хотя бы малейший повод сомневаться в поддержке хунты⁸⁵.

---

⁸³ См.: Vima, 1975, November.

⁸⁴ Димитров Г. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 387.

⁸⁵ Vima, 1976, October.

Однако тактика греческих неофашистов, средства и методы, используемые ими для подавления демократического рабочего движения и укрепления власти местных и иностранных монополий, отличались известным своеобразием. Из старого фашистского арсенала было взято то оружие, которое могло бы помочь приспособить антидемократическую тактику хунты к новым внутренним и международным условиям и с помощью всевозможных псевдodemократических маневров замаскировать фашистскую сущность режима. Для более эффективного обмана общественного мнения Греция была провозглашена «президентской республикой». На это вынудили хунту внутренние факторы: диаметрально противоположность целей и задач авторитарного режима интересам народа и нарастание сопротивления трудящихся масс. Возникла также необходимость предоставления зарубежным покровителям и сторонникам каких-то аргументов для смягчения неприязни, которую хунта вызывала в международном общественном мнении.

Буржуазные политические круги, пришедшие к власти после краха в 1974 г. военно-фашистской хунты, приняли ряд мер, которые способствовали определенному оздоровлению политической обстановки в стране. Были выпущены на свободу политзаключенные, отменено военное положение, ликвидированы некоторые законы диктатуры. Греческие коммунисты и левые силы страны получили возможность открыто выражать свое мнение. Однако перечисленные меры носили половинчатый характер. Весь государственный механизм, созданный военным режимом, оставался, по существу, нетронутым. Смещена была лишь верхушка управленческого аппарата и местных органов власти.

В новых условиях неофашисты Греции меняют свою тактику и пытаются прикрыться такими псевдodemократическими, но по существу реакционными политическими силами, как, например, созданный в послехунтовский период «Национальный демократический союз» во главе с крупным фабрикантом и ярким реакционером П. Гаруфалясом, «Национальная группировка» с лидером С. Стефанопулосом, «Национальная группа греческих женщин», основанная вдовой бывшего диктатора Метаксаса, и другие правые и ультраправые группировки. Усиливается консолидация ультраправых. Решение С. Мар-

кезиниса * возродить партию «прогрессистов» вдохнуло новую жизнь в их движение. Вокруг Маркезиниса блокируются бывшие участники хунты, крайне правые элементы из партии «Новая демократия».

Комментируя последствия и перспективы роста активности правых сил, еженедельник «Политика темата» писал в декабре 1979 г., что сторонники хунты и члены неонацистских организаций готовятся к выступлениям еще большего масштаба. В частности, отмечалось, что на совещаниях правых сил, проходивших с участием отставных офицеров, представителей крупного капитала и ультраправых группировок, было принято решение о «продолжении борьбы» в двух направлениях. Первое предусматривало политическую борьбу правых на выборах. Второе — «борьбу правых с существующим режимом с использованием силы»⁸⁶. А в стратегических планах греческой реакции — вооруженное свержение конституционного режима, которое вновь должны будут возглавить военные из числа сторонников диктатуры «черных полковников».

В конце 1965 г. после прихода к власти Партии справедливости в столице Турции Анкаре появилась пантюркистская, антикоммунистическая крайне правая организация «Общество второй национальной армии», объявившая в своем информационном заявлении «борьбу коммунизму», в том числе вооруженным путем. Начало 60-х гг. было отмечено созданием во многих городах страны «групп нападения», носивших ярко выраженную антикоммунистическую окраску. Тот период также неразрывно связан с деятельностью фашиствующих молодчиков из Партии националистического движения (ПНД), возглавляемой закоренелым неонацистом и пантюркистом Альпарсланом Тюркешем. Тюркешистские боевики, выступившие под лозунгом «Объединим наши материальные и духовные силы против коммунизма», стали составной частью «коалиции борьбы против левого движения, в которую вошли Партия Справедливости (ПС), частные предприниматели, иностранный капитал, реакционеры всех мастей. Самую большую помощь сложившаяся в то время «антикоммунистическая конфедерация»

---

* Маркезинис — крайне правый политический деятель, создатель и руководитель правой партии «прогрессистов», премьер-министр в период правления «черных полковников» (1973 г.).

⁸⁶ Politika Temata, 1979, 17—23. Dezember.

рация» получала из государственной казны, оказавшейся под контролем правительства во главе с ПС.

Лидер турецких неонацистов Альпарслан Тюркеш на протяжении почти всех 60-х и начала 70-х гг. был единственным представителем партии ПНД в парламенте. Основой его философского кредо является крайний национализм с примесью ностальгии по прошлому величию Турции и будущих надежд на объединение всех турок. Его характеризуют фанатический антикоммунизм и приверженность строгой дисциплине. Свои взгляды откровенного последователя Гитлера Тюркеш передает модному поколению турецких неонацистов — членам экстремистских групп «серые волки». («Серым волком» называли в старину легендарное животное, которое вывело турецкие племена из голодных степей Центральной Азии на новую родину в Малой Азии). В конце 60-х гг. по указанию Тюркеша большая группа «серых волков» направляется в университетские городки, чтобы противодействовать усилившимся левым влияниям среди студентов.

Судьба Партии националистического движения резко переменилась в конце 70-х гг., когда Тюркеш стал заместителем премьер-министра в коалиционном правительстве Сулеймана Демиреля, и партия из случайной мелкой организации стала внушительной политической силой. Демирель всячески поощрял ПНД, так как считал эту партию естественным союзником в борьбе против коммунизма в парламенте, а ее бойцов, «серых волков», — вне парламента. В 1977 г. организация Тюркеша получила 16 мест в национальном собрании, насчитывающем 450 депутатов, и ПНД стала четвертой по числу членов партией страны⁸⁷.

Однако сущность неонацистской партии не изменилась. Ее первостепенной задачей осталось уничтожение сторонников мира и демократии, насилие, подрыв государственной власти. ПНД оказывали большую финансовую поддержку влиятельные промышленники и финансово-промышленные корпорации. «Добровольные пожертвования» в фонд неонацистов регулярно делали бизнесмены стамбульской торговой и промышленной палат, общества работодателей монопольного треста Сабанджи. Преступную деятельность неонацистов финансировали зарубежные неонацистские организации, в

⁸⁷ Milliyet, 1977, 15. haziran.

том числе из США и ФРГ. Небезызвестный Адольф фон Тадден писал Тюркешу: «С большим удовольствием получаю ваши письма. Я благодарен вам за высокую оценку меня самого и моей партии. Я еще более рад тому, что узнал о вашей позиции в отношении родственности наших партий. Существуют общие основные принципы, которые мы разделяем. Уверен, что вы хотели бы расширить и упрочить наши дружеские отношения. Я с радостью соглашаюсь развивать отношения между нашими двумя партиями. Мы приняли единодушное решение об обмене визитами наших молодежных секций. Не были бы вы настолько любезны, чтобы быть моим личным гостем? Было бы замечательно получить возможность обменяться взглядами о наших странах, а также рассмотреть возможности и средства для взаимной помощи»⁸⁸.

Используя то обстоятельство, что ПНД в течение последних лет входила в состав коалиционных правительств, Тюркеш и его подручные настойчиво внедряли своих людей в различные звенья государственного и правительственного аппарата, особенно в систему полицейских служб и безопасности. Через министерство таможен и монополий, где неофашисты захватили ключевые позиции, ПНД имела возможность беспрепятственно получать оружие из-за рубежа. В штаб-квартире этой организации была установлена засекреченная электронная аппаратура, позволявшая прослушивать телефонные разговоры сотрудников управления национальной безопасности и разведки, генерального штаба вооруженных сил и других официальных учреждений. Руководство неофашистов завело досье на деятелей правительства, военных ведомств... Действия Партии националистического движения не ограничивались рамками Турции. Главное свое зарубежное гнездо турецкие неофашисты свили в Западной Германии. Здесь экстремисты из ПНД поддерживают контакты с западногерманскими неонацистами, а также спецслужбами, выполняя их различные поручения. Во Франции, Англии, Западной Германии, Австрии, Италии, Бельгии и Нидерландах, где проживает более полутора миллионов турецких граждан, прибывших на заработки, ПНД создала 103 филиала, которые издают 34 газеты и журнала⁸⁹.

⁸⁸ Gumguriyet, 1979, 19. eylül.

⁸⁹ Правда, 1981, 2 ноября.

Пережив относительно спокойно годы разгула фашизма в Европе, общественность **Швеции**, в особенности молодежь, и большинство общественно-политических организаций относительно равнодушны и к сегодняшним проявлениям неонацизма и нацизма.

Одну из группировок, сохранившихся от организаций фашистского «твердого ядра», представляет «Национальный союз Швеции». На юге страны в городе Мальмё находится правление так называемой Северной имперской партии (председатель — Еран Ассар Уредссон). Здесь же издается и откровенно фашистский журнал «Нордическая борьба». Северная имперская партия — крайне правая нацистская организация, выступает с неприкрытой антисемитской пропагандой и ставит своей целью свержение правительства, замену буржуазной демократии национал-социалистской диктатурой. Наиболее сильные оплоты партии — университетские города. В стране действует также «Новое шведское движение», основанное «ветераном» шведского фашизма Пером Энгдалем. Печатный орган группировки — журнал «Путь вперед». Особую позицию в праворадикалистском движении Швеции занимает националистическая организация «Сельскохозяйственная партия единства», ведущая неонацистскую пропаганду среди крестьянства. Другая откровенно нацистская группировка — «Способствование обороне», членами которой являются военнослужащие или отставные офицеры.

Современные шведские фашисты вынашивают планы вооруженных террористических актов, для чего создают в различных городах крупные склады оружия. Свою конечную цель они видят в установлении в стране диктаторского режима. «Скоро наступит время для захвата власти в Швеции, — заявил молодой член «Северной имперской партии», задержанный полицией по подозрению в причастности к взрыву двух бомб в Стокгольме. Одна из бомб с ядовитым газом взорвалась к кинотеатре во время демонстрации антифашистского фильма. — Как только наш фюрер даст сигнал, мы готовы это сделать. Если понадобится, то пойдем и с оружием в руках»⁹⁰.

В 1975 г. произвели перегруппировку своих сил неонацисты **Норвегии**. Они создали объединенную партию, костяк которой составили «Национальный молодежный

---

⁹⁰ Ny dag, 1974, N. 44, 1—7 juni.

союз», «Антикоммунистический альянс» и Партия прогресса. Накануне коммунальных выборов в сентябре 1979 г. заметно оживилась деятельность крайне реакционных элементов, членов неонацистской организации «Норвежский фронт». Поскольку эта организация официально запрещена, неонацисты постарались проникнуть в другие группировки и партии, в частности в Демократическую партию Норвегии (ДПН). И когда были опубликованы списки кандидатов от участвующих в голосовании партий, то в их числе оказались десятки деятелей, известных по «Норвежскому фронту», которых выдвинула ДПН. Среди них — и старые нацисты, служившие в гитлеровских отрядах СС, и члены молодежной организации норвежских неонацистов «Националь-унгдоммен»⁹¹.

В марте 1981 г. норвежская полиция сообщила о раскрытии неонацистской организации, члены которой на протяжении длительного времени занимались сбором оружия, пропагандой войны и идеологии неонацизма. Следствие по этому делу подтвердило наличие в стране тайной военизированной неофашистской организации. Созданная накануне поражения гитлеровской Германии в 1945 г., эта организация ставила своей главной задачей спасение высоких чинов гитлеровского рейха от справедливого возмездия, обеспечивая их тайную переправку во франкистскую Испанию и страны Латинской Америки. Одна из важных задач, решаемых организацией в наши дни, заключается в проникновении ее членов в другие, в том числе демократические, организации и в проведении там шпионажа, вербовочной работы, выявлении активистов и составлении списков прогрессивно настроенных лиц.

В соседней Финляндии своей агрессивностью отличается крайне правая Конституционалистская (Коалиционная) партия. Образованная в 1973 г. на базе неофашистских и праворадикалистских организаций, она представляет интересы крупного монополистического капитала, насаждает ярый национализм и антисоветизм⁹². Другая профашистская партия Веннамо (названная так по имени своего руководителя) открыто при-

---

⁹¹ Morgenposten, 1979, 28. augusti.

⁹² Буржуазные партии в Западной Европе.— Проблемы мира и социализма, 1980, № 7, с. 94.

знает и пропагандирует идеи фашизма. Ее социальную базу составляют преимущественно зажиточные крестьяне на севере страны.

Бывшие финские эсэсовцы объединены в организацию «Вельесану» («Братская помощь»). Они регулярно проводят свои собрания, называемые «праздничными вечерами братства». Если в 1977 г. министерство внутренних дел Финляндии смогло запретить проведение собраний и встреч бывших эсэсовцев, планировавших продемонстрировать эсэсовские знаки отличия, знамена, исполнить эсэсовские маршевые песни, то с тех пор власти больше не вмешиваются в деятельность этой организации. Подобное поощрительное отношение добавляет наглости требованиям крайне правых: под их давлением городские власти Хельсинки приняли решение соорудить в столице Финляндии памятник Вяйне Таннеру, нацистскому преступнику, осужденному в 1946 г. военным трибуналом.

В Дании, в городе Орхус, существует нелегальный центр по вербовке членов неонацистской организации со штаб-квартирой в США. Эта организация, по идее ее вдохновителей, «должна охватить весь мир»⁹³. Центр в Орхусе занимается рассылкой пропагандистских материалов на английском и немецком языках, призывая «сочувствующих» присоединиться к «движению». Его основная цель — создание «всемирной арийской организации, основывающейся на бессмертных идеях Адольфа Гитлера»⁹⁴. Формуляры, которые необходимо заполнить для вступления во «всемирную» неонацистскую организацию, сопровождаются письмами, подписанными ее американским «фюрером»; неким Мэттом Колем. В них подчеркивается, в частности, что члены организации «должны безоговорочно принимать идеи национал-социализма».

Знакомство с «национальными» проявлениями современного фашизма еще раз подтверждает актуальность вывода международного коммунистического движения, сделанного в период нарастания фашистской угрозы на Европейском континенте в предвоенные годы: «Демократия должна быть начеку!» Неофашизм наших дней многолик, его щупальца простерлись по многим

---

⁹³ Land og Folk, 1981, 15. maj.

⁹⁴ Правда, 1981, 7 апреля.

странам и континентам. С помощью осовремененной социальной демагогии, почерпнутой из идеологического арсенала Гитлера и Муссолини, он стремится овладеть массовым сознанием, создать себе социальную базу, укрепиться в стереотипах буржуазного образа жизни. Его главная цель — молодежь, его главное идеологическое оружие — демагогия, замешанная на фальсификации, политическом обмане и зоологическом антикоммунизме. И там, где поощрительно относятся к антикоммунизму и антисоветизму, где они возведены в ранг государственной политики, особенно вольготно чувствуют себя крайне правые, выступая в авангарде реакционных сил против демократии и социального прогресса. ,

**НЕОФАШИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
«ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ».
ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ
«ЧЕРНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА»**

В настоящее время сущность фашистского движения остается прежней, хотя она и тщательно маскируется. Поэтсму ее порой трудно распознать, однако нити, которыми связаны организации, представляющие современный крайне правый радикализм, позволяют определить истинное лицо его приверженцев. Ударные силы этого движения создали объединение, которое получило название «черный интернационал» или, как его еще называют, «фашистский интернационал». Его идеологическую основу составляет антикоммунизм, а ведущую стратегическую цель — «объединенная Европа». «Довоенная фашистская идея создания Европейской империи,— восклицает один из идеологов современного фашизма француз Морис Бардеш,— является насущным требованием нашего времени, ибо только внутри нее нации смогут вновь обрести мощь, утраченную ими в 1945 г. Только Европейская империя сможет обеспечить им свободу и защиту»¹.

Как известно, в основе нацистской концепции «нового порядка» в Европе лежит геополитическая доктрина*, согласно которой фашистское государство представляет собой биологический организм и для его естественного развития требуется постоянно расширяющееся «жизненное пространство». Обеспечить его германской нации можно было, согласно утверждениям гитлеровских геополитиков.

---

¹ Bardesche M. Qu'est-ce que le fascisme? Paris, 1963, p. 112—113.

* Геополитика — буржуазная политическая теория, стремящаяся путем извращенного толкования данных экономической, политической и физической географии обосновать внешнюю политику империалистических держав, их претензии на широкое господство и экспансию.

литиков, лишь подчинив или уничтожив население соседних с Германией государств. Нацистская Германия намеревалась стать единоличным руководителем «новой Европы», в которую должны были войти территории Западной и Центральной Европы, Советский Союз и средиземноморский бассейн со всей Африкой. Не провинции, а геополитические категории, не союзники, а сателлиты, не перемещение границ, а перетасовка государств всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор — такими представлялись Гитлеру цели «великой войны» во имя создания «фашистской Европы».

После окончания второй мировой войны сторонники нацистской теории «жизненного пространства» вновь заговорили о создании «Европейской федерации». Правда, вначале речь шла о «Дунайской федерации» в составе Баден-Вюртемберга, Баварии, Австрии и Венгрии. На состоявшемся в конце 1946 г. в Мюнхене совещании правоконсервативных партий представители Социалистической имперской партии (из числа бывших нацистов) предложили слегка измененный план гитлеровской «объединенной Европы», фундамент которой, по их мнению, был заложен еще 10 лет назад, а именно: 4 ноября 1936 г. В этот день в г. Фельдсфинге (близ Мюнхена) состоялась первая негласная «международная антикоммунистическая конференция», в которой приняли участие также представители от так называемой «Международной антанты против III Интернационала» и «Всемирной организации борьбы женщин против большевизма». Гитлер послал приветствие этой конференции, Геббельс устроил для ее участников пышный прием. Основной доклад сделал «личный представитель министерства пропаганды и пропагандистского ведомства национал-социалистической партии» доктор Эберхард Тауберг. В принятой по его выступлению резолюции было сказано, что конференция должна стать исходным пунктом всемирного (!) антибольшевистского движения и заложить основы создания фашистской международной организации — «Антикоминтерна»...

Этот факт и принятые на упомянутом фашистском сборище решения и в наши дни довольно часто «обыгрываются» лидерами западногерманской НДП, которые пытаются утверждать, что своей политикой и, в частности, войной против России Гитлер якобы создал некую модель европейской конфедерации. Согласно их рассуж-

дениям, «в рамках антикоминтерновского пакта начала вырисовываться возможность европейской конфедерации под германским руководством, которая затем приобрела зримые и эффективные очертания в виде добровольческих формирований почти всех европейских государств, боровшихся на стороне Германии против Советского Союза»². Очевидно, неонацисты имеют в виду испанскую «голубую дивизию», бельгийскую «Валлонию», эсэсовцев-мусульман, немецкие подразделения СС в Голландии, в скандинавских и других странах.

Как известно, нацистские планы по созданию «объединенной Европы» под эгидой «Великой Германии» потерпели крах во второй мировой войне. Однако сторонники поверженного фашизма не отказались от этой идеи. Еще в августе 1944 г., когда исход войны был фактически предрешен, крупнейшие промышленники фашистской Германии нелегально встретились в г. Страсбурге для выработки планов финансовой и политической операции по спасению главарей фашизма и капиталов третьего рейха. То и другое было необходимо для восстановления нацистской партии после поражения Германии и создания на ее основе нового «международного союза наций». На счета создаваемого «фашистского интернационала», призванного объединить всех уцелевших после войны нацистов и фашистов, в банки Австрии, Испании, Швейцарии, Лихтенштейна, Португалии, Аргентины и некоторых других латиноамериканских стран были переведены 500 млн. долларов, что позволило укrywшимся от правосудия военным преступникам после 1945 г. установить контроль над 750 промышленными и коммерческими компаниями в Европе и Аргентине и создать экономическую базу, которая служит постоянным финансовым источником современному фашистскому интернациональному объединению³.

История создания «фашистского интернационала» непосредственно связана с именами Рейнхарда Гелена и Отто Скорцени.

Скорцени — основатель террористических групп во многих странах, был главным организатором переправки

---

² См.: Schmidt G. Hitlers und Maos Söhne. NPD und Neue Linke. Frankfurt a. M., 1969, S. 16.

³ См.: Luca M., Valentini Ch. La ragnatela nera.— Panorama, 1974, N. 431, p. 55.

и обоснования нацистов в Латинской Америке, и прежде всего в Аргентине. После завершения «переселения» нацистов в Латинскую Америку и другие места, которое осуществлялось через такие организации, как, например, «Камараден Верк» и «Ди Шпинне», Скорцени приступил к реализации своей давней мечты о создании нового рейха. С этой целью он поставил своих приспешников на ключевые посты в ряде стран Латинской Америки, образовав так называемый железный треугольник. Однако в 1955 г. эта затея провалилась, и Скорцени вынужден был уехать в Мадрид и оттуда действовать в соответствии с более широким планом. Он наладил тесное сотрудничество с итальянскими неофашистами и с испанскими фалангистами, одновременно проник настолько глубоко в итальянскую разведслужбу, что за кулисами многих акций, проводимых этой разведкой, стояли не ее руководители, а Скорцени. Его фашистская организация преследовала следующие цели: через государственный переворот или с помощью подпольной деятельности захватить власть и закрепиться в странах третьего мира и широко-масштабным террором бороться с коммунизмом. Вся эта работа велась на два фронта: непосредственно организацией Скорцени и ею же в тесном сотрудничестве с ЦРУ.

Большую практическую помощь Скорцени в создании международной сети неофашизма оказал Рейнхард Гелен, который после войны возглавлял западногерманскую разведку БНД. Многие из бывших сподвижников Гелена со времен Гитлера продолжали службу под его началом в разведывательном ведомстве Федеративной Республики. БНД наладила тесные связи с ЦРУ, и уже в начале 60-х гг. многие его агенты перебрались в США. Часть из них и сейчас продолжает работать в разведке, только теперь уже в ЦРУ. Некоторые из «доверенных людей» Гелена, сотрудничая с ЦРУ, значились одновременно и агентами разветвленной сети фашистских организаций, которые Скорцени создал на линии Аргентина — Испания. В тот же период в Западной Германии возродилась открытая пропаганда фашистской геополитики. В 1951 г. возобновилось издание журнала «Zeitschrift für Geopolitik», на страницах которого еще в 20-е гг. Хаусхофер, Мауль и другие геополитики систематически выступали с идеями реваншизма и агрессии.

Особым усердием в распространении геополитических концепций и лозунгов в ФРГ отличалась неонацистская

Социалистическая имперская партия (СИП). В «Циркуляре № 5» организации СИП земли Северный Рейн — Вестфалия содержались резко полемические выпады против сил, «не признающих необходимости в пространстве». Почти дословно этот тезис повторен в «Манифесте» Национал-демократической партии — преемницы СИП: державы, отрицающие необходимость в жизненном пространстве, лишают самостоятельности народы Европы и поддерживают разделение Германии и Европы ради осуществления собственных политических целей. Геополитическими лозунгами, направленными на «очищение» Европы от иностранного присутствия, изобилует и программа НДП, призывающая немцев во имя «объединения Германии» стремиться вместе со своими европейскими соседями к тому, чтобы освободить европейское пространство от иностранных держав, которые «со времен Ялты и Потсдама все еще занимают и тем самым разделяют его». Воплощение идеи «освобождения Европейского континента» в жизнь неонацистская НДП ставила в зависимость от одного из основополагающих своих требований: «Никакая партия, никакое правительство не имеют права отказаться от Судетской области» и заодно предъявляла претензии на Данциг, Мемельскую область (Клайпеду) и западные земли Польши.

Более откровенно, хотя и с оглядкой, высказывался по этому поводу национальный секретарь Итальянского социального движения Джорджо Альмиранте. В своем выступлении в январе 1974 г. на пленуме ИСД-НПС он, оценивая прошлое, сказал: «Национальные правые (неофашисты.— М. Ф., А. Р.) отвергают мнение о равной ответственности США и СССР за ялтинские соглашения. Никто и никогда не заставит меня защищать ялтинский мир, ибо в нем преобладали варварство и деспотизм. Но мы не должны забывать, что если бы по ялтинским соглашениям Италию включили в сферу коммунистического влияния, мы, конечно, не могли бы сегодня выступать...»⁴.

Исторический опыт фашистов был по-своему учтен их преемниками: современные геополитические теории приобрели «наднациональную», космополитическую ок-

---

⁴ La relazione Almirante al Comitato Centrale. La posizione del MSI-DN di fronte ai gravi problemi della Nazione.— 11 Secolo d'Italia, 1974, 15 gennaio.

раску. Несмотря на разногласия между европейскими неонацистскими организациями, тенденция к расширению международных контактов и сотрудничества, стремление объединить свои усилия в масштабе всего континента, сформировать неонацистский «интернационал» как первый шаг на пути к созданию единой нацистской Европы стали для современных фашистов одним из насущнейших требований дня. Собственные рецепты «новой объединенной Европы» предлагают бельгийские, английские, французские неонацисты. Так, Морис Бардеш пытается теоретически обосновать план государственно-экономической структуры «новой Европы», в которой будут заложены ростки донныне неизвестного социального строя — «подлинного корпоративизма — европейской третьей силы между капитализмом и марксизмом»⁵.

Впервые после второй мировой войны вопрос о создании международной организации неонацистских сил был поставлен в 1950 г. на съезде молодежной организации Итальянского социального движения — федерации студентов университетов (FUAN)*. Там же было принято решение об учреждении Первого неонацистского интернационала, получившего название Европейское социальное движение (ЕСД). Определяя задачи нового неонацистского формирования, его идейные вдохновители заявляли, что после победы будущей «национальной и социальной революции», — как третьей силы в борьбе против капитализма и «большевизма», — ЕСД станет продолжением того идейного наследия, которое в момент возникновения Европейского социального движения выразилось в различных странах в требовании создания неонацистской Европы. Впрочем, в выступлениях ораторов постоянно упоминалась концепция «нового порядка», разработанная гитлеровскими идеологами еще в годы второй мировой войны.

В 1951 г. в шведском городе Мальмё состоялась международная встреча представителей 15 западноевропейских неонацистских движений. На ней присутствовали: один из лидеров неонацизма в ФРГ Карл Пристер, быв-

⁵ Bardèche M. Qu'est ce que le fascisme? p. 67.

* FUAN — Fronte Universitario di Azione Nazionale («Университетский фронт национального действия») в 1970 г. насчитывал 10 000 членов. В 1972 г. после роспуска военизированных групп организации «Молодая Италия» (ее численность достигала 70 000 человек) большая ее часть влилась в ряды ФУАН.

ший гаулейтер Саксонии д-р Рихтер, руководители созданной Видкупом Квислингом организации норвежских нацистов, представители национал-социалистской партии Дании, сторонники голландского фашистского преступника Муссерта и последователи бельгийского рексистского движения, лидер французских неофашистов Морис Бардеш и руководитель неофашистского шведского «Нового порядка» Пер Энгдал, который и выступил с основным докладом. Охарактеризовав положение в национальных неофашистских организациях Западной Европы, Энгдал представил на рассмотрение собравшихся так называемую политическую программу Европейского социального движения, в которой первоочередными задачами определялись: полное уничтожение еврейской нации, ликвидация во всех странах буржуазного либерализма, подготовка и осуществление в Западной Европе национальных фашистских «революций» и, наконец, создание «Союза защиты Европы», который должен объединить под эгидой ЕСД все антикоммунистические организации и течения на европейском континенте.

Программа Европейского социального движения (получившего впоследствии название Мальмский интернационал) не нашла, однако, одобрения у «рядовых» неофашистов. Ностальгические требования бывших сподвижников Гитлера и Муссолини имели слишком откровенное сходство с гитлеровской концепцией «нового порядка» в Европе и не были поддержаны молодежным контингентом неофашистских организаций и группировок различных западноевропейских стран. Участникам встречи не удалось воскресить в теле послевоенного неофашизма консервативно-дряхлую душу фашизма 20—40-х гг. И потому, созданный в 1951 г. и утвержденный на встрече в Мальмё в 1951 г. неофашистский интернационал в своих теоретических разработках не вышел за рамки нескольких демагогических определений: «европейское правительство» — выразитель интересов «европейской элиты»; глава государства — воплощение «высшей государственной и юридической власти»; «европейская палата» — консультативный орган, не имеющий права оказывать «влияние на формирование национальных правительств» и т. п.

К тому же, претворению намеченных в программе ЕСД задач мешали многочисленные противоречия, разъедавшие организм европейского неофашистского движения. Главари европейского неофашизма были всерьез

обеспокоены процессом разложения. В 1956 г. в Милан в качестве гостей съезда Итальянского социального движения прибыли Пристер и Энгдал. От имени Европейского социального движения они обратились к делегатам с призывом сплотиться для борьбы за создание «Европы от Будапешта до Толедо». «Дух нашей старой и в то же время такой молодой Европы,— демагогически заявил, обращаясь со страниц «Секоло д'Италия» к молодежному крылу ИСД. Пер Энгдал,— объединяет тех, кто в Африке и России боролся за спасение нашего будущего и европейской традиции. Это те, кто сражался от Нарвика до Кавказа не за деградированную и исковерканную Европу, а за Европу от Витебска и Берлина до Толедо»⁶.

В декабре 1957 г. в Зальцбурге под девизом «Европа вновь должна стать ведущей силой» состоялся первый международный неонацистский конгресс. В одной из принятых резолюций выдвигалась европейская экономическая программа, осуществление которой предполагало даже введение единой континентальной валюты. В ней также упоминались «вооруженный нейтралитет» и «демократический федерализм» от Венгрии и Буга до Атлантики. В развитие идей «латинской Европы», «Великой Германии» и т. п. участники неонацистского собрания ратовали за создание «Великой Европы» — на основе кооперации германских, романских и славянских народов, — в которой восторжествует «европейский национал-социализм».

Намечавшийся в 1959 г. в Зальцбурге второй конгресс этого «интернационала» запретили австрийские власти. Тем не менее в 60-х гг. был создан ряд других международных организаций неонацистов — Европейский новый порядок, Европейская национальная партия, Северный европейский ринг и Мировой союз национал-социалистов, главную опору которого составляли неонацистские партии США и Англии⁷. Эти неонацистские организации отличались воинственной активностью, что в условиях «холодной войны» способствовало созданию психологической атмосферы, которая благоприятствовала идейной и политической «реабилитации» фашизма в глазах кон-

---

⁶ Intervista a Per Engdahl.— 11 Secolo d'Italia, 1956, 4. november.

⁷ См.: Eisenberg D. The Re-emergence of Fascism. London, 1967, p. 22—26.

сервативной части общественности западных капиталистических стран.

Следует заметить, что в первое послевоенное время, в период острой «холодной войны», неофашисты определенно считали, что попытаться вновь ударить на Европу вернее всего из центра континента — откуда начинал Гитлер. Первоначальный план состоял в том, чтобы, сговорившись с бывшими генералами вермахта и реваншистскими деятелями правившей тогда в Бонне правой партии Аденауэра, внезапно захватить власть на Рейне и затем договориться с антисоветскими державами Запада. Но военщина в те дни, когда еще не стерлись следы фашистского насилия и войны, действовать в соответствии с упомянутым планом не решалась. Аденауэр предпочел сохранить власть в собственных руках. США и Англия не хотели волновать мировое общественное мнение. Заговор, ставший потом известным как «заговор Наумана» (тогдашнего тайного руководителя нацистов и эсэсовцев), провалился. После этого в делах международного фашизма произошел длительный застой. Его силы стали таять, в его штабе участились споры и ссоры. И только в 70-х гг. было окончательно принято решение: повернуть к югу и юго-западу континента, сосредоточиться на осаде другого района в Западной Европе — Средиземноморья.

Целью стало создание неофашистской оси Рим — Париж — Мадрид — Лиссабон — Афины. Вместо «системы Гитлера» решили обновить «систему Муссолини» как более перспективную в послевоенное время. То, что не удалось на Рейне, должно было, по замыслам нового плана, удастся у берегов латинского моря⁸. Первые шаги по реализации этого плана были предприняты уже в марте 1962 г. в Венеции, когда участники заседания европейских правых за «круглым столом» подписали «Декларацию Европы», которая представляла собой развернутую программу переустройства Западной Европы в соответствии с требованиями неофашистов.

Анализ положений «Декларации» показывает, что в нее вошли компоненты, общие для всех программ государственного переустройства, разрабатываемых в то время идеологами западноевропейского неофашизма. Это — идея третьей силы, как альтернативы капитализму и ком-

⁸ Генри Эрнст. Неофашизм подымает голову.— Новый мир, 1980, № 1, с. 189.

мунизму; концепция «трудового государства», иначе говоря, корпоративного, в котором «интересы производства» должны вытеснить с арены политической и социальной жизни классовую борьбу, заменив ее стремлением к «благополучию» и разрешению всех противоречий в рамках профсоюзных учреждений; и, наконец, плохо замаскированное родство с гитлеровским «новым европейским порядком» — концепция «жизненного пространства», воплощаемая в контурах «европейской колониальной империи», куда должны будут войти и бывшие британские доминионы, и европейские заморские территории, и так называемая «Евроафрика» с обязательным для фашистской идеологии решением расовой проблемы: уничтожением еврейской нации и сохранением в руках белых колониалистов рычагов управления странами третьего мира⁹. Осуществление этих планов возлагалось на Европейское социальное движение. «Декларацию Европы» подписали представители национальных организаций ЕСД: О. Мосли (Англия), Тириар (Бельгия), Адольф фон Тадден (ФРГ), видный активист итальянского неофашизма Джованни Ланфре и др. Для различного рода консультаций было решено проводить раз в два месяца неофициальные встречи¹⁰.

Пропагандистский аппарат европейского неофашистского движения всячески старался представить итоги встречи в Венеции как выражение единодушия представителей различных национальных неофашистских течений, которые «получили на вооружение ясную, конкретную программу действий». Один из лидеров Итальянского социального движения поспешил назвать Европейское социальное движение «национал-революционным интернационалом», однако демократическая печать Италии окрестила его точнее — «черным интернационалом». После встречи в Венеции распри и размежевания внутри отдельных западноевропейских неофашистских партий и группировок приняла характер скрытой, все обостряющейся борьбы. Каждое из движений претендовало на роль лидера в международном формировании неофашизма. Тем самым подрывалась сама идея консолидации неофашистских сил в международном масштабе. Иначе говоря, националистические амбиции были противопоставлены

---

⁹ Eisenberg D. The Re-emergence of Fascism, p. 67.

¹⁰ Ibidem.

идее интернационализации международного неофашистского движения. Кроме отдельных встреч, носивших характер консультаций, в период 1963—1970 гг. неофашизм все дальше отходил от планов создания международного союза. К этому времени произошли также крупные внутрипартийные расколы в ведущих неофашистских группировках Западной Европы — Итальянском социальном движении и Национал-демократической партии ФРГ (о которых речь шла в предыдущих разделах монографии).

Таким образом к началу 70-х гг. «черный интернационал» выступал, как и в период своего формирования, только в виде ностальгической идеи. В то же время позитивные изменения, происшедшие в международной жизни, подтвердили несостоятельность претензий отдельных неофашистских группировок стать равноправными партнерами в политической игре крупнейших буржуазных партий. Исходя из этой реальности, с 70-х гг. в выступлениях лидеров западноевропейского неофашистского движения вновь зазвучали призывы к «интернационализации». Обосновывая возвращение к затухавшей идее создания международного объединения неофашизма, они, в частности, преследовали и стратегически важную для будущности неофашизма задачу: попытаться проникнуть (через сторонников и сочувствующих лиц из числа представителей правоконсервативных партий Западной Европы) в руководящие органы европейских международных организаций с тем, чтобы на этом уровне обеспечить поддержку и содействие деятельности праворадикалистского движения.

Итак, идея «черного интернационала» получила свое новое развитие. Консолидации неофашистских сил было посвящено организованное в сентябре 1972 г. в Мюнхене международное неофашистское собрание, одним из лозунгов которого (как и 10 лет назад!) было превращение Европы в «третью силу между Россией и Америкой». Этому мог бы содействовать, как считали выступавшие, процесс кооперации стран в рамках «нового европейского порядка». Однако серьезное препятствие на пути осуществления неофашистской трансформации Европы они видели... в «идее равенства между людьми», которая якобы отравляет сегодня сознание народов стран Западной Европы. Поэтому в программе, принятой на этом собори-

ще, в частности, говорилось, что представители международных неонацистских организаций стремятся к установлению «системы, при которой люди не были бы равноправны, а всякое стремление к равенству считалось бы противоестественным и антигуманным». Не трудно заметить преемственность этих рассуждений и идеологии «традиционного» фашизма. Но если в фашизме межвоенного периода идея равенства людей представляла как препятствие для порабощения фашистской идеологией сознания широких масс, то у современных неонацистов эта идея выступила в качестве категорического императива, основы теоретических контуров неонацистского государства. Для последующей координации деятельности неонацистского движения в Западной Европе в Мюнхене был избран «межевропейский национальный секретариат».

В настоящее время стал реальностью факт существования международной организации неонацистских сил. Созданный на базе Европейского социального движения, «черный интернационал» объединяет ультраправые группировки, действующие во Франции, ФРГ, Англии, Швейцарии, Испании, Греции, Италии, США, Чили, Японии, Сингапуре и других странах. Основные задачи «черного интернационала»: организация государственных переворотов в странах с парламентским режимом, борьба с коммунизмом путем осуществления «стратегии напряженности». Все они подчиняются главной цели — созданию объединенной неонацистской Европы. На слете представителей данного международного неонацистского альянса, проходившем в марте 1974 г. в испанском городе Каттолике, эта тактика была утверждена как установка к действию. Появились и «ударные силы» «черного интернационала». Одна из них — организация «Паладин», основанная в 1971 г. в городе Аликанте (Испания) бывшим сотрудником Геббельса Г. Х. Шубертом. Комплектуя сеть агентуры, Шуберт искал по всей Западной Европе специалистов шпионажа, провокаторов, знатоков взрывчатых веществ, профессионалов-убийц. Этим людям предъявлялось единственное требование: фашистская вера. За короткий срок «Паладин» открыл филиалы во многих западноевропейских городах: в Цюрихе, Базеле, Париже, Лондоне, Риме. Главная тактическая установка этой организации: «устрашать бомбами антифашистов.., усилить террористические акты повсеместно, создать атмос-

феру напряженности и насилия, используя оправдавшие себя методы ОАС...»¹¹.

Практически во всех западноевропейских странах, а также в Южной Африке, Латинской Америке, США, Индии и Японии организованный неофашизм сеет черный террор. В Западной Европе действует международная подпольная организация «Европейский новый порядок», конечная цель которой — создание в Европе федерации авторитарных государств. Ее участники — ультраправые элементы из Франции, Италии, Швейцарии и Дании — открыто признают преемственность своих задач и программных установок по отношению к вынашивавшимся гитлеровцами идеям о «новом порядке» в Европе — политической и экономической системе, которую они намеревались ввести на Европейском континенте после победы во второй мировой войне.

Штаб-квартира «черного интернационала», объединяющего неофашистов и старых фашистов, находится в глубоком подполье. Однако стало известно, что в начале 70-х гг. лидер французской неофашистской Федерации национального и европейского действия Марк Фредериксен отправился к своим единомышленникам в Рим с предложением обсудить составленную им программу общих действий. В ней, в частности, говорилось: «Объединить всех фашистов в единую европейскую и мировую организацию — такова задача момента. Мировая фашистская революция... выведет нас на большую дорогу социальной справедливости... к сверхчеловеку, к духовному и биологическому воплощению подлинно арийской расы. Наденем черные рубашки! Салют, фашисты!»¹². И этот призыв был услышан. По мнению директора итальянской службы безопасности, «существует мозг терроризма крайне правых в Европе. Центр «черного» заговора после падения фашистского режима в Португалии переместился, по всей вероятности, во Францию»¹³. Из имеющихся материалов можно установить, что во главе международной фашистской организации стоят француз Ральф Герэн-Серак, а также лидер крайнего крыла итальянских неофашистов депутат Пино Раути и бывший бельгийский генерал эсэсовской дивизии «Валлония», в прошлом активный организатор ОАС на территории Бельгии Леон Дегрель.

¹¹ La ragnatela nera.— Panorama, 1974, N. 431, p. 56.

¹² Le Figaro, 1975, 17 février.

¹³ Humanité, 1975, 23 janvier.

Герэн-Серак, бывший французский офицер эсэсовского отряда «Шарлемань», капитан колониальных войск в Алжире, активист ОАС. После провала путча в Алжире участвовал в организации Национального Совета сопротивления (НСС), возникшего вместо распущенной организации «ОАС-Метро». Руководство «ОАС-Метро» — капитан Сержан и офицеры Кюрюш, Годо, Робэн — в свое время подготовило план вооруженного покушения на генерала де Голля в пригороде Пти-Кламар. Исчезнув накануне «последнего прыжка» ОАС, Герэн-Серак, приговоренный французским судом к длительному тюремному заключению, подобно многим другим заговорщикам, скрылся в Испании, а затем перебрался в Португалию, где основал агентство печати «Ажинтер» (Agence internationale de presse: Международное агентство печати. — М. Ф., А. Р.). Агентство явилось фактически началом деятельности тесно примыкавшей к «черному интернационалу» международной фашистской организации «Ордр э традисьон» («Порядок и традиция»), которая имела свои филиалы в Бонне, Буэнос-Айресе, Женеве, Сайгоне, Риме, Вашингтоне, Стокгольме и Тайбэе. Кроме того, она издавала «Информационный бюллетень», который рассылался по конспиративным каналам всем членам организации.

Одновременно с «Ажинтер» в Лиссабоне активно действовали сгруппировавшиеся вокруг крайне правого журнала «Декуверт» члены другой неофашистской партии, заявлявшие о своей «независимой позиции по отношению к крайне экстремистским политическим движениям — фашизму и коммунизму»¹⁴. Однако это была лишь только «респектабельная» вывеска, которая никого не могла ввести в заблуждение относительно истинных симпатий и целей «Декуверт», о которых довольно откровенно говорил один из ее организаторов парижский профессор Жан О. «Перефразируя слова профессора Салазара, — писал он в статье, опубликованной во французском фашистском журнале «Солей», — мы думаем и уверены, что наша сила в нашем единстве, в борьбе против сил разрушения. Вот почему нашим девизом остается лозунг: «Нет врага справа!»¹⁵. Ту же самую мысль высказал и Пьер

¹⁴ Humanité, 1975, 23 janviér.

¹⁵ Ibidem.

Сержан в статье, напечатанной в другой фашистской газетенке «Дефи»: «Мы остаемся на положении побежденных, потому что мы разобщены. Объединенные, собранные в один кулак, мы сильны. Положить конец расколам, принять активное участие в объединении наших сторонников,— вот наша первоочередная задача. Если эта цель будет достигнута, ничто не помешает нам затем преодолеть трудности на пути создания такого мира, в котором мы сможем быть «грозными и веселыми»¹⁶. Формулировка, типичная для фашистской идеологии!

Если раньше, в 50-х и даже 60-х гг. новые «коричневые» еще считали нужным маскироваться, если их международные сборища проходили подпольно, то в 70-е годы они начинают действовать все более открыто и нагло. Об активизации и интернационализации их выступлений, стремлении разработать совместную стратегию международного неофашизма говорят факты того времени. Так, в 1974 г. французский город Лион стал местом провокационного сборища фашистов из Западной Европы, США, ЮАР. В январе 1975 г. там же прошла координационная встреча неофашистских делегатов 11 западноевропейских стран, на которой уже упоминавшийся депутат итальянского парламента Пино Раути заявил: «Если под интернационалом понимают серию координированных отношений, направленных на достижение одной цели, тогда существует организация, которая объединяет все неофашистские группы. У нее нет ни органов печати, ни штаб-квартиры, есть лишь места совещаний»¹⁷. Этот депутат охотно признал, что он «много разъезжает в связи с этим для обмена информацией». Однако к этому заявлению были сделаны весьма существенные уточнения, в частности со стороны бывшего министра внутренних дел Италии Тавиани: «Центром этой международной организации, которую направляют влиятельные лица и которая разработала широкий план свержения политических институтов некоторых стран, возможно, является Париж»¹⁸.

Начиная с 1976 г. активность фашистов главным образом направлена на поиск средств, необходимых для обеспечения их совместной деятельности. В частности, с этой целью они совершают ограбления банков, убийства,

¹⁶ Defi. Paris, 1977, mars-avril.

¹⁷ Le Figaro, 1975, 17 février.

¹⁸ Ibidem.

похищения людей, а также разного рода махинации, в том числе и политического характера. Ко многим из них непосредственно причастны ЦРУ и разведки других стран. Вот один из примеров. В июне 1976 г. в г. Майами (США) состоялась встреча между Эрве де Ватером, директором французского концерна, производящего боевые самолеты типа «Мираж», и представителями фашистских организаций. Сразу же после своего возвращения из Майами в Париж этот директор исчез, прихватив с собой заодно изрядную сумму (около 130 тыс. долл.), принадлежавшую концерну. Другой пример, связанный с налетом фашистов на банк в Ницце и похищением отсюда огромной суммы (примерно 9 млн. долл.). Альберт Спаддиари, организатор этого «мероприятия», член фашистской группы «Ла Катена», входящей в «черный интернационал», почти сразу же после ограбления отправился в Майами, где встретился с агентами ЦРУ¹⁹.

В настоящее время основной задачей «черного интернационала» остается недопущение к власти и уменьшение влияния коммунистов в Италии, Франции, Испании, Португалии. Для этого фашисты проводят различные приготовления, в частности вооружаются. Группы, входящие в «фашистский интернационал», располагают огромным количеством оружия, большую часть которого они получают из ФРГ, а точнее от фирмы «Мерекс», которая в свою очередь имеет тесные связи с западногерманской разведкой БНД²⁰. Власть капитала, сделавшая Гитлера диктатором, раньше была сосредоточена в руках большого числа людей и капиталистических объединений. Сейчас же она сконцентрирована в руках намного меньшей группы лиц из многонациональных концернов. Как было отмечено, основное пополнение своих рядов фашисты получают из среды мелкой буржуазии. Это — торговцы, ремесленники, зажиточные крестьяне. Кроме того, современный фашизм находит сторонников среди людей технических профессий и так называемой рабочей аристократии. Однако главное действующее лицо, которое старается остаться в тени, — это крупный капитал. Именно он создает и направляет

---

¹⁹ Krüger X., Levinsen N. Fascismens internationale net i dag, S. 58.

²⁰ Ibidem, S. 60—63.

неофашизм, используя его в качестве теоретической основы и орудия своих целей.

Как считают датские журналисты Хенрик Кругер и Нильс Левинсен, в современном мире условия для развития и распространения фашизма гораздо лучше, чем они были в периоды последних двух мировых войн. Во-первых, оголтелые правоэкстремисты продолжают находиться на руководящих постах в различных сферах общественной жизни. Во-вторых, фашистские организации хорошо вооружены, готовы к действиям и с нетерпением рвутся в бой. В-третьих, благодаря развитию средств массовой информации в целом фашисты получили большие возможности для пропаганды своих идей²¹. Если, например, взять тот объем работы, для выполнения которого Геббельсу требовался большой аппарат служащих, то теперь все это можно осуществить нажатием одной-двух кнопок. Производство и демонстрация кинофильмов, выпуск и продажа книг о Гитлере и Муссолини, грампластинки с записями их речей и т. д. — все это оказывает глубокое психологическое воздействие на людей. Сейчас в Европе опять ведется настойчивая нацистская и фашистская пропаганда. Снова в большом ходу старые фашистские символы, выходят на экраны фильмы, появляются различные издания о фюрере и его сподвижниках. В ФРГ эта пропагандистская кампания достигла такого размаха, что газета «Цайт» справедливо заметила: «Гитлер почти стал героем и образцом для консерваторов 70-х годов»²². За всем этим чувствуется сильная рука, так как подобная кампания ведется не стихийно, а по заранее подготовленному плану.

Кому нужна реклама Гитлера? Это не праздный вопрос. Есть на свете люди, которые проявляют в ней прямую заинтересованность. Например, корпорация «Тайм-Лайф» в Нью-Йорке, компания Сосьетэ франсэз де продюксьон (СФП) в Париже. Именно они вложили четыре миллиона франков в производство серийной «документальной кинодрамы» для телевидения о последних днях кровавого фюрера (американская сторона дала три миллиона, а французская — один). В этой телевизионной

---

²¹ См.: Krüger X., Levinson N. Fascismens internationale net i dag, S. 83.

²² Die Zeit, 1976, 17. November.

серии под названием «Бункер» фюрер предстает перед зрителями как «чудесный режиссер своей смерти, которую он превращает в оперу, достойную Вагнера»²³. Английский актер Энтони Гопкинс, исполняющий роль этого «чудесного режиссера», заявил, что он стремился показать его «симпатичным» и сделать «просто человеческим». Постыдный и жалкий конец Гитлера и его ближайших подручных, по признанию режиссера фильма, превращается в «патетическое» зрелище. Чего стоит хотя бы такая сцена. Гитлер, сидя под портретом Фридриха Великого, диктует свое завещание: «Из наших городов, лежащих в руинах, поднимется новая ненависть к тем, кто несет ответственность за эту войну, — к евреям и их сторонникам»²⁴. Достигнута договоренность о показе «Бункера» по телевизионной сети американской корпорации Си-би-эс и по программе французского телевидения «Антенн-2». Но это только начало. «Сверхзвезду Гитлера уже требуют во всем мире»²⁵, — писал парижский еженедельник «Экспресс».

Эта очередная непристойная политическая операция, организуемая в основном на американские деньги, вполне укладывается в рамки «психологической войны», которая нацелена против Советского Союза, сокрушившего гитлеровский рейх, а заодно и против всех антифашистских сил. Она также ложится в русло пропагандистской кампании международного неофашизма, пытающегося придать налет респектабельности, исторической предопределенности как «каноническому» фашизму, так и его современной модификации.

Особое место в процессе консолидации международных сил неофашизма занимает «Мировой националистический конгресс», созданный в сентябре 1976 г. в Новом Орлеане по инициативе ку-клукс-клана, «Общества Джона Бэрча» и близкой им по духу правой организации «Поход крестоносцев за свободу». В сборище участвовали 42 представителя профашистских и неонацистских организаций разных континентов. В их резолюции криливо выделялись избитые лозунги фашистов, антикоммунистов и расистов: «Мы за белую расу во всем мире. Мы заклятые враги евреев и коммунистов. Мы убеждены,

---

²³ L'Expresse, 1980, 16 août.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

что третий рейх был уничтожен с нарушением норм международного права, с применением насилия. Мы требуем немедленного освобождения всех заключенных, которых незаконно осудили за их мнимые военные преступления»²⁶.

Международные встречи сегодняшних «коричневых» проходят довольно регулярно также в Испании и ФРГ, Италии и Португалии, Бельгии и Франции, Аргентине и Бразилии. Причем эти сборища сейчас, как правило, пользуются открытой или молчаливой поддержкой властей. На конгресс «национальных сил Европы» в августе 1976 г. в Гамбург съехалось около 1800 неофашистов. В бельгийских городах Лангемарк и Альвердинген в июле 1977 г. состоялся еще один «европейский конгресс» с участием бывших эсэсовцев, живущих в ФРГ, Франции, Швейцарии, Великобритании, Финляндии и Бельгии²⁷. В январе 1979 г. в Лионе созывалось тайное совещание ведущей во Франции неофашистской организации «Новый порядок» с представителями таких же групп в Италии, Испании, Бельгии и Греции²⁸.

Деятельность международной организации неофашистов за последнее пятилетие все больше характеризуется воинствующей агрессивностью, перенесением акцентов на методы террора, ультраправого экстремизма. Сегодня стало очевидным, что за всеми преступлениями неофашистов, носящими явно выраженный характер политических провокаций (похищение и убийства видных политических и государственных деятелей, подготовка ультраправых антиконституционных переворотов, взрывы бомб в местах массового сосредоточения людей, антисемитские вооруженные провокации), стоит единый координационный центр, четко определяющий цели фашистского насилия, его исполнителей, а также планирующий операции по спасению ультраправых террористов.

Заметную роль в деятельности международного неофашистского объединения играет один из известных итальянских неофашистов Стефано Делла Кьяйе, основавший в 1962 г. организацию «Национальный авангард». За совершенные в Италии преступления Делла Кьяйе

---

²⁶ Федотов А., Филатов М. Та же коричневая масть. М., 1981, с. 48—49.

²⁷ Neues Deutschland, 1979, 12. Januar.

²⁸ Le Figaro, 1979, 7 février.

был привлечен к суду, однако вновь сработала «спасательная команда» — неофашист скрылся. До преступления неофашистов в августе 1980 г. в Болонье (в причастности к которому Делла Кьяйе подозревается) он находился в Париже, стараясь укрепить ряды «групп революционного действия», которые на территории многих стран Западной Европы придерживаются тактики вооруженной борьбы и руководствуются национал-социалистской идеологией²⁹. (В настоящее время Кьяйе укрывается в Чили у своего друга генерала Пиночета).

Во время пребывания во Франции Делла Кьяйе вел интенсивную работу по созданию журнала для всех ультраправых западноевропейских групп, что представлялось важным этапом на пути формирования «черным интернационалом» единой западноевропейской партии. На встречах с Франсуа Дюпра, одним из руководителей французской неофашистской организации «Новый порядок», и Морисом Шнейдером, директором крайне правой газеты «Кайе», была выработана повестка дня международного совещания главарей неофашистских западноевропейских формирований, которое проходило в августе 1977 г. в Сен-Клу, близ Парижа. В его работе участвовали, помимо Делла Кьяйе, французы Марк Фредериксен, генеральный секретарь федерации национального и европейского действия (ФАНЕ), и Жан-Жиль Малььяракис, основатель «национального революционного движения», а также испанец Эрнесто Мила — лидер «молодежного фронта» партии «Новая сила», неонацистский идеолог и создатель «батальонов смерти»³⁰. На совещании в Сен-Клу был отработан план проведения террористических операций в странах Западной Европы. И с августа 1977 г. во Франции вслед за Италией и Испанией этот план стал реально воплощаться в кровавой хронике неофашистских преступлений: в нападении на помещения коммунистической и социалистической партий, профсоюзов, их лидеров и активистов.

Очередное сборище неофашисты провели в 1978 г. в Риме, где создали новую объединенную организацию «Правые силы Европы». Примерно в то же время прошла конференция 18 консервативных и христианско-демократических партий из 14 западноевропейских государств,

---

²⁹ Panorama, 1980, N. 512, p. 92.

³⁰ Ibidem, p. 93—94.

создавшая «Европейский демократический союз». Интересно, что эти объединения реакционных правых сил западногерманская буржуазная газета «Франкфуртер рундschau» назвала «новым черным интернационалом», обнажив тем самым их подлинную сущность³¹. Летом 1980 г. в бельгийском городе Брюгге состоялась еще одна «серьезная встреча» неонацистов на высшем уровне. На ней присутствовали представители праворадикалистских группировок почти из всех западноевропейских стран, а также посланцы американской профнацистской партии «Борьба за права штатов»³². Речь шла о подготовке профессиональных террористов и погромщиков и о совершенствовании повседневной тактики борьбы, о совместных акциях в международном масштабе и дальнейшем развертывании пропаганды целей и задач неонацистского движения.

В начале апреля 1981 г. в Париже проходило секретное совещание европейских ультраправых, в работе которого приняли участие представители антикоммунистических, неонацистских и других крайне реакционных организаций из ФРГ, Франции, Австрии, Бельгии, Дании, Испании, Греции, Голландии, Норвегии и Швеции, а также их гости — единомышленники из Аргентины, Боливии, Бразилии, Колумбии, Чили, Филиппин, Мексики, Парагвая и Уругвая³³. Сборищу был представлен пространственный доклад о попытке военного мятежа крайне правых в Испании (23 февраля 1981 г.) и последствиях его провала для ультраправых организаций. С сообщением выступил представитель итальянских неонацистов Делла Кьяйе. Он заявил, что заговорщики потерпели поражение из-за «предательства и трусости некоторых командующих военными округами», и предложил в целях консолидации праворадикалистского движения начать процесс объединения испанских ультраправых организаций — фаланги, «новой силы», «молодой силы», «национального фронта молодежи», «союза традиционалистов» и т. п.³⁴

Совещание приняло резолюцию, которая обязывала крайне правые группировки Западной Европы выделять средства на создание подпольных вооруженных отрядов

³¹ Федотов А., Филатов М. Та же коричневая масть, с. 49.

³² Там же.

³³ Sabado grafico, 1981, N. 14, p. 63—66.

³⁴ Ibidem.

в Испании. Определена была даже общая сумма, которую намерены собрать на эти цели неофашисты, — 50 миллионов испанских песет³⁵. Кроме того, в каждом городе должны быть составлены «черные списки» так называемых «нежелательных элементов». Из представителей неофашистских организаций ФРГ, Швеции и Норвегии была создана комиссия для изучения возможностей переправки оружия через испанскую границу, а также запланировано издание во Франции подпольного бюллетеня для распространения его в казармах испанских воинских частей. На следующий день на встрече в помещении французской ультраправой организации «Новая сила» этот план уточнялся в присутствии представителей испанских фашистов из Мадрида, Барселоны, Валенсии, Саламанки, Вальядолида, Севильи и Страны Басков. Совещание неофашистов в Париже подтвердило стратегическую линию международного неофашистского альянса на провоцирование повсеместно в Западной Европе очагов политического кризиса, на создание обстановки гражданской войны и практическое осуществление операции по внесению в ряды демократических и прогрессивных движений элементов раскола и дезориентации, по физическому уничтожению их лидеров и активистов.

Историческая практика показала, и современность дает новые тому подтверждения: неофашизм — это ударная сила монополистического капитала в его борьбе против социального прогресса. Сегодня необходимо говорить не только о тенденции к интернационализации неофашистских группировок, а прежде всего о реально существующем международном альянсе неофашистов, расистов и реакционных кругов монополистического капитала. Этот союз таит в себе серьезную опасность для народов. Об этом свидетельствуют уроки истории. Консолидация неофашистских сил в международном масштабе, их растущая связь с военно-промышленным комплексом вызывает особую тревогу у народов, уже однажды испытавших, что такое фашизм в действии. Современная обстановка в мире, когда социализм превратился в решающий фактор развития человечества, создает благоприятные условия для широкого наступления на политику и идеологию неофашизма, для раскрытия его преступных планов вовлечения в свои авантюры широких народных масс.

³⁵ Ibidem.

Ленинский анализ империализма как высшей, последней фазы капитализма в известной степени предполагал возможность появления в его недрах новых форм реакции, что в дальнейшем и воплотилось в практике фашизма. С момента своего возникновения он представлял открытую угрозу демократии. Вот почему в авангарде сил, выступавших против него, всегда были коммунисты. Именно они с классово-марксистских позиций определили социальную природу фашизма и с первых дней его становления приступили к разоблачению этого реакционнейшего социально-политического феномена эпохи империализма.

Марксистско-ленинская концепция фашизма складывалась в условиях ожесточенной политической борьбы, которую вел международный пролетариат против фронтального наступления империалистической реакции на демократию, получившую подлинное воплощение в первой стране победившего социализма. В условиях нарастания угрозы фашизма и захвата им власти в ряде стран перед международным коммунистическим движением встала задача теоретического разбора и разоблачения политической практики фашизма, показа его классовых корней и тех сил, которые дали рождение этому социально-политическому явлению и направили его против прогресса и демократии.

Теоретическое наследие В. И. Ленина вооружило коммунистов методами марксистского понимания и анализа фашизма. Главная роль в критическом исследовании его политической идеологии принадлежала Коммунистическому Интернационалу¹. На IV конгрессе Коммуни-

¹ См.: Lewin E. Zur Faschismus — Analyse durch die Kommunistische Internationale (1922—1933). — Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, 1970, H. 1.

терна впервые был поставлен вопрос о реальности фашистской опасности, показаны сущность этого явления и действенные средства борьбы с ним. При этом в отличие от социал-демократов коммунисты подчеркивали классовую природу фашизма, его тесную связь с крупным капиталом². «Во всех странах должен тщательным образом собираться материал о фашизме, о так называемом национал-социализме...», — говорилось в письме ИККИ от 16 марта 1923 г. Реакционное движение, которое сумело привлечь на свою сторону часть, хотя бы и незначительную, рабочего класса, заслуживает с нашей стороны тщательного внимания. Мы, коммунисты, должны прежде всего знать это движение до мельчайших подробностей: его программу, его литературу, внутреннее течение, личности, организационные формы, источники денежных средств, степень поддержки со стороны правительства, отношение к этому движению со стороны крестьянства, величину вооруженных сил и т. д.³

Несмотря на демагогические ухищрения фашизма и известные трудности в его изучении, коммунисты сумели достаточно быстро распознать его реакционную сущность и дать ему классовую оценку. Большинству буржуазных историков и публицистов фашизм 20-х гг. представлялся чисто итальянским явлением, не выходящим за рамки одной страны. С точки зрения марксистов, фашизм — это прежде всего орудие противодействия буржуазии развитию мирового революционного процесса. «Мы все едины в том, что фашизм — это международное явление»⁴, — отмечала К. Цеткин. Учитывая его опасность для международного революционного движения, коммунисты поставили задачу выработать теоретическую основу стратегии борьбы против фашизма во всех странах, где складывались его национальные модели.

Важным условием объективного анализа этого движения явилось исследование методов воздействия его идеологии на массовое сознание. От недифференцированного употребления термина «фашизм» предостерегал еще П. Тольятти. Он говорил, что фашизм — это «не всякая форма реакции», и важно понять, в чем состоит его

---

² Faschismus-Forschung. Positionen. Probleme. Politik.— Berlin, 1980, S. 23—24.

³ Коммунист, 1969, № 3, с. 12.

⁴ Zetkin K. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. III, Berlin, 1960, S. 721.

особенность⁵, рассматривать фашизм не только с историко-социально-политической, но и с психологической точки зрения. Остановливаясь на других известных неточностях и ошибках, допущенных в то время в этом вопросе Коминтерном и отдельными компартиями, П. Тольятти справедливо отмечал, что необходимо различать социальную функцию фашизма (диктатура буржуазии) и его социальную базу (преимущественно мелкобуржуазную)⁶. Это различие первоначально Коминтерн проводил недостаточно четко; кроме того, на V и в особенности на VI его конгрессе не было с должной четкостью проведено разграничение между буржуазной демократией и фашистской диктатурой, между буржуазными нефашистскими партиями и даже социал-демократией, с одной стороны, и фашистскими партиями — с другой. Социал-демократия, в частности в решениях VI конгресса, рассматривалась как не менее опасный противник, чем фашизм, даже как разновидность фашизма, его «умеренное крыло»⁷.

Такой подход к социал-демократии, естественно, препятствовал созданию антифашистского единого фронта. Эти ошибки и неточности объяснялись как некоторыми сектантскими тенденциями в политике Коминтерна и его секций в конце 20-х гг., так и тем, что фашистская опасность лишь в 30-е гг. обрела общеевропейский характер. XIII Пленум ИККИ (ноябрь — декабрь 1933 г.) и затем VII конгресс Коминтерна дали четкое определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». В качестве очередной стратегической задачи коммунистического движения была определена борьба с фашистской опасностью, а единый фронт рабочего класса и широкий антифашистский народный фронт характеризовались как наиболее действенное средство такой борьбы⁸.

Вторая мировая война вынесла исторический приго-

---

⁵ См.: Коммунистический Интернационал, 1928, № 27—28, с. 11.

⁶ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 7.

⁷ Fascismus Forschung, S. 29, 33.

⁸ См.: XIII Пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589; Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935.

вор фашизму. Нюрнбергский процесс явился кульминационным моментом справедливого трибунала народов.

Однако борьба с фашизмом не снята с повестки дня международного коммунистического движения и в наше время. События последних лет свидетельствуют о том, что длительная и упорная борьба народов с фашизмом не ликвидировала возможности его рецидивов в капиталистических странах, так как не устранены глубинные социальные причины его возникновения.

Подчас в буржуазной политологии высказывается ложная мысль, что фашизм как идеологическая и политическая программа, а тем более как режим власти изжил себя; что в связи с ростом образования и культуры, укреплением демократических традиций предрасположенность масс к восприятию антидемократических, человеконенавистнических, шовинистических, расистских и милитаристских идей уменьшается. Однако на практике жизнь не раз расходилась с подобными утверждениями. До захвата Гитлером власти тоже бытовало мнение, будто в такой высокоразвитой стране, как Германия, в стране, давшей миру не только гениальных ученых, музыкантов, писателей, живописцев, но и выдающихся революционеров и теоретиков марксизма, победа фашизма исключена. Но именно германский фашизм был отмечен печатью наибольшего зверства.

Расстановка политических сил в капиталистических странах Европы отличается сегодня определенной сложностью, обусловленной происходящими на Европейском континенте событиями, которые имеют общемировую значимость. Однако можно выделить две тенденции, существенно влияющие на ориентацию политических движений, на их роль и место в современной международной обстановке.

Важное значение приобретает укрепление влияния демократических сил, в том числе их авангарда — коммунистических и рабочих партий. К рубежу 80-х гг. международный рабочий класс и его политический авангард — коммунистические и рабочие партии — подошли как активные борцы за права трудящихся, за мир и безопасность народов⁹. Об этом свидетельствуют успехи Французской коммунистической партии в 1974, 1978 и 1981 гг., рост авторитета идей социализма среди населе-

---

⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 15.

ния в других странах. Крупным событием мирового значения, подтвердившим прогрессирующее развитие указанной тенденции, явилась португальская революция, положившая конец одному из последних фашистских режимов нашего времени и последней колониальной империи. Огромное значение имели крах военно-фашистского правительства в Греции, падение франкистского режима в Испании. Впервые за многие десятилетия обозначилась перспектива того, что Европа сможет полностью очиститься от фашистских режимов¹⁰.

Однако развитию этого прогрессивного процесса мешает реально существующая опасность активизации правых сил, и в первую очередь неофашистских. С конца 70-х гг. усилили свою враждебную деятельность противники разрядки, ограничения вооружений, улучшения отношений с Советским Союзом и другими странами социализма. Ведется большая пропагандистская кампания с целью фальсификации внешней политики СССР. «Вы только подумайте,— говорил на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК нашей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов,— сколько было за последние годы попыток приписывать Советскому Союзу всевозможные зловещие намерения, изображать нашу политику как агрессивную, угрожающую безопасности то одного, то другого государства»¹¹.

Подобное искажение реальной действительности необходимо прежде всего противникам мира, сторонникам жесткой политики, в том числе термоядерной, конфронтации двух мировых социальных систем. На фоне антикоммунизма и антисоветизма, инспирируемых администрацией Вашингтона, в политической жизни капиталистических стран в начале 80-х гг. усилились правые тенденции. Они заметны в правящих кругах и в государственном аппарате, где чувствуется тоска по «сильной руке», и среди общественности, подпавшей под влияние неоконсервативных взглядов. В подобных условиях, вызванных современным этапом острого кризиса капитализма, неофашизм, используя политическую конъюнктуру, предлагает себя в качестве некоего «буферного тормоза» обостряющихся классовых противоречий, пытаясь

---

¹⁰ Правда, 1974, 8 октября

¹¹ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова.— Правда, 1982, 23 ноября.

на штыках военных или так называемых сил порядка прорваться к власти.

Исследователи-марксисты, учитывая отмеченные факторы, считают актуальной задачей международного коммунистического и рабочего движения анализ политической практики и критику идеологических основ современного фашизма. В постановке и практическом решении этой задачи коммунисты видят возможность расширения сфер доверия и дружественного сотрудничества между народами, гарантию для сохранения мира, для развития демократии и социального прогресса. Выражая волю миллионов людей Европейского континента, участники Конференции коммунистических и рабочих партий (Берлин, 1976 г.) заявили, что для этого необходимо «искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой и завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп, а также против расистской пропаганды и действий, преследующих цель расколоть рабочий класс и другие прогрессивные силы»¹².

Коммунисты Западной Европы активно разоблачают различного рода происки и ухищрения современных фашистов, показывая, что недооценка неофашистской праворадикалистской опасности, как это не раз подтверждала историческая практика, демобилизует революционные силы, мешает им вовремя и во всеоружии отбить атаки фашизма. В ряде стран Западной Европы позиции правых сил, несмотря на положительные сдвиги в настроениях общественности, все еще довольно прочны. Именно их стараниями провоцируются и поддерживаются кампании антикоммунизма и антисоветизма в Англии, Франции, Италии, ФРГ, Бельгии, Португалии, Испании. Как уже отмечалось выше, неофашизм опасен тем, что приспособившись к изменению внутренней и внешней политической обстановки, он выступает в новых формах, под видом конституционных институтов и консервативных партий. Не имея возможности завоевать массовую базу, он идет по пути активизации и закрепления своих связей с реакционными кругами монополистического ка-

---

¹² За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 39.

питала и военно-промышленным комплексом, внедряя неонацистскую идеологию в правые буржуазные партии.

Ученые из ГДР Х. Адлер и Г. Печке справедливо отмечают, что нефашистские организации направляют свои усилия на проникновение в ряды консервативных партий с целью добиться еще большего их политического сдвига вправо. Вместе с тем, по мнению авторов, нефашистские организации, стремясь запугать и привлечь на свою сторону мелкобуржуазные круги населения, нередко прибегают к услугам провокационной стратегии ультраправых сил. Это особенно заметно в ФРГ, где отмечается лихорадочная деятельность по созданию право-экстремистских организаций. С реваншистскими призывами выступают недобитые гитлеровские головорезы. В широких масштабах реакция ведет идеологическую обработку масс; в ее пропагандистском арсенале «старые козыри» — антикоммунизм, реваншизм, кампания клеветы против ГДР. Одновременно обозначился процесс слияния откровенно неонацистских сил с наиболее реакционными группами в «умеренно правых» буржуазных партиях, и прежде всего в Христианско-социальном союзе. Новые возможности для активизации неонацизма в ФРГ открывает приход к власти ХДС/ХСС и СвДП.

Против покушений правых сил на демократию выступает Германская коммунистическая партия (ГКП). В документах и материалах съездов и пленумов ГКП, в партийной печати отмечается, что либеральное отношение властей к проискам реакции чревато опасностью фашизации общества. Буржуазная идеология и неонацистская пропаганда оказывают глубокое влияние на сознание широких слоев трудящихся, особенно молодежи, противодействуя распространению в стране коммунистической идеологии¹³. В арсенале реакции разнообразные методы: от открытых провокаций до «запрета на профессию» для коммунистов и демократов. С помощью этого запрета реакционные круги стремятся оттеснить за рамки общества тех, кто самоотверженно выступает за демократические права, за мир, против гонки вооружений. Речь идет не о простом увольнении, хотя при двух миллионах безработных в стране это и само по себе жесткая кара. Человек, который подвергается «запрету на

---

¹³ См.: Материалы Гамбургского съезда ГКП. М., 1974.

профессию», практически вообще лишается возможности работать. Так уничтожается материальная основа его существования. К бедственному материальному положению подвергнутых «запрету» прибавляется еще моральное унижение людей, заклеянных как «ненадежные», «враждебные конституции». В Федеративной Республике к 1982 г. насчитывалось около пяти тысяч жертв «запрета на профессию». Более двух миллионов человек подвергались политическому «просвечиванию», то есть специальной проверке охранкой¹⁴.

Западногерманские коммунисты выражают глубокую озабоченность в связи с ростом антидемократических тенденций в стране, попустительством властей к деятельности неонацистских организаций. «Мы, коммунисты, решительно выступаем против преуменьшения неонацистской опасности. Жертвы неофашизма в Мюнхене* находились бы и теперь среди живых, если бы в Бонне прислушались к предостережениям ГКП, антифашистов, если бы федеральные и земельные правительства выполняли обязанности, возложенные на них основным законом»¹⁵, — говорилось в заявлении президиума ГКП.

Разделяя глубокую ответственность за судьбы демократии, мира, ГКП возглавила кампанию против намерения реакции освободить от ответственности нацистских военных преступников под предлогом «срока давности». Подобные планы реакции, отмечалось на пленуме Правления Германской компартии (Дюссельдорф, февраль 1979 г.), имеют целью не только надругаться над памятью жертв войны и гитлеровского геноцида, но и способствовать легализации в Федеративной Республике теории и практики человеконенавистнической доктрины фашизма, открыть тем самым неонацизму дорогу к власти. В связи с этим, заявляют коммунисты ФРГ, возрастает значение организации твердого отпора фальсификатором истории, оболванивающим население, и прежде всего молодежь. «Мы должны сказать молодежи правду о фашизме, чтобы она приобрела иммунитет против нового нацизма и не попала в паутину социальной дема-

---

¹⁴ Правда, 1982, 25 февраля.

* От взрыва бомбы, подложенной неофашистами в парке, где в октябре 1980 г. проходили массовые народные гулянья, были убиты 13 и тяжело ранены 213 человек.

¹⁵ Новое время, 1980, № 43, с. 15.

гогии неонацистов»¹⁶, — отмечает член президиума ГКП Курт Бахман. Коммунисты ФРГ считают, что успешному решению задач борьбы против всех форм реакции должны содействовать укрепление ГКП как марксистской партии рабочего класса, установление единства действий пролетариата в борьбе за демократические права и реформы, упрочение союза всех антимонополистических сил страны. Этими принципами Германская коммунистическая партия руководствуется в своей деятельности.

Коммунисты Западной Европы особо подчеркивают, что позитивные изменения в международных отношениях являются главным образом заслугой миролюбивой политики Советского Союза. Это результат целеустремленных внешнеполитических действий стран социалистического содружества, направленных на осуществление исторической Программы мира, провозглашенной XXIV и творчески развитой XXV и XXVI съездами КПСС. Это — итог изменения соотношения сил в пользу социализма и мира. «Ныне на авансцену истории, как никогда ранее, выходят народы. Они обрели право голоса, который никому не заглушить. Они способны активными и целеустремленными действиями устранить угрозу ядерной войны, сберечь мир, а значит, и жизнь на нашей планете. И Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство будут делать все, чтобы так оно и было»¹⁷. Но зловещие планы НАТО, подрывная деятельность ЦРУ, активизация неонацистских выступлений — это сегодня реальные препятствия укреплению мира, развитию демократии, позитивным тенденциям в международной политике, принципам сосуществования двух мировых социальных систем. Устранить эти препятствия — такова главная задача борьбы с правой опасностью, против современного фашизма. Эта задача составляет неотъемлемую часть международного антиимпериалистического движения коммунистических и рабочих партий.

Итальянские коммунисты связывают успехи борьбы с неонацизмом и происками реакции с революцией в

---

¹⁶ Свидетельствует Курт Бахман. — Новый мир, 1980, № 11, с. 212.

¹⁷ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. — Правда, 1982, 23 ноября.

общественном сознании. Они поддерживают общественные и политические силы страны, требующие оздоровления общественно-политического климата, сплочения всех слоев населения в борьбе против уступок крупного капитала иностранному вмешательству, за создание обстановки непримиримости и решительного пресечения любых поползновений реакции, неонацистов. В решении этих задач большое внимание ИКП уделяет разоблачению теории и практики правого радикализма, неонацизма, правого и «левого» экстремизма, бросающих открытый вызов конституционным основам страны. Примером классового анализа антидемократической деятельности реакции может служить теоретический разбор феномена неонацизма на страницах итальянского журнала прогрессивного направления «Демократия и право». Исследовать фашизм, его черты, условия, которые благоприятствовали и могут вновь способствовать его приходу к власти — это не только научная задача. Сегодня эта тема приобрела особую актуальность, которая, несомненно, связана с определенными конъюнктурными направлениями политического развития не только Италии, но и всего европейского континента. Ее значимость возрастает также в связи с проблемой исторических судеб западной демократии в условиях периодически возникающих в ее среде авторитарных тенденций¹⁸. Многие выводы и суждения, содержащиеся в выступлениях видных итальянских исследователей Норберто Боббио, Умберто Черрони, Франко Феррароти, Джорджо Галли, Энцо Сантарелли, Джузеппе Вакка, Лючо Виллари и других, помогают раскрыть классовую сущность современного неонацизма.

Практика антифашистской борьбы показывает, что «политическая демократия сохраняется лишь в том случае, если она расширяется и становится демократией социальной. А социальная демократия утверждается, если политическая демократия наносит поражение фашизму, укореняется и укрепляется среди народа»¹⁹. Известный итальянский историк-коммунист Э. Сантарелли подчеркивает, что фашизм всегда был и остается последней защитой капиталистической системы в эпоху революций

---

¹⁸ Per una analisi teorica del neofascismo (risposte ad un questionario). — *Democrazia e diritto*. Roma, 1976, N. 1, p. 4.

¹⁹ *Ibidem*.

масс, открывшуюся в 1917 г.²⁰ Находя определенные элементы преемственности между фашизмом и неофашизмом и отмечая сравнимые обстоятельства проявления того и другого, Сантарелли считает необходимым выделить новые черты, присущие неофашизму. Прежде всего неофашизм не обладает чертами массового движения и, кроме того, лишен поддержки интеллигенции, как это было во времена Муссолини в его борьбе за власть. Но здесь нет автоматизма. Поэтому в борьбе против фашизма важная роль принадлежит гражданскому воспитанию, развитию политической культуры и демократии. Основу этой борьбы составляют организованные силы социалистического движения, которые в состоянии связать требования подлинной политической демократии с интересами трудящихся слоев.

Победа левых сил на выборах весной 1981 г. привела к радикальным изменениям во Франции. Спустя 33 года коммунисты вновь участвуют в правительстве страны. Открылись огромные возможности для удовлетворения законных требований и чаяний французских трудящихся. Однако правые силы и крупный капитал не желают мириться с участием коммунистов в правительстве, они активизировали свою деятельность против ФКП, саботируют процесс национализации, отказываются субсидировать развитие национальной экономики, не поддерживают деятельность правительства по решению проблемы безработицы. Выступая на празднике газеты «Марсейез» в ноябре 1981 г., Генеральный секретарь ФКП Жорж Марше призвал всех трудящихся использовать любую возможность с тем, чтобы преодолеть препятствия, создаваемые правыми силами и крупными предпринимателями на пути выполнения правительственной программы социально-экономических преобразований в стране, вклад в разработку которой внесла Французская компартия²¹.

Исходя из конкретной обстановки, сложившейся в стране, французские коммунисты, все трудящиеся мобилизуют силы для преодоления сопротивления правых сил и крупного капитала на пути осуществления намеченных преобразований. Однако деятельность коммунистов не ограничивается лишь социальной и экономической

---

²⁰ Per una analisi teorica del neofascismo, p. 62.

²¹ См.: Humanité, 1981, 22 novembre.

областями; она также затрагивает международную политику, основные вопросы нашей эпохи, какими являются мир, независимость, безопасность, справедливость и братство народов всего мира²². Решительно разоблачая происки реакции, французские коммунисты неоднократно указывали на опасность замыслов праворадикалистских сил, которые стремятся нарушить систему безопасности Европейского континента, повернуть политическую ось страны в крайне правое положение, солидаризируясь с планами образования «политического союза Европы», который определенные круги хотели бы использовать для создания нового военного блока — западноевропейского филиала НАТО²³. Сорвать планы реакции — задача всей трудящейся Франции, тех, кому дороги идеалы мира и демократии. Важное место в этой борьбе ФКП отводит наступательному антивоенному движению, сплывающему в своих рядах тех, кому близка тревога за судьбы человечества.

«Нельзя забывать, что гонка вооружений, навязанная империализмом, серьезно угрожает безопасности народов и будущему человечества. Какие огромные суммы тратятся на нее в то время, когда они могли бы способствовать всеобщему прогрессу и развитию, — отмечалось в документах XXIV съезда ФКП (февраль 1982 г.). — Конечно, нельзя в один день построить мир без оружия, мир без войн, но к этому нужно стремиться. Нет альтернативы разрядке, мирному сосуществованию, разоружению. Человеческая жизнь имеет слишком большую ценность для того, чтобы предоставить власти капитала распоряжаться ею по своему усмотрению»²⁴.

Вторая половина 70-х и начало 80-х гг. характеризуются усилением кризисных процессов в Дании. Они охватили не только экономику, но и политическую жизнь, идеологию и мораль.

В апреле 1980 г. XXVI съезд Коммунистической партии Дании определил задачи дальнейшей борьбы за коренные интересы датских трудящихся, против засилья монополий. Съезд проходил в условиях известного осложнения международной обстановки, когда реакционные круги Запада пытались приостановить процесс раз-

---

²² См.: Humanité, 1981, 22 novembre.

²³ Ibidem, 1980, 28 août.

²⁴ Ibidem.

рядки, в обстановке разгула антисоветской истерии вокруг афганских событий. С другой стороны, правящие круги Дании стремятся заставить трудящихся смириться с существующим тяжелым социально-экономическим положением, культивируют чувство социального пессимизма и пассивности, нагнетая обстановку антикоммунизма, пугая датчан мнимой «советской угрозой». Между тем в стране все отчетливее проявляется социальное недовольство, выражающееся как в усилении забастовочной борьбы, так и в растущей активности различных общедемократических движений.

Именно поэтому в Отчетном докладе ЦК КПД указывалось на большое политическое значение деятельности общедемократических организаций. На выборах постах в этих организациях в настоящее время находится каждый четвертый коммунист, что свидетельствует о растущем авторитете партии²⁵. Профсоюзы и массовые общедемократические организации являются важным источником пополнения рядов КПД. В составе партии возросла доля представителей служащих и интеллигенции — тех новых отрядов, которые все активнее включаются в классовую борьбу. Основной социальной группой остается рабочий класс, составляющий в членской массе 38%²⁶. Красной нитью через все выступления делегатов съезда проходила тема борьбы коммунистов за массы, за единство действий с учетом специфических трудностей в деятельности такой численно небольшой партии, как КПД, в условиях разобщенности левых сил. Важная проблема, стоящая перед коммунистами Дании, состоит в преодолении широкими массами пессимизма, который им навязывают правящие круги. Именно в обстановке безысходности, политической инертности распространяются в массовом сознании идеологические стереотипы крайне правых. И не случайно, а вполне закономерно поэтому, что в рабочем движении страны доминируют различные реформистские теории, укоренились антикоммунистические предрассудки, которые используются как силами правого, так и «левого» оппортунизма. Все чаще «свой» выход из «тупикового положения» массовому сознанию предлагают крайне правые

---

²⁵ Карлсен А. В. Съезд датских коммунистов. — Рабочий класс и современный мир, 1980, № 5, с. 128.

²⁶ Там же.

реакционные группировки, демагогически подводя решение создавшихся проблем на платформу тоталитаризма, поворота политической системы страны на фашизоидные позиции.

В этих условиях, отметил съезд датских коммунистов, возрастают значение усиления идеологической работы в массах, необходимость давать отпор кампаниям буржуазной пропаганды, преграждать путь распространению праворадикалистской идеологии, особенно в среде молодежи. Значение этой повседневной идеологической и политической деятельности коммунистов в массах нельзя недооценивать, ее результаты не всегда поддаются количественному исчислению, не всегда эта деятельность сразу дает политические дивиденды. Между тем никакая другая политическая сила Дании, кроме КПД, не способна с классовых позиций указать трудящимся путь выхода из социального пессимизма, разъяснить сложные проблемы современности²⁷.

Как неперемное условие борьбы против реакции, за обеспечение нейтралитета и мира в настоящем и переход к социализму в будущем рассматривают австрийские коммунисты расширение демократических свобод народа, распространение прогрессивных взглядов, решительное противодействие национализму и неонацизму, антикоммунизму во всех его проявлениях. Как отмечалось в выступлениях делегатов общенациональной конференции земельных организаций КПА, проходившей в Вене в феврале 1979 г., требование от правительства запретить неонацистские организации, поставить неонацизм вне закона, диктуется не только уроками прошлого, но и пугающей своей исторической аналогией с деятельностью крайне правой реакции в стране сегодня, распространением и укреплением в массовом сознании населения всей мощью буржуазной пропагандистской машины антикоммунистической идеологии, идей реваншизма и милитаризма, шовинизма и расизма.

К решительной борьбе против активизации провокационных действий крайне правых, к единству и солидарности всех антифашистских сил страны призвала газета австрийских коммунистов «Фольксштимме» 12 марта 1980 г. (В этот день в 1938 г. Австрия была захвачена фашистской Германией). В стране, писала газета, еще существуют влиятельные силы, которые хотели бы вы-

²⁷ Там же.

черкнуть из памяти народа горькие уроки истории, стоившие жизни тысячам австрийцев. Они хотели бы забыть, что в мрачные годы фашистской диктатуры коммунисты были единственными, кто решительно выступал против порабощения Австрии, борясь за свободу и независимость страны. В этой борьбе погибли около 100 тыс. австрийских антифашистов, сражавшихся в партизанских отрядах, замученных в гестаповских застенках и концлагерях²⁸.

Коммунистическая партия Австрии активно отстаивает политику нейтралитета и мира в интересах всех трудящихся, выступает за признание реальностей, сложившихся в Европе после второй мировой войны, за ликвидацию военных блоков, за безопасность и сотрудничество на основе мирного сосуществования европейских государств независимо от их общественного строя. Именно исходя из решения этих важнейших задач, в документах XXIV съезда КПА (Вена, 6—8 декабря 1980 г.) большое место заняли вопросы борьбы против неонацизма, открыто выступающего против демократии и прогресса. Новой чертой этой борьбы стало образование антифашистского фронта единства действий социалистов, коммунистов, беспартийных и христианских демократов. Во всех землях созданы антифашистские комитеты гражданской инициативы. В политической платформе центрального антифашистского комитета проведена четкая связь между борьбой против неонацизма и борьбой за разрядку напряженности, разоружение, мир и укрепление взаимопонимания между народами. Все демократические силы, отмечают коммунисты, должны активно выступать против любых проявлений правого экстремизма. Вот почему КПА заявила о своей солидарности со студентами и преподавателями высших учебных заведений, требующих запретить неонацистской организации «Новые правые» участвовать в выборах в органы студенческого самоуправления. Важная задача антифашистов, отмечалось в документах КПА, состоит также в том, чтобы сорвать планы неонацистской Национал-демократической партии проникнуть в парламент страны. Все это требует совместного выступления всех демократов, всех слоев населения, профсоюзов и рабочего класса Австрии.

---

²⁸ Volksstimme, 1980, 12. März.

С трибуны международного симпозиума марксистов «Новые формы фашистской опасности, усиления реакции и пути борьбы с ними» (Эссен, 1973 г.) английские коммунисты указывали на опасность перерождения Великобритании в авторитарное корпоративное государство, о чем свидетельствуют инспирированное правыми силами наступление на права рабочего класса и его профсоюзов, попытки ограничения прерогатив парламента и стремление изменить систему законодательства в интересах реакции. Перед лицом этой опасности Коммунистическая партия Великобритании видит свою задачу в проведении политики, основанной на марксистском, пролетарском мировоззрении и направленной на освобождение рабочего класса от разлагающего влияния реакционной буржуазной идеологии, искоренение которой из сознания широких масс трудящихся необходимо во имя торжества идей научного социализма.

XXXVI национальный съезд Коммунистической партии Великобритании (ноябрь 1979 г.) подчеркнул необходимость создания широкого союза левых сил для эффективного отпора наступлению реакции, предотвращения безнаказанной деятельности ультраправых, неофашистских организаций и группировок в стране. «Всю мощь и все влияние массовых организаций рабочего класса следует направить на борьбу с фашизмом», — отмечал Генеральный секретарь КПВ Гордон Макленнан²⁹. Неофашистские формирования, выступая политическим резервом реакции, стали одним из факторов жизни страны, способствующим сдвигу ее вправо. Возрождение фашизма объясняется не наличием в стране национальных меньшинств (подобный тезис буржуазной пропаганды предстает главным «обоснованием» с ее стороны расовых бесчинств неофашистов), а поощрительным отношением правящих кругов к разжигаемой ультраправыми расовой ненависти.

Анализируя сложившуюся в конце 70-х гг. в стране политическую обстановку, Г. Макленнан отметил, что господствующий класс страшится единства рабочего класса и всех прогрессивных сил в борьбе за социальную справедливость и демократические преобразования. Дей-

---

²⁹ Макленнан Г. Уроки выборов и перспективы британского рабочего движения. — Проблемы мира и социализма, 1979, № 8, с. 18.

ствительность подтверждает, что претворение в жизнь политического курса нынешних правительств влечет за собой еще большее увеличение безработицы и резкое ухудшение социального положения трудящихся. Следовательно, неминуем рост внутривластной напряженности, экономических трудностей, социальных столкновений. Подобная обстановка чревата также опасностью распространения порочных неонацистских идей «национального фронта» и расизма. Эти опасения были в центре внимания работы XXXVII съезда КПВ (ноябрь 1981 г.), на котором отмечалось, что проблемы и трудности, переживаемые английским народом, коренятся в капиталистической системе, пороки которой — массовая безработица, милитаризм, падение жизненного уровня и урезание демократических прав народа — особенно отчетливо проявляются при консервативном правительстве³⁰. Политика именно этого правительства поставила Англию на путь неоколониалистской агрессии в мае 1982 г. на Фолклендских (Мальвинских) островах, вызвала в стране истеричную шовинистическую кампанию в обывательской среде населения, всколыхнула расистское неонацистское болото.

В тех странах Западной Европы, где ультраправые, фашистские, военно-террористические режимы были свергнуты недавно, силы реакции не оставляют попыток возвратиться, хотя бы частично, утерянные позиции. Их преступные акции находят поддержку влиятельных кругов монополистической буржуазии и открытое сочувствие верхушки государственного аппарата, созданного еще в эпоху фашистского режима.

История Португалии никогда не забудет тот большой вклад в ликвидацию фашизма в стране, который внесла Португальская коммунистическая партия. На протяжении сорока с лишним лет, несмотря на жестокие преследования, вела она самоотверженную борьбу против фашистской тирании и реакции. После апрельской революции 1974 г. ПКП вместе с другими демократическими силами активно включилась в борьбу за проведение в жизнь широких прогрессивных преобразований. Однако силы реакции, поддерживаемые и щедро финансируемые крупнейшими объединениями монополистического капитала и влиятельными аграриями, пытаются повернуть раз-

---

³⁰ Правда, 1981, 15 ноября.

вите страны вспять, повели решительное наступление на демократические завоевания трудящихся. На протяжении последних лет реакционным силам удавалось удерживать господствующие позиции в правительстве и государственном аппарате. Более того, в конце 1978-го — начале 1979 г. они перешли в общее наступление против демократического режима, открыто ставя конечной целью его ликвидацию. Программа правых предельно ясна: уничтожить революционные завоевания, которые являются необходимым условием существования демократического строя, добиться принятия антидемократического избирательного закона, осуществить антидемократический пересмотр конституции.

Это и есть, по определению Генерального секретаря Португальской компартии Алваро Куньяла, «замаскированный государственный переворот». Фашистская опасность в Португалии существует. В современной ситуации она исходит от той поддержки, которую «замаскированный государственный переворот» смог получить в некоторых военных кругах. Так называемый «демократический альянс за новое большинство» полон фашистов. Фашиствующий образ мышления его руководителей с каждым днем становится все более очевидным. Если их деятельность не пресечь, это будет путь к новой диктатуре³¹.

IX съезд ПКП (Баррейру, июнь 1979 г.) выдвинул перед португальским народом, всеми демократами и патриотами платформу демократической альтернативы. Гарантия гражданских прав и свобод, заявили коммунисты, предполагает реорганизацию государственного аппарата с целью обеспечения его верности демократическому режиму, отстранение фашистов от ключевых постов, применение закона, запрещающего фашистскую деятельность. Выступая на съезде, А. Куньял осудил попытки реакции незаконным путем пересмотреть республиканскую конституцию, выхолостить ее революционное содержание. Он также указал на сокращение социальной базы правых сил и расширение общественной поддержки политики защиты демократического режима. Упрочить союз рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии, изолировать крупный капитал и связанные с ним слои средней буржуазии и латифундистов, поме-

³¹ Dernière heure, 1980, 18 février.

шать смещению вправо промежуточных слоев населения, нейтрализовать или суметь привлечь их в ряды защитников демократического режима — таковы в настоящий момент задачи деятельности португальских коммунистов, блока всех прогрессивных сил страны, борющихся за демократию.

В рамках национальной программы мероприятий, посвященных 60-й годовщине со дня основания Португальской коммунистической партии, проходивших в марте 1981 г., коммунисты вновь заявили, что «демократия Португалии продолжает подвергаться опасности главным образом потому, что силы, находящиеся у власти, ставят своей целью реставрацию господства монополий и крупных землевладельцев, ликвидацию демократического режима, ревизию Основного закона страны, что является незаконным и противоречит нормам, зафиксированным в тексте существующей конституции...»³². На пленуме ЦК ПКП, состоявшемся 31 января — 1 февраля 1982 г., вновь было отмечено, что свободы и права граждан подвергаются новым угрозам со стороны правых сил, которые привели национальную экономику к развалу, к увеличению зависимости страны от международного империализма. Намеченная правительством блока правых партий «Демократического альянса» ликвидация важнейших положений, записанных в конституции, по сути дела будет равносильна государственному перевороту³³.

В попытке преодолеть нарастающие противоречия как в самой правящей коалиции, так и создать видимость каких-то преобразований, дабы успокоить общественность, в начале июня 1982 г. была проведена реорганизация кабинета правительства. Однако на смену одним представителям правых партий в правительство были назначены другие, отличавшиеся от первых своими резко антикоммунистическими, антидемократическими взглядами и позициями. Политическая обстановка в стране резко обострилась. Этот маневр реакции вновь подтвердил вывод Португальской компартии, что пребывание у власти блока правых партий ведет к ухудшению политического и социально-экономического положения страны, создает угрозу демократии и прогрессивным преоб-

---

³² Правда, 1981, 23 марта.

³³ Avantel 1982, 2 fevereiro.

разованиям, осуществленным после апрельской революции 1974 г., чревато возвратом к фашистскому прошлому. Португальская коммунистическая партия была и остается главной политической силой, препятствующей контрнаступлению реакции. ПКП — единственная крупная партия страны, последовательно и решительно выступающая в защиту исторических революционных завоеваний народа. А эти завоевания сегодня нуждаются в защите.

Таковы некоторые аспекты борьбы коммунистов капиталистических стран Европы против правой реакции, угрозы фашизма. Специфика нынешней обстановки в мире состоит в том, что коммунисты и все борцы за мир располагают повсюду несравненно более широкими возможностями мобилизации народных масс на решительное наступление против фашистской опасности, против военной угрозы, за сохранение и упрочение мира, чем это было в период между двумя мировыми войнами. Именно с учетом реальной обстановки в мире и была разработана советская Программа мира, которая указала реальный путь ликвидации «холодной войны», поставила четкие задачи в борьбе за переход от опасности военной конфронтации к мирному сотрудничеству. Актуальность и реалистичность этой Программы подтвердила жизнь. «...Самое главное, что волнует сегодня народы,— необходимость сохранить мир, предотвратить термоядерную катастрофу. Нет ничего важнее этого в международном плане для нашей партии, Советского государства, всех народов планеты»³⁴, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов.

Рост авторитета и влияния коммунистов в широких слоях трудящихся заставляет реакционные круги империализма пускать в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв и дискредитацию международного коммунистического и рабочего движения, в авангарде которого выступают Советский Союз и страны социалистического содружества. Ответственность коммунистов за судьбы народов требует от них сделать все, чтобы добиться прочного мира, поднять массы на отпор агрессивным действиям империализма. Такова первостепенная общая цель коммунистического движения. Оценивая

---

³⁴ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983, с. 31.

современную международную обстановку, характеризующуюся значительной напряженностью, вызванной непрекращающимися попытками агрессивных империалистических кругов, прежде всего США, сломать сложившееся стратегическое равновесие в мире, обеспечить военное превосходство для себя с тем, чтобы подчинить своей воле ход мировых событий, представители государств — участников Варшавского Договора выдвинули на своей пражской встрече в январе 1983 г. конкретную программу преодоления опасного этапа в современных международных отношениях. Во имя достижения взаимного доверия, устранения опасности реакционного поворота истории социалистическое содружество кладет «на чашу весов мира весь свой международный авторитет, политический и экономический потенциал стран социализма, миролюбие которых определяется самой природой их общественного строя»³⁵.

Марксистско-ленинским партиям принадлежит инициатива в постановке коренных вопросов, затрагивающих настоящее и будущее планеты людей. Коммунисты всегда действовали и действуют на главных направлениях крупнейших политических сражений — за мир и безопасность народов, за национальное и социальное освобождение, за демократию и социализм, против фашизма и империалистической реакции.

---

³⁵ Правда, 1983, 5 января.

Изучение прошлых форм фашизма подтвердило марксистско-ленинский вывод о том, что он, как форма крайней империалистической реакции, являет собой порождение острого кризиса капиталистической системы. Этот вывод сохраняет свою актуальность и в нынешней ситуации. Живучесть праворадикалистских сил отражает недуги, которыми поражен современный капитализм. Критический анализ условий проявления неофашизма, содержания его политической идеологии и методов пропаганды служит основанием для следующих обобщений.

1. На современном этапе общего кризиса капитализма наряду с революционизацией всех социальных процессов, ростом классового сознания и политической активности трудящихся сохраняются и условия — экономические, социально-политические, психологические, идеологические — для существования фашистской идеологии и фашистских организаций в различных капиталистических странах, а в некоторых из них происходит и фашизация государственной власти.

2. Резко усилившийся в 70-е — начале 80-х гг. процесс классовой дифференциации в капиталистическом мире свидетельствует, с одной стороны, о росте объективных условий для распространения идей научного социализма и в конечном счете для социалистических революций в странах западного мира, а, с другой стороны, одним из важных моментов этого процесса является резкое увеличение числа безработных, деклассированных элементов, люмпен-пролетариата, что фактически открывает дополнительные возможности для расширения социальной базы неофашизма за счет этой части населения.

3. Объективные условия существования фашистской идеологии сегодня дополняются субъективными устремлениями империалистической реакции использовать проверенную на практике мифологизированную фашистскую демагогию для воздействия на сознание, психологию и политико-морально-эстетические критерии человека с целью уменьшить, если нельзя остановить, процесс революционизации все больших слоев населения буржуазного общества.

4. Общие причины существования реакционных мифов в нашу эпоху получают модификацию в условиях определяющего воздействия на все развитие мира системы социализма, НТР, нового обострения кризиса капитализма и широкой революционизации социальных процессов. Связь между указанными явлениями и фашизмом, а также его идеологией, выступающей в форме мифов, сложная. С одной стороны, обострение противоречий капитализма, кризис и инфляция ведут к революционизации рабочего класса и росту рядов демократических слоев западного общества, а с другой, эти же явления через призму ухудшения жизненных условий трудящихся используются для расширения спекуляций фашистского толка, для демагогических нападков на либерализм, демократию и социализм, якобы повинных в развитии инфляционных и кризисных процессов. В результате узурпация прав личности и ликвидация буржуазно-демократических свобод в странах развитого капитализма объявляются высшей «свободой», естественным правом, господством крови и духа. Да и сам процесс усиления распада демократических институтов и упразднения остатков формальных буржуазных свобод человека, свидетельствующий о непреодолимости объективного общественного прогресса, используется путем различных идеологических фальсификаций для устранения последних юридических препятствий на пути фашизма к власти и психологически подготавливает население к возможности тоталитарного переворота. Все это создает социально-психологический климат для распространения неофашистской идеологии и способствует проведению политико-юридических акций крайне правых.

5. Основное содержание политической идеологии неофашизма составляют слегка модернизированные, применительно к новой социально-политической обстановке, идеи «канонического» фашизма: национализм, расизм,

реваншизм, антикоммунизм, антидемократизм, насилие и жестокость. Фундаментом этой идеологии, как и прежде, остается патологическая ненависть к марксизму. Важное место в системе неонацистской идеологии занимает проповедь «культы силы» и жестокости, в первую очередь адресованная молодежи, подрастающему поколению, имеющему свою психологическую специфику. В условиях экономического и морально-психологического кризиса такие качества этой возрастной категории, как эмоциональность, решительность, непосредственность, подверженность гипнозу, определяемые психобиологическими особенностями и социальным положением, дополняются эгоцентризмом, жестокостью, нетерпимостью, категоричностью и т. п. Именно эти качества молодежи активно эксплуатируют фашисты и неофашисты. Насилие они объявили основным средством достижения целей, в частности, таких, как:

— создание иерархически организованного правления, где вся полнота власти принадлежит «фюреру», который отождествляется с государством и находится вне всякой критики;

— жестокое подавление оппозиции и профсоюзного движения и их запрет;

— уничтожение элементарных демократических прав и свобод: печати, слова, мнений, собраний, права на забастовки и демонстрации и т. д.;

— культивирование оголтелого национализма и расизма;

— проведение агрессивной империалистической политики¹.

6. В числе главных задач неонацистской идеологии — вуалирование сущности фашизма путем фальсификации исторических фактов, возвеличивание фашистских главварей и оправдание преступлений нацистов ссылками на их «функциональные обязанности», невыполнение которых приравнялось к предательству, антипатриотизму. Основным средством овладения массовым сознанием вновь выступает социальная демагогия.

7. Приспосабливаясь к новой исторической обстановке, современные фашисты отрицают свое родство с гитлеризмом и муссолинизмом, отрекаются от дискреди-

---

¹ См.: Krüger X., Levinsen N. Faschismens internationale net i dag. Oslo, 1977, S. 10.

тировавших себя «идей» фашизма, прокламируют наследование предфашистских теорий, стремятся формально к изменению структуры своей идеологии и смещению акцентов в ее содержании в сторону культурологии. Вынужденное приспособление в сочетании с усиливающимися реакционностью империализма и попытками «обеления, гуманизации фашизма» как в системе массовой коммуникации, так и в теоретической сфере ведет к соединению всех реакционных сил монополистического капитала на основе правоэкстремистского антикоммунизма, что представляет сегодня опасность для всего демократического и коммунистического движения. Подобная смычка консервативных, правоэкстремистских и неофашистских сил не случайна. При определенных различиях эти направления имеют классовую, политическую, функциональную, гносеологическую и культурологическую общность. Поэтому критика идеологии неофашизма составляет одну из важнейших задач борьбы с империалистической реакцией.

8. В 70-е гг. в индустриально развитых капиталистических странах буржуазии удалось довольно эффективно использовать традиционный механизм власти — парламент для приглушения социально-экономических и политических конфликтов. Ввиду этого праворадикалистским силам отводилось подчиненное место оппозиции. Наличие таковой давало верхам возможность, с одной стороны, выступать в качестве «умеренной», центристской силы, ограждающей общество от нажима справа, а с другой, оправдывать выдвижение лозунга «равной опасности» и справа и слева.

Главное, однако, состояло в том, что неофашизм в любых его формах всегда рассматривался империалистами в качестве запасного варианта наступления на демократию. В случае нарушения функционирования традиционного механизма власти всегда имеется возможность пустить в ход неконституционные средства, предав забвению буржуазно-демократические устои капиталистического общества. При этом необходимо выделить одно важное обстоятельство: в сравнительно устойчивой политической обстановке позиции тех, кто делает ставку на неофашистов, как правило, слабы; и, напротив, в кризисной атмосфере аргументы в их пользу находят поддержку в правящих кругах.

События конца 70-х — начала 80-х гг. показали, что распространенной тактикой крайне правых, неофашизма является создание обстановки напряженности, тревоги и страха путем организации террористических актов, экономического хаоса, политической нестабильности и т. п. Используя подобную тактику, неофашисты с помощью ультраправой военизированной организации под предлогом «восстановления порядка» пытаются захватить власть и открыть дорогу для законодательного признания фашистской идеологии и политики.

9. Краеугольный камень неофашистского движения составляет фашистская идеология. Всем, кто борется с угрозой возрождения коричневой опасности, важно не допустить, чтобы современные фашисты втянули в свое движение политически незрелую массу, играя на предрассудках людей, используя недовольство политикой буржуазных правительств, засилием монополий, неэффективностью всего механизма парламентской власти, что в конечном итоге ведет к ухудшению экономического положения трудящихся. Поэтому разоблачение нефашистской идеологии, истинного лица нефашизма — одна из важнейших задач международного коммунистического движения.

«Конечно, многим хотелось бы одним махом ликвидировать не только нефашизм, но и то несовершенное гражданское общество и тот строй, которые его пригревают, питают и поддерживают... — пишет Э. Сантарелли. — Однако опыт, включая и тот, который накоплен в течение последнего тридцатилетия, показывает, что прошлое не устраняется одним махом»². Перед прогрессивными силами в странах капитала стоит актуальная задача — бороться за распространение демократических взглядов среди широких народных масс, и прежде всего среди молодежи, решительно противодействовать всем формам проявления национализма, нефашизма, антикоммунизма и антисоветизма.

10. В авангарде этой борьбы идут коммунисты. Ее основные направления определены в документах и материалах международного коммунистического и рабочего движения. Рассматривая эти направления, можно выделить три основных момента. Во-первых, борьба против нефашизма вливается в русло общей антиимпериали-

---

² Santarelli E. Fascismo e neofascismo, p. 278.

стической борьбы. Чем прочнее единство антиимпериалистического фронта, тем эффективнее отражается фашистская угроза. Во-вторых, наступление на фашизм составляет одну из задач деятельности трех революционных потоков — мировой системы социализма, международного рабочего и национально-освободительного движений. В-третьих, разоблачение идеологии современного фашизма и борьбу с ней необходимо вести всеми средствами. При этом коммунисты подчеркивают, что удары по фашизму нужно наносить не только путем лобовых атак, но и всемерно содействовать росту массовой антифашистской оппозиции, широко применяя такую форму классовой борьбы, как мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

Не переоценивая размеров фашистской опасности и отдавая себе отчет в том, что борьба с неофашизмом во многих капиталистических странах, в том числе и западноевропейских, не стоит как первостепенная задача, демократические и революционные силы не вправе забывать уроки недавнего прошлого. Фашизм нередко накапливает силы медленно, незаметно, исподволь (есть даже такой термин «ползучий фашизм»), но в какой-то момент происходит его внезапная активизация — подобно той, которая произошла на рубеже 30-х гг., когда в центре Европы был установлен кровавый фашистский режим — к власти в Германии пришла национал-социалистическая партия Адольфа Гитлера. Советским людям, заплатившим за победу над гитлеризмом самую дорогую цену в истории войн, непонятно, как в наше время нормальный человек, который хотя бы раз даже на фотографии или на киноэкране видел горы трупов женщин и детей, живые скелеты за колючей проволокой нацистских лагерей смерти, груды человеческих волос, предназначенных для промышленной переработки, — как такой человек может напялить на себя эсэсовский мундир и самозабвенно кричать «зиг хайль». Невероятно, но факт.

И хотя сегодня силы западноевропейских неофашистов не столь значительны, чтобы можно было осуществить непосредственный захват власти, нельзя не учитывать, что современный фашизм как определенная политическая реальность существует и действует. Как уже говорилось в монографии, всплеск неонацизма всех мастей, активизация его террористической деятельности приходится на конец 70-х — начало 80-х годов, т. е. совпа-

дают с экономическим спадом, охватившим капиталистическое хозяйство, и стремительным ростом безработицы. Тут есть непосредственная связь. Кризис обостряет социальную напряженность. И с ростом накала классовых битв монополии прибегают к помощи экстремистских групп, которые находятся до поры в резерве.

Волна фашизма, вознесшая Гитлера на пост канцлера Германии, тоже формировалась под воздействием мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. Нарастала классовая борьба. Все очевиднее становилась неспособность буржуазии справиться с серьезными социально-экономическими проблемами. «Надо,— заявил в беседе с американским послом еще в 1923 г. крупнейший промышленник тогдашней Германии Гуго Стиннес,— найти диктатора, располагающего необходимой властью и... умеющего говорить на понятном народу языке — и такой человек уже есть. В Баварии...»³ Германскому фашизму не пришлось захватывать власть. Ее вручили ему реакционные силы страны — крупные монополии, вошедшие в сговор с верхушкой военщины. Ведь Гитлер обещал им разгромить организованное рабочее движение и его авангард — КПГ, вытравить из сознания рабочих идеи марксизма-ленинизма, разогнать парламент, обеспечить германскому рейху абсолютное господство в Европе. Обещал он также исправить результаты первой мировой войны, уничтожить завоевания Октябрьской революции в Советском Союзе. Причем еще задолго до прихода к власти нацизм стал опираться и на поддержку международных империалистических сил. «Только диктатура может поставить Германию на ноги...», — заявил в 1922 г. Гитлер (тогда еще малоизвестная незначительная фигура) посетившему его помощнику военного атташе США в Германии капитану Трумэну Смигу.— Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на германской земле, а не на земле американской или английской...»⁴ Этот аргумент был хорошо принят монополистами западных стран, антикоммунизм которых побудил их потворствовать гитлеризму и помогать ему готовить агрессию.

И сегодня в капиталистическом мире всевластны те же социальные силы — монополии. Они стали еще более

---

³ Rausching H. Die Zeit des Deliriums. Zürich, 1947, S. 136.

⁴ Ibidem, S. 138.

могущественными, транснациональными и по-прежнему, если не больше, одержимы антикоммунизмом. Нередко в рассуждениях современных буржуазных историков можно встретить сожаление по поводу того, что Гитлеру не удалось создать общий антикоммунистический военный фронт. В создании такого фронта нынешние стратеги империализма, в первую очередь заседающие в креслах Капитолия и Пентагона, видят панацею от мирного наступления социализма, рецепт устранения или подрыва социалистического содружества. А пока в ход пускается «пожарная команда» антикоммунизма — неофашистские банды. Действующие в разных западных странах, они не раз устраивали кровавые расправы над активистами левых партий и профсоюзов, налеты на помещения прогрессивных организаций, нападали на участников антивоенных демонстраций. Иначе говоря, неофашизм находится в резерве антидемократической, антикоммунистической стратегии империализма, выполняя террористическими методами его социальные заказы. Так в недрах западного «свободного» общества пестуются, зреют и множатся элементы тоталитаризма, то есть формы правления монополий, характеризующиеся их полным контролем над всеми сферами жизни.

Для примера опять обратимся к ФРГ. Как только на верхних эшелонах власти закрепились правые политические партии в лице коалиции ХДС/ХСС и СвДП, то сразу же произошли заметная смена внешнеполитического курса и фактический отказ от преемственности тенденций разрядки, которые были намечены во времена правления в стране СДПГ/СвДП. В основе происшедших изменений лежат консервативные концепции, исходя из которых правая коалиция заново редактирует и трактует отношения между Востоком и Западом. Она вновь получила возможность с государственной трибуны ратовать за враждебное отношение к Советскому Союзу. Отсюда и внешнеполитическая задача видится ей в борьбе с «экспансионистским советским империализмом, стремящимся к мировой революции»⁵. «Политика разрядки» и «партнерство в области безопасности» оклеветаны уже до такой степени, что в лексиконе консерваторов стали чуть ли не бранными словами. Ни одно выступление политических деятелей ХДС/ХСС по вопросам внешней полити-

---

⁵ Правда, 1983, 7 июля.

ки не обходится без того, чтобы Советский Союз не был охарактеризован как «угроза» и «источник всех международных проблем». Вторая область, в которой отчетливо проявляются изменения внутри- и внешнеполитического курса ФРГ наших дней, включает возрождение консерваторами вопроса о Германии, причем делается ставка не на продолжение примирения со странами Восточной Европы, а на вопрос о границах германского рейха, который становится исходным моментом этой политики. Третий комплекс проблем, который был выделен в статье, помещенной в начале июля 1983 г. в пресс-бюллетене СДПГ «Парламентариишполитишер прессединст», вытекает из отношения к «двойному» решению НАТО и к «довооружению». Здесь совершенно четко выступает стремление к политике силы. В этой обстановке буржуазная демократия старается не замечать роста активности крайне правых. Более того, подобная политика не в последнюю очередь вызвана попытками органов буржуазной пропаганды обелить, приукрасить и тем самым реабилитировать гитлеровский фашизм, придать ему человеческое лицо. Вновь возрождаются созданные геббельсовской пропагандой мифы об «исключительности» и «подвижничестве» лидеров нацизма, об их «удивительных социальных победах».

К ним, например, относится следующий: Гитлер, дескать, «навел порядок». Здравомыслящего человека такой, с позволения сказать, аргумент заставляет содрогнуться. Что подразумевается под «порядком»? Невиданная ранее система слежки и немедленной расправы над всеми, кто проявлял хотя бы минимум сомнения или недовольства? Антифашисты, политические противники, прежде всего коммунисты, преследовались и уничтожались. Сколько светлых умов, талантливейших деятелей науки и культуры, чьи имена вошли в интеллектуальную сокровищницу человечества, покинули Германию, спасаясь от фашизма: А. Эйнштейн, С. Цвейг, Генрих и Томас Манн, Л. Фейхтвангер, Э. Ласкер, Марлен Дитрих... Из страны поэтов и мыслителей Гитлер и его банда превратили Германию в страну палачей. Этот же дух царил и на предприятиях. Рабочий класс и его организации были лишены социальных прав, зарплата заморожена на самом низком уровне (если она и росла, то только за счет интенсификации труда), трудящиеся были беззащит-

ны перед произволом концернов. Для того-то, собственно, монополии и вручили Гитлеру власть⁶.

Нередко можно услышать на Западе утверждение, будто Гитлер «ликвидировал безработицу». Это буквальное повторение тезиса нацистской пропаганды, которая любое малейшее улучшение подавала как свое несомненное достижение. При этом совершенно забывают о том, что мировой экономический кризис был уже на исходе. И — самое главное, — как признает сейчас и большинство буржуазных историков, ликвидация безработицы в Германии к концу 30-х годов была отнюдь не достижением фашистского правления, а результатом милитаризации всей жизни страны. Таким образом, дав работу шести миллионам людей, Гитлер отнял жизнь у десятков миллионов, в том числе у многих из тех, кто получил работу. На острейшей и, пожалуй, самой злободневной проблеме в мире капитала — безработице — и сегодня играют новоявленные фашисты. Лишенные средств существования, загнанные в угол, тысячи людей теряют веру в завтрашний день, лишаются всякой надежды. Тут-то и появляются «коричневые» вербовщики с уверениями, будто порядок может навести «железной рукой» только «сильная личность».

В книге приводились примеры того, как в своей пропаганде идеологи неофашизма, опираясь на опыт фашистских движений в прошлом, демагогически эксплуатируют проблемы сегодняшнего дня, апеллируют к самым болезненным нуждам масс, используют национальные чувства и предрассудки. Именно эта способность фашистов создавать с помощью демагогии и манипуляции популярными идеями массовую опору делает их особенно ценными для монополистического капитала, которому они служат, не афишируя родственной связи с ним. Антикапиталистическая фразеология была присуща и фашистам 20—30-х гг. Они тоже, как известно, широко прибегали к демагогии. Взять хотя бы фирменную вывеску НСДАП. Эта партия не только выступила с претензией на право быть рабочей партией, она нагло назвала себя «социалистской», не имея с социализмом ничего общего. В программу партии была включена формула о «ломке налоговой кабалы банковских и биржевых князей». Пустую болтовню раскусили сознательные рабочие, но она дейст-

---

⁶ См.: Ариевич А. Фашизм вчера и сегодня.— Аргументы и факты, 1983, № 4, с. 27.

вовала на мелкобуржуазную массу и одурманивала ее.

По существу, на эту же прослойку общества рассчитано и чудовищное утверждение о том, что главной «ошибкой» Гитлера была жестокость в оккупированных странах. Если бы не она, цинично рассуждают поклонники нацистского «спокойствия и благополучия», то оккупанты не встретили бы такого сопротивления и отпора. Оскорбляя память тех, кто отдал свои жизни в борьбе против фашистской чумы, подобные «мыслители» пытаются поставить историю с ног на голову. И, разумеется, не без умысла. Как будто в основе фашизма не лежит проповедь расовой ненависти под предлогом «арийского превосходства» над всеми «недочеловеками». Как будто фашизм может быть и либеральным, как будто жестокость не есть его природа, его суть. Фашизму неотъемлемо присущи насилие, террор. И современные нацисты, естественно, положили террор в основу своей деятельности. Для того и усиленно вооружаются воензированные «команды по уничтожению иностранцев» в западногерманской земле Бавария, «группы действий» в ФРГ. Но первенство по терроризму в 80-е годы, как это и показано в книге, удерживают итальянские неофашисты, которые всеми силами стремятся дестабилизировать обстановку в стране и повернуть ось ее политической жизни вправо.

Камуфлируя террористическую, тоталитаристскую сущность фашизма, буржуазные пропагандисты хотели бы снять с него обвинение в зверствах, затушевать преемственность нацистских идей, выдать неонацизм за признак демократичности современного капитализма и тем самым легализовать неофашистскую идеологию и политику, выражающие в концентрированном виде интересы крупнейшего капитала. Именно поэтому лидеры правящей сегодня в ФРГ коалиции пытаются отрицать факты активизации реваншистских элементов в Западной Германии и изобразить деятельность существующих сегодня в этой стране реваншистских «землячеств» как «проявление патриотизма»⁷. Удивляться этому не приходится, ибо глобальное направление внешней политики ФРГ, наиболее безоглядно следующей за агрессивным курсом США,— это превращение Европы в ядерный погреб. Здравый смысл и осознанная память как важнейшие признаки человеческого рода изменяют западногерманским

⁷ Правда, 1983, 7 июля.

политикам. Как отмечал Ю. В. Андропов в беседе с Г. Кодем, «территорию ФРГ намечено превратить в стартовую площадку для американских ядерных ракет первого удара, нацеленных на Советский Союз и его союзников. По существу, это означало бы возрождение угрозы развязывания с немецкой земли войны против СССР»⁸. Трудно понять, продолжал Ю. В. Андропов, что надеется выиграть ФРГ от размещения у себя американских ракет, от наших ответных мер, от перенасыщения центра Европы всеми видами оружия массового уничтожения. Рассчитывать, что от такой угрозы СССР пойдет на уступки Западу — «глубокое и ошибочное заблуждение».

Советский Союз проводит политику подлинного мира, он сумеет себя защитить от любой угрозы. И в этом плане наша политика созвучна с гуманизмом буржуазного типа. Миллионы людей различных вероисповеданий, политических взглядов и философских направлений приходят к выводу, что «война, особенно ядерная война, аморальна с точки зрения любой идеологии, кроме, конечно, фашистской»⁹.

Народы извлекли из событий последних десятилетий серьезные политические уроки. Один из них заключается в том, что против неофашистских и других ультраправых сил необходима постоянная, решительная, бескомпромиссная борьба единого фронта прогрессивных, демократических сил, коммунистов, всех тех, кто стоит за мир, социальный прогресс и демократию. «Идеологическая борьба на международной арене не знает передышек», — подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. Наш идеологический противник стремится использовать в своих подрывных целях особенности психологии человека и, прежде всего, молодежи. Именно тех, 20—30-летних, кто по собственному, личному опыту не знает суровых испытаний классовой борьбы и войн, «когда предельно обнажились подлинное лицо империализма, его ненависть к народам нашей страны, к социалистическому строю. Вот почему надо неустанно заботиться об идейно-нравственной, классовой, трудовой закалке молодежи»¹⁰. Это — задача коммунистов всех стран, в этом — залог победы коммунистической идеологии в массовом сознании.

---

⁸ «Правда», 1983, 6 июля.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, 15 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГЛОМЕРАТ НЕОФАШИЗМА	17
Некоторые черты идеологии крайне правых	—
Неофашистская идеология и массовое сознание	31
Неофашизм и молодежь	57
Глава II. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОФАШИЗМА	78
История, социально-экономическая база, политические программы и лозунги Итальянского социального движения	—
Анатомия неофашистского заговора. Кто им платит?	105
Теоретическая платформа итальянского неофашизма	120
Неофашизм и буржуазный конституционализм	145
Глава III. НЕОНАЦИЗМ ФРГ	156
Причины возрождения праворадикалистского движения и послевоенная эволюция неонацизма	—
Социальный облик неонацизма и его союзников	177
Идеологический инструментарий западногерманского неонацизма	207
Глава IV. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРАВОРАДИКАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ДРУГИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	249
Глава V. НЕОФАШИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ». ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ «ЧЕРНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА»	296
Глава VI. КОММУНИСТЫ В БОРЬБЕ С ПРАВОЙ ОПАСНОСТЬЮ	318
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	339

**Филатов Михаил Никанорович,
Рябов Александр Иванович**

ФАШИЗМ 80-х

Редактор *Э. А. Бычкова*
Ответ. за выпуск *Т. Ф. Силукова*
Художник *А. А. Егизбеков*
Художественный редактор *Д. А. Безруков*
Технический редактор *Ф. Г. Илизова*
Корректор *Э. М. Тлеукулова*

ИБ № 2339

Сдано в набор 03.05.83. Подписано в печать 18.08.83.
УГ № 20197. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,74. Тираж 14 000 экз. Заказ
№ 470. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан»
Государственного комитета Казахской ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124,
г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения по-
лиграфических предприятий «КИТАП» Государствен-
ного комитета Казахской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата,
пр. Гагарина, 93.

ФАШИЗМ 30-Х

**М. Н. Филатов
А. И. Рябов**